Лев Подольский

ЯША ЦИПЕРОВИЧ

Лев Подольский

Яша Циперович

Повесть, эссе и рассказы

Из цикла «Странное шоссе»

Персей-Сервис
Москва • 2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6—4
П 44

П 44 **Подольский Л. В.** Яша Циперович — М.: «Персей-Сервис», 2017 — 424 с., ил.

«Яша Циперович» — пятая книга Льва Подольского из цикла «Странное шоссе». В издание вошли повесть «Яша Циперович», «Исповедь», «Маленькие рассказы», «Зарисовки и Мерцалки», а также «Былины» Дмитрия Подольского и «Застольные тосты, посвящения друзьям, добрые пожелания, размышления о жизни в стихах» Владимира Передереева.

В цикл «Странное шоссе» также входят книги «Моё древо», «Государева служба», «Странное шоссе» и «Скуратовская быль».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6—4

© Текст — Л. В. Подольский, 2017.
© Дизайн — «Персей-Сервис», 2017.

ISBN 978-5-905302-46-6

Закончил четвёртую книгу «Скуратовская быль» и собрался было улечься на комфортное облако самосотворённой славы, блаженно грезить, купаться в своём зыбком призрачном величии или убедиться в своей малости и терзаться в своём ничтожестве, как Гришка с секущим топором и угодливый монах Ефросий, не постучавшись, пришли и в грубой манере принялись мной командовать. Требовать, чтобы я дал им жизнь. Как говорится, явились не запылились.

Это по какому праву? Я был возмущён.

— А я и не хочу, чтобы ты жил, Гришка, — отвечал я на его хрипы. — Не больно-то ты нужен. Не получится это у вас, ребята, не на того напали!

— А, вот ты какой, — зашёлся Гришка. — Раскололся! Всё Яша, Яша, сдался тебе этот Яша. Что на нём, свет клином сошёлся? Чем я хуже Яшки?

Я выставил их за дверь.

Когда же этот удивительный человек Яша Циперович тихо-деликатно попросил своего места — «Лев Васильевич, пишите про меня», — я решительно не смог ему отказать.

Яша Циперович

Повесть-размышление

К читателю

Благодарю судьбу, что ощутил себя, то есть, осознал жизнь, уже после того, как человек слез с дерева. Я благодарю человека за то, что он, человек, приобрёл это великое свойство — не знаю, какими уж путями, — способность размышлять. Хотелось только лишь узнать, любопытно мне, когда с ним произошло это грандиозное событие, еще там, высоко на дереве, или внизу, на земле. Внизу, а по сути невообразимо высоко.

В моих размышлениях нет четких ответов на вопросы, они, размышления, как бы слегка размыты и не имеют ясно различимых границ, они безграничны. Однако, сами размышления как таковые — кстати, мне очень нравится этот чисто канцелярский оборот, выражение «как таковые» — сами размышления дают пусть не очевидное, но огромное понимание того, что есть человек.

Долгое время я пребывал в убеждении, что она, эта моя пятая книга «Яша Циперович», никогда не станет законченной. Не знал, когда это произойдёт; не был уверен, не видел четкой перспективы её не то что издания, но хотя бы появления чернового варианта, ибо очень уж тяжко и сложно она мне давалась. Не в том смысле, что я изнемогал в работе до потери здоровья, нет. Просто не мог обстоятельно приступить к ней, настроиться, так сказать. Чтобы сесть за стол с намерением начать творение, мне приходилось себя заставлять. Ругался за леность, всякий раз давал себе слово непременно, не далее, как сегодня приступить, и… нарушал, можно сказать, постыдно отлынивал от дела. И вовсе не оттого, что тема мне не по душе, напротив, она для меня безумно интересна. Более того, ничем иным я занимать-

ся не мог и не хотел. Понял я, однако, что дело не в моих лишь трудностях. Книга эта не может быть законченной по определению, *ибо тема, составившая её основу, неисчерпаема,* как нескончаем путь человека к Нему и к приятию требований Вселенской нравственности.

Это книга-размышление о том, что способен совершить человек, если он одухотворён, имеет цель и замечен Им. В первом веке таким человеком был Саул. Сдаётся мне, однако, хотя с тех пор прошло более двадцати веков, люди еще не полностью осознают грандиозность совершенного этим человеком. Этот гигант духа ни много ни мало заложил основу Западной христианской цивилизации, где Иисус — центр и суть всего сущего, и Он вершит Своё.

Саул человек, и он совершил то, что должно и возможно совершить человеком. Его грандиозный подвиг донесения вести о спасении до людей широко известен, и я ничего не смог бы добавить, если бы и захотел это сделать. А вот о том, как Саул встал на эту свою великую тернистую тропу, какой произошел в нём, в человеке, духовный переворот от реальности неприятия к реальности познания истины, я посильно рассказываю в книге.

И еще об одном человеке удивительной судьбы, Яше Циперовиче, без которого книга не состоялась бы вообще как таковая. Первом человеке на Земле, сумевшем подняться над понятиями ущербного человека одного из народов Земли и потерявшем способность врать. Человеке будущего, когда люди подойдут к одному из важнейших нравственных рубежей — им станет неинтересно врать, и они все как один, хотя и не вдруг, станут терять эту весьма необходимую сегодня способность. Такие люди, как Яша, чрезвычайно редки среди людей в любые времена. Им из-за их уникальности сложно жить в нашем мире. Не знаю, возможно, я допускаю перебор в оценке его достоинств — возможно, но тем не менее. Важно, что они у него есть, а если нет, то хорошо, чтобы были.

Книга эта находится как бы на отшибе по отношению к моим первым четырём, составившим цикл «Странное шоссе». И всё же я, по размышлении, склоняюсь к тому, чтобы отнести её к тому же циклу, в ней столько такого, в чем без Странного шоссе не разобраться. Шоссе ведь не только географический участок дороги возле села Малое Скуратово, но и понимание духовной жизни человека, возникающее во время прогулок по этой таинственной тропе жизни.

Возможно сказать, что автор этим своим циклом способствовал появлению, дал жизнь необычному жанру в литературе — «книга-размышление».

Книга несомненно философской сути, но я постарался избежать в ней сухости обычных философских трудов. Читаешь такие труды — ну, во-первых, тяжело, а кроме того, в них такая разительная, несокрушимая убеждённость в том, что всё там содержащееся абсолютная истина, что хоть падай на колени и стучись головой об пол. Стойкое недопущение малейшей критики. Всякий, кто не согласен — злейший враг или просто глупый человек, который не в состоянии в силу своей ограниченности постигнуть и воспринять глубокие мысли автора.

Мне кажется, это нехорошо. Ведь по сути речь идёт всего лишь о взглядах человека-автора и не более того. Я же в своей книге размышляю и делюсь своими мыслями с читателем. Мне такой подход больше по душе, во всяком случае, кажется честнее.

Внутри человека вселенная, состоящая из миров. Вселенная как информационная система с точечными застройками жизни. Шагай из одного мира в другой. Никто тебя не держит, если только не сам себя.

Сотворив Адама и Еву, Он запустил великий проект «человек».

Пошел мучительный процесс движения от животного к человеку. Хаос народов и их отношений. Выбраковывание негодного — потоп, Содом и Гоморра, иные наказания.

Избрание народа, пригодного для проекта.

Религиозную веру возможно рассматривать с двух позиций.

Человек верит потому, что есть Он и было Его воскресение. Эта вера может быть глубокой, но она несколько зависит от разного рода доказательств в сфере естествознания.

Человек верит потому, что иначе он не может представить себе суть Вселенной и жизни, то есть, Вселенной и жизни без смысла.

Сплав первой со второй — есть самая глубокая фундаментальная вера-религия человека.

В книге три главных действующих лица — Яша, Саул и автор со Странником. Автор и Странник, по понятным причинам, — одно лицо.

Автор вживается в тему, как агент, засланный в известную, но сильно забытую страну с заданием ничего не предпринимать, только вживаться, собирать информацию и ждать указаний. Стать аборигеном.

Яша пропускает через своё сердце трагические нелепости людей.

Попав в первый век, он вроде рассуждает, как местный житель, абориген, но мозги-то у него жителя двадцатого века, и тут он мог судить, рядить и оценивать события эмоционально и разносторонне, как житель этого своего родного времени. Он идёт с Саулом в Дамаск и пропитывается его устремлением к спасению человека как вида.

Главная угроза, стоящая перед человеком, угроза исчезновения его как вида жизни на Земле, — это его нежелание встать на нравственный путь. По этой причине Он может закрыть Свой великий проект «человек». Ибо терпение Его и благое Его ожидание не безгранично. С великой скорбью и сожалением Он вынужден будет принять такое решение. Содом и Гоморра.

У человека еще есть время и возможность избежать такой участи. Но эта возможность единственная и она не имеет альтернативы — встать на нравственный путь. Иного нет. Да и времени на обдумывание и принятие этого спасительного решения остаётся в обрез. Есть дела поважнее, чем всякие склоки политического, религиозного толка и прочего. Спасаться надо от собственного безобразия. Ведь чохом нам кранты. Вот к чему подходит дело-то.

Люди, читайте Библию, эту Великую книгу.

Я взобрался на свой любимый холм по ослепительно белому свежевыпавшему снегу. Встал, оглянулся — какая красота! И никого! Я один владею этой красотой. Ребята, где же вы все? Просыпайтесь. Это же ненадолго. Солнышко пригреет, и нет красоты, проспали. Останутся ручейки да грязь. Станет иная красота, но этой не станет.

Однако, человек видит красоту природы, если он расположен видеть её, и он решительно не видит её, если, увы, в душе его нет такого состояния. К тому же, её часто заслоняют, и притом очень надёжно, зло, ложь и горе.

Самое удивительное во Вселенной с её галактиками, тёмной материей, чёрными дырами и прочим, это, несомненно, жизнь, этот бесценный потрясающий воображение по красоте подарок Всевышнего человеку. Жизнь с её разумом, размышлениями, воображением, творчеством, искусством.

Красота жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Яша Циперович

То ли я в какой-то газете прочитал, то ли где услышал, что существует на Земле и ныне здравствует такой удивительный человек, Яков Циперович. Он, этот человек, совершенно не спит по ночам и днём тоже. Не спит и баста; не в том смысле, что ему временно не спится и он как бы страдает бессонницей, а днём подремлет. Нет, он не спит реально, без любых нюансов и спекуляций по этой части. И что самое интересное, он не страдает от того, что не спит.

Не спит вовсе и притом в течение многих лет!

Поскольку большая часть газетной информации густо пропитана ложью, да и слухи также не отличаются добродетелью в части правдивости, я не придал этому, в общем-то, удивительному явлению особого значения. Просто выбросил его из головы.

Однако, через некоторое время я встретил человека, которому по жизни сильно доверяю. Для такого доверия у меня есть все основания. Вдаваться же в подробности и доказательства не стану, дабы не отвлекать уважаемого читателя от сути моего настоящего повествования. Просто прошу поверить мне в этом на слово.

Так вот, этот достойный доверия мой добрый знакомый в приватном разговоре за коньяком упомянул о человеке, который не спит годами. Я тут же вспомнил свою версию явления и, будучи по натуре чрезвычайно любознательным, решительно приступил, прямо-таки прилип к нему.

Мой добрый знакомый был настолько любезен (в этом есть несомненное влияние и коньяка: мы пили хороший «Армянский», который я предусмотрительно выставил как допинг), что посильно напряг лобную кость, пошевелил извилинами в сером веществе и вспомнил некоторые подробности об этом деле. Более того, он дал мне адреса, по которым мне следовало пройтись, дабы удовлетворить своё любопытство.

Я не мог и предположить, до какой степени это занятие захватит меня. Я посетил места, связанные с жизнью Якова Циперовича, а этих

мест оказалось на удивление много, и всякий раз убеждался в неординарности этой личности. Найти его самого оказалось вовсе не просто, но мне удалось встретиться и поговорить с людьми, знающими Циперовича не понаслышке, а в натуре. Беседы с ними доставили мне не только сведения, которых я алкал, но и истинное удовольствие. Почти все они отозвались о Яше с теплотой.

Лишь один из моих собеседников, троюродный брат Яши, не стану называть фамилию, чтобы не позорить этого человека в глазах Яшиных родственников, услышав о предмете моего интереса, презрительно искривил губы, никак, однако, не объяснив этого своего очевидно негативного отношения.

В конце концов, справедливости ради надо смириться с тем, что всякий человек имеет право на своё мнение, пусть даже не совпадающее с общепринятым. У евреев это в особенности, ибо известно, что у двух евреев нередко три мнения.

Я побывал в Бобруйске, Могилёве, Варшаве, Кёльне и даже в израильском Реховоте. Не добрался до Соединённых Штатов Америки по финансовым соображениям, а также из своей лютой ненависти к передвижению воздушным транспортом.

Возвратившись из указанных поездок, я уединился в деревне и повёл творческую жизнь. Регулярно выходил на Странное шоссе, дабы освежить мышление и посильно приблизиться к познанию истины. После чего по добытой в поездках информации стал излагать своё правдивое видение Яши Циперовича.

Однако, к делу.

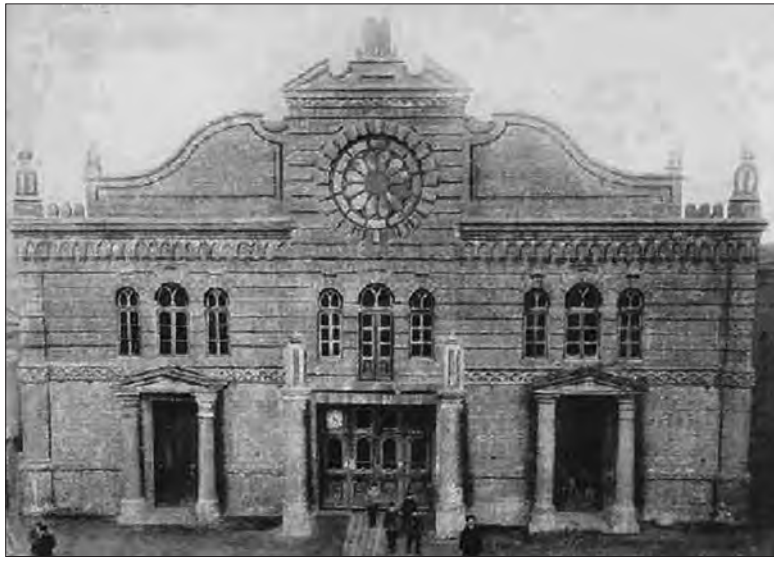
Яков Циперович, человек, сын великого, рассеянного по Земле избранного народа, в настоящее время проживает в Германии. Ранее он жил в Белоруссии, а именно, в городе Бобруйске, это место его рождения.

Он не спит уже двадцать восемь лет. Больше того, он не стареет. Он умеет накапливать энергию. Он ловит её из Космоса. Так он утверждает.

Жена его, Циппи Циперович, иногда говорит ему:

— Яша, я уже не такая молодая, чтобы угнаться за тобой. Я уже не могу так е-тись, как хочется тебе. Ты, Яша, всё такой же молодой. Дай тебе Бог здоровья.

«Я ему верю, что он ловит энергию из Космоса, — говорит Циппи. — Почему бы и нет. Раз это сказал Яша, значит, так оно и есть. Он ложится на ковровую дорожку спиной вверх, и он направляет



Синагога города Бобруйска

спину прямо в Космос. Я верная Яше жена, я настоящая женщина избранного народа, и я свято чту брачные узы.»

Автор, будучи православным христианином, считает уместным привести здесь мудрое высказывание Иоанна Златоуста, непосредственно относящееся к теме.

«Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. Их взаимное подчинение есть тяжелая обязанность, и от неё они не могут избавиться иначе, как по взаимному согласию». (См. творения Святого Иоанна Златоуста, книга о девстве, глава 8.)

Хотя Циппи иудейка, но её понятие о браке целиком соответствует вышеуказанным словам мыслителя-христианина, ибо они оба исходят из Ветхого Завета Библии, который одинаково свят для обоих верований.

И еще о понимании сути излагаемого предмета.

Праздник Лагба Омер начинается с 5771 года по иудейскому календарю (считать от Троицы, то есть, от июня 2011 года по христианскому календарю). Праздник этот — в ознаменование и в благодарность за прекращение страшной эпидемии, унесшей жизни многих из учеников рабби Акивы, учителя избранного народа.

Еврейское кладбище в Бобруйске

Так вот, один из последователей Акивы, ученик Шимон Бар Иохая, живший несколько тысячелетий спустя, во времена изгнания людей из Израиля, то есть, две тысячи лет тому назад, считая от нашего времени, сказал: «Люди впали в отчаяние и думают: „Мы рассеяны по свету, нет у нас страны, и потому мы исчезнем“, но я уверен, что мы не исчезнем, пока станут рождаться у нас наши дети!»

Циппи, простая женщина избранного народа, изнутри без ученых слов ощущала вышеизложенную мудрость, не вдаваясь в философию.

Главное: чтобы не исчезнуть, надо рожать детей!

Приведенные здесь слова Шимона Бар Иохая сбылись благодаря таким благочестивым женщинам, как Циппи.

Отсюда понятно, что одна из самых грозных опасностей, подстерегающих человека как биологический вид, это ослабление инстинкта продолжения рода, который может быть размыт цивилизацией, где свобода соседствует с бездуховностью и царствует без нравственных ограничителей.

Люди избранного народа не только не исчезли, но умножились и даже образовали совершенно уникальный рассеянный по Земле суперэтнос, оказывающий сильнейшее влияние на эволюцию человечества, на цивилизацию Земли.

Сплоченность и взаимная сочувственность этих людей поразительны. Видимо, она одно из спасительных средств более или менее надёжной жизни людей в изгнании, то есть, на чужбине.

Приехал в Бобруйск из Москвы человек, который пел в хоре Советской Армии, знаменитом не только на всю страну, но и вообще. Невозможно передать словами радость и гордость за него, своего, так сказать, за его известность и «высокое положение» в обществе.

Бобруйск, где прошло детство Яши Циперовича, был прекрасным белорусско-еврейским городом.

После краха большевистского Советского Союза евреям был открыт выход, и они бежали, как когда-то из Египта. На сей раз они шли из плена не сорок лет, а рванули разом и практически мгновенно. За истекшие тысячелетия сильно изменились транспортные средства, необходимые для передвижения людей по Земле.

Бежали в Израиль, но не все. Многие, опасаясь проживания рядом с палестинцами, уехали в Соединённые Штаты Америки и иные места, скажем, в Европу. Тем более, их прельщали всяческие пособия, ожидавшие их в Германии и Австрии.

Учитывали, конечно, и местонахождение своих родственников.

На окраине города, по Минской улице, по обеим её сторонам благостно расположены кладбища: слева, если двигаться из города — белорусское, справа — еврейское.

Автор посетил еврейское кладбище через несколько лет после указанного события и новых захоронений не обнаружил, не оттого, что евреи перестали умирать, а по причине их отсутствия в городе.

Кладбище мёртвых, как показатель состояния живых.

После их исхода Бобруйск поблек.

По своей социальной структуре, по населению Бобруйск слегка напоминал Хазарский каганат, но не буквально, а именно слегка, ибо существовало принципиальное различие, которое заключалось в том, что в Хазарии евреи находились во власти, а аборигены хазары составляли подчинённое им население.

Евреи занимали властную нишу и с хазарами не смешивались.

Кстати, это несмешение с местным населением вообще является основой проживания их в чужой стране и условием сохранения как этноса.

Они управляли страной, держали в руках экономику, вели внешнюю политику, торговлю, содержали армию, охраняли страну от вра-

гов, но в определённой степени не вмешивались в естественную жизнь хазар, их, так сказать, быт.

Такое положение вполне устраивало аборигенов. Те ловили рыбу, охотились, вели своё хозяйство и не роптали.

По сути это была страна-химера, но она устраивала всех. Это был взаимовыгодный симбиоз, который нередок в животном мире. Их культуры также не смешивались и мирно сосуществовали. Хазары не лезли в дела людей власти, у них и своих дел хватало, и они не претендовали на власть в стране.

В таком состоянии каганат мог продержаться значительно дольше, если бы власть вела себя более пристойно по отношению к иным народам и своими мерзкими делами не выводила их из терпения.

В Бобруйске дело обстояло иначе, можно сказать, даже наоборот.

Власть была за белорусами, ибо евреев во власть посильно не пускали, и они естественно, непринуждённо заняли свою, свойственную их натуре нишу. Торговлю, музыку, медицину, часовые мастерские, фотоателье, красильни и прочее в этом ряду.

Всё это, понятно, в соответствии с реалиями, существующими при большевистском режиме и социалистическом ведении хозяйства.

Учителя в школах, милиция, пожарные, армия, прокуратура, КГБ — белорусы.

Юристы, адвокаты — евреи, потому, что это не власть.

В Бобруйске драматический театр, где артисты в подавляющем числе белорусы, а музыканты евреи.

Всякого рода товары при советской власти поступали на склады, а оттуда в магазины. В этой торговой сети заправляли евреи.

На электростанции трудились белорусы. По Березине ходили корабли с экипажами из белорусов.

Такое распределение труда никем не было придумано, оно сложилось естественно в реалиях, сформированных из обычаев, натуры и понятий людей — белорусов и евреев.

Еврей-пьяница, вор, бандит — редкое явление. Среди них нет нищих и нет наркоманов.

Белорусы — любители охоты, рыбалки, сельского труда. Среди евреев этого не замечено.

У них решительное отвращение к коллективному труду.

Указанная разница в положении населения Хазарии и Бобруйска сотворила иной поведенческий облик людей в этих местах.

Средневековая крепость в Бобруйске

Автор не жил в Хазарии и может лишь домыслить о сути характера евреев, состоявших во власти, и бытовых отношениях их с хазарами. Дело в том, что власть непременно изменяет человека, состоящего во власти, и соответствующим образом формирует его отношения с людьми.

Избранному народу указанное свойство присуще не меньше, чем другим народам.

Следует помнить, что ведущими революционерами большевистского толка, исполнившими, будучи во власти, множество скверных дел, были Троцкий, Каганович, Свердлов и прочие.

Власть сильно портит людей в смысле их доброго общения. Эта истина, увы, крепка и неизменна. Портит даже таких добрых от природы людей, как евреи.

По указанной причине, как представляется автору, жизнь в Хазарии была в этом смысле мало интересной. Всё портило вышеуказанное нахождение людей во власти.

У них, несомненно, имели место надменность и высокомерие по отношению к хазарам, а также раздутое ощущение своей значимости, что решительно подавляло присущий им добрый юмор и душевность. Всё это хорошее и доброе подавлялось ощущением принадлежности к власти.

Бобр — символ города

Иное дело Бобруйск. Здесь, лишенные скверны нахождения во власти, они широко раскрыли свой природный добрый нрав остроумных, сердечных, деловитых людей. Ощущение власти здесь не подавляло эти их прекрасные свойства.

В Бобруйске автомобиль тормозит перед проходящей женщиной. Водитель выходит из машины и галантно произносит:

— Мадам, проходите, пожалуйста.

На недовольный протест водителя машины, стоящей после него, он выставляет перед ним ладонь и говорит:

— Ша.

Коренное население Бобруйска, само по себе сильно лишенное их южного уникального темперамента, их многотысячелетней житейской мудрости, не просто мирилось с таким общежитием, но даже находило его интересным и приятным в бытовом общении. Хотя нередко люди ощущали досаду и неприязнь, видя их ум, особую предприимчивость и умение создавать себе выгоду.

Белорусы вполне довольствовались своим положением коренного населения города, из которого формируется власть, да еще ощущением своего превосходства, исходя из устоявшегося в семьях убеждения, что те, хотя, в общем, и неплохие люди, но всё же по сути жиды, и этим всё сказано.

Если выйти из ареала Бобруйска и глянуть шире, то можно сказать, что их мало в физических видах спорта, зато много выдающихся шахматистов.

Большая доля их представлена в естественных науках, то есть в умственной области. Из этого возможно заключить, что они, таким образом, сильны головой и менее — телом.

Проявление гениальности, этой высшей планки человеческого разума, у них, несомненно, чаще, чем у иных народов.

Они дали миру Иисуса Христа, сына Бога и человека. Создателя Христианской цивилизации, огромного Земного мира передового человечества.

Они подарили человечеству двух гениальных исследователей материи, давших фундаментальную основу видения окружающего мира — Ньютона и Эйнштейна.

Все этносы исконно обладают сильной живучестью, инстинктом самосохранения. Все этносы, исключений неизвестно. Но евреи сделали больше. Они не просто сумели сохранить себя, хотя и в рассеянном по Земле виде, но и стали интеллектуально выдающейся частью землян. Они создали такую свою этническую систему, которая в течение тысячелетий позволила им быть единым народом, даже в рассеянном по Земле виде, диаспорой. И не просто систему, а суперэтнос. В этом их особенность и, пожалуй, великая избранность.

Не следует, однако, полагать, что все они такие уж положительные и умные. Как и у всех иных народов, среди них есть всякие.

Несомненно, на их натуру неизгладимый отпечаток наложило изгнание их римлянами из Иерусалима и необходимость проживания среди чужих народов. По этой причине у них поддерживается постоянная устойчивая внутренняя настороженность относительно угроз со стороны коренного населения. Впрочем, это свойственно всем народам, проживающим на чужбине.

Евреи таковы не потому, что они иудеи, а потому, что они евреи по крови. Больше того, они иудеи по той причине, что они евреи по крови.

Это добавлено для того, чтобы сообщить рассказу наибольшую правдивость и объективность.

Необходимо, опять же, для объективности и дабы предотвратить лишние разговоры, упомянуть еще об одном весьма интересном народе — об армянах, которые сильно напоминают евреев. Как сказал один умный человек, «когда родился армянин, еврей заплакал».

Армянская женщина, проживающая в Абхазии недалеко от Нового Афона, на берегу прекрасного Черного моря, однажды выразила

Дом, где прошло детство Яши

своё отношение к рассматриваемому предмету еще более рельефно: «Эти места скоро заселят армяне, потому что они самые умные и плодовитые». Что тут скажешь, что добавишь.

Однако, армяне не тема нашего рассуждения, ибо Яша Циперович уж точно никак не армянин. Повествование наше о Яше, и только о нём.

Ничто не предвещало в детские годы Яши, что он выдающийся человек, как это теперь мы реально знаем. Дитя, оно и есть дитя.

Вообще не обязательно, чтобы гениальность стала видна уже в младенчестве. Она может проявиться и позже. Другое дело, если уж она заложена, то проявится обязательно. И тогда держись.

Яша рос совершенно обыкновенным ребёнком, а то, что иногда с ним случалось, вовсе не свидетельствовало о просыпающейся в нём гениальности.

Обычный городской двор, образованный четырьмя четырёхэтажными домами, ничем не примечательными, если не учитывать того чрезвычайно важного обстоятельства, что в одном из них, а именно в

квартире первого подъезда, на четвёртом этаже, супружеская пара хороших людей произвела на свет героя настоящего правдивого повествования Яшу Циперовича.

Лето, жара. Ребятишки носятся в своих детских играх.

Окна квартир распахнуты настежь, чтобы хотя бы в малой степени ослабить жару, но не только. Женщины бдительно следят за своими чадами, смотрят, чтобы их не обидели.

Из окна третьего этажа рискованно далеко высовывается женщина и очень громко кричит.

— Мадам Циперович! Мадам Циперович!

Она кричит долго и очень громко, кричит до тех пор, пока из окна четвёртого этажа противоположного дома ей не откликается та женщина, к которой направлен этот призыв.

— Шо случилось, мадам Циля, шо Вы так надрываетесь, будто я глухая? Я Вас прекрасно слышу. Просто я в это время жарила лук и не могла отвлечься. Лук бы полностью сгорел. Это такой убыток, и что бы ел мой Абрамчик, если бы лук сгорел?

— Простите, мадам Циперович, я же не знала, что у Вас такое важное дело. А кричу я, в общем, по пустяку, но полагаю, Вам это будет интересно.

Дело в том, что я хорошо вижу вдаль.

Вы знаете, мадам Циперович, что я на своё зрение не жалуюсь. Я всё прекрасно вижу, даже вдаль. Так вот, дело в том, что Ваш Яшенька, дай ему Бог здоровья, он хороший умный мальчик, но в данный момент он сунул в рот кусочек какой-то гадости.

Мне даже неудобно произнести это слово, оно неприличное и за столом его не скажешь. Наверное не скажу, я ведь, как и все нормальные люди, могу ошибаться, я человек маленький, но я таки уверена, что это так.

Мадам Циперович всплескивает руками, устремляет взор в сторону мелькающих в игре детей и убеждается, что всё так, как сказала Циля, и она громко кричит:

— Яша, сейчас же перестань кушать гадость, ты что, не видишь, это же кал. Мы скоро будем обедать!

— Мама, что ты сказала, какой кал, я даже не знаю, что это такое. Это, мама, кусочек конского помёта. Мальчики его сушат и курят, как табак.

— Яшенька, беги домой, моя радость, я всё тебе объясню.

«Какой умный мальчик мой Яшенька, он такой любознательный, всё ему надо попробовать», — с нежностью подумала она.

Исполнив свой материнский долг, мадам Циперович отошла от окна вглубь квартиры и занялась приготовлением обеда, однако вскоре возвратилась.

— Да, забыла сказать тебе, Циличка, не бери кефир у Мойше. Я купила вчера. Это не кефир, а дрисня. Так сказал мой Абрамчик, и я с ним в этом вопросе согласна.

Я таки пошла к Мойше и передала ему наше с Абрамчиком впечатление от его продукта.

Так, веришь ли, Циличка, Мойше встал передо мной на колени, прямо плюхнулся при всех людях. Чтоб я так жила, если вру. Мне даже стало неудобно перед ним. Люди могли подумать, что он питает ко мне плотские чувства, а он это за кефир.

Мой Абрамчик знает мою верность ему, что я ему верная жена, но ты же знаешь, Циличка, он очень ревнив по натуре. И он Бог знает, что мог подумать. В этом он пошел в своего папу Иосифа Мойсевича, царство ему небесное.

Автор

Милая Тамара в силу своего простодушия и не подозревала, какую важную тему она затронула, сказав о ревнивом характере мужа.

О ревности обычно говорят в застольных посиделках или с юмором, или в лёгких рассуждениях, шутливых спорах о разнице в ревности мужа и жены. В самом деле, какая разница — ревнует муж или жена? Вроде, ревность она и есть ревность. При этом люди не задумываются, насколько здесь всё очень серьёзно, трагично и далеко не однозначно. Подойдём к этому обстоятельно и для этого внимательно рассмотрим оба варианта.

Ревнует жена. Она подозревает, что её муж гульнул на стороне с некоей гражданкой Бе. Гульнул, да так, что гражданка Бе родила дитё.

Ну и что? Жене-то что с того? Да ничего. По сути, ей это по барабану. Дитё-то не её. Гражданка Бе растит это своё дитё, что никоим образом не вредит жене. Разве что жена видит некоторый непорядок, то есть, её муж не имел морального права гулять на стороне, то есть, ускользать из сферы её владения.

Как видим, это для жены пустяк на пустяке. Так, лёгкая досада, но дело поправимое. Пустим слёзы, обругаем его всяко — и все дела.

Рассмотрим второй вариант. Изменила жена, то есть, теперь она гульнула на стороне. Вроде бы, то же самое?

Ан нет.

Она рожает дитё. Для жены оно чьё? Её родное, кровинка. Какая разница жене, от кого это её дитё? Никакой разницы.

А для мужа?

Для мужа дитё не его. Оно ему чужое. А мужу жизненно важно, чтобы дитё было его родное по крови. В нём его продолжение жизни. А как в чужом ребёнке может быть продолжение жизни мужа?

Никак!

Инстинкт требует в муже продолжить себя в потомках его. Но как это сделать в данном случае, если ребёнок не его?

Никак!

Вот в чём глубокая разница ревности мужа и жены. Вот где глубинная причина ревности Отелло и Арбенина. Только это у них перебор — убивать-то зачем?

Кстати, здесь же причина того, что национальность ребёнку у евреев даёт мать, а не отец.

Не может стать иудеем человек не еврей. Если отец не еврей, то ребёнок, если по отцу, тоже не еврей и он не может стать иудеем. Мать-еврейка рожает еврея независимо от нации отца, определяет ребёнка евреем, а значит, иудеем.

Странник

Глубоко копнул.

Автор

Не всё же тебе.

Изложив, так сказать, своё видение действительности, как оно есть, мадам Циперович ненадолго замолчала и стала слушать женщин из других окон.

Все женщины слушали вышеприведенный диалог с большим вниманием, ибо это было общение, которого так часто не хватает человеку и без которого он не мыслит своего существования.

Однако, для полного установления реальности картины следует кое-что прояснить.

Мало сказать, что папа Абрамчика Иосиф Мойсевич был ревнив, правда, это действительно так, но притом сам он по дамской части был истинно кобель. В доказательство автор представляет здесь факт из жизни, которому сам был свидетелем.

Иосиф приехал однажды к нему по старому знакомству и остался переночевать.

Ранее, еще до этого эпизода, автор снимал квартиру у одной весьма достойной женщины и столовался. Он переговорил с Екатериной Алексеевной, испросил у неё разрешения на ночевку приятеля и получил добро.

Он сказал:

— Иосиф мой коллега по институту, и я гарантирую его порядочность, но, — добавил я, — должен Вас предупредить, Екатерина Алексеевна, он величайший кобель по дамской части, и если что, то я не в ответе.

Екатерина Алексеевна рассмеялась, решительно не шокированная этой откровенной характеристикой Иосифа. Напротив, она нашла её весьма интересной и даже забавной.

— Там посмотрим, — загадочно произнесла она, с трудом отойдя от смеха.

При встрече автор из деликатности не стал допрашивать с пристрастием, что и как.

— Ты был прав, — только и сказала Екатерина Алексеевна.

Никаких разъясняющих деталей она не сообщила, но автор знал своего друга Иосифа.

Однако, возвратимся к Яше.

Сына своего Яшу Абрам хотел видеть военным человеком. Сам он в молодости сильно мечтал об этой благородной и доблестной профессии, но пятый пункт анкеты беспощадно перекрыл его мечту.

— Нос у меня неправильный, не славянский, — сетовал Абрам, — да еще пятый пункт.

Очень ему было обидно.

Автор сочувствовал ему, но будучи человеком своего времени, он принимал правила игры, установленные властью, как они есть.

Время то неторопливо шагало, то мчалось по жизни своими событиями, когда вдруг обнаружилось, что детство Яши миновало; оно остались позади.

Яша вырос и превратился в красивого молодого человека.

Девушки на него заглядывались.

Как-то Яша оправился в библиотеку за книгой о кораблях морского флота. Он последнее время был одержим этой темой. Она просто поглотила его.

Итак, он шел в библиотеку, когда неожиданно повстречал своего старого приятеля.

Пару лет назад семья Михаила построила себе дом и переехала в своё новое жилище, на форштадт, а это далеко от Яшиного дома. По этой причине встречи их стали редкостью.

— Привет, Яшка, как дела?

— Нормально, как ты, чем занимаешься? У тебя есть бизнес?

— О чем ты говоришь, дружище, какой бизнес, о чём ты говоришь? Одни хлопоты. Играю в негритянском джазе на барабане. Это я, который закончил музыкальную школу по классу скрипки с красным дипломом.

— Подожди, разве в нашем Бобруйске есть негритянский джаз?

— Да, существует. Мы с ребятами организовали.

— И что, в вашем джазе все негры? Я что-то до сих пор не замечал у нас в Бобруйске негров.

— Ты прав, дружище, но только отчасти. Чтобы да, таки нет. Сказать по правде, негр у нас в джазе один. Это я. Тащу на себе всю работу. Остальные все евреи.

— Да, брат, ну давай. Пока.

Семья Циперовичей сидит за ужином.

Яша пребывает в непривычной для него задумчивости. Он смотрит в окно и молчит. Он грызёт крупный огурец.

— Яша, — сказала Тамара, — поешь рыбы. Что ты видишь в этом огурце, в нём одна вода и никаких калорий. Тебе надо поправляться, ты такой худой. Одни рёбра.

Яша, однако, пропустил слова матери мимо ушей. Он прикончил огурец, глубоко вздохнул и решился.

— Папа, — сказал он, — я хочу стать моряком, и я очень хочу ходить на подводной лодке.

Абрам некоторое время собирался с мыслями и даже отставил тарелку с фаршированной щукой. С такой силой его поразили слова сына.

То, что сказал Яша, не лезло ни в какие ворота. С одной стороны, Абрам мог бы и поддержать сына в его намерении в смысле стать военным, но идти в моряки, да еще на подводную лодку…

— Яша, ты сошел с ума, — сказал он, найдя, наконец, единственно правильный ответ Яше и одновременно точно определил причину возникновения его мечты, — зачем тебе сдалась подводная лодка? Люди топнут даже на мелких местах, а ты хочешь нырнуть на нечело-

веческую глубину. Кроме того… — он еще не придумал ничего иного, но тут его своевременно поддержала жена.

Она встряла в разговор и добавила самый весомый, как она полагала, аргумент.

— Кроме того, ты не умеешь плавать! — торжествующе закричала она.

— В нашем роду сроду не водилось моряков, и слава Богу, — высказалась и бабушка Рахиль. — Надо быть идиётом, чтобы идти в моряки. Что ты, Яшечка, будешь с этого иметь? Да еще под водой, где нормальные евреи не живут.

— Ты дурак, Яшка, — сказал Абрам убеждённо. — Ты дурак, Яшка, — повторил он, и в глазах его отразилась великая любовь к сыну и глубокое понимание его мечты.

Шум произошел несусветный, каждый торопился высказаться, притом по нескольку раз, не ожидая, когда закончит предыдущий.

Тётя Софа пыталась сказать своё, связанное с медициной, и опираясь на авторитет науки; Софа, родная сестра Тамары, до сих пор не устроила свою личную жизнь и жила в семье Циперовичей. Она служила в амбулатории врачом и безумно любила своего племянника Яшу. Пыталась высказаться, но не смогла пробиться, так сказать, вклиниться в обсуждение.

Она лишь прошептала:

— Бедный мальчик.

Молчал Семён Семёнович, папа Тамары и, соответственно, дедушка Яши, он внимательно слушал и только иногда выразительно морщился, очевидно, показывая этим своё несогласие. Но вот он слегка приподнялся и неожиданно громко сказал:

— Ша!

Наступила уважительная к дедушке тишина.

— Я вам всем очень удивляюсь. Я удивляюсь, что может понять дитё из этого вашего орова. Даже я, пожилой человек, за то время, когда идёт ваше, пардон, обсуждение, поня́л меньше, чем вначале. Мальчик хочет стать сильным. Нехай идёт, как ему хочется, там видно будет.

Высказались, таким образом, все. Слова их, вроде убедительные, а аргументы неубиваемые, тем не менее, отскакивали от Яши, как горох от стены.

Яша стоял на своём, как морская скала.

Слух о том, что Яша собирается поступить в моряки, распространилась по Бобруйску подобно пожару в сухой знойной степи в сильно

ветреную погоду и без всякого намёка на приближение дождя, то есть, практически мгновенно и неудержимо.

Близкие родственники Циперовичам, то есть, семья Гельфонтов, двоюродный брат Яшиной мамы Тамары Борис с близкими знакомыми, а именно, Моней, Мишей и Исаком, сидели за преферансом, когда до них донеслась вышесказанная информация из уст Сёмы-фотографа.

Сёма неделикатно ворвался в квартиру, весьма спешно и громко, захлёбываясь от волнения и неприлично брызгая слюнями, озвучил новость и рванулся дальше.

Ему предстояло посетить еще несколько семей с той же миссией.

— Шо ты орёшь, Сёма, как мулла с самого верха своей минареты? От твоего крика у меня заложили обе ухи, — недовольно произнёс Борис. Однако, получилось это у него в пустоту, ибо Сёмы уже и след простыл.

Недовольство Бориса можно понять, преферанс игра умная, она не терпит суеты. Кроме того, он в это время как раз состоял на распутье, отступиться или еще поторговаться: у него были в наличии хорошие черви, масть длинная, но без туза, и Борис не решался на поступок.

— Однако, шо сообщил нам этот придурок Сёма? — сказал Борис. — Яша Циперович хочет ийти в моряки? Он шо, тяжело заболел головой, у него очень высокая температура?

Мальчик из хорошей семьи. Его папа Абрам уважаемый человек, он финансовый работник. Я не утверждаю, что он от этого разбогател. Чтобы да, таки нет. В наше время даже в такой профессии не разбежишься. Нет перспектив, нет условий, но всё же…

Где это видано, в моряки. Скажите, разве Ротшильд, царство ему небесное, служил моряком?

А какой человек был!

— Боря, не отвлекайся на Ротшильда, — прервал его Миша, — ты что, не видишь, Моня объявил мизер.

Однако, Бориса сильно захватило известие, принесённое Сёмой, и он продолжал излагать своё видение темы.

— Разве Ньютон и Эйнштейн плавали на кораблях матросами?

Никто из них и никогда. Они, конечно, были гениями, но это не мешало им оставаться нормальными евреями.

А Яшке это надо? На что это ему сдалось?

— Боря, — вмешался Исак, — как ты насчет мизера? Отдадим Моне?

— Хай мучается со своим мизером, — согласился Борис.

Миша поддержал партнёров.

— Раскроемся. Кидай карты, Боря. Отстань от своих Эйнштейнов, Ньютонов, думай ло́пом, шо он скинул.

— У него король пик, туз бубей к короткой масти и еще девятка треф.

Шо он скинул?

Моня хочет сделать так, чтобы мы думали, что он сбросил туза.

Надо быть идиотом, чтобы так поступить. Не делай из меня Сёму, Моня. Ты таки скинул короля.

— Моня, Вы благородный человек, давай так, ты имеешь один взяток и радуешься, и мы разбежались. Ты согласен, Моня?

— Ходите, — проскрипел Моня.

— Шо ты станешь с ним делать, он таки не согласен.

— Это если у Мони достанет ума не дурить нам голову́, а если он скинул девятку, так получит все три, но это не по-игроцки. Моня серьёзный человек, он на это не пойдёт.

Однако, Моня сбросил именно туза и успешно сыграл свой мизер.

— Моня нас обдурил, он таки скинул туза, но это не по-игроцки, — сказал Исак, — но тут ничего не поделаешь, хозяин — барин.

— Не рискнёшь — не выиграешь, рискнёшь — проиграешь, — глубоко копнул он.

Игра продолжилась.

— Возьмите глобус, — неожиданно Борис возвратился к своей теме. — Исак, возьми, вон он там, на комоде. Он возле зеркала. Найди на глобусе хоть одного еврея из тех людей, кто плавал по морям на кораблях по своей воле и делал географические открытия, находил новые земли. Ни одного, и слава Богу, не наше это занятие.

Нехай их открывают способные к тому люди.

Он опрокинул стопку разведённого медицинского спирта и закусил фаршированной рыбой, которую принесла жена Миши Роня. Спирт поставлял Исак, который трудился на ветеринарном складе заведующим.

— Хорошо готовит твоя Роня, Миша. Дай тебе Бог здоровья, Ронечка.

— Кушай, кушай, — порозовела та, — вот ты, Миша, никогда не похвалишь.

— Чтобы не испортить тебя, моя ягодка, ибо Бог сказал человеку — не возгордись.

Сыграв мизер, Моня повеселел. До него лишь теперь дошел смысл разговора, которым пытался достучаться к нему Боря.

— Именно, Моня, что я хочу тебе сказать, именно. Яшка Циперович пожелал стать моряком и плавать на подводной лодке. Как это тебе нравится?

Моня ответил не сразу. Он предварительно подумал.

— Да, дела. Ну и шо с того, что Яшка захотел в матросы? Он уже взрослый пацан, — заключил он.

— Хочу еще сказать за Яшу. Я в детстве тоже мечтал о морских путешествиях, и я его понимаю.

Очень красивая форма у моряков.

Яша пошел в военный комиссариат и попросил направить его на военную службу во флот.

— Хотелось бы на подводную лодку, — уточнил он.

— Ну, это уж как там моряки решат. Наше дело направить тебя в распоряжение флотского начальства, — сказал военком.

«Начало хорошее, — решил Яша, — хоть бы получилось и дальше».

Нет нужды рассказывать о проводах Яши на военную службу.

Во всех семьях это выглядит очень схоже. Женщины плачут, мужчины держат слёзы в себе, но для тех и других расставание с родным мальчиком — это трагедия. Кто знает, что там, на военной службе, с ним произойдёт. А если война, не дай Бог? Да и сама служба, даже в мирное время, чревата всякими опасностями. У кого есть уверенность, что родной мальчик вообще вернётся домой?

Проводы юношей в армию — это особая, неисчерпаемая тема, но здесь невозможно уделить ей подобающего внимания, ибо тогда для настоящего повествования не осталось бы места.

Она слишком велика и трагична.

Тамара потребовала от Яши, чтобы он ежедневно отправлял письма домой.

— Яшенька, детка, обещай, как я прошу, иначе твоя мама не выдержит, сынок. Обещай мне.

Яша обещал. Тамара со своими чувствами матери даже не понимала, что на военной службе её требование невыполнимо.

В учебном центре, расположенном в городе Выборге, призванных молодых матросов подвергли начальной общевойсковой подготовке.

С утра до ночи их муштровали на плацу, гоняли по армейскому полигону, учили стрелять и посвящали в азы воинской службы. После

всего этого многотрудного дела они с автоматами на груди прошли парадным строем перед командирами и дали присягу служить отчизне верой и правдой, не щадя живота своего.

Яша был среди них.

После завершения указанной учебы матросов распределили по местам дальнейшего прохождения службы, в кои их тут же безотлагательно доставили.

Морская служба

И вот матрос Яков Циперович в Севастополе, на боевой дизельной подводной лодке «Пенелопа», входящей в состав доблестного Черноморского флота, оснащенной самонаводящимися торпедами огромной мощности.

Мечта Яши, таким образом, сбылась. Пока всё шло хорошо.

Командир подводного корабля капитан третьего ранга Отважных Игорь Николаевич по натуре точно соответствовал своей фамилии. Сибиряк крепкого сложения и опытный моряк, он был истинным другом своего боевого корабля и рачительным отцом-командиром матросам экипажа, требовательным и заботливым.

На следующий день после прибытия пополнения он вызвал боцмана.

— Прошу разрешения войти.

— Входи.

Задумчиво глядя на бутылку коньяка, декоративно стоящую слева от морского географического глобуса, на сейфе с секретными документами, капитан третьего ранга Отважных спросил:

— Как пополнение?

— Нормально. Вот только матрос Циперович не умеет плавать.

— Этого еще не хватало. Научи, иначе позор на весь флот. Ты это умеешь, ну там не обидь его, есть специфика. Циперович — редкое явление на флоте. Среди них много умных, ну ты меня понимаешь.

Боцман понимающе осклабился. Это, в общем-то, с одной стороны нарушение боцманом буквы уставных отношений на флоте, правда, не в такой степени, чтобы ослабить боевой дух боевого корабля, а с другой стороны, боцман давал понять командиру, что его приказ будет, несомненно, выполнен. Если уж командир уверен в боцмане, то сам Дубовой в своих способностях не сомневался никогда.

— Есть! Разрешите идти?

— Разрешаю.

Характерная общая черта моряков — несомненно, леность, то есть, большинство моряков ленивы. Видимо, появлению этого широко распространённого на флоте признака способствует суть их службы, однако, при этом морякам не откажешь в ответственности, отваге и упорстве.

Мозги боцмана Дубового, не осквернённые гуманитарными знаниями и тем более такими абстрактными, как философия, были девственно чистыми. По этой причине они легко вобрали и крепко закрепили в себе единственно то, что жизненно необходимо для морской службы на флоте, а именно морской устав.

На флоте всё мудро, а боцман Дубовой вобрал в себя эту мудрость в полной мере.

Боцман в тот же день приступил к выполнению приказа командира.

Однако, прежде чем рассказать, как проходила указанная учеба, автор решил представить уважаемому читателю письмо Яши домой. Вот отрывок из письма. Здесь невозможно привести его полностью ввиду ограничений в связи с требованиями литературного жанра.

«Добрый день или вечер (это когда почтальон Изя принесёт вам моё письмо), дорогие папа, мама, дедушка, бабушка и тётя Софа.

Спешу вас обрадовать, служба на флоте у меня идёт хорошо. Вчера я чуть не утонул».

В этом месте Тамара схватилась за сердце и закричала. Абрам стал её успокаивать.

— Тома, детка, — сказал он, — ты очень впечатлительная. Раз Яша пишет, что это было вчера, значит, с ним всё в порядке. Надо читать дальше.

«Боцман Дубовой очень хороший учитель, и он сказал, что, во-первых, он научит меня плавать, и, во-вторых, выбьет из моей башки гражданскую дурь. Он выбивает её не только у меня, он у всех матросов выбивает.

Он кинул меня в море и приказал шустрее шевелить плавниками. Это значит руками и ногами. Я сразу понял, как только стал захлёбываться, и мне очень захотелось дыхнуть воздуха. Я стал тонуть, и это очень неприятно, поэтому я выплыл и даже стал дышать, а потом сумел ухватить линь, который бросил мне боцман. Он сказал, что мне пора бросать линь, иначе я отброшу костыли. Так он сказал.

Боцман Дубовой, мама, очень хороший воспитатель. Он сказал, что таким образом он учит плавать всех матросов, потому что матрос, не умеющий плавать, это позор для всего флота. У него душевный подход к рядовому матросу.

Вот он построил меня у борта корабля и сказал:

— Снимай форменку.

— Зачем? — спросил я.

— Что же, ты станешь плавать в форменке?

Я сразу сообразил, что плавать в форменке неправильно и нехорошо. Линь, папа, это морская верёвка. Она очень прочная и не толстая.

Я не хочу стать позором для всего флота.

Мне очень хочется рассказать вам, как красиво море и как красив наш корабль, но это строго запрещено, потому что военная тайна.

Успокойтесь, в настоящее время корабль стоит у пирса, в смысле, у стенки, и никак не под водой».

Чтобы не расстраивать родных и в силу своей деликатности, Яша в своём письме упустил ряд подробностей, имевших место в учебном процессе. Автор, со своей стороны неизменно придерживающийся следованию правды, считает необходимым ради истины восполнить указанный пробел.

Боцман поставил Яшу у борта с той стороны, которая обращена в открытое море, и приказал:

— Сымай форменку и исподнее.

— Зачем? — спросил Яша.

— Что же ты, залупа, станешь плавать в форменке?

Потом он спросил:

— Ну ты, Мудила Шестой, жить хочешь?

Мудила для Дубового было понятно с детских лет, а вот почему Шестой, он не понимал, но так часто говорил мичман Башковитых, а тот был дока по этой части.

— Очень, — честно признался Яша.

— Тогда шустри плавниками, — сказал Дубовой.

Яша стал было спрашивать насчет плавников, но боцман, не вдаваясь в суть вопроса, столкнул его в море, а сам отвернулся, вспомнив, что еще не снял пробу с борща в камбузе. Хотел тотчас же шагать в камбуз, чтобы приструнить кока, он давно собирался отдраить того за многочисленные провинности, но на всякий случай глянул вниз.

Инстинкт жизни, как по-научному говорил мичман Башковитых, не давал Яше потонуть. «Небось, враз сообразил, где у него плавники,

в смысле руки-ноги, — мысленно комментировал Дубовой конвульсии Яши, — а то, что такое костыли, где они у меня. Малый не только не потонул, но даже дышит, хотя паникует сильно. Это видно».

Когда Яша выбивался из сил и, несмотря на требование инстинкта жизни, неудержимо уходил под воду, выражаясь морским языком, отдавал концы, боцман искренне радовался за Яшу и за себя, в связи с тем, что уроки плавания проходят успешно и матрос Циперович так же успешно их осваивает. Боцман самодовольно крякнул. Для начала ему хватит, а то еще обгадит море со страху, и он кинул Яше линь. Тот молниеносно ухватился за канат и быстро, как акробат, взлетел по нему на палубу подводной лодки.

— Орёл, — одобрил Дубовой. — Вот что значит толково подойти к выполнению приказа.

Капитан-лейтенант Обушков

Минуло три месяца.

Каждый моряк экипажа подводной лодки обязан знать свои обязанности на всякую ситуацию в жизни корабля. В обязанности матроса Циперовича кроме иных дел входило перекрытие нескольких люков в районе торпедного отделения и боевой рубки.

Прозвучала сирена, означающая аварийное погружение корабля. Все моряки экипажа четко выполняли свою работу в строгом соответствии с расписанием. Матрос Циперович бежал к своим местам, задраивал вверенные ему люки быстро и сноровисто. К этому времени Яша уже был не салага, а хорошо натренированный моряк-подводник.

Пробегая от второго люка, он заметил, что люк возле боевой рубки, закрывающий вход в командирский гальюн, находится в очевидно незакрытом положении. Непорядок, подумал Яша, чей-то недосмотр.

Он подбежал, быстро задраил люк и завинтил его маленьким штурвалом с конечным поворотом замка. Замок щелкнул, сигнализируя о полном завершении операции, исключающей в аварийной ситуации локальное затопление морской водой помещения, находящегося за водонепроницаемыми переборками и упомянутым люком.

Яша всё сделал, как полагается добросовестному матросу. Единственно, он не учел мелочи, не проверил отсутствия людей в помещении за люком.

А в этот чрезвычайно ответственный для подводного корабля момент там находился командир БЧ-3 капитан-лейтенант Обушков Виталий Петрович. За несколько минут до этого капитан-лейтенант, находясь по боевой тревоге у перископа, готовый отыскать цель и выпустить в неё торпеду, почувствовал в животе позывы.

В обед он скушал два борща, один основной, да еще один добавочный, и теперь эти два борща давали о себе знать. Зная из опыта, что до боевой работы еще не менее десяти минут, Обушков решил, что успеет за это время сгонять в гальюн. В силу ограниченности своего интеллекта он не просчитал наличие такого важного фактора и его влияние на судьбы людей, как феномен матроса Яши Циперовича.

Короче, обратимся к фактам.

Яша надёжно задраил люк входа в гальюн и побежал докладывать мичману о выполнении боевого приказа.

Команда хватилась искать командира БЧ-3, ибо пора было производить стрельбу, то есть, делать то, ради чего существуют морские воины. Долго искать не пришлось.

Рёв разъярённого донельзя тигра доносился, несомненно, из гальюна.

Люк входа в гальюн, как и все люки на корабле, был герметичным, звуки с трудом прорывались изнутри. Однако, сквозь матерные, с едва заметным налётом смыслового выражения слова матросам удалось без особого труда различить суть высказываний.

— Кто?! — ревел из гальюна командир БЧ-3.

Люк открыли, и Обушков к радости своей и командира корабля успел к перископу. Он выпустил торпеду и притом точно в цель.

Боевая работа на время отвлекла его от главной цели. Выпустив торпеду, он взревел:

— Кто?!

Как принято после боевых учений, командир провёл разбор действия команды, с рассмотрением недостатков и выработкой мер, необходимых для дальнейшего повышения четкости действий экипажа, а также боевой готовности вверенного ему подводного боевого корабля.

— Какие будут предложения? — спросил командир после изложения своих соображений.

— Разрешите? — поднялся Обушков.

— Излагайте.

— Я предлагаю строго наказать матроса Циперовича за совершенный им проступок.

Командир был справедливым человеком и истинным отцом-командиром матросам, и он сказал:

— Капитан-лейтенант Обушков, я Вас не понимаю. Согласен, матрос Циперович допустил оплошность, не проверив наличие людей в гальюне, однако там и не должно было находиться никого после объявления боевой тревоги.

В данном случае Вы, Обушков, совершили еще больший проступок. Вместо того, чтобы думать о боевой работе, Вы беспокоились о том, чтобы не наделать в свои форменные брюки. Вам следует умерить свой аппетит и не переедать за обедом. Кок доложил мне о добавочной порции борща. Учтите это себе на будущее. Что станет с флотом, если воины-моряки станут равняться по Вам?

Я запрещаю Вам кушать в обед более положенной порции борща.

После полученной от командира порки Обушков не ощутил прилива симпатии к матросу Циперовичу. Больше того, он полагал, что непременно наступит час, когда матрос Циперович пожалеет о том, что родился на свет. Он, Обушков, постарается в этом направлении.

Капитан-лейтенант, однако, не понимал, что силы у них не равны. Если у Обушкова, обычного человека, и возможности обычные, то есть, весьма ограниченные, то Циперовича ведёт по жизни его необыкновенная судьба, а с этой госпожой состязаться бесполезно.

Впрочем, посмотрим, что произойдёт дальше.

Боевое задание. Точка Х

Итак, Яша исправно и, главное, охотно, в полном согласии со своей мечтой, нёс службу на подводном корабле, а этот грозный корабль «Пенелопа», между тем, в настоящий отрезок времени, развив крейсерскую скорость, шлёпал в надводном положении к точке «Х» в Атлантическом океане для выполнения сверхсекретного задания командования.

Дело в том, что по донесениям надёжных и заслуживающих полного доверия агентов, а также данным замеров станций наблюдения за космической обстановкой, в этой самой точке «Х» отмечены были искажение времени и гравитационные всплески.

Более точного определения аномалий здесь привести не представляется возможным ввиду отсутствия у специалистов конкретных данных, а также по соображениям вышеуказанной секретности.

Командование с целью изучения обстановки в этом любопытном, но где-то и тревожном месте Земли и набора информации направило туда «Пенелопу», выбрав среди офицеров флота именно капитана третьего ранга Отважных — как толкового и высокопрофессионального моряка. К тому же, сама «Пенелопа» по своим мореходным качествам и приборному оснащению наиболее подходила для предстоящей работы.

Командир сказал «есть», и «Пенелопа», ощетинившись смертоносными аппаратами, рыская радарами во все стороны света, двинулась крейсерским ходом к точке «Х».

Задолго до подхода к месту «Х» на «Пенелопе» были включены все приборы, велось непрерывное наблюдение, однако никаких отклонений от «нормы» или чего-либо необычного всё это не показывало.

Но вот «Пенелопа» подошла к месту «Х», и тут началось решительно невообразимое.

Экипаж корабля, все без исключения моряки внезапно ощутили сильнейшее душевное беспокойство и неудобство, близкое к ужасу, от ощущения присутствия, где-то совсем недалеко, возможно, даже на самой лодке, некоей среды, незнакомой, но явственно угрожающей.

Так казалось морякам. Именно казалось: ощущения и не более того.

Никаких реальных очевидных признаков пагубного воздействия на здоровье человека при этом моряки не замечали.

А вот корабельные приборы пришли в полное расстройство, лучше сказать, в хаос.

Компас показывал то юг, то восток, то запад, словом, все стороны света одновременно, будто не видел в них разницы, будто стороны света провалились сквозь Землю. На север не показывал вовсе. Что касается часов, то те закрутились, заметались в законченной неопределённости. Время то мчалось в будущее, то обращалось вспять.

Некая временная западня.

В общем, создалась ситуация такой немыслимой сложности, что, слава Господу, командиром корабля был капитан третьего ранга Отважных, а не капитан-лейтенант Обушков.

Командир, стоя у правого фальшборта и глядя на синий океан, который преподнёс столь неожиданную проблему, обдумывал ситуацию. Затем скомандовал построение и обратился к экипажу.

В свойственной ему манере он был предельно краток и решителен.

— Моряки, мы морские воины и обязаны выполнить поставленную перед нами командованием боевую задачу. Необходимо пройти на шлюпке с приборами до места и получить замеры. Не принуждаю, не приказываю, только добровольно.

— Разрешите мне, — сказал Яша.

Командир не колебался; той весёлой иронии, с которой он ранее говорил о матросе Циперовиче с боцманом, не осталось и следа. Он одобрил участие Яши в опасной боевой работе и разрешил ему плыть на шлюпке в это непонятное, но, несомненно, опасное место.

Море спокойное, штиль, обычная зыбь, волна едва различима глазом.

Яша на шлюпке, гребёт, бросает вёсла, осматривает в бинокль море, снова берётся за вёсла, снова осматривает море в бинокль. И так не менее часа. Но вот, метрах в пятистах в юго-западном направлении он увидел лодку.

Яша подправил окуляры бинокля, всмотрелся. В лодке человек. Похоже, женщина.

«Вряд ли лодка имеет отношение к возложенному на меня заданию, однако, возможно, там спасаются потерпевшие в крушении, как же пройти мимо, не оказав помощи?» — подумал Яша.

Яша направил морду шлюпки в сторону предмета и осторожно погрёб, так сказать, малым ходом.

Осторожно подошел.

То, что увидел Яша, стало для него решительно невероятным.

Представьте себе: открытый безбрежный океан, небольшая лодка, в ней человек. Один. Естественно, Яша ожидал увидеть этого несчастного измождённым от голода, охваченным отчаянием, ужасом от безнадёжности и потерявшим надежду на спасение.

Ничего такого.

Безмятежность и спокойствие.

В лодке женщина неземной красоты.

Она приветливо посмотрела на Яшу и улыбнулась.

— Откуда ты, девушка? — с несказанным изумлением едва смог выговорить Яша.

Она помолчала, а затем показала рукой в сторону небесного свода.

Яша натурально оторопел.

«Видимо, от ужаса одиночества в океане и безнадёжного положения барышня тронулась головкой. Не следует возражать ей, она постепенно придёт в себя», — подумал он.

— Но ты по облику Землянка, — произнёс он после некоторого замешательства.

— О да, мы все, люди Вселенной, внешне похожи. Нас всех сотворил Он, как у Вас выражаются, по одному проекту. По образу и подобию Своему.

— А с какого ты места там? — спросил Яша и тоже указал на небо.

Она снова очень мило улыбнулась и сказала:

— Я с Кассиопии.

Сказала так, будто Кассиопия где-то поблизости. Соседи, так сказать.

— Как же тебя зовут?

— Циппи.

— Какое странное имя, Циппи.

— Ничего странного, у нас оно весьма распространено. Разве у вас на Земле нет человека с таким именем?

— Нет. Во всяком случае, мне неизвестно.

— Вот это как раз еще более странно, — она немного помолчала, как бы обдумывая, а затем вдруг произнесла, — а ты очень красивый юноша, — и она рассмеялась.

Яша смутился. Он вгляделся. Женщина вроде человек того же нашего земного вида, вместе с тем, она разительно отличалась от Землян. Прежде всего, речь.

Она произносила слова певуче и очень точно. У Землян неизбежно присутствуют искажения слов, да и суть, смысл их обычно также искажен бытовой манерой, да еще эти сленги и прочее. А тут рафинированно точные слова-смыслы-символы. И эта совершенная физическая красота, интеллект на уровне духовности; иного слова, как неземная, подобрать невозможно.

Словом, женщина предстала перед Яшей, как некое высшее достижение эволюции, результат на пути творения человека в гармонии его плоти и духа.

«Женщина вселенной, — подумал Яша, — за бездну лет и бездну поколений очищенная от нашей суеты и земной шелухи. Однако, может быть, я сплю и вижу сон, удивительный сон? Эта лодка, эта удивительная женщина всего лишь образы моего сновидения?

Как же, однако, всё это ярко и реально».

Он потряс головой, не зная, что и думать обо всём этом. Напряжение. Сказывается напряжение. Следует успокоиться. Так недолго и свихнуться.

Внезапно сильная вибрация прошлась по Яше; до тошноты закружилась голова. Океан, небо, весь мир вокруг него закрутились в спираль. Лодка и внеземная прекрасная женщина исказились в конвульсиях, стали менять свои очертания, форму и, наконец, исчезли, утонули, ухнули в небесную спираль.

Океан принял свой первобытный вид, на небе сияло солнышко.

Это от автора.

Если же от Яши, то он при входе шлюпки в точку «Х» в какой-то момент провалился в небытие; он перестал себя осознавать. Потерялся. Почти. Где-то в нём еще тлела искорка сознания. Но самое страшное для него — остатками разума он понимал, что потерялся. Вот если, окажись он в неком ином состоянии, но принимал его как должное, как реальность для себя, так бы ничего. Но увы… он понимал, что потерялся. И в этом его понимании весь ужас.

Но вот Яша снова ощутил себя: он в шлюпке, он сильно грёбёт в точку «Х» по приказу командира.

Всё встало на своё место.

Яша проделал все необходимые замеры, совершил иные порученные ему работы и на этот раз без помех возвратился на подводный корабль.

Задание выполнено.

Пришвартовался к «Пенелопе», поднялся по трапу, доложил командиру о проделанной работе.

Моряки, однако, заметили, что выглядит Яша странно, как-то очевидно неуверенно. Он озирается по сторонам, вроде не узнавая обстановку, несколько раз споткнулся на ровной палубе. И еще, хотя до штатного отдыха было далеко, он попросил разрешения отдохнуть. Вошел в кубрик, забрался на койку, правильнее сказать, упал в койку и мгновенно уснул, как провалился.

Прошли сутки, Яша спит, но это с разрешения командира.

Дальше, матрос Циперович, один из самых дисциплинированных матросов экипажа подводной лодки «Пенелопа», продолжает спать и на второй день, уже после побудки.

Неслыханное дело.

Матросы пытались его растолкать, даже щекотали.

Доложили боцману.

Дубовой применил все известные ему способы побудки. Поверьте на слово, он в этом деле не имел себе равных.

Безрезультатно.

Позвали фельдшера.

Температура — 36,6. Давление в норме — 110 на 70. Дыхание ровное спокойное, несколько замедленное, но в норме.

Фельдшер от лица всей медицины в бессилии развёл руками.

Прошли еще сутки.

Матрос Циперович спит.

Доложили командиру.

Тот командованию.

Командование провело экстренное совещание со светилами науки.

Принято решение — матроса Циперовича не будить и вообще не трогать до возвращения на базу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пробуждение

Яша открыл глаза, и совершенно неожиданно с удивлением обнаружил себя не на матросской койке в родном кубрике «Пенелопы», а лежащим на широкой лавке в решительно незнакомой комнате.

Яша удивился, и только: странное дело, но это его не встревожило.

Осторожно осмотрелся. Необычная комната. Без окон. Через дверной проём ярко светит солнце, в комнате светло, всё видно отчетливо. Справа в углу большой, обильно раскрашенный затейливым орнаментом сундук, левее, возле стены, массивный стол с предметами, напоминающими столярные и портняжные инструменты.

Над столом на крючьях и огромных гвоздях развешена посуда и иная кухонная утварь. Пол от стены до стены покрыт большим ковром и толстыми циновками. В стороне два больших глиняных кувшина.

В комнате очень тепло.

Куда же это попал наш милый Яша?

Не в моих правилах в своём повествовании скрывать любую подробность, важную для понимания. Я слишком уважаю читателя, чтобы поступать таким недостойным образом, и здесь я обязан сказать правду, какой бы странной и удивительной она не показалась. Однако, в целях безопасности прошу читателя устроиться на стуле покрепче, дабы выдержать услышанное.

Дело в том, что комната, в которой проснулся матрос Яков Циперович, находится в Палестине, а если сказать точнее, в Иерусалиме, и живут все люди в этой комнате, да и во всём современном для них мире, не абы когда, а в первом веке первого тысячелетия.

Да, именно, в том самом Иерусалиме и в том самом первом веке.

«Ты что, автор, подвинулся разумом? — непременно поинтересуется читатель. — Ты хочешь сказать, что Яша просквозил по времени вспять две тысячи лет?!»

Древний Иерусалим

Я с негодованием отбрасываю это нелепое предположение, недостойное разумного человека: избитое, банальное, примитивное и где-то даже пошлое представление о случившемся с Яшей. Полагаю такое решительно невозможным, то есть, не имеющим отношения к реальности. Будто Яшу пронесло через столетия по вечности, то есть, по времени из одного в другое!

Я решительно не верю в возможность человека бродить по времени, как по домовой лестнице, ибо это смахивает на дешевую фантастику. Яша передвигался во времени. Как вообще такое могло прийти в голову!

Хотя Яша вроде бы, на первый поверхностный взгляд, действительно передвинулся во времени: из одного отрезка его перешел в другой, из настоящего в прошлое, вроде как иначе объяснишь, что он внезапно ощутил себя в первом столетии нашей эры? Но это лишь на первый поверхностный взгляд, а на самом деле с ним произошло решительно иное.

В Яше проснулся один из его предков, живших в то историческое, по нашим представлениям, древнее время. И подтверждением этого, хотя и косвенно, но веско, может служить довод, что попал-то он не в будущее, где у него предков уж никак не может быть по определению, а в прошедшее, то есть, во времена их существования.

Полагаю необходимым, однако, для понимания того, что произошло с Яшей, привести свои, по возможности подробные, соображения

по этому делу, так сказать, свою версию события, да не покажутся они читателю скучными.

Как настоящее неизменно и неотвратимо становится прошлым, так и отрывочек жизни человека в его сознании, информация о нём так же неотвратимо всякое мгновенье обращается в память.

Пока жив человек — носитель этой информации.

То есть, в каждом человеке, в том числе и в каждом из моих читателей, содержится память о каждом из его кровных предков.

О каждом без исключения!

Здесь согласно закону о сохранении информации утери исключены. Этакая стопка носителей информации памяти. Это реальность, несомненная даже для материалистов-естествоиспытателей, ибо не противоречит их научным подходам. Реальность для всякого нормального человека, не состоящего на учете и тем более лечении в психиатрической больнице.

Информация о всех кровных предках человека не просто содержится в нём, как в складском помещении, но она формирует его натуру. То есть, каждый предок внёс в суть человека свою лепту.

Эта память состоит по назначению из двух частей. О её устройстве мы ровным счетом не знаем ничего, да не очень-то и стремимся узнать, вполне довольствуясь принципом «черного ящика», то есть, данными на выходе.

Одна часть идёт на формирование натуры человека. На это уходит, однако, не вся суть запомненных предков, а как бы часть её. Почему, скажем, именно эта часть, а не иная, нам опять же неизвестно, но в любом варианте она формирует натуру, характер, поведение и судьбу человека. Она влияет на человека непосредственно, становится частью его сути явственно, слитно с ним. Самостоятельно же в отдельном виде она в человеке не функционирует, не давит на него, скажем, как некая личностная сила на сознание, то есть, он, человек, не ощущает в себе из-за этого чего-то инородного.

Она естественно вошла в его суть.

Другая часть содержит в себе потенциальную способность быть личностью, предком, человеком из кровного рода в полном своём виде, но, к счастью, она крепко спит в человеке и никоим образом им не ощущается. То есть, эту свою потенциальную возможность и способность она не реализует по причине глубокого вечного сна.

Обычно, скажем, всегда, но…

Необходимо сказать, что в единстве рода по крови всех предков есть нечто особое, целое, важное. Некая идея.

Род человека хорошо отображается деревом, ибо то и другое проявление жизни. Род начинается от ствола. Дальше от ствола крупные ветви, затем менее крупные и до самых крайних. Предков всё больше и они все разные. Это до определённого уровня, когда людей на Земле много.

Если же двигаться в обратном направлении к стволу, то разнообразие и численность уменьшается, наконец, всё уходит в ствол.

Геометрически это мысленное движение можно изобразить двумя конусами. Вначале от начальной точки конуса (ствола) в сторону его расширения до предельного увеличения численности людей, затем по мере убывания численности населения, в сторону его сужения до начальной точки (ствола). Понятно, в реальности движение происходит один раз по первому варианту его, ибо второе обратное движение собственно плод размышления человека, исследующего свою родословную.

Представим теперь, что человеку надо, ему нестерпимо желательно пройтись по своим предкам. Посильно ли это для него?

Картина прослеживания предков данного человека настолько сложна и запутана, что кажется неразрешимой. Число линий кровной связи не просто велико, оно чудовищно велико. Но это сложность для человека, а не для реальности, которая, в отличие от него, знает всё. Реальность как есть отражает мир и от соображения человека решительно не зависит.

Так вот, существует ли в этой реальности линия предков, фатальная для человека? Его кровнородственная линия предков наследования его сути, определяющая его поведение и судьбу?

Эти рассуждения возникли не на пустом месте, ибо мозги многих людей назойливо, как бы человек ни относился к вопросам веры, сверлит вопрос о Каиновом грехе. Насколько этот Каинов грех проник в человека и в какой степени он коснулся именно этого человека.

«Скажем, меня», — думает человек. Это сверло неизменно и упорно возвращает внимание к исследованию линии судьбы от Адама до конкретного человека любой эпохи.

Каинов грех — первопричина и начало всего человеческого безумия и зла, бесчинств, немыслимо сложных отношений, словом, всего. Невозможно понять состояние человечества, если обойти, умолчать этот коренной вопрос. Ведь Каин совершил своё злодейство, не побуждаемый необходимостью добыть пищу, а намеренно, по размышлении, обдуманно. На разум его, несомненно, давила некая потребность совершения зла. Кроме того, разум усиливает инстинкт

жизни со всеми его животными устремлениями, и эти два обстоятельства в совокупности для многих людей действуют значительно сильнее нравственных установок.

Такова суть устройства человека в очень кратком, посильном для автора видении, который никоим образом не претендует на глубокое знание указанного предмета.

Так он полагает.

Также, без претензии на свою энциклопедическую осведомлённость, ему, автору, известно, что случаев того, чтобы в человеке просыпался какой-либо его предок, не было никогда.

Впрочем, как знать. Здесь при всём самоуважении толково, убедительно и определённо заявлять категорично, как это сделал автор, по меньшей мере, некорректно.

Не в состоянии знать отдельно взятый человек всего, что случалось на Земле.

Всё человечество в целом, несомненно, знает по данному вопросу больше одного человека, в том числе и автора, но хотя оно является, несомненно, мыслящим и где-то даже индивидуальным, скажем, как Океан Лема, но, увы, человек еще не научился общаться с ним и тем более обмениваться информацией. Хотя, само по себе такое общение есть жизненная необходимость эволюции, если она предусматривает длительную жизнь для Землян как вида.

Теперь после вышеуказанного утомительного для прочтения, но, несомненно, полезного для понимания происходящего с Яшей рассуждения видно, что с ним, именно с Яшей, случилось невероятное, решительно противоречащее закону устройства человека событие.

В Яше проснулся его предок.

Проснулся натурально и, движимый инстинктом самосохранения, обрушился на Яшу, подавил его сознание, оттеснил Яшу от него самого. Яша изнутри стал этим своим предком с его памятью, жизненными взглядами и поведением, и стал жить этой жизнью из памяти. Он повторил жизнь своего предка в течение некоего отрезка времени.

О чем и пойдёт речь ниже.

Этим предком оказался Иаков, троюродный брат Саула и племянник тётушки Саломеи, жены Симона — жителей Иерусалима в первом столетии от рождества Христова.

Для Яши эта его новая жизнь виделась решительно реалистическим сном.

Реальным до такой степени, что для него это был как бы не сон, а естественная, хотя и необыкновенная, жизнь. Яша ощущал себя полностью, без остатка своим в иное время вовсе не оттого, что кто-то ему нашептывал, а натурально, как житель того времени, абориген, так сказать.

Интересно, помнил ли он, что он не Иаков вовсе, а Яша Циперович, матрос подводной лодки «Пенелопа»? Помнил ли он, что у него в городе Бобруйске папа Абрам и мама Тамара, тетушка Софа? Только ощущал или он стал истинным аборигеном, жителем Хефера, и в настоящее время находится в Иерусалиме в гостях у своей тётушки Саломеи?

Возможно, он ощущал себя зрителем со стороны, но совершенно без способности хотя бы малейшего влияния своей сути из будущего, откуда он собственно и возник, на события и тем более участия в этих событиях.

Мало того, тут уж вовсе непонятно, Яша не ощущал языкового неудобства или иного стеснения при общении с людьми, которые для него при этом были непринуждённо своими. Он жил совершенно натуральной жизнью, как абориген.

Суть его, как человека из далёкого будущего, не давила на его разум, не мешала ему, не показывала ему, что, мол, ты оттуда, ты здесь случайно и ты здесь чужой.

Словом, предок Яши Иаков не просто проснулся в нём и стал его натурой, поведением, видением мира, ярко и убедительно, как истинный, реальный Яша, но он вошел в Яшу таким вещим сном, который невозможно отличить от реальности.

Он слился с реальностью.

Для сведения.

Закон. Информация о предках не исчезает. Она передаётся по крови. Реализация эффекта — «рукописи не горят».

Информация является самым стойким элементом Вселенной. Ни температура, ни лучи, ни гравитация или что угодно прочее не в состоянии разрушить информацию. Здесь имеется в виду не носитель её, а единственно смысловое содержание, суть её.

Следствие. Каиново распределение. Информация о Каине не исчезает.

Автор, со своей стороны, достоверно знает, что плоть Яши при этом, в двадцатом веке вместе со своим содержимым, в том числе сгу-

стком памяти о предках, натурально спала на подвесной койке в матросском кубрике боевого подводного крейсера «Пенелопы», и уж никак не в Иерусалиме первого века.

Она топала по Атлантическому океану вместе с «Пенелопой».

Итак, Яша стал этим своим предком Иаковом в натуре. Но не както там физически, а по сути разума, ощущению себя. Непонятно. Этот предок, он стал натурально реальным или, так сказать, он стал Яшиным воспоминанием?

Ладно, не будем забивать себе мозги, всё равно не разберёмся. Во всяком случае, в этом варианте ситуация стоит уже на реальности, основанной на человеческой сути. Без ухода в иррациональность от отвратительного авторского ступора и безысходности.

Что касается предположения о переносе по времени, ради Бога, оставьте это для несерьёзного человека.

Я убеждён, что среди моих читателей таких нет.

Как всё это осмыслить, как понять? Возможно ли изобразить это вразумительным образом, так сказать, конструктивно? Здесь я постарался посильно дать своё видение события, только своё. Не уверен, достаточное ли. Даже сам Яша в дальнейшем не мог ответить на этот вопрос.

Более или менее ясно лишь одно — аномальный всплеск времени в точке «Х» Атлантики вскрыл нутро Яши, взболтнул, так сказать, и предок проснулся. Это и всё, если подходить честно.

Тётушка Саломея

Вошла женщина, одетая в свободно облегающее платье, вроде просторной рубашки, стянутой в талии узеньким разукрашенным пояском.

Она подбежала к Яше и приветливо всплеснула руками.

— Иаков, мальчик, радость моя, ты проснулся. Поспал ты хорошо. Видно, утомила тебя дорога, ведь путь от Хефера не близкий, да еще по такой трудной дороге этой вашей горной Самарии.

Вставай, а то проспишь всё на свете. Поднимайся, моё золото, я тебя покормлю.

— Здравствуй, тётя Саломея, — сказал Яша.

Он встал с постели и сладко потянулся.

Храм царя Соломона

— Тебе, Иаков, давно надо было приехать в Иерусалим, ты в своём Хефере совсем одичал там, на обочине жизни с вашими филистимлянами. У вас там жизнь совсем иная. А мы Иерусалим, понимаешь? Здесь наш храм и наша вера. Поживёшь у нас, многое поймёшь.

Саломея еще не закончила свою мысль, как в комнату вошла, нет, даже и не вбежала, а как прекрасная изящная птичка, впорхнула девочка.

Она была восхитительна своей юностью и красотой, как прекрасен открывающий свою красоту бутон розы. Своим появлением она наполнила комнату сверкающей радостью.

— Яша, это моя Циппи. Циппи, это Яша из Хефера, он твой дальний родственник по моей ветви.

Яша взглянул на девочку, и его горным обвалом накрыло, обволокло мгновенно возникшее великое чувство влюблённости, идущее от глубинной сути человека и неподвластное его разуму, восхитительное чувство влечения мужчины к женщине.

Яша не мог, да и не хотел оторвать взгляд от Циппи.

Циппи смутилась и покраснела, а Саломея рассмеялась.

Судьбоносная улыбка

В воскресенье девятого Низана на склоне Елеонской горы по каменистой дороге в Виффагию шел сильно погруженный в размышления молодой человек. Это был Саул, троюродный брат Симона, двоюродного брата Иакова по жене его Саломее.

Выглядел Саул, прямо скажем, по людским понятиям не красавцем.

Он широкоплеч, но ростом не велик, а скорее мал, да еще толст и сутул. По этой причине даже широкие плечи его не красили, а скорее контрастно усиливали диспропорцию тела. Он носил бороду, нежную по молодости, да вот еще, лицо его было заметно бледное.

Из-за такой заурядной своей внешности он никоим образом не привлекал внимания встречных, обычно обращающих его на людей интересных.

Словом, человек, как многие.

По обыкновению для Саула в это время дня, путь его лежал именно в Виффагию, предместье Иерусалима, населённое преимущественно священнослужителями, и шел он не абы к кому, а к самому Старцу Гамалиилу, весьма известному, уважаемому и просвещенному ученому иудею.

Саул учился у него мудрости иудаизма.

Когда до дома Старца оставалось еще порядочное расстояние, он заметил большую группу людей, которые шумно, с песнями и громкими возгласами двигались ему навстречу. Вначале Саул не придал этому значения, ибо в преддверии праздника Пасхи по городу в суете и волнении по всяким местам толпились люди. Однако, по мере сближения он увидел нечто необычное.

Посреди толпы, окруженный множеством людей, верхом на белой ослице ехал молодой, очень красивый мужчина. Красота его была необыкновенной, удивительно чистой и кроткой.

Вместо попоны ослица накрыта праздничными женскими и мужскими одеждами, сбоку бежит белый ослёнок. Впереди идут люди; они кладут на дорогу под копыта ослицы свои плащи и пальмовые ветви. Лица их выражают счастье и радость события.

Люди громко славят седока и кричат:

— Осанна сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне!

Саул стал в сторону, чтобы пропустить это шумное шествие, и смотрел.

Они поравнялись. Мужчина, сидевший на ослице до этого прямо, неожиданно оборотился к Саулу в очевидном удивлении. Бездонной глубины глаза его поражали своей выразительностью. Они излучали доброту, вселенскую мудрость, но и скорбь.

На юношу полыхнул поток доброты и всепонимания.

Мужчина улыбнулся и послал ему свою улыбку.

Время на мгновение, по человеческим меркам, остановилось, застыло в благоговении перед событием.

Момент, краткий миг, но его оказалось достаточно, чтобы мужчина узнал юношу и послал ему свой призыв. Тот увидел, но не понял сути, не осознал и лишь остолбенел в недоумении. Он ощутил во всём этом нечто странное, но и только.

Тем более он не мог предположить, что это событие в его жизни, эта улыбка встречного человека осветит мир на тысячелетия вперёд.

Остальные люди как шли, так и шли.

Они не заметили, да и не могли заметить величия, происшедшего в их присутствии и на их глазах, ибо оно совершилось в ином измерении, на духовном уровне, куда доступ одиночкам. А поскольку таковых среди свидетелей не оказалось, то и событие никоим образом их не коснулось.

Саул некоторое время оставался в недвижимости, как врытый, там, где стоял. Он будто завороженный смотрел вслед восторженной толпе, затем очнулся, махнул рукой да и двинулся по своим земным делам.

Старец Гамалиил

Саул подошел к дому Старца, некоторое время деликатно постоял у входа, как того требовало понятие вежливости, а затем вошел.

В дверях он снова остановился, благоговейно прикоснулся пальцами левой руки к мезузе — пергаменту, прикреплённому к дверному косяку, прошептал начертанную на нём молитву и вступил в комнату.

Старец сидел у окна в своём старом деревянном кресле, глубоко погруженный в размышления в связи с последними событиями в Иерусалиме.

Старец — так согласно принятому этикету и положению в духовной иерархии его почтительно называли иудеи. По виду своему он, однако, никакой не старец, напротив, это красивый, необычайно обаятельный, правда, уже довольно пожилой человек.

Красив одухотворённой красотой, оригинальной, неповторимой.

Словом, мы в своём повествовании не станем называть Гамалиила старцем, ибо в этом нет необходимости; к тому же, как сказано, «старец» искажает впечатление о его внешности.

Гамалиил — внук Гиллеля, человек с широким умственным кругозором, один из самых образованных, просвещенных и мыслящих иудеев в Иерусалиме в рассматриваемый нами отрезок времени.

К саддукеям, этому привилегированному слою Израиля, вершившему священническую и весьма значительную светскую власть, Гамалиил себя не относил. Те больше заботились о власти своей да материальной выгоде от своего положения верховных священников Храма.

Будучи глубоко верующим иудеем, по сути он, несомненно, принадлежал к фарисеям, которые в то время да, пожалуй, и всегда, проявляли себя истинными хранителями и защитниками веры, увы, зачастую чрезмерными.

Фарисеи показали себя солью и крепостью иудейской веры и народа Израиля. Однако, Гамалиил, в отличие от своих единоверцев, нередко, а правильнее сказать, обычно подверженных приступам фанатизма, — был человек свободно мыслящий и не замыкался в патологической исключительности иудеев, и фарисеев в частности, не подвергая, однако, сомнению суть веры и букву Закона.

Впрочем, всё не так просто.

Во всяком случае, указанная особенность его натуры позволяла ему в размышлениях своих нередко сомневаться.

Сомнение — несомненно, великое и решительно необходимое качество мыслителя: ни в чем не сомневаясь, невозможно приблизиться к истине.

Вне сомнений только Создатель. Потому что Он Создатель.

Гамалиил очнулся от своих размышлений, поправил на голове кипу и улыбнулся.

— Садись, Саул. Я ждал тебя. Что нового в городе?

— Равви, по дороге к тебе я повстречал людей, их поведение удивило меня, — Саул рассказал о странном шествии людей.

Гамалиил выслушал его с большим вниманием.

— Я слышал об этом человеке. Последнее время о нём много суждений и весьма разноречивых.

— Но они обращались к нему как к мессии. Они кричали: «Осанна сыну Давидову». Как это может быть?

— Говорят, он сын плотника и сам плотник. Он проповедует людям свою причастность к Господу, как Сын Его, и царство Божье внутри человека.

— Как это?

— Не знаю, я не беседовал с ним. Однако, проповедь его противоречит Закону.

— Почему ему позволяют такое?

— Священнослужители храма встревожены. Они хотят призвать его на синедрион

— Равви, а что ты сам думаешь об этом?

Гамалиил долго молчал, и прозвучавший наконец ответ не содержал уверенности.

Он тихо сказал:

— Саул, если это дело от человека, оно падёт само собой, а если от Бога, то как возможно противиться делу Божьему?

Всё равно никому не удастся остановить его.

— Но он идёт против Закона! В законе наше спасение, как же можно допустить такое?

— Вот как раз это обстоятельство меня и тревожит.

Я должен быть убеждён, что этот человек виновен в таком грехе. Нельзя принимать решение, не устранив сомнения. Перед твоим приходом я размышлял именно в связи с этим.

— Равви, разве могут быть здесь сомнения, если он пошел против Закона?

— Саул, мой мальчик, наши размышления необходимо обязательно пропускать через фильтр сомнений, иначе не подойти даже издали к истине, чтобы полюбоваться ею.

— Но не в этом случае!

— Отчего же, недопустимо сомневаться только в Создателе.

— Прости меня, равви, но у меня твёрдое убеждение, что он заслуживает наказания. Он подрывает нашу надежду на спасение.

— Самая роковая дилемма — при решении, где Мессия, а где идол, — произнёс Гамалиил. — Вот страшное по последствиям решение в случае ошибки. Выбор — сомнение между злом и добром, истиной и ложью.

— Равви, я не умею сомневаться, — сказал Саул. — Мне неведомы сомнения и неведомо согласие с людьми против моего понимания.

— Саул, у каждого человека свой мир жизни; миров этих столько, сколько людей, и эти индивидуальные миры, увы, чувственно плохо связаны между собой. То есть, человек человека если и понимает, то

коряво, без души. Через зрение, через слух, слова, но никак не душой или кожей.

Во многом из-за этого распри, беды. Понимаешь?

И потом, Создатель никогда не запрещал сомневаться по жизни. Сомнениям нет места только в Нём.

Слова равви не проникли в сознание Саула настолько, чтобы он согласился с ним; он вышел, убеждённый в своей правоте и только в своей.

Гамалиил, однако, не был раздосадован такой реакцией Саула: он хорошо знал натуру своего ученика.

Сомнение — дело мыслителя, а этот мальчик человек дела, он устремлён и в этом устремлении своём неудержим, сомнения могут только мешать ему.

«Я чувствую в нём великое дело. Молю Господа дать ему поддержку и доброе направление», — думал он.

Так полагал мудрый фарисей равви Гамалиил.

После этого события прошло несколько лет.

Саул пришел к своему двоюродному брату Симону, мужу Саломеи, тётушки Иакова. А поскольку наш Яша там состоит именно Иаковом, то как бы и его, и получается, что Саул его родственник. Скажем так, он его троюродный брат. Вообще-то, седьмая вода на киселе, но родственник.

Саул вошел в дом, постоял с молитвой возле мезузы, коснулся рукой и поцеловал её священный пергамент.

Увидел Иакова и спросил:

— Саломея, кто это?

— Саул, это твой родственник Иаков из Хефера.

Саул кивнул Яше в знак приветствия и с любопытством на него посмотрел.

Однако, внезапно и резко переменился.

Взгляд его, устремлённый на Яшу, напрягся до предела. Он видел перед собой, несомненно, своего родственника, чувствовал в нём близкую себе кровь и вместе с тем отчетливое, почти болезненное ощущение, нет, не чужого, но решительно иного человека.

Откуда было знать Саулу, что человек Яша, стоящий перед ним, рождён не теперь? Теперь его еще нет, а он только будет рождён через две тысячи лет, и эта бездна времени, разделяющая их, вдруг надавила на Саула.

Он, однако, стряхнул с себя это непонятное ему ощущение.

«Наваждение», — решил Саул и успокоился.

Вскоре собрался уходить.

— Куда ты уходишь, Саул? — спросил Яша, чтобы отвлечь того от этого неприятного и странного его взгляда, от которого Яше стало не по себе.

— В Синедрион.

— Что там будешь делать?

— Там допрос Христианина.

— Кто такой этот Христианин?

— Он исповедует и проповедует Иисуса Назарянина.

Яша помолчал. Он ничего не знал про Иисуса Назарянина.

— Саул, скажи, в чем его обвиняют? Этого Христианина. Сама по себе проповедь не преступление, не правда ли?

— Он собирает вокруг себя людей и доказывает им, что Иисус истинный мессия.

— И что?

— Люди верят ему.

— И что?

— Яша, ты не понимаешь, что это означает?

— Нет, не понимаю. Почему Иисус не может быть действительно мессией?

— Яша, — возмутился Саул, — что ты плетёшь?

Как Иисус может быть мессией, всем известно, он простой плотник, всем известно, его отец Иосиф простой плотник и мать простая женщина Мария, и все они из Назарета. Как он может быть мессией? Что в нём божественного? Разве он пришел в божественном громе и пламени? Разве он, такой простой и смиренный, способен быть всемогущим Богом?

Яша промолчал.

Молчали все.

Нарушила молчание Саломея. Она попыталась объяснить Яше причину такого резкого утверждения Саула.

— Иаков, пойми, Он столько сурово наказывал нас за наши грехи, за поклонение идолам и порою наказывал жестоко. Иные люди даже говорили: «это несправедливо».

Ой мей! Я употребила непотребное слово. Иаков, ты не слышал, что я сказала, ладно, мой мальчик? Твоя тётя Саломея очень любит тебя, но она слишком болтлива. На это мне не раз выговаривал мой Симончик, дай тебе Бог здоровья, мой дорогой.

«Справедливо, не справедливо», как можно! Нельзя по отношению к Создателю такое. Он всегда справедлив. Увы, люди погрязли в грехах и склонны к ним. Нельзя отступать от Него, Того, кто скрепил договор с нашим Моше. Как можно! Мы будем наказаны сурово. Вот в чем дело.

Разве Он мало наказывал отступников от Его Заветов?

Потоп, Содом и Гоморра, Ассирийский плен, Египетское рабство. А испытание Иова! Вот какую веру требовал Он. Мы живём верой, ждём, что Он поможет нам избавиться от грехов, от нашей мерзости.

Саломея так разволновалась, что не смогла продолжить. Она закрыла лицо руками и замолчала.

— Ну почему мы такие? — произнёс Симон.

Вот ты, Саломея, сказала, ждём, Он избавит нас от грехов, забывая, что мы сами должны стараться сделать себя лучше. Сами. Это, однако, и в голову нам не приходит, а ведь так просто.

Мы верим в Закон, и если находится человек, думающий иначе, мы возмущаемся, боимся, что это нарушение Закона, и это приведёт к бедствию, а вдруг он, этот человек, идол? Кто нам скажет, что он истинно Мессия? Только Он, а Он молчит.

Вот, мы так и живём. На всём свете нет такого народа, который живёт с такой силой веры, как наш. Мы охвачены ею, мы горим верой. Мы живём, как все люди, но постоянно возбуждены соблюдением Закона, нашего единственного и надёжного спасения.

Симон замолчал, молчали все. Слишком болезненная тема разговора.

Страшно и подумать о весьма возможной ошибке и роковых последствиях.

Нарушил молчание Саул.

— Пойми, Яша, наше спасение в соблюдении Закона.

Христианин наводит хулу на Закон. Он должен быть наказан.

— Сави, я пойду с тобой. Позволь мне тебя сопровождать, я стану тебе верным помощником.

— Тебя не допустят. Там могут находиться только посвященные.

— Я издали.

— Что ж, попробуй, — Саул усмехнулся. Он знал драконовские порядки Синедриона.

Синедрион

Они подошли.

— Он со мной, — сказал Саул на попытку стража задержать Яшу. Впрочем, без надежды на успех, но, как ни странно, тот не препятствовал. Здесь хорошо знали Саула.

«Видимо, авторитет Саула здесь высок», — подумал Яша.

За огромным, из тяжелого бука, столом «Справедливости» члены Синедриона сидели единственно с одной стороны. Противоположная сторона стола свободна, и в некотором отдалении, не вплотную, стоял в оковах Христианин. Человек, дело которого рассматривал высокий суд.

Его судили, ибо Синедрион — это иудейский суд по всем делам, связанным с нарушением Закона Веры.

Саул прошел к столу и занял своё место.

— Ты признаёшь, что возводил хулу на Закон? — задал свой первый вопрос глава Синедриона.

— Нет, не признаю.

— Но у нас есть свидетели, которые слышали твои слова хулы.

— Они не могли этого слышать, по той причине, что хулы от меня не было.

— Ты знаешь человека по имени Исаак из Хеврона?

— Я знаю его. Он лживый нехороший человек. Я же чту Закон.

— Это ты говоришь.

Исаак из Хеврона слышал, как ты сказал людям, окружающим тебя, и сказал громко: «Иисус изменит заветы, данные по преданию».

— Да, я сказал так, но предания это не Закон.

Эти мои слова не хула на Закон. Я говорил о заветах по преданию, а не о Законе.

Христианина слушали, но не слышали. Он и они находились в разных мирах.

Встал Саул, но вместо вопроса он твёрдо произнёс:

— Этот человек устремлён к нарушению Закона, в котором наша жизнь и спасение. Я сказал.

После этих слов Саул сел.

Много чего наговорили посвященные Синедриона, но по смыслу все они сказали одно:

«Он, Христианин, хочет нарушить Закон, в котором наша жизнь и спасение».

То есть, они повторили сказанное Саулом.

После того, как все высказались, Христианину разрешили объяснить своё поведение и повиниться.

Христианин начал очень спокойно. Он хотел, чтобы его поняли.

Он сказал:

— Иисус истинный мессия, сын Его, посланный Им к людям, погрязшим в грехах. Иисус указал людям, человеку путь к спасению. Своей смертью Он принял их грехи на себя и дал им надежду на спасение.

Дальше спокойствие, однако, покинуло Христианина, и он продолжал страстно, с великой убеждённостью и безбоязненно.

— А вы, жестоковыйные! Люди с необрезанными сердцем и ушами, что сделали вы! Вы убили Мессию, думали, что убили, ибо Его убить невозможно!

Он воздел глаза к небу и вдохновенно произнёс:

— Я вижу небеса отверстыя и Сына человеческого, стоящего одесную Него! Жестоковыйные! Люди с необрезанным сердцем и ушами, вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши, так и вы.

До этого момента речь Христианина не прерывали. Судьи хранили мрачное молчание. Они даже были довольны, что Христианин назвал Иисуса мессией и тем признал предъявленное ему обвинение.

Однако, теперь, после того, как Христианин назвал их преступниками против Него, Синедрион взорвался. Крик ярости потряс стены судебного помещения. Присутствующие заткнули себе уши, чтобы не слышать этого страшного обвинения. Они кричали и скрежетали в ярости зубами.

Теперь суд сбросил личину подобия справедливого судебного разбирательства и превратился в неприкрытую расправу над человеком, независимо от того, прав он или преступен. Посвященные были на грани убить Христианина здесь же, однако, вдруг вспомнили, что они судьи и обязаны вынести свой вердикт.

«Христианина казнить побитием камнями», — был их приговор.

Побитие камнями

Автор

Смысл этого вида казни в том, чтобы в ней были замешаны все без исключения. Казнит народ, а не отдельный человек, которого могут сделать виноватым и спросить с него.

Казнит народ. Круговая порука! Это понятие живо и теперь. Нет виноватого! Казнит народ, а он всегда прав!

Здесь, однако, необходимо дать историческую справку, чтобы объяснить факт события. Дело в том, что эта казнь, побитие человека камнями, по римскому праву противозаконна без санкции Римской власти, а произвол, то есть, единоличное решение Синедриона без такой санкции, объясняется падением римского авторитета в Иудее после смерти императора Тиберия и прихода к власти безумного Калигулы.

При Пилате такое было бы невозможным, но Пилата уволили, и Саул преуспел в гонении христиан ради сохранения надежды на спасение через Закон.

После оглашения приговора тут же, без промедления, Христианина повели за город.

Там, на скалистой площадке его бросили на землю, а сами приготовились к казни. Для начала они принялись собирать камни, которых было во множестве в этом месте.

При этом брали камни среднего размера, не крупные, чтобы не убить сразу, без мучений, и не мелкие, которыми не убьёшь. Именно средние, чтобы жертва истекала кровью, мучилась долго и обязательно, будучи в полном сознании, ощущала свои мучения.

Набрав камней, сколько мог взять каждый, чтобы хватило для дела, палачи выбрали свидетелей казни и хранителя одежды. Таков установленный веками ритуал казни побития камнями.

Выбор хранителя одежды без колебания и споров пал на Саула, и он, Саул, был горд этим доверием; с тайной радостью он думал, что ему вменится в заслугу участие в казни богохульника.

В обязанности свидетелей входило первыми бросить камень в преступника. Назначенные свидетели сняли с себя одежду и сложили её у ног Саула-хранителя.

Затем иудеи окружили Христианина и после ритуального молчания стали кидать в него камни, стараясь попасть в голову. Побитие камнями — казнь еще более жестокая, чем иная, когда человека умерщвляют сразу, без мучений.

Этот град камней то в голову, то в грудь или в другие места тела живого чувствующего человека причиняли невыносимую боль и страдания. Удары камней по телу человека были отчетливо видны палачам. Они видели, как брызгала кровь и раздавались стоны убиваемого.

Автор

Какая нелепость со стороны людей, как бы совершающих благое дело, — убийство человека.

Это безжалостное действо продолжалось до тех пор, пока люди видели, что человек еще жив. Однако, они некоторое время еще кидали камни даже после того, как Христианин перестал дышать. Они продолжали убивать его уже мёртвого. Такова была их ненависть к иудею, якобы, посягнувшему на Закон.

Сидя возле кучи сложенной палачами одежды, возле всего этого ужаса, Саул напряженно наблюдал казнь. Он отчетливо видел, как в Христианина летели смертоносные камни. Как обильно брызгала кровь. Кровь разлеталась в стороны, смачивала землю; брызги крови ударяли в лицо и одежду Саула. И он, Саул, ощущал при этом глубокое удовлетворение, ибо побивают зло, мешающее ему и всем иудеям спастись через веру в Закон.

Побивали врага его веры, его Закона, его спасения. И это хорошо.

Так ощущал Саул.

И в то же время душа его как человека содрогалась от вида страданий христианина-человека. В душе своей Саул видел двух людей — человека и человека-Христианина. И с каждым попаданием в Христианина-человека убийственного камня, его боли, крови и стона, которого тот не мог сдержать, душа Саула раздиралась между страданиями человека и удовлетворением казнью богохульника.

Убедившись в смерти Христианина, палачи разошлись.

Одни горячо обсуждая происшествие, иные угрюмо.

Даже фанатично убеждённые люди, некоторые, не все, в глубине своей после свершения жестоких дел ощущают душевное неудобство, ибо зло — даже вроде бы во благо — остаётся злом, неодобряемым Им по сути.

Яша был здесь и всё видел. Он видел Саула, своего родственника, который старательно и даже с очевидной гордостью исполнял свою

должность. Он видел весь этот кошмар, и рассудок его был на грани разрушения. Что двигало этих людей совершать такое, и как это возможно вообще для человека?

Первые сомнения Саула

Возвращались.

Яша молчал; он боялся смотреть на Саула, боялся заглянуть ему в глаза, страшась увидеть, но жадно хотелось. Что надеялся прочитать Яша в глазах Саула и чего боялся в них увидеть?

Саул тоже молчал.

То ощущение свершения нужного праведного дела, которое владело им во время казни Христианина, прошло. Теперь он пронзительно увидел в разуме своём то, чего не замечал в пылу, в рвении своём, заслонивших тогда всё. Разум его и память отпечатали мельчайшие детали происшедшего.

Он внезапно вспомнил, что несчастный не просил о пощаде, он стонал, ибо не в состоянии был молча терпеть смертельную боль, стонал, но сквозь стоны страданий он просил Иисуса, того самого Иисуса, в понятии Саула простого плотника, взять его к Себе.

Но еще сильнее поразило Саула то, что Христианин произносил слова вовсе уж несуразные, никак не соответствующие тому, что происходило с ним. Он просил Иисуса простить своих палачей. Простить им грех их.

Говорил: «Люди эти творят по невежеству своему, что они со временем поймут и раскаются».

К тому же, и слова равви Гамалиила не пропали для Саула бесследно.

Они оставались в нём, в его памяти, ранее без всякого влияния, но после побития Христианина внесли в его душу сомнения; эти сомнения всё сильнее овладевали им и заставляли размышлять. Сомнения, о необходимости которых так убеждённо говорил равви.

Сомнения, которые он сам решительно отвергал как мешающие ему в его праведном деле.

— • —

Такое состояние, однако, возникало у Саула лишь изредка. Оно беспокоило его, смущало, но и только. Оно никоим образом не меняло его намерений. Охваченный своим твёрдым убеждением в необходи-

мости защиты Закона от лжемессий во имя спасения людей, Саул решительно встал в первые ряды гонителей христиан.

Он как одержимый рыскал по Иерусалиму с указом, разрешающим ему всякие жестокости по отношению к ним. Ходил от синагоги к синагоге, принуждая христиан отречься от Иисуса. Людей, несогласных с его приказом, приказывал бичевать и кидать в тюрьму. В сопровождении фанатичных фарисеев врывался в дома, где подозревали христиан, вязал их и в узах влачил на судилище.

Затем он обрушился на иные города.

Его приводил в неистовство, но одновременно и в отчаяние успех новой веры. Узнав, что в Дамаске появились христиане, он испросил у первосвященника Феофила верительную грамоту в синагогу этого сирийского города с полномочиями задержать там всех богопротивных людей и привести их связанными в Иерусалим.

Саул с гордостью говорил людям, что нет человека более ревностного в исполнении завета предков, чем он, Саул.

Таков был Саул — двоюродный брат Симона, троюродный родственник Иакова — вплоть до 21 дня месяца Ава 3794 года.

— • —

Итак, Саул ради своего спасения и спасения иудеев ожесточенно преследовал христиан, и не было у него жалости к ним и не было сомнений в правильности этого своего жестокого пути.

Но вот однажды…

«А что, если… Иисус и есть истинный Мессия? — внезапно подумалось ему. — И Он сын Его?!»

Эта мысль обожгла Саула, и от этой мысли он помертвел. Такое, хотя бы пусть лишь предположение, ошеломило и ввергло его в новое ощущение, состояние страха и даже паники.

А если он ошибается, и Иисус истинный мессия?

Тогда он, Саул, не просто допускает ошибку, нет, тогда он, выходит, замахнулся на самого Него. В неверие в Него и гонение Его.

В этом новом понимании все мыслимые опасения и даже страхи от возможной утраты личного спасения через Закон, которые до этого момента подвигали его к преследованию христиан, померкли, потеряли всякий смысл перед возможной чудовищной ошибкой и расплатой за неё.

Вот где трагедия Саула. В боязни допустить ошибку.

Отсюда его ожесточенность, от ужаса ошибиться. И вместе с тем несвойственная ему растерянность.

Саула глубоко угнетало еще и то, что Иисус иудей, и христианство вышло от иудеев, то есть, получалось, что оно, христианство, как бы заменяет веру в Закон. Оно как бы вместо Закона, но для Саула это катастрофа, конец спасению, ибо спасение Саул видел только через Закон.

Если бы Оно было верой иного народа, то это привычно и нормально. На Земле существуют кроме иудеев немало людей других религий, и это не вызывает тревоги, но здесь всё нечто иное. Вот что было страшно для Саула и подвигало его к действию так фанатично и жестоко.

И еще его изумляли доброта и смиренность его жертв, совесть упрекала; по ночам эти мужчины и женщины тихо подходили к Саулу и кротко спрашивали: «Саул, мальчик, за что ты так поступаешь с нами? Разве мы злодеи?»

В глазах у него иногда туманило кровью Христианина, брызнувшей на него. Эти видения мучили Саула и лишали уверенности в поступках, ввергали в беспокойство. Он гнал от себя такие мысли и одновременно, ожесточенно еще больше укреплялся в своей вере. Мечтал о новых жестокостях против тех, кто якобы нападал на неё.

Вот в каком состоянии находился Саул.

«Как это может быть? — размышлял Саул. — Как это может быть?» Но ответа в себе не находил.

Эти страшные мысли появились, но вскоре были вытеснены прежним пониманием того, что не это важно, в конце концов, мало ли что мог наговорить этот безумный человек Христианин в таком своём состоянии, по сути, в бреду.

Важно для Саула то, что последователи Иисуса, то есть, разрушителя Закона, появлялись повсеместно, они множились, как грибы после дождя, и за ними шли люди, попавшие под влияние обольстительных обещаний.

Людей надо спасать от этого дурмана, ибо Он не простит нам поклонения идолу. Разве Он не предупреждал «не поклоняться идолу»? Сколько раз Он наказывал нас за это. Разве Он не настораживал нас против возможных соблазнов, разве Он не требовал от нас стойко противостоять соблазнам, которые станут появляться в образе мессий, соблазняющих людей идти против Него? Сколько можно нам наступать на одни и те же грабли?

Наше спасение в соблюдении Закона, вот в чем наше спасение.

Имя Саула стало пугалом для христиан. От него ожидали всего, самые зверские насилия были возможны с его стороны.

Снова Гамалиил

Саул не вошел, он вбежал в покои равви Гамалиила и рухнул перед ним на колени в полном душевном изнеможении.

— Равви, что мне делать? — прорыдал он. — Они, эти заблудшие несчастные люди, не дают мне жить. По ночам они в видениях моих подходят и тихо спрашивают: «За что ты гонишь и убиваешь нас?».

— И я вижу, нет в них злобы против меня, они будто жалеют меня.

Как это может быть, Равви? Видно, этот лжемессия так коварен и силён в своём злом деле, если смог их так обмануть.

— Что мне делать, Равви?

— Успокойся, — Гамалиил поднял Саула и усадил на стул. Затем некоторое время помолчал, собираясь с мыслями.

— Саул, сынок, помнишь, я как-то уже ответил тебе. Теперь я только повторюсь, иного ответа нет для тебя от меня.

«Если это человеческое, то уйдёт само по себе, а если Бога, то как можно противиться Богу?»

Теперь я повторяю эти же слова. Иного здесь нет.

Мой мальчик, остановись в своём ожесточении. Человеку свойственно ошибаться, но есть ошибки маленькие — и есть непоправимые. Ты теперь стоишь перед ошибкой, величину которой не измерить человеку.

Мессия или идол. Ты убедил себя во втором.

А если…

Гамалиил, однако, сам испугался этих своих слов и погрузился в молитву.

Саул сидел, ожидая.

Прошло изрядно времени, прежде чем Старец завершил молитву и смог продолжить беседу.

Саул слушал его молча и наконец произнёс:

— Прости меня, равви, но ты меня не убедил. Не может этот человек быть истинным мессией. Всем известно, кто он, кто его отец и мать.

Как сын плотника и сам плотник может быть мессией? И что получается? Люди, им обманутые, идут против Закона Моше, в котором лишь и есть наше спасение.

Ты понимаешь, Равви?! Как я могу быть равнодушным в таком деле?

Я искореню эту заразу. Они нигде не найдут покоя. Пусть знают, что нет на свете убежища для них, где бы они могли спрятаться, где бы я их не нашел, не повязал и не притащил на суд в Иерусалим.

Равви, речь идёт о нашем спасении, Равви, о нашем спасении.

Мудрый иудей фарисей равви Гамалиил ощутил своё полное бессилие повлиять на Саула.

В Дамаск

— Яша, завтра я ухожу в Дамаск. Там появились христиане, и их число множится. Я взял бумагу у первосвященника; мне разрешено арестовывать этих богоотступников, вязать их в оковы и приводить в Иерусалим на суд. Когда я вернусь, тебя, вероятно, уже здесь не будет, вернёшься домой, в свой Хефер. Ты мне приятен, я был рад узнать тебя.

— Саул, я пойду с тобой, позволь мне тебя сопровождать. К тому же, я никогда не был в Дамаске.

— Да выдержишь ли ты, это не близко.

— Выдержу, выдержу. Я буду тебе надёжным помощником.

— Ну смотри. Отправимся рано утром.

Первый день пути. Иудея

Десятый день месяца Ава, вторник, 3794 год.

То, что творилось в душе у Саула, когда он пошел в Дамаск хватать христиан, не поддаётся никакому описанию. Слов не хватает, чтобы выразить муки, которые он испытывал.

— … Что, если?! — думал он. — А что, если это не лже?

Что, если он, Саул, ошибается?

И всякий раз кровь стыла в его жилах, и он вспоминал равви Гамалиила, с которым не был согласен, но которого глубоко уважал и верил ему. Вместе с тем, он по-прежнему твёрдо утверждался в верности своего убеждения.

— • —

Очень рано, едва занялся рассвет, Саул с Гектором и Яша, стараясь не обеспокоить спящую семью, вышли из дома. Всё необходимое для

Иордан у впадения в Мёртвое море

похода подготовлено с вечера, самые весомые вещи перетащены еще вчера.

Прошли порядочно: дом тётушки Саломеи расположен вовсе не близко от храма. Однако, вот и храм.

Здесь под большим деревом они увидели верблюда, пару осёдланных лошадей и двух рослых воинов внушительного вида, вооруженных мечами. Воины присланы Саулу из числа храмовых стражников для помощи и охраны его в Дамаске и в путешествии.

Почтительно, но с достоинством они приветствовали Саула поклоном, одновременно придерживая мечи за рукоять левой рукой.

На Сауле удобная для долгого пешего пути походная одежда, к углам верхней привязаны четыре кисти Цицит как память о Заповедях. На голове кипа как сила Его, прикрывающая иудея. В руках посох.

Он стал лицом к храму и произнёс молитву. «Шма исраэль, адонам эло кейну, Адонам эхад» — «Слушай, Израиль, Господь — Бог Наш, Господь — един».

Затем осмотрел поклажу и, убедившись в её полной собранности, сказал начинать путь.

Воины сели на коней, навьюченный верблюд с превеликой неохотой, по обычаю своему жалобно крича, встал, вернее сказать, взгромоздился поэтапно на задние ноги, вздёрнув при этом костистый зад,

Мёртвое море в лунную ночь

потом на передние, огляделся в ожидании сочувствия и наконец зашагал.

Саул и Яша шли налегке. Немного впереди трусил крупный рыжий волкодав Гектор. Ни единого встречного: Иерусалим спал.

Минуя многочисленные дома, путники двинулись по направлению к Шхемским воротам, откуда начиналась дорога в Дамаск. Стражник у ворот узнал Саула, прокричал приветствие и разрешил выезд. Путники вошли в тяжелые каменные ворота, миновали их и покинули город.

Далее тропа пошла справа от старого Иерусалима по Елеонской горе, которую по виду скорее можно было назвать большим холмом. Прошли старое кладбище, покрывающее большую часть холма.

Идти было легко, стояла приятная утренняя прохлада, дневная жара еще не наступила. Несколько часов путники шли по каменистой, сильно петляющей дороге.

Справа от дороги откос, уходящий, а вернее сказать, падающий вниз, к Мёртвому морю. Там, на самом донышке, где кончается падение с горы, видна река, впадающая в море. Это Иордан.

Ландшафт по обе стороны дороги — и слева, и справа — обычный для Иудейских гор и пустыни. Скалы мрачной, бурой, разных тонов расцветки. Внизу нагромождение скал и холмов, как бы слепленных

Иудея

человеком и напоминающих кучи изделий из теста, только увеличенных многократно. Кверху, ближе к дороге, нависла бурая тёмная громада иного вида, более дикого и угрожающего, и с еще более гнетущей глаз расцветкой.

Иудейская пустыня. Мрачно.

Неудивительно, что в такой суровой природе родилась самая удивительная религия мира. Религия, из которой возникло Христианство, основа, скрепляющая современную цивилизацию.

Тропа, по которой двигались наши путники, — Дорога Праотцев, Дерех Авот. Она пролегает по верхушкам длинной цепи гор с юга на север по серединке страны евреев. По виду тропа, а если по важности, то Великая дорога, соединяющая древние города — Шхем, Бейт-Эль, Иерусалим, Вифлеем, Хеврон, Беэр-Шева.

Здесь, вдоль этой Великой дороги с древних времён селился еврейский народ.

— Сави, — спросил Яша, — почему бы нам не двигаться по той дороге возле моря. Я вижу её, вон там, в самом низу. Она даже издали кажется мне более удобной, чем здесь.

— Здесь несколько причин, Яша. Прежде всего, знай, дорога, по которой мы идём теперь, это Дорога Праотцев. Это наша священная дорога. Её называют еще Дорогой Гор. Она так же трудна для путеше-

Иудейская пустыня

ственников, как тяжела история евреев, которые пришли с Востока по наказу Его.

В древности у наших предков было много опасностей и много врагов, ведь мы не миром, а в войнах с Его великой помощью обрели эту нашу землю Обетованную.

Землю Обетованную, то есть, данную нам по Обету с Ним.

Заметь, эта дорога расположена по горному хребту, дальше ты сам увидишь, с неё далеко просматриваются обе стороны от нашего пути; это очень важно. Значит, всегда можно заметить приближение врага и подготовиться к защите.

А на той дороге, Яша, там, внизу у Мёртвого моря, очень жарко. Труден там путь и сильно изнуряет человека. Если бы ты спустился к ней, то убедился, она не такая гладкая, какой кажется сверху.

— Ты сказал, эта дорога священная. Почему священная, Сави?

— Ну как же. В этих местах вся история нашего народа. Здесь наша с тобой родина, Яша. Понимаешь? Вникни в это слово, *Родина,* наша с тобой, дорогой Яшка.

Именно в этих местах жил и слышал голос Его Авраам, праотец наш. Здесь народ наш стал избранным Им. Сюда возвратился он из Египта после сорока лет хождения по пустыне, ведомый Святым Моше. Здесь та самая Земля Обетованная, обещанная Им. Здесь Авраам получил и исполнил заповедь Его, «Встань, пройди по земле этой».

Древняя иудейская крепость Массада, воздвигнутая Иродом Великим

Здесь он получил от Него Закон — великие указания-правила устройства жизни евреев и духовность.

Всё здесь. Как же не священная?

Здесь Библейские места. От Иерусалима чуть южнее Вифлеем. Он совсем близок и прекрасно виден. Если спуститься на Восток к северному краю моря — Иерихон, а возле южного края моря — Содом.

Но в центре всей нашей страны, несомненно, Иерусалим.

Здесь наш храм. Здесь наш Он.

Здесь я нахожу главную поддержку себе и ощущаю свою реальность в этом нашем сложном мире. Поддержка Его для меня великое счастье и уверенность в жизни. Я постоянно ощущаю, что Он ведёт меня по жизни. С Ним я не одинок, но с надёжной защитой.

Разве возможно, Яша, жить в природном полном зла мире без Его защиты?

Он одинок, Ему необходимо общение. Творение — Его суть. Он сотворил Себе собеседника — человека и стал смотреть, что будет. Цель Его — довести человека до подобия Себе. Одни народы шли упорно своим животным путём, отринув от себя духовность и пренебрегая требованиями Его, некоторых таких безнадёжных, то есть, плевелы, он убрал как загубленный материал.

Но вот Он увидел племя, которое прониклось Им, племя, изначально умудрённое духовно. В этом племени Он увидел понимание Его цели и желание идти по пути, Им указанному. То есть, это были уже не плевелы, а драгоценное зерно. Он собрал его и сделал избранным народом своим, и Он стал смотреть, что будет.

— Сави, — сказал Яша, пораженный словами Саула, — я не встречал человека подобного тебе. Я преклоняюсь перед тобой. Ты мудрее и выше людей, которых я знаю. Ты для меня всё.

Саул рассмеялся. Он был тронут такой несомненно искренней оценкой своих достоинств со стороны Яши. Он обнял его.

— Яша, мне приятно тобой сказанное, — тихо произнёс он, — я чувствую, твои слова от сердца, но друг мой, это с твоей стороны перебор. Запомни, Яша, запомни на всю свою жизнь. Не над людьми возможно поднимать себя, но над шелухой, мелочным бытом, вздором, над всем, что мешает человеку увидеть своим внутренним зрением Его и великий духовный мир, где центр всего Он. И молиться надо о человеке так, как будто ты реально спасаешь его этим, спасаешь! От страшной беды спасаешь, вот что ты вкладываешь в молитву. Так же спасаю я молитвой от забвения их, исчезновения их из памяти моих близких по крови и по духу. Я должен занести их в свою книгу, они исчезнут навсегда — как можно? Ибо не только смерти боится человек, но исчезновения навсегда. Надо их помнить и молиться о них.

— • —

Здесь, однако, необходимо прервать наше правдивое повествование.

Автор внезапно вспомнил и спохватился: да ведь он решительно неполно представил читателю участников похода и обстановку-ситуацию, сопутствующую настоящим событиям, и он тут же без промедления восполняет досадный пробел.

Итак, одного воина, храмового стражника, а именно рыжеволосого, звали Давидом, другого, напротив, с черными и жесткими, как проволока, курчавыми волосами — Арамом. Арам и Давид — весьма достойные имена.

Верблюда величали Лейбом, хотя какой уж из верблюда лев. И тем не менее. Остальные путники читателю известны.

И еще, автор решил приоткрыть свою маленькую тайну. Уважаемый читатель имеет право знать всё. Вот эта тайна — он, автор, также участвует в походе, да, участвует, но… незаметно.

Это каким же боком он сумел, каким образом, резонно его спросить. Сюда нельзя!

Ну хорошо, проник, но как ты пойдёшь с ними, если не знаешь образа мышления людей этого первого века? Как сможешь воспринять их жизнь, по сути, совершая совместный путь? А ведь только в этом случае возможно со смыслом оказаться в этом веке. Никак иначе, никакими фантазиями. Только восприняв их жизнь в натуре, а не в умозрениях, став частью их жизни в натуре, ты лишь и сможешь идти рядом с ними.

Ну, с Яшей ясно, тот ощущал себя жителем первого века уже известным читателю образом, об этом сказано, но ведь и самому автору безумно интересно, любопытно заглянуть туда же, чтобы понять, насколько изменился человек за эти истекшие две тысячи лет. Как-то зацепиться. Вот он и придумал сопровождать наших героев тайно от них, невидимо.

Он внимательно слушает, размышляет, советуется со Странником, а затем сообщает читателю своё видение поведения людей, живших в то судьбоносное время, а заодно и своё личное понимание происходящего.

Понятно, что при этом ни Яша, ни Саул, ни Давид, ни Арам, ни даже Лейб с Гектором не видят и не слышат автора. Он для них не существует. Он явен исключительно читателю.

Автор как бы посредник между первым и двадцать первым веком. Согласитесь, это сильно!

Итак, подытожим, на тропе Саул с верным Гектором и Яшей, верблюд Лейб, храмовые стражники Арам и Давид, да еще где-то сбоку ненавязчиво присутствуют мысленно с ними, но вместе с тем тайно, автор с его неизменным спутником по жизни, мудрым советником по самым сложным вопросам бытия Странником, которым решительно небезразлично всё здесь происходящее.

Автор

Иудея и Самария — это историческая область Израиля, которая в древности была центром еврейской государственности. Здесь жили Авраам, Ицхак и Яаков, здесь происходили основные события эпохи Судей. Основные библейские исторические драмы происходили именно в пределах этих земель. Таким образом, именно Иудея и Самария — это историческая родина еврейского народа. В этом месте сформировались еврейский монотеизм и библейские тексты, ставшие основой западной цивилизации.

— • —

Яшу поразили убеждённость и духовная глубина сказанного Саулом.

И еще Яша с изумлением увидел, как менялся при этом его облик. Куда девался его непомерно большой нос, излишняя полнота и не красящие его несоразмерно широкие плечи!

Его облик явственно принял духовный вид.

Перед Яшей предстал вдруг красивый человек Саул.

Автор

Когда человек одухотворён благими мыслями и намерениями, он приближает себя к образу и подобию Его. Он приближает себя к Нему.

Я встречал по жизни людей, поразительно красивых своим интеллектом.

Двое из них — один преподаватель Патентного, а другой Политехнического института — отличались внешней классической красотой, многократно усиленной интеллектом и обаянием. Обаянием интеллекта.

Третий, доцент, также из Политехнического института, внешне был грубоват, как котельная установка, предмет, который он читал, а те двое — нет слов: они были элегантны и обаятельны.

Следует упомянуть в этом ряду еще священника Александра Меня из подмосковной церкви.

Или вот еще, Ростислав Плятт и Фаина Раневская по греческим понятиям вовсе не красивые люди. Но никто, глядя на них, никогда этого не скажет. Напротив, всякий человек несомненно увидит перед собой двух потрясающе красивых Плятта и Раневскую, ибо из них исходит та особая красота, которую придаёт человеку одухотворённость.

Особая красота, красота высшего уровня. Красота человека, сумевшего войти в свой духовный мир и некоторое время побыть в нём. Блеск из духовного мира сообщился этим двум прекрасным людям, они прихватили с собой малую частицу его, которой, однако, хватило, чтобы преобразить человека, наделить его красотой духовного мира.

Не свидетельствует ли это, хотя бы косвенно, о существовании в натуре особой красоты мира духовности?

Возможно, возможно, может быть, и свидетельствует.

Мне-то, ничтожному, откуда это знать. Жаль, конечно.

Странник

Ты знаешь, я ведь скуп на похвалу, но мне понравилось твоё понимание красоты человека. Немного добавлю от себя.

Греки дали человечеству понятие о красоте тела, доведя её до идеала.

Вот, скажем, мудрец, у греков это образ глубокого мышления. Мудрец, несомненно, красив, но по греческим меркам назвать его красивым нельзя. Это не красота тела, это красота мыслителя, и она выражает его мысль.

Евреи прибавили к греческой мудрости, то есть разуму, еще свой духовный мир с его критериями иной, высшей красоты, присущими духовному миру. Получилась уже не только красота мудрости грека, но и красота духовного мира, особая, уже не совсем земная красота.

Этот сплав греческой мудрости с красотой духовного мира делает человека потрясающе, невероятно красивым. Но красота духовного мира проявляет себя только тогда, когда человек душой своей соприкасается с духовным миром, и не иначе.

Такой человек предстаёт перед людьми иной красотой, которой только что, миг назад не существовало: на него вдруг нисходит заволакивающая человека красота высшего порядка — духовная красота, по сравнению с которой меркнет вся его животная составляющая вместе с первобытными понятиями о красоте, присущими животному миру.

И напротив, в злобе или хотя бы даже в недовольстве человек вообще теряет всякую красоту, даже телесную. Красивый по греческим понятиям человек в таком состоянии теперь выглядит безобразным, отвратительным.

То есть, красота человека — это его ощущение, наложенное на его внешность и преобразившее её под себя. Красота не совместима со злобой. Она выражает эмоциональный настрой человека, но не всякий, а исключительно доброту.

Автор

Но это еще не предел.

Да, в природе случаются люди классической греческой красоты с идеальными пропорциями золотого сечения. Гимн телу. Но есть иная красота: красота высшего порядка, золотых пропорций одухотворённости.

В этом случае тело может быть вовсе не красивым по классическим понятиям, а красота, тем не менее, очевидна. Духовность заполняет

внешность человека, его лицо и творит такие формы, очертания и такую глубину, что никакая классическая красота тела не сравнится с этой красотой высшего духовного уровня.

По жизни встречаются люди самой совершенной красоты и очевидного безобразия: такой некрасивый человек с первого взгляда может вызвать ироническую улыбку, но стоит его лицу осветиться мыслью или чувством, оно тотчас обретает вид душевной глубины и величия.

Но вот если случается человек, отвечающий греческим критериям красоты тела, в котором еще отражен духовный мир, то есть, в нём образовался сплав классической греческой красоты с духовностью, и всё это в пропорции золотого сечения, то это уже Божественная красота высшего порядка.

Вот теперь можно сказать: «Это высшее понятие о красоте человека».

Всё.

Вроде так?

Странник

Мне нечего добавить.

День склонялся к сумеркам.

— Саул, пора сделать привал, — сказал Арам.

Путники расположились возле отвесной скалы, развели костёр, приготовили еду.

Лейб поблизости жевал свои любимые колючки.

Наступила ночь и дала прохладу.

Наши путники сидели у небольшого костра неподалёку от каменистой извилистой тропы, дороги Праотцев, прислонившись к скале от ветра и непогоды. Над ними было бесконечное, величественное и беспощадное небо пустыни, пылающее далёкими светилами.

Они отдыхали, смотрели на звёзды, размышляли и беседовали.

Второй день пути. Иудея

Одиннадцатый день месяца Ава, среда. 3794 год.

О, непостижимость человека!

Саул и Яша — крохотные слабенькие люди, мятущиеся в попытках познать непостижимое. Странное и удивительное свойство человека — размышлять о проблемах, которые его вроде напрямую не касаются. Можно назвать это абстрактным мышлением или еще как — это дело вкуса и образованности человека.

Откуда у него такое устремление, такая способность?!

Зачем оно человеку? Ведь не зря, не для пустоты.

Казалось бы, жуй себе травушку, люби подругу, рожай детушек, и все дела, так нет — размышляет. Лезет в такие дали непостижимые…

Даже странно.

Шли весь день.

— Яша, скажи, — сказал Саул неожиданно, — бывают у тебя… когда ты в чем-то сомневаешься, неуверен?

— Конечно, Сави, а как же, чтобы понять, правильно ли я поступаю. Вот и сомневаюсь, думаю и решаю, как поступить лучше. Если бы я не сомневался, таких дров наломал бы.

— Да? — Саул задумался и долго молчал, но затем встряхнул головой, как бы отгоняя от себя внезапно возникшие мысли, и перевёл разговор на другое, а спросил оттого, что ему стали нередко вспоминаться слова равви Гамалиила о сомнениях…

Утомлённые за день путники крепко спали, а автор и Странник беседовали. Они пребывали здесь духовно и в отдыхе не нуждались.

— Как ты думаешь, — спросил автор Странника, — отчего такая ожесточенность Саула? Опасения, да, понятно, но почему ожесточенность?

Странник комфортно устроился на плоском, отшлифованном временем и путешественниками камне. Он смотрел в небо, пылающее звёздами. Он размышлял и не мог оторваться от завораживающего зрелища звёздного неба. Он не торопился с ответом.

После длительного молчания заговорил.

— Полагаю, всё идёт из того главного в жизни и сути человека, с чем человек никогда не смирится. Из нежелания исчезнуть. Из его мечты и надежды жить вечно. Вся вера исходит из этого и крутится вокруг этого.

Всё, что угрожает этой мечте и надежде, воспринимается человеком как враждебное.

Великий инстинкт самосохранения.

Вот основа всего живущего. Всё сущее устремлено к продолжению своей жизни, к её непрерывности. Ничто и никто не желает исчезнуть. Всё, и хорошее — по нашим понятиям, добро, и скверное — зло. В этом деле вообще нет места таким понятиям, как нравственность.

Он, инстинкт самосохранения, стоит над нравственностью.

Вся суть человека пронизана этим великим инстинктом. Он склеивает жизнь и держит её более или менее в устойчивом состоянии.

Инстинкт самосохранения — самый мощный инструмент и стимул жизни, изобретённый эволюцией. Весь человек, все его внутренности без остатка, до последней молекулы функционально запрограммированы на выполнение требований этого инстинкта.

Жить.

Человек, его разум, всё его нутро до отчаяния, до паники протестует против неизбежности своего исчезновения. Он не хочет провалиться в небытие. Решительно не хочет.

Инстинкт не велит.

Автор

Как же тогда понять последние события двадцать первого века? Появление такого страшного явления во взаимоотношениях людей, как смертники-террористы!? Человек подрывает себя, чтобы этим взрывом убить мирных жителей Земли.

Как это вяжется с твоим посылом об абсолютности инстинкта жизни?

На мой взгляд, никак не вяжется.

Странник

Ты прав, мне самому это непонятно. Следует разобраться в этом феномене. Но это в другой раз, а то мы уйдём от нашей темы, и, боюсь, надолго. А теперь необходимо остановиться на определении понятия «религия». Иначе всё дальнейшее рассуждение повиснет в неопределённости, ибо религия — это тот фундамент, да и каркас, на чем держится вся духовная жизнь человека. Несомненно, с определения этого великого понятия нам и следует начинать размышления.

Автор

Религия — это закон эволюции на пути к совершенству человека, а оно, совершенство, может быть дано только Им, ибо всё исходящее от самого человека пропитано животными взглядами и желаниями. Совершенство — это подобие Его. Это вовсе не означает, что государственное устройство людей должно быть построено на религии. «Богу богово… кесарю кесарево».

Не следует стесняться тем, что не всё для себя создаёт сам человек. Увы, он не всё может и не всё делает правильно и с пользой для себя. Самое важное он получает извне, если уместно это слово «извне». Он по отношению к человеку уж никак не «извне».

Хорошо, скажем так, «самое важное он получает от Него».

Всё остальное человек создаёт сам.

Вечная борьба человека животного с человеком духовным, человеком будущего, и вечное сопротивление человека этому уходу своему от животного. Увы, вечное стремление сохранить себя как животного, у которого нет будущего.

Ну не желает человек отходить от животного, не желает!

Третий день пути. Иудея

Двенадцатый день месяца Ава, четверг. 3794 год.

После ужина Яша убрал в сумку остатки пищи, поплескал из ручья на лицо, освежился. Уселся рядом с Саулом. Над ними — всё то же бездонное небо и сверкающие далёкие звёзды.

— Сави, я по сути ничего о тебе не знаю, а ведь мы с тобой родня. Расскажи о себе.

Саул поворошил угольки в костре, помолчал.

— Мой батюшка, — начал он, — сказал мне, ещё ребёнку: «Сын мой, независимо от того, чем ты будешь заниматься, но ты должен знать ремесло, которое даст тебе хлеб насущный и сделает тебя в этом смысле независимым».

Таков еврейский обычай.

Кстати, мой отец по своему положению римский гражданин. Он получил это звание от Помпея полвека тому назад. Ну и я, как его сын, получается, тоже по наследованию римский гражданин, Яша. Знай это.

— Сави, ты римский гражданин? — изумился Яша.

— Именно, Яша, я римский гражданин. Так вот, отец научил меня ткацкому делу. Этим я зарабатываю себе на хлеб.

Отец готовил меня в раввины. Наш род колена Вениаминова. Все евреи нашего рода — фарисеи, и в своей вере мы суровы и непоколебимы. Мы чтим Закон Моисея, ибо в нём наше спасение.

А моя родина — Тарс, это в Киликии.

Ах, Яша, какой это замечательный город! Там так интересно.

В Тарсе живут люди самых разных народов. Греки, финикийцы, филистимляне, евреи, ассирийцы и много иных. Это, впрочем, как обычно в торговых городах. Мы общаемся со всеми, вот и речь у жителей получилась такая особенная, сильно смешанная. Евреи там

говорят ведь не совсем по-еврейски, а с примесью слов людей других наций, большей частью греков.

Ты это, наверное, заметил, Яша, по моему говору. Согласись, речь моя вовсе не изысканная. Мне кажется, мой язык даже грубоват, но иного не знаю. Но зато она полна, как мне кажется, прекрасными еврейскими выражениями, я их очень берегу.

Это мне кажется очень важным, к тому же, они мне нравятся.

В общем, там у нас не чистый иврит, а язык, принятый у евреев в Тарсе, а я коренной житель этого прекрасного города.

Самый интересный народ в Тарсе, несомненно, греки, поэтому и слов мы знаем больше именно греческих, но в остальном… нет, греки нам не интересны.

— Ну как же, Сави, греческая культура общеизвестна! Как это «не интересны»? Даже мы в своём дальнем Хефере знаем об этом.

— Может, и так, Яша, но, видишь ли, наши ученые чтецы в синагогах всё греческое изгнали. Больше того, они предали проклятию одинаково и того, кто выкармливает свиней, и того, кто обучает своего сына греческой науке.

Одного ученого раввина спросили: «В какое время дня приличнее всего преподавать детям греческую мудрость?» «Ни днём и ни ночью, — ответил этот мудрый раввин, — ибо сказано о Законе: „изучай его день и ночь“».

Однако, Яша, нам с тобой пора отдохнуть. Надо сохранить силы для дальнейшего пути. Перед нами долгий путь.

Автор

— Так что же это такое, религия?

Кто придумал, для чего?

Или она образовалась в эволюции сама собой?

Странник

Нередко высказывают такое соображение, дескать, религию придумала власть к своей выгоде.

Прежде всего, скажем решительно, что это вовсе не так.

Власть слишком тупа, чтобы придумать такое великое понятие, как религия. Власть лишь способна и постоянно норовит использовать её в своих, порою неблаговидных, интересах.

Это да.

Использовать. Но придумать — нет.

Автор

— Тогда из чего же возникает религия?

Из глубины творения или из Вселенной?

Или это бессознательная «человеческая правда?»

Странник

Вопросы твои понятны, и они тысячелетия будоражат мыслящего человека, не дают ему покоя.

Ответ на этот вопрос сформулирован и подробно изложен в Великой книге единобожия — Библии, Ветхом Завете.

Автор

Но атеисты часто цепляются за разночтение текста Библии с документально установленными, известными науке историческими событиями — такими, как всемирный потоп, возникновение человека, представлениями о космосе и многими иными, и это так; это можно заметить сплошь и рядом.

Странник

Это же примитивно — воспринимать Библию таким образом. Некорректно понимать её буквально. Не следует забывать, что Библия — это великая книга древнего человека. Древние люди как смогли,

так и изложили. Зачем придираться-то? Составили Книгу, и уже в этом их величайшая заслуга.

То есть, Библия — это выраженное словами и впечатанное в листы книги мироощущение древнего человека. Древний человек писал свою историю и связь с Ним.

Смысл религии и события в Библии изложены в большей части притчами. Поэтому не следует придавать Библии абсолютно достоверные по земным понятиям сведения; это понимание, мироощущение именно древнего человека с его познаниями и понятиями о жизни. Сама идея творения человека не опровергается тем, что в сравнении с нашими знаниями имеет место несовпадение по синхронности событий, времени, деталей.

Так что я не вижу здесь повода подвергать сомнению содержание Библии как величайшего религиозного и исторического документа, созданного человеком.

Главная ценность Библии в том, что она содержит в себе суть религии и даёт человеку, поверившему в неё, смысл жизни. Нельзя отрицать и того, что Библия отражает и притом очень сильно поведение человечества и его судьбу, если не застревать и не затуманиваться на деталях.

Творение мира и человека Он начал словом, и Он подарил человеку — слово и способность творить. Какое великое сокровище — слово!

Логос. Слово — основа всякого творения.

Реальность человека изменчива и непрерывно уходит в память, но через слово она, каждое её изображение остаётся в человеке для понимания себя и осмысления жизни. С помощью слова жизнь его предстаёт в виде картины, которая называется жизнь, мгновение жизни, сохранение её хотя бы в виде частички.

Увы, беда многих, даже вроде умных с виду людей — за мелочами не видеть главного.

Человек стал человеком, когда он ощутил в себе Его и когда он получил от Него великое сокровище — слово. Тем человек и отличается от животного, что тот не знает мозгами своими Его, а человек знает.

Он познал разумом своим Его, а религия — указатель пути к Нему. Чтобы человек через религию, как естественную часть эволюции перехода человека от животного к духовному, узнавал его Создателя. Чтобы узнал человек о своём пути к Нему, узнал о цели жизни своей, заложенной в него Им. Узнал, для чего он живёт, в чем смысл его жизни. Для преобразования в подобие Его.

Для своего понимания и утверждения разумной жизни во Вселенной через себя.

Иначе, не узнавая его Создателя, человек не сможет приблизить себя к Нему. Вот в чем дело.

Вот для чего религия — чтобы человек узнавал о своём Создателе и становился подобным Ему. Религия — это дорога человека к Нему. Через Него и с Его великой помощью свой путь от животного.

Теперь дальше. Религия — это установленный Создателем закон эволюции, позволяющий вывести сознание и поведение людей из животного состояния в великом эксперименте творения человека, Себе подобного. Или, если хотите, инструмент эволюции, предусмотренный Им.

Это Его устройство, Его установка. Его руководство по выходу человека из первичного животного состояния и постепенного, без принуждения, в свободе через эволюцию до логичного высокого завершения — духовного совершенства, дающего человеку линию поведения в отношениях между людьми и шанс на сохранение как вида.

Религия способна умерять пагубность животных инстинктов в человеке как ничто иное, ибо она исходит из сути его, из его нутра, и если у человека глубокая вера, она может запретить ему, его животным инстинктам творить зло.

И главное — в свободе, ибо лишь в свободе человек подобен своему Творцу.

Автор

— Но естествоиспытатели утверждают, что плоды их работ доказывают возникновение жизни путём материальных процессов в природе. То есть, по сути, они отрицают присутствие здесь Его.

Странник

— Не естествоиспытатели утверждают это, а атеисты.

Ты чувствуешь разницу?

По сути, естествознание изучает плоды религиозного творения, однако, атеисты-материалисты упорно придерживаются непререкаемого мнения о своей приоритетности и маниакально отвергают религию как реальный фактор мироздания. При этом сами они не видят и даже не ищут сути жизни, то есть, смысла процессов во Вселенной.

А это тупик в познании, ибо, не ощущая смысла во всём, что его окружает, человек рано или поздно впадёт в уныние и неуверенность.

«В чем смысл тогда всего этого?» — спросит человек себя.

В бессмысленности?

Вообще, отрицание и отторжение всего, что не есть материя, непонятно до чудовищности. Эта дикая ограниченность в познании мира. Отрицание всего, что не совпадает с убеждениями некоего человека-материалиста. Притом, такую позицию занимают люди, априорно полагающие себя интеллектуалами, то есть, как бы, мыслящими.

Очень странная и пагубная для науки позиция.

Человек как угодно может относиться к вопросам религии и веры, но ему хорошо бы на время отрешиться от этого и задать себе вопрос — что нужно человеку, чтобы он как вид сохранился? Всё. Ничего больше. Тогда всякий, даже самый закоренелый атеист, сообразит, что вот это главное — сохраниться как виду. И вовсе не его отношение, веры или не веры. И если иного средства нет, так отчего же им не воспользоваться?! Остальное второстепенно, голубчики!

Только Он со Своей Вселенской нравственностью может дать человеку шанс на сохранение его как вида. Другого пути нет. Это следует крепко понять всем умникам. Человек не может дать такую ему

возможность — всё исходящее от человека имеет животное начало, ибо само животное не желает отходить от животного.

Только религия даёт человеку ответы на вопросы нематериального свойства, составляющего естественную часть его сути, которые возникают у него по жизни. Она утешение, духовная помощь в житейских делах, подпорка в жизни, но она и суть мироздания, эволюция разума человека до вселенского уровня, когда он станет способным творить вселенское.

И она придаёт смысл его жизни и поведению. Смыл Вселенной и вере в высший разум.

Автор

Интересная закономерность. Замечено, что восхождение человека от животного состояния происходит непременно через страдания. Выходит, страдания — индикатор и побудитель восхождения.

Без них никак?

— Сави, ты взгляни на небо. Тебе не кажется, что сегодня звёзды значительно ярче, чем вчера?

Саул посмотрел вверх, долго молчал, покачал головой.

— Нет, Яша, не кажется, так бывает. Небо часто разное.

Яшу, однако, его слова не убедили, и он еще некоторое время вглядывался в небо, однако промолчал.

Четвёртый день пути. Самария

Тринадцатый день месяца Ава, пятница. 3794 год.

Автор

Теперь возможно возвратиться к затронутой нами теме о спасении.

Странник

Да, так вот, религия предложила человеку альтернативу, как бы смягчающую безнадёжность исчезновения, и она назвала это «спасением».

Человек не уходит в небытие, не исчезает, перед ним больше не стоит эта ужасная неизбежность, но за свои грехи он будет наказан попаданием в место мучений.

То есть, от исчезновения он избавлен, но теперь перед ним дилемма: или вести праведную жизнь и жить вечно, или за свои грехи испытывать немыслимые страдания — и тоже вечно.

Автор

— Неплохой стимул для отвращения человека от скверны.

Странник

— Да, неплохой, — он усмехнулся, — но тут важно, какой ответ на это предложение даст сам человек, если его спросить, по жизни в натуре. И еще уведомить его при этом — голубчик, третьего не дано!

Как ты полагаешь?

Автор

— Полагаю, вероятнее всего, человек по жизни продолжит грешить, но при этом станет исхитряться, чтобы не попасть в место мучений. Греховная жизнь ему привычна и приятна, он не может не грешить, но и мучения ему ни к чему.

Страшно ведь.

Но тут вот что удивительно. Даже такая ужасная перспектива мучений не отвращает его от греха. Ну, скажем так, не всех людей. Казалось бы, если перед тобой такая угроза, которую возможно избежать, по сути, пустячным усилием, так напрягись, соверши это усилие — и ты спасён.

В чем дело, отчего человек не совершает того, что должен для своего же спасения? Он не хочет спастись? Ясно, что хочет…

Я не могу понять этого.

Странник

— Трудный вопрос. Мне тоже непонятно. Или вера его не глубока, то есть, он не очень верит в спасение через неё, или слишком велик соблазн и сила привычки. Или… есть еще вариант — лень.

Спасение желательно, прежде всего, самому человеку, а он всячески тянет, отворачивается, оборачивается к ложным благам цивилизации, простым плотским удовольствиям и прочему мимолётному преходящему вздору.

Парадокс, люди жаждут спасения, а они ведут себя так, будто оно нужно не им, а Ему. Он делает всё, чтобы помочь людям спастись, но Он терпелив, и Ему нет необходимости спешить. Он ждёт, когда человек сам поймёт, осознает. Для этого Он и подарил человеку свободу.

— Впрочем, — заключил Странник, — так или иначе, человек в любом варианте, всё его поведение неотвратимо устремлено на выполнение требования великого инстинкта жизни.

Так вот, именно требование этого инстинкта стало сутью и основой духовной жизни человека — поиск пути к спасению.

Человек ищет спасение во всей гамме своих возможностей; от примитивных попыток продлить жизнь, своё сознание всеми известными ему средствами, хоть на час, хоть на минутку. И до принятия духовного пути к спасению через веру в Него, жизни по Его Заповедям, то есть, нравственному пути, дающему истинную надёжную перспективу человеку и людям как виду.

Иисус показал людям путь к их бессмертию. Людям необходимо, если они этого хотят, своим нутром принять его, поверить в него и научиться идти этим путём.

Другого пути к бессмертию нет.

Автор

А как же атеист?

Странник

— Атеист без религиозной веры о спасении спокоен, не берёт себе в голову, полагая, что это не скоро, не сегодня… он спокоен до поры до времени. Только с возрастом он начинает думать об этом, и всё равно утешается, не тотчас…

«Благолепной свободой одарил Господь нас,
чтобы вольным был путь по тернистой дороге.
Наступает момент, когда каждый из нас
у последней черты вспоминает о Боге»

Автор

Так вот, сможет ли человек жить без надежды на спасение?

Странник

Вопрос хороший, но опять особый.

Теперь же необходимо четко и понятно для всех обозначить критерии добра и зла, ибо суть пути к бессмертию — подавление человеком зла в себе и сопротивление злу со стороны людей этноса.

— Это немыслимо трудная задача, ибо разнообразие зла, творимого человеком, чудовищно велико. По этой причине следует, не назы-

вая каждое из указанного многообразия поимённо, сформулировать основной критерий, определение.

Полагаю необходимым и достаточным сформулировать его следующим образом.

«Мысли и поступки человека, нарушающие Его Заповеди, есть зло».

Пятый день пути. Самария

Четырнадцатый день месяца Ава, суббота. 3794 год.

Проходя селения, путники замечали, что местные жители, едва увидев их, тут же спешно, едва не бегом, уходили в сторону Дамаска. Несомненно, с целью предупредить христиан соседнего селения о приближении Саула.

Автор

— Вчера мы с тобой говорили об устремлении и поисках путей человека к спасению.

И еще мы говорили про духовность. Духовная жизнь. Отчего в человеке духовность? Тоже вопрос и не простой. Вообще, я так понимаю, что в вопросах религии простых вопросов нет.

Странник

— Ты прав. Полагаю, сама духовность заложена в человека изначально, при его творении. Думать иначе не получается. То есть, она суть и составляющая человека, так же, как инстинкт самосохранения, нежелание исчезнуть, инстинкт продолжения рода, инстинкт материнства и иные фундаментальные инстинкты.

Белым пятном, куда ни кинь, куда даже не пытаются проникнуть, остаётся суть духовного мира и связь человека с ним.

Бессмысленность вселенной без духовного мира очевидна. А где бессмысленность — там безысходность, отчаяние и смирение, но и твори, что в дурную голову придёт, пока не взорвёшься.

Спасает вера. Это великое понятие спасает человека, отводит его от гибельного состояния. Из упадка, распада и нравственного загнивания этнос всегда выходит через веру и всегда через религию, обращение к Нему. От Него он черпает нравственность, необходимую для спасения.

Автор

Это уже сегодня у многих людей не вызывает возражения, а у иных сложилось в убеждение. Если духовность станет основой жизни, разве это не означает продолжения эволюции? По какой причине эта заложенная в человека субстанция должна вдруг исчезнуть, а, напротив, не укрепиться?

Странник

Думаю, это так.

Чтобы понять поступки людей, живших в первом веке, и тем более такого незаурядного человека, как Саул, решительно необходимо знать их духовное состояние. Здесь, именно в великом свойстве — духовности человека — содержится суть вопроса, она, духовность, — основа всего, связанного с поиском спасения.

Скажем сразу, духовное состояние евреев первого века не идёт ни в какое сравнение с нынешним.

Не знаешь этого их духовного состояния, не поймёшь его — так нечего садиться за компьютер.

Автор

Фундаментальный вопрос, а реален ли духовный мир и духовная жизнь? Является ли он сутью человека или придуман людьми из страха перед уходом в никуда?

Странник

Полагаю, ответа здесь нет, ибо невозможно исследовать духовный, нематериальный мир с помощью средств естествознания, да еще исследователями с материалистическим мировоззрением. В этих условиях любое доказательство призрачно и неубедительно.

Да и нужны ли такие доказательства, разве не достаточно одного того, что человечество сохранит себя как вид единственно через веру в этот духовный мир и поведение согласно вселенской нравственности, понимаемой, как суть Нагорной проповеди.

— Ты знаешь, друг мой, признаюсь. Я упорно и долго бродил в поисках духовного мира. Где я только не был, но неожиданно обнаружил его в себе.

Человек создан во плоти, он эго, и он во своей плоти не может непосредственно ощущать страдания других людей, ощущать иначе, как через веру и духовный мир. Человек как эго не может выпрыгнуть из этого состояния иначе, как через духовность. То есть, как ни крути, эволюция пройдёт через духовность. Если не преодолеть свои плотские мерзости полностью, то хотя бы ввести их в пристойное русло.

Иначе кранты, погибнем.

Доверие через веру и любовь через сочувствие, принятие духовного мира как реальности, осмысление его и погружение в него.

Сплав наслаждения природной жизнью в совокупности с духовными требованиями и духовной сутью. Всё это в восхитительной гармонии, внутреннем согласии, естественном состоянии жизни и ощущения.

Такого состояния, такого совершенства жизни я не знаю.

Может, нужно обратиться к Нему.

Автор

Поразительное явление, мимо которого атеист проходит с непониманием и даже с презрением, а верующий почитает как реальность и само собой разумеющимся. Это состояние человека, но далеко не каждого, добровольно принимать на себя телесные страдания и муки, терпеть ужасные неудобства, власяницу, вериги, в общем, причинять телу возможно больше боли, стремиться уничтожить свою животную плоть.

Явление, решительно не свойственное животному.

Оно непонятно для человека, не воспринимающего духовность.

Странник

Много чего непонятного в нашем непростом мире. Остаётся довольствоваться в этом вопросе «черным ящиком».

Ведь всё равно людям не по силам познать тайну мироздания, так к чему пустые слова, не дающие пользы? Всё пустое. Надо быть скромнее, следует довольствоваться пользой, а что есть суть в материалистическом понимании, не так уж и важно, если виден результат от этой непонятной сути.

Автор

Можно предположить, что духовность возникла вследствие мутации, на радость материалистов. Такая гипотеза может иметь место. Разница в миропонимании. Мне ближе, по душе вера в духовность как субстанцию. Это выглядит надёжнее. Это моё видение мира. Мутация-то, она может привести к непонятно чему, так сказать, фифти-фифти.

Странник

Всё опять же в вере, а не в доказательствах, которые в естествознании, безусловно, необходимы, годны и очень нужны.

Где-то здесь просвечивается, а возможно, и содержится истина.

Автор

Я вот думаю, что мощную духовность уместно вроде бы ожидать у греков.

Великая Греческая цивилизация, греки того времени — это взрыв человеческого творчества, решительно непонятного происхождения; взрыв разума, словно подарок извне от Кого-то. Мощная генерация гениальных математиков, архитекторов, скульпторов. Рождение греков-мудрецов, с невиданной ранее высотой и глубиной мышления, мысли которых стали эталоном на тысячелетия вперёд!

Словно некие высокоразвитые инопланетяне решили некоторое время пожить на Земле и выбрали Грецию.

Особенно это выделялось на фоне примитивного остального соседствующего человечества.

Странник

Всё так, однако, духовной составляющей уровня еврейской у греков не существовало. Греки были язычниками: они веровали в богов,

подобных людям, только чрезвычайно могущественным. Словом, воюем, любим, кушаем, поём, пляшем.

Это, очевидно, ничего общего с духовностью не имеет.

Греки не знали в себе духовности до христианства.

Однако, духовность как внутренняя, изначально заложенная в человека суть неизбежно потребовала у греков своё место. И вот она есть в них, духовность через Иисуса. И они её получили через Иисуса как более высокий уровень духовности.

Автор

Да, вот почему греки так жадно вошли в христианство. Духовность, внутренняя суть, потребность человека требовала своё место в нём.

Странник

Историки разных мастей и способностей преимущественно пишут о материальных событиях, войнах, подвигах, приключениях и прочем, а вот о происходивших духовных битвах писать не то что брезгуют, а как бы стесняются, ибо вроде не пристало им, серьёзным людям, выглядеть необразованными, суеверными. Знают, что подвиги, события и войны реально были и в духовном мире, а стесняются.

Вы гляньте, что творилось в Палестине, Израиле, Мекке и иных местах, да по всему миру земному. Всюду реальную жизнь людей пронизывала духовная составляющая.

Это же эволюция! Как же можно пренебрегать этим, стесняться? Неужели то, что составляет огромную часть цивилизации — духовная жизнь человека — неужели всё это не важно? В чем тут дело, в чем суть такого пренебрежения?

Автор

Ты тут не совсем прав. Немало сказано о священных целях войны.

Странник

Милый мой, прикрытие! Чистое прикрытие!

Исторические события, войны часто шли под прикрытием духовных целей.

Не всегда, конечно, чаще это просто грабежи, жажда власти и прочее в открытую, но, тем не менее, эти неблаговидные цели обычно старались прикрывать чем-то благородным, чтобы скрыть отвратительную суть войны. И представь себе, лучше духовности обычно ничего не находили.

Но если она, духовность, в указанных случаях облагораживает неблаговидные цели, значит, благородство и важность духовности — это реальность. Как же ей пренебрегать-то?

В первом веке еврейский этнос буквально пылал в ожесточенной духовной жизни за чистоту веры, за спасение через Закон.

— Сави, ну ты же видишь, насколько ярче сегодня небо. Да посмотри ты.

— Нет, Яша, я не вижу разницы, — сказал Саул, однако, не поднимая головы.

— Сави, как же не видишь? Ты просто не хочешь даже посмотреть. Ты чего-то опасаешься?

— Что ты, Яша. Конечно, нет.

Яша не стал возражать, но ясно различил некую его тревогу.

Шестой день пути. Самария

Пятнадцатый день месяца Ава, воскресенье. 3794 год.

— Сави, ты стонал во сне!
— Да, Яша, ко мне снова подходили эти люди.

Автор
Как мне, человеку с мозгами и понятиями жителя двадцать первого столетия, то есть, две тысячи лет спустя после излагаемых здесь событий, понять и посильно войти в этот удивительный, давно ушедший в небытие мир? Мир реальности наших предков. Как совместить наши мозги, соразмерить, воспринять? Не знаю, но как-то надо, иначе всё сказанное здесь о людях первого века станет фальшью.

Впрочем, так ли изменился мир за эти две тысячи лет?

Странник
Увы, мало он изменился, по сути. И теперь, через две тысячи лет, у нас происходит всякое. Всё те же человеческие устремления, любовь, сочувствие, добро. Но и, увы, все те же страсти, ложь, гадости, убийства, ужасы, ненависть.

Автор
У Булгакова и в наших с тобой размышлениях поведение людей не изменилось, люди не изменились изнутри. Вот в чем наша схожесть с Булгаковым. Его книга, рукопись которой не горит — суть — вселенная как центр, вокруг которого он запустил людей. Забвение этого — хаос мыслей и уход от истины.

Ты знаешь, однажды, после небольшого дождика рано утром я шел по Странному шоссе. Пахло горелой, но потушенной дождём травой. И вдруг я с удивлением ощутил в себе это так необходимое мне понимание событий, творимых нашими предками двухтысячелетней давности, их едва ли не полное совпадение с поведением человека сегодняшних дней.

Не в деталях, разумеется, а по сути. И разительную разницу в миропонимании и влиянии высшей силы на человека!

Странник
Да, в первом веке божественная суть мира, верховное божество составляло естественное миропонимание иудея. Оно было совершенной, безусловной его реальностью.

Бог занимал значительное, если не подавляющее его ощущение, Он был для него такой же реальностью, как и всё остальное окружающее человека, что он видел, слышал, ощущал. В первом веке Он натурально присутствовал в человеке как могущественная сила, влияющая на его жизнь, на его судьбу.

Высший уровень — предел духовности — достигался в пророках, а наивысший за пределами человека — в Иисусе.

Автор

Это в отличие от человека двадцать первого столетия, который немало познал в изучении природы, создал множество разнообразных полезных для жизни приспособлений, и через это как бы освободился от внутренней необходимости зависеть от Него.

Как бы, ему так казалось, хотя…

Но даже и теперь, в нашем высокопросвещенном двадцать первом веке, как и прежде, две тысячи лет назад, люди интуитивно рвутся из своего животного состояния.

Откуда взялось такое устремление, в чем причина?

Казалось бы, живи себе, и все дела. Чем плохо-то? Наслаждайся своей природной жизнью, в ней много приятного. Так нет, рвутся люди к этому какому-то… Не нравится, видите ли, им такое состояние, при всей радости животной жизни.

Куда их тянет, в какое иное состояние?

Странник

В духовный мир, но как мы с тобой предположили, человек сам не очень-то знает, что это такое, а устремляется. Вот загадка-то.

Автор

И еще, необоримая и неугасимая вечная тяга, поиск Его — Устроителя Вселенной, Носителя высшего смысла всего сущего.

Вольный путь к Нему, и на этом пути идёт непрерывная борьба животного с духовным.

Странник

Последнее обнадёживает.

Автор

Духовная составляющая могла достигать такой силы, так овладевала человеком, что он полностью в своём поведении подчинялся и

следовал ей. Вера, составляющая суть духовной жизни, становилось жизнью человека.

Тогда случалось и прекрасное, и ужасное!

От глубокой абсолютной веры и послушания, как у Иова и Авраама, до, увы, безумной резни во время восстаний против Рима, когда всё у людей перемешалось. Стремление освободиться от власти римлян, различие религий, первобытная жажда и торжество отымания чужой жизни. При этом военные схватки принимали самые омерзительные виды.

Странник

И вот, на фоне даже такой высокой духовности иудеев среди них возник и выделился подобно горе на плоскогорье человек-иудей Саул.

Он стал таким после того, как с ним еще в молодости произошло событие, решительно изменившее его жизнь и его натуру. Он плохо помнил, что было и как. Всё для него тогда было, как в тумане. Саул, непонятно по какой причине, вдруг ушел в себя.

Ничего определённого впоследствии он не смог прояснить. Смутно помнил только, что случилось это вроде в пятницу.

Саул ушел в себя.

Инстинкты и рефлексы держали его в природном состоянии, поддерживали, словом, он жил. Но разум и сознание ушли в непостижимую глубину его, в некое замкнутое, отделённое от природы место. Что он там видел, чего хотел?

И такое состояние продолжалось у него неделю. А затем…

Автор

Затем возник тот великий человек Саул, которого знают все земляне вот уже две тысячи лет. Именно его внутреннее духовное горение, надежда на спасение, великая любовь к людям, абсолютная покорность Ему и великий страх ошибиться, да еще специфичная еврейская горячность решительно объясняют его поведение, его ожесточенность и его сомнения.

Он не мог поступать иначе.

Надежда на спасение, великая любовь к людям, абсолютная покорность Господу и великий страх ошибиться.

— Смотри, Сави, — сказал Яша, — несомненно, небо стало еще светлее. Звёзды очень яркие. Вчера я еще сомневался, а сегодня просто уверен.

— Да нет, Яша, вроде, небо как обычное. Разве, чуть-чуть.

Однако, на этот раз в словах Саула не было уверенности.

Седьмой день пути. Самария

Шестнадцатый день месяца Ава, понедельник. 3794 год.

Автор

Скажи, мой друг Странник, если Создатель един, а это очевидно, то как люди не понимают этого и устраивают бесконечные споры между собой в вопросах религий?

Странник

Эволюция, мой друг, не всё сразу.

Прежде всего, следует отличать толкование, человеческие придумки от истины Его.

Автор

Всё — и Библия, и иные святые писания — созданы человеком!

Странник

Да, но есть истина Его — это Его слова, это Нагорная Заповедь и иное Его.

Автор

Вроде это тоже сказано и изложено людьми!

Странник

Но здесь человек не от себя или своего понимания, толкования, а он, человек, здесь как «увидел, услышал, запомнил, рассказал».

Он, человек, здесь как свидетель истины от Него.

Вот где граница между Ним и человеческим!

Автор

Полагаю, оттого что люди дополняют от себя, истины не прибавляется.

Вера не становится ближе к Нему оттого, что люди вносят в неё свои толкования. Напротив, уходя от источника веры, от её начала, они эту истинность теряют, утрачивают вплоть до потери смысла веры, её сути. Теряют источник веры, её суть.

Подминают веру под себя, что уж вовсе скверно.

Странник

Вот именно.

Религия восходит на очередной уровень духовности по мере созревания человека, то есть дозированно, по силам людей воспринять эту новую для них ступень. На этой стадии созревания восприятие человеком духовности начинает уставать в рамках уже тесных для него в данное время догм веры.

Христианство — это более высокий уровень на пути человечества в его вечное приближение к Нему. Оно вышло из иудаизма, который, однако, его не принял, изгнал, распял Иисуса.

Иудеи не поняли Его великой миссии.

Духовная суть такого созревшего человека интуитивно ждёт от Него нового посыла.

Такое состояние людей наступило в первом веке.

Господь увидел, что избранный им народ созрел и пора дать ему этот новый, более высокий уровень веры, более высокий уровень духовности.

В этом заключался основной смысл и суть понятия избранности народа, то есть, избранность заключалась не только в том, чтобы благоволить ему и оберегать, но главное, вводить людей избранного Им народа во всё более глубокую духовность, без которой нет перспективы для долголетия народа, который Он сотворил.

Это Его великий проект, и Ему не безразлична судьба — будущее Его народа.

Религия эволюционирует от язычества к единобожию через пророков к высшим видам веры, посильным для приятия людей. Посильно для них. К понятию «смысл», и этому пути не видно предела.

Можно предположить, что от веры с этнической принадлежностью к единому пониманию для Землян. Но для этого им нужно еще ой как созреть, это еще далеко не сегодня.

Таким образом, каждая предшествующая цивилизация вносит свою лепту в сотворение великой цивилизации — Христианский мир.

В сознание человека вносится неуклонно всё более высокое понимание религии. И наконец, он достигает высот уровня, способного создать вселенную.

Создаёт новую вселенную и с любопытством смотрит, что получилось.

Автор

Что верно, то верно, любопытства человек не утратит никогда.

Невероятная, неукротимая тяга человека к пониманию и признанию осмысленности мироздания просто поражает. Тяга к Нему, подспудная, корневая, идущая из субстанции человеческой сути.

Откуда такое свойство, великое и неодолимое?

Странник

Невозможно для человека признать бессмысленность мироздания.

Признать, что красота и мудрость жизни, появление гениальных мыслителей, художников, литераторов, ученых, их потрясающее воображение и их творения, всё это результат случайного сочетания атомов, безжизненных атомов, этих камешков мёртвого, холодного космоса.

Человеку ближе для понимания, для опоры в жизни сознание, ощущение того, что он сам, его мир, его семья, окружение, небо, Земля, звёзды, словом, всё — свидетельствует о реальном присутствии Творца как основы всего сущего.

И в то же время, животная природа человека, инстинкты, ощущения, человеческие отношения и силы зла заглушают веру, идёт постоянное борение между природными инстинктами и духом.

Вот этот клубок, этот котёл кипящий и есть суть человека. Здесь и Достоевский, и Толстой, и Фрейд, каждый в своих попытках разгадать суть человека, но всё это отрывочные кусочки, ибо любой автор ограничен и субъективен.

Ученый мыслит в пределах границ своей науки.

Только мыслитель свободен: он видит границы, но для его размышления они не есть границы.

Автор

Молодец, мой друг, сказано сильно.

Восьмой день пути. Самария.

Семнадцатый день месяца Ава, вторник. 3794 год.

Автор

Ты знаешь, много суждений о церкви и весьма разного вида.

Странник

Ты прав, что есть, то есть.

Прежде всего, смею утверждать, что Церковь чрезвычайно важна и нужна.

Церковь исполняет свою главную миссию. Она, как и на заре Христианства, продолжает нести людям весть о спасении, и она свидетельствует о приходе в мир Его.

Это главное, и здесь, по моему мнению, не может быть толкований.

Служитель церкви — помощник Ему: он создаёт атмосферу, благоприятную для приближения человека к Нему. Он разъясняет, помогает человеку, как наилучшим образом это сделать.

Он служит Ему в Его желании приблизить к Себе человека.

Человек с помощью храма обращается к Нему, однако, храм построен человеком, он есть человеческая суть, поэтому ни храм, ни иные посредники от человека не могут заменить личного обращения к Нему. Нельзя полагать, что человек, служитель церкви, в отличие от простого человека уполномочен Им. Это также важно понимать.

Обращение *человека* только к Нему.

Молитвы человека обращены к Нему.

Автор

Упорно не прекращающийся постоянный вопрос-выпад.

Зачем церковь вмешивается в светскую жизнь, пусть она занимается единственно духовностью. При этом даже ссылаются на слова Его: «Кесарево кесарю, Богово Богу».

Странник

Рассуждать таким образом некорректно. Выбрали из Нового Завета одну фразу, но забыли про суть христианства. Давайте рассуждать и мы. Суть учения в следовании Его Нагорным Заповедям, нравственной жизни как условию спасения. Но люди в ту эпоху, во всяком случае, в Его окружении, были или иудеи, или язычники. Это означает, что не менее важным, но уже для Церкви, было донести учение Иисуса до этих заблудших людей, разъяснить им суть учения и вовлечь их на христианский путь, путь спасения.

Ученикам своим, рыбакам, он предложил теперь стать ловцами человеческих душ. Таким образом, с Его приходом образовались иные отношения с властью светской.

Древняя Самария

Власть командовала, давила на людей и помыкала ими, словом, управляла как природными существами, телами с помощью законов, принуждения и наказаний. Ей было решительно наплевать, что станет с людьми после их ухода из жизни. Для неё важно, чтобы люди повиновались ей при жизни. Чтобы был порядок, ибо без власти анархия и самоуничтожение.

Это Кесарево.

Для церкви самое важное — привлечение людей к праведной жизни во имя духовного спасения. Однако, она не может проводить свою великую миссию, не общаясь с людьми, ибо по жизни духовная жизнь решительно переплетена с самой этой жизнью. Церковь вынуждена вмешиваться в дела людей, то есть, в светские их дела, если это необходимо для указанной выше задачи Церкви. Невозможно намертво разделить природный и духовный миры.

Да, во власть светскую входить недопустимо, ибо это Кесарево, но привлекать людей к вере необходимо, более того, неотвратимо. Церковь обязана высказывать слова в защиту духовной жизни человека.

Это Богово.

Отсюда понятно, Кесарь ловит людей физически, церковь ловит души.

Самарийское ущелье

Автор

Слушай, что это Толстой набросился на церковь с таким ожесточением и надрывом? Неужели он не понимал, что Он дозированно подавал людям понятие веры. То, что Толстой полагал ненужным, на самом деле доза веры, которую в состоянии принять люди, а не отторгнуть её из-за невозможности понять.

Странник

Почти при любом режиме люди образуют своё поведение, которое позволяет им создавать семью, жить, воспитывать детей. Это поведение зависит от того режима, в котором живёт человек, и оно позволяет продолжить род свой, но не все люди таковы. Люди принимают такое поведение с охотой, даже используя и совершенствуя его с пользой для себя.

Люди, однако, разные. Редко, но иногда Земля рожает людей, которые в силу ума, натуры мыслят, сравнивают, соображают, воображают, и они видят несоответствие такого поведения высшим идеалам человека. Вот тут и начинается.

Толстого папа с мамой родили в условиях, позволяющих жить. Тем более, он дворянин, граф. Он был в оковах семьи и он выполнял свои семейные обязанности, семьи, общества, режима. Это был Орёл,

вскормлённый как бы в неволе, но натура его взяла верх, и он двинулся дальше, за истиной.

Все ужасы, коллизии происходят от несоответствия натуры с нравами в обществе. Такие люди, как Толстой, ранее иных приближаются к истине и тем входят в противоречие с этими нравами.

Чем далее Лев приближался к истине, тем сильнее его охватывала паника. От познания этой истины. Такая паника. Он почувствовал: здесь перспектива непостижимого, вот-вот мозги его закипят, крыша сдвинется, и он взорвётся. Аннигилирует, туды её в качель. В сексе он видел своё животное начало, и это приводило в панику, бешенство, ужас. «Зачем при духовной врождённости человека, — думал он, — это животное чувство, страхи, грязь?»

Пусть так, но и не следует забывать, что это и есть условие существования человека в природном мире на Земле, и дело не в этой грязи как таковой, а в пути, по которому он должен идти от *этого*. В духовность.

Это понятно?

Автор

Мне лично не очень.

Ну как же можно было вдруг ошарашить людей таким образом. Иисус говорил о существовании царства Божия в душе каждого, а люди ждали прихода манны небесной, чтобы немедленно, сразу, да сразу царства земного, да сразу, немедленно, ну как же тут подавать не дозированно, ведь не поймут же, не дойдёт до людей?

Толстой подошел к вере с позиций естествоиспытателя-материалиста. Естественно, ему тут же показалось всё в церкви нелепо. Как же можно так подходить?

Саул нашел в истине Христианство, а умница Толстой на пути к своей истине, мягко говоря, ошибся.

Странник

Лев в силу своего могучего ума дошел до некоей истины, перешагнул дозу, а вот понять Его мудрость не смог. У него были опасения, что церковь своё служение, свои ритуалы поставит выше глубинной веры человека в Него. Тогда она станет опасной для христианства, для спасения, и тогда Он не захочет войти в неё: Он ведь ходит среди нас, наблюдает со скорбью наши гадости и радуется нашим благим делам.

И что тогда?

Автор

Не знаю, но смиренно лелею в себе надежду, что Он даст нам Новый Завет, давая нам еще шанс на спасение. Прости меня, Господи. Возможно, мысли мои греховны, но они приходят ко мне. Что мне делать?

Девятый день пути. Галилея

Восемнадцатый день месяца Ава, среда. 3794 год.

Странник

Понятие «истина» единственно определяло реальность Саула, его веру, его поведение, его помыслы.

Автор

Истина — вроде понятие простое, не вызывающее толкований.

Истина — это «то, что есть» безусловно, независимо от человека.

Я смотрю, ты, однако, морщишься, что не так?

Странник

Истина — это «то, что есть» независимо от взгляда на неё, пусть даже очень пытливого наблюдателя. Однако, наблюдатель, то есть, человек, всегда видит истину со своего места, исходя из своих взглядов, целей и возможности познания. По этой причине его истина неизменно несколько ущербна. Но, тем не менее, если человек верит, то для него она истина и даже без сомнения.

Вот перед таким пытливым наблюдателем-человеком берёзовый пенёк. Человек желает выкорчевать его и использовать в своих целях, то есть, выгнать из него дёготь. Какова его истина об этом пеньке?

Пенёк — это дерево, в нём содержится дёготь, он поддаётся пилке и рубке топором, он горюч.

Истина?

Несомненно. Для человека.

Для грибника пенёк это место, где могут быть грибы подберёзовики, на нём хорошо отдохнуть, он, несомненно, дерево.

Истина?

Несомненно, для грибника.

Можно продолжить подобное рассуждение до бесконечности.

Ясно одно, всё это осколки, крошки личных истин человека; назовём их его «правдами» от истины «пенёк».

Автор

Ну и что?

Странник

Да ведь люди употребляют это слово, «истина», чаще всего не понимая, что добраться до неё человеку не по силам. Можно лишь обозвать это как «путь к истине, приближение».

Так станет вернее.

Возможно, она и существует, но лишь как понятие, но в натуре… чтобы человек своим разумом постиг её, ему надо ползти к ней бесконечно долго и без надежды на успех. То есть, истина не какая-то космическая реальность, независимая от человека, а сама по себе. Человек-то к ней никогда не в состоянии подобраться. Он лишь идёт к ней через бесконечное количество своих правд.

То есть, истина — это недостижимая цель человека, и её может знать только сам Проектант всего сущего, но уж никак не человек, который вынужден довольствоваться лишь своими примитивными ощущениями и возможностями.

Тут единственно, что помогает человеку хоть как-то ориентироваться, это его вера.

Верит он в истинность некоего понятия — всё, он как бы постиг истину об этом понятии, как бы познал его. Но это он, человек, так думает. Это его, человека, личная истина. Назовём её, такую истину, правдой одного человека.

То есть, существует истина вне человека и есть истина у человека своя. Его маленькая усеченная человеческая истина — правда одного человека.

Автор

Пусть так. Истина недостижима для понимания человеком сути предмета или ситуации, и путь к ней — бесконечность, но ты не станешь возражать, что она решительно необходима человеку для его ориентации в мире.

Разве не так?

Странник

Несомненно, так. Если человеку постигнуть истину невозможно, но лишь в бесконечности, а жизнь человека коротка, тогда что делать-то, нахрен оно мне, человеку, нужно, такое понятие «истина», для учености?

И в то же время, я полностью согласен с тобой, она решительно нужна человеку, и он постоянно использует её.

Что-то, однако, здесь у нас не сходится.

Автор

Да сходится, не волнуйся. Мы же с тобой уже упоминали о «вере», этом великом свойстве человека.

Как только человек поверил сам в это «что есть», так она и стала для него истиной. То есть, хотя истина сама по себе как таковая непостижима или достижима в бесконечности, что один хрен, человек использует её практически по жизни через веру.

Эволюция дала человеку для его выживания инстинкты, мозги и разум, а также предусмотрела религию для выхода его из животного состояния, понимания смысла и оптимального поведения среди людей и в природе.

Странник

И она дала ему понятие «вера» — величайшее духовное свойство человека, как требование инстинкта жизни, придающее ему крепость

Руины древней синагоги

жизни и позволяющее жить. За верой, так же, как и за религией, стоит утешение и множество иных благотворных для человека духовных лекарств. Вера — такое же естественное свойство человека, что и любопытство, из которого исходит стремление к познанию, важнейшему двигателю цивилизации.

Вера изменчива, это её свойство. Эта изменчивость — очень полезное свойство. Она помогает человеку принять за истину всё, что его интересует, и это придаёт человеку уверенность в жизни. То есть, можно сказать, что вера творит истину для человека. Его личную истину. Мы с тобой уже назвали её правдой одного человека.

Вот для чего нужна изменчивость веры.

Автор

Очень важно для человека при этом иметь при себе в боковом кармане повседневного сюртука чрезвычайно полезный предмет — шкалу ценностей. Не забывать всякий раз свои намерения, прежде чем их реализовать, кидать на указанную шкалу, сверяться с ней.

Странник

Уязвимость шкалы ценностей как средства приближения к истине, увы, всё та же. У каждого человека шкала своя, и у людей она разная. Как и нравственность.

Галилея

Есть безусловная вселенская нравственность — как идея, принятие которой позволяет человеку выйти на спасительный путь к долголетию землян, сохранению их на Земле как вида. Она формирует шкалу ценностей для человека, его поведения, но опять же, как идею. В натуре, по жизни каждый человек творит свою шкалу, и не очень-то на основе вселенской нравственности, и поступает он согласно с этой своей шкалой.

Это рассуждение снова приводит к признанию того, что каждый человек — это отдельный мир, а мир состоит из миров землян.

Что делать-то?

Автор

Вера — так же, как духовность и религия — важнейшее фундаментальное свойство человека. Эволюция вложила их в человека не зря: эта старушка не ошибается, ну, скажем, почти не ошибается. У веры бесчисленное количество полезных для человека свойств.

Для своего выживания человек постоянно вынужден ориентироваться в окружающем его мире и особенно в отношениях с людьми. Без этого свойства — веры — поступки человека превращаются в хаос; вера даёт ему смысл и уверенность в верности жизни и необходимости их для человека.

Человек, исходя из своих ощущений, может верить, сомневаться или не верить. Сомнения порождают гамму иных ощущений — подозрения, предчувствия, беспокойство, которые вовсе не бесполезны, а напротив.

Он поступает определённым образом, если верит, а верит после оценки и осмысления, хотя есть, увы, и слепая вера.

Странник

Опять же, вера — это индикатор реальности. Естественно, реальности его, этого человека.

Без веры разум человека зависает в иррациональности, в полной неопределённости, человек теряет себя. Получается, вера сама по себе порождает в человеке ощущение реальности и истины, и что самое интересное, она есть такое же доказательство истины, что и любое иное.

Почему нет?

Ведь при этом в сознании поверившего человека, как в зеркале, отражаются реальность и истина. Не правда ли? Разве этого недостаточно как доказательства?

Автор

То есть, сформулируем так.

Истина как таковая для человека, безусловно, недостижима. Но закреплённая верой как промежуточной ступенью и опорой в познании, она в этом усеченном виде понятна и полезна. Она, таким образом, становится для человека как бы познаваемой, но главное для него — пригодной ему по жизни.

Странник

Я скажу больше, лабораторные опыты естествоиспытателя на пути к истине могут происходить и получить логичное завершение лишь после того, как ученый поверит в них, в их истинность, перестанет сомневаться в их правдивости и надёжности. То есть, по сути, без «веры» человека исследования явлений природы бессмысленны, более того, они невозможны.

Автор

Человек неудержимо, неотвратимо стремится к познанию истин, а их бесконечное множество.

Странник

Но главная истина для него, человека, не в том, как устроен атом. Это интересно и полезно для понимания природной жизни. Нет, главное не в этом. Главная — что есть сам человек и отношения между людьми, то есть, каково его поведение.

Эта истина, если люди доберутся до неё — Господи, помоги! — сохранит их надолго как вид, как удивительное и немыслимо противоречивое, непутёвое, часто глупое, но родное, милое явление жизни на планете Земля — человек. Тогда он, человек, возможно, не исчезнет, не уйдёт в небытие.

Автор

Наивысшего уровня, однако, вера достигает в религии. Здесь она абсолютна, она индикатор реальности духовного мира. Только вера и ничто иное определяет отношение человека к мирозданию. Здесь понятия веры и религии сливаются в одно, вера становится синонимом религии.

Для верующего человека Он — истина, доказанная верой.

Для атеиста неверие в Него — истина, доказанная его верой.

В обоих случаях именно вера определяет истину и является лакмусовой бумагой при определении отношения человека к религии.

Кроме обычных человеческих рассуждений об истине, большей частью примитивных и искаженных, напротив, уводящих от истины, есть еще путь к истине от Него.

Автор

Хочу всё же сказать, что истина, как всякое понятие, по отношению к человеку имеет две стороны.

С одной стороны она — как устремление к ней человека, заложенное при его творении изначально. Человеку свойственно тянуться к истине. А с другой стороны, истина может стать смертельным ударом для слабого, неподготовленного человека, а таких людей большинство.

Здесь можно было бы остановиться и поговорить подробнее, ибо тема разнообразна и трагична. Но это в другой раз, а то мы слишком далеко уйдём от нашего Яши.

Странник

Что останется в человеке, если вынуть из него духовность, веру?

Автор

Люди в этом случае появятся на свет, чтобы покривляться и быстренько улечься в землю.

Десятый день пути. Галилея

Девятнадцатый день месяца Ава, четверг. 3794 год.

Странник

Итак, субстанцию природной жизни составляют инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода. Субстанцию человека дополняет разум, духовность и вера — величайшее свойство человека, придающее крепость жизни и вообще позволяющее ему жить.

Инстинкт жизни, разум и духовность — вот что движет человеком.

Автор

О духовности мы размышляли.

А разум, тут всё ясно?

Странник

Интересное дело, многое из того, что нас интересует, на первый взгляд кажется простым и очевидным, но это если подходишь с тупым доверием, не вдумываясь в смысл. Так сказать, поверхностно.

Вот смотри, разум.

Разум — универсальное свойство всякого живого оценивать ситуацию, обстановку и принимать решения по выполнению требования основного инстинкта — самосохранения.

Исходя из указанного определения, всё живое разумно. Однако, при исследовании конкретного реального предмета следует прежде понять, на каком уровне эволюции находится его разум.

Автор

Что тут нового и тем более непонятного?

Странник

Ты понимаешь, до появления человека вся эта эволюция вполне согласована с понятием о том, что всё живое идёт от атома нефти. Но вот с человеком всё пошло наперекосяк: человеческий разум не перестаёт меня удивлять.

Он, хотя и выполняет то же универсальное требование инстинкта самосохранения, то есть, соответствует указанному выше определению, но выпадает из принципов и возможностей эволюции. Пока эволюция создавала простейший мир животных, всё понимание этого шло путём. Вроде. Но вот появился человек, и пошли чудеса.

То есть, если разум всякого живого порождение эволюции, то разум человека по колоссальному запасу способностей на будущее никоим образом не может стать продуктом эволюции, которая на это решительно не способна. Мозги с запасом возможностей на далекое будущее. Запасом, который не нужен в данное время, но раз не нужен, то зачем он? Эволюция в принципе не способна создавать запасы свойств на будущее. У неё другой механизм.

Мутационные взрывы разума, массовое появление гениальных людей, на порядки возвышенные мощные рассуждения об окружающем мире с открытием понимания его, грандиозные открытия в нау-

ках, изобретения, формулирование законов природы во всём спектре познания, религия.

Неудержимые попытки, наконец, открыть тайны мироздания.

Нет, что-то «из атомов нефти через эволюцию» не получается.

Сотворив Адама и Еву, Он, по сути, выдал людям карт-бланк, чистый лист, заложив им духовную основу. Он запустил их в природный мир в самостоятельное свободное существование, в эволюцию. В эволюцию, запомни! То есть, дальше работает эволюция.

С этого момента начались события, путь человека, снабженного духовной основой, но вынужденного жить в природном мире. И это уже суть человека, но не животного.

Автор

Мне кажется, очень важно определить начало человека, пусть даже еще с животными признаками. Где граница, пусть нечеткая, сильно размытая во времени, но где она? Как её определить? Несомненно, видение сути человека и его пути связано с пересечением указанной, пока неведомой нам границы.

Странник

Друг мой, это почти неразрешимая задача.

В принципе, человек начинается с приобретения им особого аппарата — разума — и тех духовных свойств, которые в совокупности характеризуют, формируют, наполняют его как человека. Мы уже говорили ранее, что человек начинается, когда он ощутил в себе Его.

Могу только повторить. Человека делает появление ощущения в себе Его, а все остальное в нём — это сфера животного, усиленная разумом.

Автор

А как быть с метафизической сутью мира? Она-то по каким законам существует?

Странник

По тем же законам, друг мой, по тем же законам. Инстинкты — закон вселенной, они, несомненно, распространяются и на метафизическую суть.

Здесь так. Или полагать, что метафизическая суть как таковая — выдумка человека, и тогда вопрос закрыт, толковать не о чем.

Такова позиция атеиста.

Или метафизика — реальность Вселенной, естественная составная часть её, и тогда следует признать, что эволюция работает и в метафизике. То есть, Разум по мере своего взросления переходит в иное, а именно, метафизическое состояние.

Такова позиция религиозного человека.

Вселенная Разум переходит в метафизическую суть и утрачивает в процессе эволюции свои материальные признаки. Разум без предельных возможностей и могущества.

Творя человека, Он, по сути, творит продолжение себя. Повторяет себя.

Автор

Ты толковал о могуществе разума, тут возражений нет, но одновременно этот могущественный разум проявляет такие свойства, которые не понять нормальному человеку, к каковым я, кстати, хотя нескромно, отношу и себя.

Одно из слабых мест его — аберрация, невидение реальности, слепота. Видение с искажением реальности. Люди, создавая в себе ложное представление о реальности, шагают по жизни, исходя из этих придуманных ими же ложных понятий, и, поверив в них, идут по гибельному пути. Мало того, они нередко увлекают за собой народы в катастрофы.

Чтобы понять окружающий мир, материальную сторону бытия, человек использует разнообразные математические символы, этот эрзац сути явлений, и их не перечесть. Несомненно, это нужно исследователям природы. Это им решительно необходимо. Скажем, чтобы знать расстояние от Земли до черной дыры и прочих жизненно необходимых знаний.

Таким образом, неотвратимо исследователи входят, втягивают себя в искусственные миры понимания, созданные самим разумом. Люди это делают, вроде бы, для приближения к реальности, а по факту уходят от неё. Они жаждут понять реальность, объяснить её с помощью символов, а получается, что они создают представление псевдореальности и идут по ложному пути, веря в них, как в истину.

Фатальный уход от истины.

Ну и что?

Разум не может придумать лучшее? Скажем, увидеть суть явления как такового, в его глубинном смысле!?

Без этих уводящих от сути символов.

Дорога в Назарет

Странник

Эйнштейн строил свои великолепные теории через кривые и иные формальные приёмы. Однако, чутьём гения понимал, что всё это не суть, которую он хочет понять, а лишь жалкое приближение через нечто подобное к пониманию человеком. Через абстрактную математику, которая никак не может выразить суть природы, хотя и помогает мыслителю в его размышлениях.

Альберт всю жизнь мучился в попытках добраться разумом до сути без этих линий. Не получилось у него это. Может, жизни не хватило или его гений не достиг высоты, нужной для понимания…

Автор

Неужели неизбежен уход от сути в выдуманные миры математических построений? В воображаемую придуманную реальность, которой в натуре нет, которая в разуме человека и только?

Странник

Полагаю, тут это возможно, но не с помощью инструментария естествознания, а через Него.

Автор

Согласен. Что ж, таким образом, мы подошли к пониманию предела возможности человеческого разума, мозгов его. Но здесь главное,

Назарет

что мы поняли, ощутили этот предел. Так ведь это тоже результат усилий нашего разума, не правда ли?

Этого не так уж и мало.

Странник

Выходит, не всякая проблема без Него нам по зубам.

И не надо видеть здесь трагедию, а просто понять и смириться. Ну вот, скажем, мечтает художник написать картину на уровне Леонардо, но не может, так что ему, вешаться, что ли? Не вешаются, пишут свои картины, и Слава Богу. Всяк сверчок, в смысле человек, знай свой шесток. Надо покорно признать это и ступить на верный путь.

Обратимся к Нему, и мы пойдём, пусть по долгому, но пути, когда мы сможем понимать суть всего, что нас окружает, изнутри, от Него, как таковую.

Автор

Или вот еще, относительно разума. Мультикультура.

Прекрасная гуманнообразная идея. Сочувствие, туда-сюда, но когда эти люди из стран свергнутых режимов, которые худо-бедно, но держали страны в порядке, валом повалили в Европу, вот тут-то… вот, скажем, сидите вы в своём доме, а к вам вламываются двадцать человек и говорят: мы станем жить у вас. Вы же добрые люди и сочувствуете нам.

Как вы поступите?

Назарет

Странник

Я бы их в шею, вон.

Автор

Именно, в шею.

А тут — захватывают Европу, а те, значит, европейцы, не могут понять, что происходит, и твердят: надо им помочь! Уму непостижимо.

Будто не видят эти европейцы, снабженные разумом, опасности для себя и своих близких.

Это и нашествие беженцев, и непонимание, что основной закон межэтнических отношений — это «свой-чужой», и никуда от этого не деться. Это же закон!

Странник

Разум сделал человека хозяином природного мира, но одновременно развил, усилил, изобрёл в нём такое количество подлости, которое отсутствует в животном мире. Усиленные разумом подлые качества человека сделали его исчадием зла, изощрённого издевательствами над своими собратьями. Пытки неведомы животному. Тот пожрал — и все дела. Но пытки, убийства, мучения и прочие подарки цивилиза-

Источник Святой Марии

ции — плоды разума. И еще, человек научился творить зло чужими руками.

Автор

Что делать-то?

Странник

Религия даёт человеку понятия нравственности, которая способна ограничить эти скверные, я бы сказал, гибельные свойства разума. Необходимо помыслы и поступки человека пропускать через фильтр нравственных ограничителей. Без этого разум человека, назовём вещи своими именами, — разум дикий.

Автор

В свете этого следует пересмотреть радужные взгляды мыслителей на состояние человечества. До тех пор, пока разум будет пребывать в диком состоянии, нельзя говорить о стабильности человечества, его долголетии.

Природная жизнь и разум человека — это тандем, приводящий к аннигиляции человечества. Аннигиляция неизбежна, если люди не

Тивериадское озеро

встанут на духовный путь, где разум станет не только на природную потребу, но и на сохранение человека как вида. Религия в этом случае — субстанция эволюции, отводящая эффект аннигиляции.

Странник

Путь человека от животного — это постоянная борьба с самим собой, со своими свойствами животного мира, многократно усиленными разумом, которые никуда ни делись, ибо инстинкты составляют суть человека, их невозможно ни уничтожить, ни удалить из человека. Все они без исключения от животного перешли к человеку.

На своём пути от животного человек, однако, посильно настраивает свой разум на ослабление этих вторичных инстинктов, выстраивает запреты на выполнение их требований. Постепенно через религию, через веру осознаёт величие и жизненную необходимость требований безусловной вселенской нравственности, неизбежности её восприятия и понимания её как единственного условия, дающего шанс на уход от животного состояния и самосотворение человека разумного.

На этом , теперь уже духовном пути, он, человек, должен преуспеть. Иначе… кранты. Теперь, можно сказать, всё большую роль исполнителей в помощи фундаментальным инстинктам выполняют разум и требования вселенской безусловной нравственности, а отнюдь не инстинкты.

Впрочем, не так категорично, здесь это только путь, и к такому состоянию еще надо подойти. Что и когда произойдёт, и каким образом разум станет уравновешенным некоей силой, мне знать не дано, надеюсь, что он всё же поймёт своё состояние и начнётся сильнейшее влияние вселенской нравственности.

Автор

Люди давно мечтают об обществе, где нет зла и войн, но толку от этого мечтания пока не видно. Предположим, такое произойдёт, дикий разум станет не диким, не станет ли это концом человечества, когда оно лишится этого дикого, но мощного фактора прогресса, развития цивилизации, энергетики, позволяющей в динамике противоречий и драках, буйстве, отвратительных безобразиях существовать и совершенствоваться?

И как в этой благостной жизни, если она проявится, возникнет стимул, сила для крепости человечества?

Что будет предложено человеку взамен дикости?

Потрясающий расцвет культуры или загнивание и гибель, конец всего?

Странник

Вся сегодняшняя философия вместе с Гегелем и другими ребятами из клана мыслителей рухнет в небытие к хренам и превратится в прах. Останутся благостные, не антагонистические, как говаривали марксисты, соревнования для высокой культуры, полезных технологий и познания, раскрытия тайн мироздания? Или…

Автор

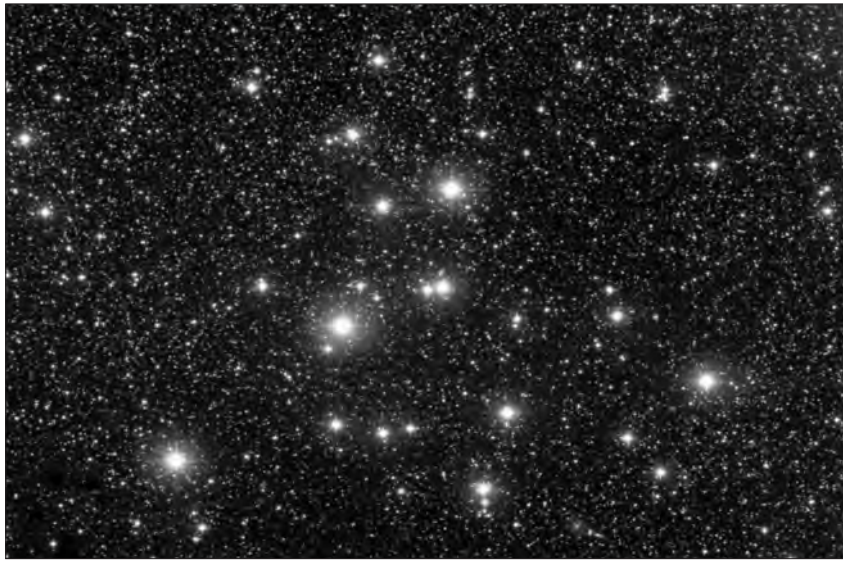
Ты знаешь, разум, как инструмент, исполняющий волю инстинкта, может стать самостоятельным, определяющим, оценивающим требования инстинкта и их необходимость.

Странник

Это у тебя перебор. Инстинкт сильнее.

Автор

Я не сказал, что человек способен придавить инстинкт. Я имел в виду, что при безусловной незыблемости инстинктов в себе он, человек, установит соразмерность здравого смысла, но это лишь при условии, что у него сильная духовность.



Странник

Согласен. Религиозный путь — это непрерывный спор инстинкта с разумом и верой. Человек, размышляя, неуклонно приходит к вере, а инстинкты посильно ставит на своё место. То есть, он, несомненно, не в состоянии их отменить, для этого нет необходимости, без них он не сможет жить, но уж инстинктивную тягу к злу он умерить в состоянии.

Автор

Да, есть такое.

Одиннадцатый день пути. Галилея

Двадцатый день месяца Ава, пятница. 3794 год.

Извилистая тропа шла по бурым холмам, затем привела на обширную долину. Путники прошли её, и на небольших возвышенностях невдалеке завиднелся Назарет.

После подъёма тропа разветвлялась.

Прямая дорога вела в Назарет, поворот направо — спуск к Тивериадскому озеру.

— Пойдём прямо, — сказал Саул.

— Саул, — возразил Давид, — наша дорога вниз, к озеру. Там тропа к Дамаску.

— Я знаю, — но сначала зайдём в Назарет. Там у меня дела в Синагоге.

Давид удивился, но возражать не стал. «Дела так дела, Саулу виднее», — подумал он.

Путники вошли в город.

И вот здесь вдруг, независимо от воли или желания Саула, его захватило, обволокло новым и непонятным ему ранее ощущением великой значимости для него этого места.

Здесь, в этом месте на Земле возник и жил тот самый Иисус, последователей которого он, Саул, преследует и теперь с этой же целью движется в Дамаск.

Они неторопливо проходили селение. Саул жадно и где-то даже с болезненным любопытством и заинтересованностью всматривался в дома, во встречных местных жителей, задерживал взгляд на их лицах, будто хотел увидеть в них нечто особенное и важное для понимания того, чем же Он так смог привлечь их к Себе.

Саул уже с неохотой разговаривает с Яшей, он озирается по сторонам, будто опасается увидеть нечто непонятное, а значит, таящее в себе угрозу, причем именно ему, Саулу. Напряжение его нарастает.

Мысли буравят голову.

— Как пройти к дому Назарянина? — спросил Саул прохожего.

Тот остановился, вежливо и даже приветливо пожелал удачи путникам, а после этого ответил на вопрос.

— Это просто, путник, вон пройди туда шагов сто, увидишь источник. Мария, мать Его, ходит к нему за водой. Тут же недалеко справа увидишь дом, — он повернулся, чтобы уйти, но Саул спросил еще.

— Скажи, добрый человек, чем Он так привлекал вас?

— Он был добр к людям, — просто сказал тот, — и Он был мудр, мудр не как человек. Среди людей таких не бывает.

— Он обманщик, — возмутился Саул, — Он рушил Закон.

— Нет, добрый человек, он всегда говорил правду, и Он никогда не говорил против Закона. Такого не было с Его стороны. Я не слышал такого, и знакомые мне люди не слышали от Него такого.

— Он был добр, — повторил прохожий.

Он помолчал и добавил:

— Говорят, Он воскрес, тогда как же Он не мессия? Простые люди не воскресают. — сказал он и поспешил отойти от Саула.

Ему стал неприятен этот разговор и этот незнакомец.

Саул посмотрел ему вслед; он хотел спросить еще, однако тот ускорил шаг и почти бегом, будто испугавшись Саула, исчез за поворотом.

Саул постоял в некоторой растерянности, в несвойственной ему нерешительности, сделал было несколько шагов, остановился, постоял в задумчивости.

— Яша, останьтесь здесь, отдохните. Я пройдусь немного и скоро вернусь.

— Куда ты? — спросил Давид, — мы пойдём с тобой, мы твоя охрана. Мы отвечаем за тебя.

— Саул, не ходил бы ты, тут опасно, — добавил Арам, — тебя могут узнать. Слухи о том, зачем ты идёшь в Дамаск, бегут впереди нас. Здесь много христиан, да еще Его родственники. Не знаю, зачем ты идёшь, но мы обязаны тебя охранять.

Арам был прав. Слухи о том, что Саул идёт в Дамаск хватать христиан, истязать и влачить их в узах в Иерусалим на судилище, опережали путников. Они бежали впереди них и тревожили людей; христиане узнавали о приближении Саула задолго до его прихода и прятались.

Его имя стало пугалом для христиан.

— Ничего, я недолго. Я скоро вернусь, а вы тут хорошенько отдохните, и мы двинем дальше. Не беспокойтесь, со мной мой верный и могучий Гектор. Правда, Гек, ты не позволишь никакому плохому человеку причинить обиду твоему Саулу? — он ласково потрепал пса по спине. Тот утвердительно прорычал, выразив таким образом своё полное согласие, и сидел, преданно глядя на хозяина.

— Сави, ну мне-то разреши быть с тобой? — тихо сказал Яша.

— Нет, Яша, ты остаёшься. Я скоро вернусь. Ну пойми, — добавил он, уловив Яшину тревогу за него, — мне нужно побыть одному, понимаешь? — повторил он.

Уладив, таким образом, дело со своей отлучкой, Саул двинулся в сторону, указанную встреченным местным жителем. Мощный Гектор шагал рядом.

Саул проходил мимо хаотично расположенных хижин, сложенных из крупных белых камней и разделенных между собой малень-

кими переулками. Прошел старинный источник воды, красиво сложенный также из крупных белых камней, и тут же увидел дом, где жил Он.

Саул долго, очень долго стоял невдалеке, жадно всматриваясь в жилище того, кто так смущал его душу. Ему захотелось войти и посмотреть, очень хотелось, однако он не решался.

Как он, гонитель Его, встретится глазами с Его родными? Это решительно невозможно. Нет, Саул вовсе не опасался насилия с их стороны. Он вспомнил удивительные по милосердию слова Христианина, побиваемого камнями, и людей, гонимых им.

Напротив, он испугался именно этой смиренности христиан, которой мир не знал до Него. Извечно человек защищался силой, он дрался за свою жизнь: иной способ был ему неизвестен, а тут… смирение и любовь к людям, даже врагам. И эта смиренность христиан, на первый взгляд беззащитная, немощная, слабая смиренность, выходит, получается по сути грозной и мощной силой во взаимоотношениях людей в их вражде.

Долго так стоял Саул, смотрел на дом, сделал даже шаг по направлению к нему, но подойти ближе и тем более войти так и не решился.

— • —

Всё одно, иду ли я в первом веке по тропе в Дамаск мысленно вместе с Саулом или двигаюсь по асфальту в московском Ясеневе, восприятие моё одно, лишь под ногами иная тропа.

Восприятие единства человека, разделённого тысячелетиями. Всё, что происходило там и происходит здесь, сходится, как в фокусе, в одно — человек. Остальное шелуха, хрень собачья.

Человек-то всё тот же!

Вот в чем фокус. Теперь, в двадцать первом веке, те же ужасы, что и во время восстаний первого века. Так же Каиновы наследники отрезают головы людям — и тогда, и теперь. Всё то же. Уму непостижимо. Что же это лезет из людей! Как им избавиться от этого?!

Так жить нельзя.

Две тысячи лет минуло, а человек всё тот же.

— • —

Великая сила в ощущении верности пути, единственно возможная жизнь для человека.

Человек идёт по такому пути уверенно и способен выдержать многое. А Саул, с каждым днём на пути в Дамаск и с приближением к

нему, где он должен был действовать жестоко, не знал ответа на свой мучительный вопрос отношения к Нему.

Он явственно терял ощущение верности своего пути.

От этой утери его упорная целеустремлённая натура всё глубже погружалась в ситуацию, когда он терял ориентиры, а душевное волнение его нарастало.

Он не то, что сомневается, он просто не знает, не может понять, что с ним происходит.

Не может понять себя.

Хотя намерение гнать христиан никуда не делось, но Саул уже не тот, кем был еще совсем недавно — ни в чем не сомневающимся человеком.

Многое из того, что он слышал о Нём, проникло в его сердце.

Это сверхчеловеческое существо в своей небесной жизни, откуда оно иногда выходило, чтобы промелькнуть видением, преследовало его, как призрак, не давало жить.

Он с ужасом гнал прочь эти мысли и с особенным ожесточением старался укрепиться в своей старой вере; мечтал о новых жестокостях против тех, кто нападал на неё, как ему казалось.

Эта двойственность раздирала Саула.

Защита Закона и преследование христиан или признание Его истинным мессией, чего Саул никоим образом не допускал!

Вместе с тем, в обоих случаях неизменной и скрепляющей его поведение, составляющей основу его жизни и его натуры и оставляющей ему выход из невыносимой душевной раздвоенности была его великая любовь к людям и неукротимое желание помочь им спастись.

Любовь к людям!

Вопрос оставался один.

Каков этот путь?

Но в первом случае она, эта любовь к людям, вынуждала его гнать христиан, якобы обманутых и мешающих людям для своего спасения следовать Закону. А во втором она же, любовь, влекла его смиренно, но целеустремлённо, не щадя себя нести людям истину Иисуса о спасении, к чему он, Саул, еще не пришел.

Все дни в светлое время похода Саул был уверен в своём намерении гнать христиан, а ночами к нему приходили люди и произносили смиренно одно и то же:

«Зачем гонишь?»

Мир Саула, основанный на понимании Его как простого человека, уводящего людей от Него, съёживался, сужался, как шагреневая кожа, а Саул, двигаясь пешком по горизонтальной тропе, день за днём духовно неуклонно поднимался к Нему.

К великому своему пути сотворения Христианской цивилизации.

— • —

Они подошли к обрыву и заглянули.

Далеко внизу синело озеро, окаймлённое извилистыми зелёными берегами. Тропа пошла круто вниз, к воде.

У озера остановились. Арам быстренько достал удочки и уселся рыбачить.

Гектор устроился рядом, не сводил взора с поплавка, ждал улова. Ему тоже хотелось рыбки. В это время на берегу было пустынно. У берега плескалось несколько лодок.

— На том берегу, Яша, Капернаум. Сейчас он виден плохо, там туман, вон он там, — Саул показал рукой направление. — В хорошую погоду можно добраться на лодке. Интересный город, — добавил он.

Здесь, у Тивериадского озера, Саула снова охватило то же состояние, что и в Назарете.

Он знал, что Капернаум был любимым местом Его пребывания. Здесь Он жил и проповедовал. Здесь Он осуществлял Своё Пастырство, здесь всё, каждый предмет напоминало о земном пребывании Его.

Саул бредёт по берегу, всматривается в камни у себя под ногами: камни, по которым проходил Он.

Недалеко от места, где они остановились, на самом берегу озера Саул увидел синагогу, где Он говорил с народом. Саул прошел к синагоге и увидел людей, людей, которые видели Его.

Автор

Глухой городок, люди самые непосредственные, где-то наивные, и вот среди них появляется человек совершенно необыкновенный, Он. Люди его слушали, они с ним сидели за столом, кушали, разговаривали… Они видели Его, достоверность абсолютная. Это не то, что им кто рассказал о нём. Они ничего не придумывали, и они рассказали то, что видели своими глазами. Они засвидетельствовали это. И пошло. Всё дело в непосредственности общения с ним. Такого ясного и определённого не было никогда. Вот в чем суть. Сила Христианства как веры. Как религии.

— • —

Откуда было знать Саулу, что он переживает последние дни своего неверия. Не подозревал он, что недалеко к северу от озера, на холмах находится место, где произойдёт роковой перелом в его жизни и судьбоносное событие для людей через него, Саула.

«Савл, Савл, что ты гонишь Меня?.. Трудно тебе идти против рожна».

Эти слова еще не произнесены, но они близки.

Двенадцатый день пути. Брод дочерей Иакова

Двадцать первый день месяца Ава, суббота. 3794 год.

Тропа обогнула южный конец озера, пошла по южным склонам Ливанских гор на Дамаск, всё более удаляясь от Тивериадского озера.

Путники долго идут среди каменистых холмов, покрытых разноцветными цветами. Вдоль дороги редкие невысокие, коренастые деревья; тропа вьётся в неглубоком каньоне.

Пройдя от озера порядочное расстояние, они подошли к броду через Иордан — «Броду дочерей Иакова».

Брод дочерей Иакова

Джиср бен Якуб.

Это обычное место, где всякие путники, идущие по дороге Праотцев в Дамаск, переходят реку. После него Дамаск уже близок.

— Вот видишь, Сави, — сказал Яша, — огромный валун посреди Иордана?

Вон там, недалеко от брода Дочерей. Видишь, он перегородил середину реки, по обеим сторонам, обтекая его, пошли воды реки. Они разделены валуном, валуном противоречий. Но смотри, после валуна они соединились и пошли вместе, одной рекой.

Вот так и люди.

Неизвестно, какой смысл закладывал Яша в эти свои слова, но только Саул вздрогнул, будто тот произнёс нечто такое, что поразило Саула змеиным укусом.

— • —

У брода, обильно питаемый тающим снегом с горы Хермон, Иордан грохочет по камням, бурно шумит под мостом.

Река гонит свои холодные зеленоватые воды вниз по склонам холмов в Галилею.

Берега реки густо поросли папирусом, олеандром и египетским баланитесом, это вроде кавказской пальмы; его еще называют псевдобальзамником или гилеадским бальзамником. Из его плодов, похожих на грецкий орех, изготавливают ароматное масло.

Гора Хермон

Реки Эхасбани, Фермон и Дан, спустившись с горы Хермон в долину, сливаются воедино и становятся Иорданом, великой рекой не по величине, а по значению для Христианского мира и Западной цивилизации.

Дальше тропа шла по Иорданской равнине, где вечнозелёные смоковницы несколько смягчают грусть общего пустынного вида ландшафта.

Прошли Итурию и ступили на обширную равнину Дамаска, окруженного садами.

Миновали деревню, от которой до Дамаска осталось пройти не более четырёх часов.

Слева гора Хермон с сверкающими снежными верхушками, рядом предгорья Антиливана. Справа горы Гауран, сжимающие русло Фарфара.

Всюду ухоженные поля, сады, виноградники. Оливковые, абрикосовые, сливовые деревья. Тропа пролегла по откосу горы; по обе её стороны большие деревья, своей кроной создающие спасительную тень.

Притоки Аваны и Фанфара увлажняют равнину.

Идти легко и приятно.

На вершине холма Саул и Яша остановились и долго смотрели на оставленную позади Галилею. Видно далеко. Рассмотрели даже южный конец озера и Иордан, убегающий на юг, к Иерусалиму.

Верховье Иордана

Но дальше колышущийся раскалённый воздух мешал разглядеть местность, хотя очертания озера просматривались отчетливо.

Хорошо различимы Капернаум и Тивериада на побережье, а также взметнувшиеся в небо горы на востоке.

С этого места тропа никуда уже не сворачивала: по желтой равнине она бежала в Дамаск. По сторонам её нескончаемо тянулись абрикосовые сады.

Пройдя порядочно, путники остановились передохнуть в тени и прохладе у большого дерева на берегу реки.

— • —

Эта умиротворяющая идиллия ландшафта, однако, никак не соответствовала душевному состоянию Саула.

То, что творилось у него в душе, когда он подходил к Дамаску, чтобы хватать христиан, не поддаётся никакому описанию. Слов не хватит, чтобы выразить муки, которые он испытывал.

«Что, если?! — думал он. — А что, если это не лже?»

Что, если он, Саул, ошибается?

Кровь при таких мыслях стыла в его жилах. Он вспоминал равви Гамалиила, с которым тогда не был согласен, но которого глубоко уважал и которому верил.

Одновременно Саул по-прежнему упрямо и фанатично полагался на своё убеждение в верности пути.

— • —

С каждым днём их пути, с каждым шагом к Дамаску, по ночам они видели, как менялся вид неба, как звёзды разгорались всё ярче, а сомнения терзали Саула всё сильнее.

Предстоящая роль палача становилась невыносимой. Саул в отчаянии, разум его мечется в конвульсиях страха. Страх овладевает им и обессиливает. Он с трудом идёт вперёд.

Он изнемогает от мук раздвоенности.

Он молит Всевышнего дать ему знак понять, где истина.

— В затруднении я, о Боже, в ужасном смущении, в боязни ошибиться и тем погибнуть в душе моей, о Боже, помоги, дай знак, просвети! — молит Саул.

— • —

Автор

Сколько людей в бесчисленных поколениях будущего станут молить Всевышнего, обращаться к Нему с такой же горячей просьбой в отчаянных для них ситуациях!

Станут просить подсказать, где им выход из гибельного положения, дать им направление поведения, поступков.

Странник

А к кому еще может обратиться человек?!

К человеку?

Так люди лживы, от них не дождёшься искренней доброй спасительной подсказки, за редким исключением, и они дадут такой совет из своих соображений и своей пользы.

К врагу своему?

Так надо еще знать, кто враг-то.

Кажущийся друг может оказаться таким врагом, и ты обратишься к нему с такой отчаянной и чрезвычайно важной для тебя просьбой?

Даже мать — кто может быть ближе к ребёнку своему и кто больше любит дитя своё? — даже мать нередко ошибается и может дать такой совет, что загубит это своё дитя, кровинку свою, даже не осознавая по невежеству своему пагубность своего совета.

Людям свойственно ошибаться даже в доброй подсказке.

— • —

Теперь вовсе близко, у самого Дамаска, в ночь на двенадцатый день Яша взглянул на небо и ужаснулся.

— Сави, — ты глянь, небо пылает звёздами! Такого я еще не видел! Мне страшно.

Саул поднял голову и вздрогнул.

«Не знак ли это?!»

Как прикованный стоял он под раскалённым пылающими звёздами небом, решительно подавленный видом громады Вселенной с мириадами миров, которые вдруг обрушились на него, вырвали из мира его заблуждения и направили на дорогу истины.

Саул стал близок как никогда до сих пор, можно сказать, вплотную к пониманию чудовищности цены своей ошибки в понимании им Иисуса.

Оно, это понимание, овладело им и повергло в шок.

— • —

Саул надорвался на ложном пути гонения христиан и ненависти к ним.

Здесь, возле Дамаска, произошел его прорыв в духовный мир. Он увидел и услышал Его.

«Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна».

Гора обращения

«Он в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать? И Господь сказал ему: встань и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать».

Минута, решающая всю жизнь.

Ужас своего поведения яркой картиной встал перед Саулом. Он увидел себя покрытым кровью Христианина, который явственно предстал перед ним.

Саул упал без чувств. Он ослеп. Он увидел лицо, преследующее его последние дни. Он увидел Иисуса, который сказал ему по-еврейски: «Савл, Савл, что ты гонишь меня?»

«Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел; и повели его за руку и привели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел и не пил».

— • —

С этого события начался великий путь Саула донесения людям вести Христа о спасении.

С этого события Саул стал воздвигать Вселенскую церковь.

«Не я, но Он во мне это делал».

— • —

Саула уложили в доме Иуды, проживающего на Прямой улице Дамаска.

Слепота не проходила. Саул метался в лихорадке.

Не ел и не пил.

Вошел человек Анания и сделал ему знак христианина. Сел рядом на постель, назвал братом, поговорил с ним и возложил на него руки.

Саул смог поесть, силы его возвращались.

Его окрестили.

Саул удивился простоте веры. Не надо было изучать тексты. Только одно — надо верить.

Саул поверил, но одному лишь Иисусу, который сошел с высоты небесного престола, чтобы обратить его и наставить.

Саул вспомнил их встречу в Иерусалиме на Елеонской горе.

Саул познал Иисуса откровением.

— • —

Автор

Что же произошло в человеке-фарисее Сауле?

Странник

Смена реальностей, друг мой, смена реальности.

Ты же знаешь, у каждого человека своя реальность.

Реальность — это мир человека, и только человека, в его ощущениях и понимании.

Реальность — это всё, что человек видит, слышит, осязает, словом, ощущает, и в чем он не сомневается. Это мир, в котором он живёт и полагает его своим, родным.

Это естественные для человека обстановка, окружение. Он понятен и не вызывает сомнений, это его мир. Это и есть реальность для человека.

Без ощущения этой своей родной реальности существовать человек не может. Попади он в такое, то есть, если вдруг у него исчезнет это ощущение своей реальности, он тут же сойдёт с ума от ужаса, как нормальный человек, надолго попавший в сумасшедший дом по ошибке.

А ощущает он эту свою родную реальность, то есть устраняет сомнения в этом, через веру в её истинность. Человек должен непременно поверить в свою реальность, если такой веры у него нет, значит, это не его реальность, а чья-то, но не его.

У каждого человека реальность своя, не совпадающая с реальностями других людей, и не существует реальности одной для всех. У каждого — она своя, и поступает человек по жизни, исходя из этой своей реальности.

Скажем, человек, живущий во время войны на земле, захваченной врагом, человек, успевший избежать такой участи, человек на фронте, иудей в Иерусалиме в первом веке, Саул — каждый из них живёт в своей реальности.

Как же можно судить поступки человека, если люди живут в разных реальностях?

Оказывается, возможно, и это сплошь и рядом, обычное у людей дело. Человек, сидящий за праздничным столом с обильной закусью, спокойно судит о поступках человека, стоящего перед расстрелом или голодающего.

Без сомнения, это нечестно и неправильно, но, увы, так бывает.

Ученые люди говорят о существовании понятия — «объективная реальность», это как бы некая независимая от человека реальность. Но реальность не может быть вне человека, ибо она, по сути, выражает мир восприятия человека и не более того. Понятие «реальность» создано для человека, только для человека.

То есть, «объективная реальность» — это дырка от бублика. Пустословие. Кому нужна эта абстрактная реальность? Её не существует в природе. Она выдумана для учености.

В этом вопросе человек — суть всего и смысл.

То есть, никакой реальности вне человека не существует. Ибо она может существовать только в виде ощущений человека. Есть материя, черные дыры и прочее. Нет человека, нет реальности.

— Кто видел эту объективную реальность, пощупал её, так сказать?

Никто!

Тогда зачем оно, это безжизненное понятие? Сказано по-ученому, звучит солидно, а в натуре пустой звук. Понятия, которые в нас вложили ученые люди, — самого общего характера. Истина, реальность, вера, сколько угодно можно придумывать таких понятий, но лишь пытаешься применить их для человека — а собственно для кого это, от чего можно танцевать еще-то, как не от человека, всё для него, красивого — так сразу эти понятия становятся непонятными, не получается их использовать для человека. Они тут не отражают свою суть, заложенную в них учеными людьми.

Реальность оказывается у каждого человека своя, уникальная, а не одна для всех. Не общая абстрактная реальность, нет такой. Выдумка. Нихрена такой реальности нет, может, она и есть, но для человека её нет, он никогда её не ощутит. Он всё это воспринимает через свою веру в это, вот и всё! Ну как можно говорить о такой ученой реальности, если у каждого человека она своя, не похожая на реальности других людей, живущих рядом с вами?

«Смотри, небо голубое!» — сказал один.

«Да нет, оно синее!» — возразил другой.

Здесь у этих двух людей разные реальности.

Сегодня в День победы отовсюду доносятся высокие слова, проходят торжественные митинги и прочий праздничный шум, а он сидит на траве и тихо плачет. Не рыдает, тихо плачет. В этот день он вспомнил не радость победы над врагом, а гибель на войне своего брата и от горя обезумевшую мать, получившую похоронку.

Итак, каждый человек живёт в своём мире-реальности через свои ощущения. При этом, мир ощущений, определяющий реальность для человека, может быть миром духовного слияния с Ним и миром ощущений без Него.

Для атеиста мир неверия — его реальность.

Для человека верующего мир веры — его реальность.

До обращения, то есть, духовной встречи с Иисусом, Саул жил в своём мире-реальности непоколебимой веры в Закон и в спасение иудеев единственно через неукоснительное исполнение его требований. Отсюда его убеждённость в необходимости преследования противников Закона, угрожающих разрушить надежду людей на спасение.

Священническая власть иудеев, духовники, в том числе и Саул, убеждённый фарисей, не верили в Него как мессию и рассматривали Его исключительно как угрозу Закону. На это у них существовали свои причины.

Столько раз Он наказывал евреев, и порою весьма жестко, за неверие и безнравственность, что у них образовалась особая религиозная каста фарисеев, для которых главным определяющим делом было сохранение верности Закону — договору между евреями и Им.

Саул решительно и ревностно разделял этот принцип секты.

Боясь Его кары, фарисеи превратили Закон — книгу — в абсолют и видели своё спасение в букве его исполнения. В этой своей крайности они даже несколько отошли от духовной сути веры к неукосни-

тельному исполнению того, что написано в книге; они всеми силами и средствами защищали Закон.

Существовала, однако, одна важная особенность: духовники фарисеи состояли одновременно и социальной властью, а такое состояние во власти, как известно, отвлекает и даже отвращает от истины и сильно портит человеческую натуру. Так что, фарисеи заботились не только о спасении духовном, но и о сохранении своей власти.

Иудеи всё своё существование ждали царства Божия, которое им обещано Им. Ждали, как манну небесную, жаждали экзальтированно, на высочайшем напряжении духа. Напряжение их достигало такого накала, что от него разрывалась судьба народа и сердца людей…

Да, они ждали, как и все евреи, Мессию, но не в таком же обыкновенном, совершенно человеческом виде. Они ждали Его в виде огня, в громе и молнии небесной, то есть, в таком виде, каким им представлялся сам Он, то есть, в славе… а тут… плотник и сын плотника из Назарета, городишки-захолустья. Какой же это Мессия?!

Они и мысли не допускали, что он в таком простом человеческом виде может быть Мессией. Ну конечно, это не мессия, решили они. Никак не может Мессия быть таким простым человеком.

Появление Его, нарастающее понимание и принятие Его слов людьми, всё увеличивающееся влияние Его на иудеев стало совершенно нетерпимым для фарисеев и, естественно, для Саула, истово верящих в Закон. По этой причине они одинаково фанатично преследовали Его и изгоняли христиан. Но фарисеи из-за боязни утраты спасения через Закон и угрозы для своей власти, а Саул исключительно ради спасения человека.

Саул иной, он рождён особой натурой. У него буква Закона, его исполнение являлось предельно условием спасения. Однако, нахождение во власти не портило его веру, ибо она, власть, была ему не нужна, он не стремился к ней.

Только вера, глубокая вера. В ней и только в ней содержалось устремление к спасению.

И великая любовь к человеку.

Такова реальность Саула до его обращения.

— • —

Итак, жажда власти не отвлекала Саула от веры. Поэтому его встреча с Иисусом, явление ему оказало решительно роковое воздействие, опрокидывающее его прежнее, как оказалось, ложное представ-

ление. В вере Саул шел через понимание истины. Истина была основой его веры, мерилом его убеждений и поведения. Она служила ему ориентиром, фундаментом в духовном мире. Он верил только в то, что казалось ему истиной.

И напротив, всё, в чем Саул не ощущал истины, он безжалостно отбрасывал.

Кроме обычных человеческих рассуждений об истине, большей частью примитивных и искаженных, напротив, уводящих от неё, есть еще путь к истине от Него.

Своим явлением Он убедил Саула в истинности Себя, и это единственно только и могло убедить Саула, а убедившись, он глубоко и навсегда поверил.

«Он тот, кто спаситель, а не только лишь Закон — книга».

Были две взаимно противоречащие истинности: одна в Законе, другая в Нём.

Теперь оказалось, что одна истина не противоречит другой, как ранее думал Саул.

Это означает слияние двух истин. До этого Саул видел одну истину и не верил в другую. Теперь Он стал для него истиной.

Отсюда вера в спасение через веру в Него.

Через слова Его «зачем ты гонишь меня», через слепоту, исцеление и Наказ Саул вобрал в себя реальную суть Его, а значит, и истинность Его как спасителя.

Познал Его решительно очевидно, через свои ощущения, как неоспоримый аргумент для веры.

«Вот Он передо мной, Он увидел меня и обратился ко мне. Вот за кем я должен идти. Я отныне иду за ним, и значит, я знаю теперь, где моё служение и где моё спасение.»

Но почему только для евреев спасение и этот путь?

Иисус — это вселенная. Теперь и смерть если не сладка, то и не так страшна, как если уйти обреченно без надежды на спасение, на продолжение жизни».

Великое событие — духовная встреча с Ним — сотворило новую реальность в мире Саула и перевернуло его миропонимание; мир Саула стал иным. Теперь Саул не мог жить иначе, как с пониманием того, что второе событие реально произошло и никуда от этого не деться.

Саул не мог не поверить, как нельзя не верить в реальность, ибо реальность — это тот критерий, который позволяет человеку понимать себя в мире, ориентироваться в нём.

Понял Саул, что не лжепророк Иисус, не разрушитель Закона, а истинно Мессия и сын Его, и Саул пошел за Иисусом. События произошли в его, Саула, мире, и они стали для него реальностью.

Более того, эта новая истина, проникая в Саула, становилась его натурой; он не только поверил, то есть, стал христианином сам, но в силу своей великой натуры и любви к людям пошел решительно дальше. Он понёс людям Заповеди Иисуса, весть о спасении.

Страстность, упорство Саула, его могучий ум, способность проникать в самые глубины человека, все уникальные свойства его натуры теперь пошли на службу Иисусу, Спасителю, Христианству.

В обеих реальностях вера Саула была глубокой, но если прежняя глубокая вера делала его гонителем и толкала на жестокость, то вторая глубокая вера отрицала зло как таковое и направляла на путь спасения людей через донесение до них вести от Иисуса.

Через милосердие.

Гонитель, какими соображениями бы он не руководствовался, пусть даже самыми благими, есть носитель зла.

В новом мире Саула он, смиренный вестник людям об их спасении через веру в Иисуса, претерпел перерождение. У него изменился нравственный вектор поведения от зла к добру. Сама вера в Иисуса как таковая изменила указанный вектор. Теперь, приняв веру в Иисуса, он в силу принятия этой веры, суть которой заключалась в неприятии зла, а напротив, в добре и любви к человеку, уже никоим образом не мог оставаться гонителем не только христиан, но вообще человека.

Больше того, изменилась натура Саула как человека.

Как гонитель, он был фанатиком, а фанатизм не красит человека, он делает его облик омерзительным. Фанатизм отражается на облике человека.

После явления фанатизм в Сауле исчез, но сохранилась глубочайшая вера в Иисуса, поэтому красота его восприняла духовный вид.

Да, Саул был гонителем. Но от самого начала, от упёртого желания преследовать христиан весь путь в Дамаск он был охвачен одной лишь силой, главной — любовью к людям и готовностью помочь им спастись. То, что он гнал, так это уже второе, это ошибка, но главное — помочь людям спастись. Донести до них весть и показать путь к спасению.

Это главное в Сауле.

Да и само преследование им христиан было направлено на ту же любовь к людям, для их спасения! Из любви к людям.

Иудеи, даже казня Его, тоже руководствовались целью спасти людей, но и себя. Исполнением Закона и борьбой со лжемессией. Они ошиблись тоже, но разница в том, что они не осознали своей ошибки и совершили такое! Они казнили Его. Непоправимая, страшная ошибка.

Саул с Его помощью осознал свою ошибку, и он заложил основу Христианской цивилизации. Саул выполнил то, что задумал Он.

Так вот в чем секрет жертвенности христиан — истинность Иисуса и причастность человека к Нему. Всё духовное устремление человека стимулировано поиском спасения!

Вечный поиск спасения.

Саул шел в Дамаск долгих двенадцать дней, шел бесконечно долго и мучительно, как человечество долго и мучительно идёт к Нему.

Саул пришел в веру в поисках спасения. Сегодня люди ищут веру в поисках спасения и смысла.

Таковой стала реальность Саула после обращения.

Автор

Здесь не помешает привести слова мудрого Шмуля Лейбовича, который в свою очередь утверждал, что субстанция мировоззрения, то есть, религия человека заключается в его вере в свои ощущения. Если к Саулу обратился Иисус со словами: «За что ты гонишь меня?», то эти слова стали для Саула его ощущениями, реальностью и религией.

Саул отпустил Арама и Давида, сказав им возвращаться в Иерусалим. Те тут же без промедления взнуздали Лейба и отправились в обратную дорогу, пребывая, однако, в великом смущении из-за вышеупомянутых событий.

Пожалуй, они даже поспешили оставить Саула, чтобы не иметь себе неприятностей, находясь рядом с ним. Священнослужители храма, несомненно, будут недовольны его поведением, заодно станут корить и их стражей, мол, «не доглядели вы».

На следующий день Саул почувствовал себя лучше, силы возвращались, и он решился выйти из дома. Яша ему помогал.

— Яша, пойдём в синагогу, я знаю, это недалеко.

Яша, потрясённый случившимся с Саулом не меньше, чем покинувшие их храмовые воины, ни о чем его не спрашивал. Не решался. Он только помогал ему во всём и был при нём нянькой.

Окрестность Дамаска

Саул вошел в синагогу, люди перед ним расступались и отходили, едва лишь не шарахались от него в сторону, как от чумного, не желая быть с ним рядом, смотрели на него, как на врага, ждали недоброго. В Дамаске о нём ходили самые скверные слухи. Люди знали, с какой целью он пришел в город, а в этой синагоге многие приняли веру Иисуса.

«Время от времени рождают Каинов, внешне подобных человеку существ. Тогда творится невообразимое злодеяние. Это их натура. С виду как бы человек», — так думали они.

Саул вошел.

Люди напряженно ждали, что скажет этот гонитель. Ожидали увидеть жестокое лицо.

Саул молча прошел к специально установленному месту, куда обычно выходит иудей, желающий обратиться к единоверцам, сказать им что-то своё. Саул некоторое время молчал, собираясь с мыслями, а люди так же напряженно на него смотрели.

Стояла звенящая тревогой тишина. Затем он очень тихо произнёс:

— Я видел Его, и Он, Иисус Христос, истинно Господь наш. Я свидетельствую. И Он сказал мне… встань и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать. Ты понесёшь людям весть о спасении.

Саул опустил голову и замолчал, чтобы придти в себя.

Эти слова дались ему бесконечно тяжело.

— Ты же пришел, чтобы гнать нас; мы знаем, зачем ты здесь. Как можно доверять такому человеку, как ты? Твои слова лукавы, — едва ли не перебил его один.

— Брат, я понимаю тебя, — сказал Саул, — и на твоём месте рассуждал бы так же. Но не я произнёс эти слова, а Он сказал их ко мне и во мне. Да, я гнал христиан, но желая лишь одного — спасти людей через веру в Закон. Я верил в это. Но теперь Он, Сам Иисус, обратился ко мне.

И теперь я знаю, Иисус не нарушает Закона. Он истинный Сын Его и Он выполняет волю Его.

Саул молча стоял перед людьми.

Ему казалось, он произнёс самые необходимые, понятные людям слова. Но что решат люди?

Поверят ли?

Люди, пораженные словами Саула, зашумели, горячо обсуждая своё к ним отношение.

Гонитель стал их защитником!

Это невероятно.

Одни продолжали не верить ему, подозревая коварство с его стороны, другие ощутили в событиях истинную волю Его и склонны были верить чудесному обращению Саула.

Иные не знали, что и думать, словом, люди пребывали в растерянности.

— Если бы вот так к тебе обратился Он, как же можно не поверить? — рассуждал один, — я бы поверил. Что же, гонитель, да, но если Он, как же…

— Это всё ты говоришь правильно, но ты что, не знаешь, что он творил с нашими братьями во Христе? Как побил камнями нашего брата Христианина? Нет, за его словами стоит коварство.

Однако, посмотрим, что он станет делать дальше.

Саул покинул синагогу и с помощью Яши ушел к себе.

Начиная с этого дня Саул ежедневно приходил в синагогу. Он проповедовал Заветы Иисуса и проводил диспуты. И всё больше верующих, не только христиан, но и иудеев, прислушивались к его словам, испытывая возрастающее к нему доверие, ибо время шло, а никакого коварства с его стороны люди не видели.

Священнослужители иудеи Дамаска были настолько встревожены этим событием, что решили убить Саула. Они добились от Этнарха Дамаска разрешения на арест Саула и поставили у ворот города стражу.

Однако, они опоздали.

Отношение христиан к Саулу за это время решительно переменилось: они поверили его обращению в христианство. Ночью они перенесли Саула в корзине через городскую стену, то есть, за пределы Дамаска.

— • —

Он пришел в Иерусалим, однако, апостолы и братья Его не поверили в его истинное обращение и отвращение с пути гонителя. И это неудивительно после всего того, что он совершил, а вернее сказать, натворил в самом худшем понимании этого слова против Него и против них.

Поверил Кифа. Он принял Саула, и Саул жил у Кифы.

Сильно помог Варнава, новообращенный христианин из Кипра. Он разгадал великую душу Саула, вышел ему навстречу, подал руку и поручился за него перед братьями.

— • —

Дальше Саул поступил так, как обычно поступает человек, когда он, как ему кажется, находится в безнадёжном положении — он идёт на свою родину, идёт к месту своего начала, как тянется дитя к своей матери.

Саул ушел в свой родной Тарс, и он не знал, что ему делать.

Впрочем, «не знал, что ему делать», это не совсем так.

Хотя, действительно твёрдо не знал, но он чувствовал, что ему делать. Чувствовал, но не решался на дело. Присущая ему решительность покинула Саула; он пребывал в полной растерянности и неуверенности в себе.

Яша неизменно его сопровождал.

За все дни их совместного пути из Иерусалима по древней еврейской земле, пути, наполненного удивительными событиями, размышлениями у завораживающего костра под ночным сверкающим светилами небосводом, и главное, под обаянием этого удивительного человека Саула, Яша слился с ним душой.

Он никоим образом не желает оставить Саула одного в таком его разрушенном состоянии.

В Тарсе Саул пробует отвлечься работой в своём ремесле — ткачестве, но тщетно, не помогает.

Он сидит в скорбной позе, на пороге своего родительского дома, согнувшись под тяжестью мрачных размышлений. Преданный Гектор положил ему на колени свою мохнатую голову, прижался к ним в своём сочувствии к хозяину.

Саул обнял его ладонями и с тоской в голосе произнёс:

— Гек, что мне делать?

— Яша, — сказал он с тоской. — Так ведь Он еще тогда, на Елеонской горе в Иерусалиме, послал мне Свою улыбку. Он уже тогда отметил меня для великой миссии донесения Его вести о спасении.

Что мне еще нужно? Какие полномочия и разрешения? По сравнению с этим.

Как же я тогда не понял этого?

Только теперь. Он, Он Сам снова увидел и отметил меня!

Как я мог! Не понять, стать на путь гонителя, и Кого! Самого Сына Его. Что я творил!

Как я не мог увидеть в христианах, гонимых мною, в христианине, побиваемом камнями, в их странном, как мне тогда казалось, поведе-

Римская дорога в Тарсе

Тарс

нии? В непонятном мне и невиданных, неведомых ранее, смирении и прощении своих палачей, как я не мог во всём этом не увидеть Его?

Странник

Сокрушительное, но не сокрушившее Саула, его покаяние и его дела.

Автор

Самое великое в истории христианства искупление — сотворение христианской цивилизации.

Яша просыпается

Здесь же, в Тарсе Яша почувствовал в себе первые изменения, лёгкие поначалу намёки на то, что он всё же не Иаков, а человек иной эпохи. Ощутил признаки возврата в своё первородное время. Слабое ощущение в себе некоей двойственности. Будто в его осознании себя

Древняя крепость в Тарсе

он был не один. Очень странное ощущение, и не сказать, что приятное, скорее тревожащее.

В памяти всё чаще возникали понятия и образы, присущие тому его будущему, вернее сказать, его истинно для него настоящему времени.

Вместе с тем, он, Яша, пока еще ощущал себя Иаковом, племянником тётушки Саломеи, жительницы Иерусалима первого века.

Постепенно, однако, эти изменения в нём усиливались. Его всё чаще клонило ко сну и вообще усиливалось желание крепко, как следует поспать. И самое важное, опять же намёками, он стал ощущать себя в своём первобытном истинном состоянии.

Яша просыпался.

— • —

— Сави, — я тебя плохо вижу, всё расплывается во мне.

Мне надо торопиться, чтобы успеть сказать тебе нечто очень важное, касающееся нас обоих. Я чувствую, мы скоро расстанемся… слушай меня внимательно и верь всякому моему слову.

Тарс, гавань

Сави, я не тот Иаков… которого ты знал до этой минуты.

Я действительно родственник тётушки Саломеи и твой, но только… через множество поколений. Я рождён две тысячи лет спустя… Через две тысячи лет!

Я младше тебя на две тысячи лет!

Яше самому стало страшно от этих своих слов.

— Две тысячи лет!

Наступило молчание. Яша замолчал, чтобы дать Саулу время переварить в себе небывалое и невообразимое, сказанное Яшей. Он понимал, что не может человек в здравом уме поверить в только что им сказанное. Решительно не может.

Саул молчал, однако, не по причине, предполагаемой Яшей, а собираясь с мыслями.

Он не только безоговорочно поверил в услышанное от Яши, более того, он ощутил облегчение, ибо в силу своей гениальности подозревал, чувствовал это, пусть неопределённо, еще тогда, во время первой их встречи у тётушки Саломеи.

Обоюдное молчание нарушил Саул.

Тарс, источник

— Яша, я догадывался, что ты не такой. Я ощущал в тебе родное, но непонятное и сильно незнакомое, нет, не угрожающее, не чужое, но, некое…

— Значит, ты из будущего. Расскажи про него.

Яша стал рассказывать Саулу об этом будущем, но настоящем для самого Яши.

Временной интервал между первым и двадцать первым веками слился воедино. Разница исчезла. Они беседуют, как люди единого, понятного им времени. Они Земляне.

— Сави, ты станешь рассказывать людям о своей встрече с Ним, с Иисусом, ты откроешь им глаза и наполнишь их души верой в Него. Люди поверят тебе, человек за человеком, народ за народом, и станет благодаря тебе вся земля наполнена людьми Иисуса.

А будет это так.

Брат Кифа пойдёт в Рим и своими проповедями наполнит земли Рима людьми с верой в Иисуса, и пойдёт от него вера дальше к народам Европы.

Ты же пойдёшь рядом, восточнее и пройдёшь, проповедуя Иисуса, множество земель и народов, и станет христианство религией мира.

Оно охватит народы неведомых тебе сегодня земель и пройдёт по всей Земле.

— Всё это, Сави, станет, если ты уже сегодня понесёшь Великую весть о спасении от Иисуса до людей.

Ты сможешь сделать это, Ты лучший. Тебя заметил Он и отметил своей улыбкой.

Тебе надо решительно вступить на этот путь, иного для тебя нет.

Это Его решение.

Непростой, однако, Сави, получится путь людей к Нему.

Поднимутся споры, и разделится Вера на западный и восточный стволы.

Из-за попыток внести в веру нечто от человека появится множество толкований и ветвей веры. Увы, вера не становится вернее, человек не становится ближе к Нему, если человек вносит свои человеческие толкования.

В этом великом многообразии будут и светлые, но, увы, и мрачные дела веры.

Случатся и войны между этими стволами веры, вовсе уж непотребные. Крестоносцы Запада пойдут с мечом на верующих Востока, захватят их столицу Константинополь, разграбят и разрушат его. Убивая своих единоверцев.

Продолжится извечная борьба животного в человеке с духовным началом в нём. То преобладает животное, и люди погружаются в грехи, то духовное набирает силы и подавляет животные позывы.

Своим явлением Он принёс самую страшную угрозу для зла.

До Него зло жило комфортно при любой власти.

Всё было.

В этом суть эволюции религии и духовности в человеке.

Вполне понятный и благой процесс эволюции человеческого общества в сторону улучшения условий существования человека и его места в нём, улучшения вида управления этносом для блага человека, а не исполнения прихотей или глупостей правителей, увы, пошел с перекосом в сторону понимания прав человека в абсолютном формальном варианте, без учета верховенства требований Безусловной вселенской нравственности.

Появились люди-антихристы.

Антихрист принял облик либеральных людей с их демократическими ценностями, необузданной свободой и возведением в идеал

права человека. Теперь высшая цель общества — сытость и комфорт, которые понятны и нужны, но как промежуточная для человека животного, но не для человека, сотворённого по Его образу и подобию. Не может такая, в общем-то ублюдочная цель по определению быть высшей.

Вселенские ценности, составляющие суть человека разумного, всем набором плодов технического прогресса изгоняют из человека, а вместо них загоняют в него свои понятия. Происходит, по сути, насильственная подмена вселенских безусловных ценностей на ценности антихриста.

По сути, это начало изгнания Его из человеческой жизни и из жизни общества.

Наступило время, ослепительно мрачное до отчаяния, но в полной реальности предсказанное Фёдором Достоевским.

Когда люди пишут фантастику, выдумывают всякое, но человек понимает — это выдумки и не придаёт им значения, а тут реальность! Реальность как ужасающее понятие.

Страшное событие для веры случилось в огромной стране, где власть захватили люди в кожаных куртках. Для этих людей вера в Него — угроза, ибо они придумали свою религию-веру. Они запретили церковь, разрушили храмы, а что остались — превратили в помещения для скота. Они убили десятки тысяч священнослужителей.

Автор

Зашел как-то разговор на эту тему в издательстве «Персей», куда я пришел, чтобы обговорить замечания редактора по моим книгам из цикла «Странное шоссе», которые были почти готовы к изданию. Разногласий между автором и редакцией не возникло: замечания были по существу, и отвергать их было бы глупо. Разве что из вздорной амбиции, которой я, к счастью, не страдаю и более того, решительно считаю это скверное свойство недостойным воспитанного человека.

Словом, деловая часть моего визита быстро исчерпалась. Уходить сразу не хотелось, ибо в «Персее» мне всегда было хорошо, и я обычно задерживался там, не переходя, однако, за грань деликатности. Мы сидели в раскованных позах, пили чай, и соответственно разговор наш шел весьма непринуждённый, на вольную тему. Вспоминали наиболее интересные события из жизни.

Лидия Феликсовна, главный редактор издательства, рассказала историю и судьбу Православного храма в селе Волчья Дубрава Тепло-Огарёвского района Тульской губернии. Там в тридцатых годах в

пору пика преследования церкви власть порушила местный Православный храм. Десятилетия спустя, когда свирепость власти в этом отвратительном мероприятии своём поутихла, один добрый человек воздвиг на месте уничтоженного храма крест и назвал его «Поклонный крест».

На меня рассказ произвёл сильнейшее впечатление, ибо в это время, занимаясь историей преследования священнослужителей, я заканчивал свою повесть «Бутово» о Расстрельном полигоне и находился в полупомешанном состоянии от этих безумных и страшных дел власти. Рассказ об этом печальном событии многолетней давности крепко засел в моей памяти, так что время текло, а я не мог его забыть. Такое состояние меня тревожило, словом, не давало покоя.

По этой причине, рано или поздно, но я сел на тульскую электричку, через двадцать минут вышел на станции Сумароково, прошел назад около километра до автострады, дождался автобуса и закончил свой маршрут возле указателя «Волчья Дубрава». Село завиднелось сразу, не далее, чем в полукилометре.

Я двинулся вправо от автострады в сторону села по прекрасной широкой асфальтированной дороге. Миновал слева расположенный на отшибе от села погост. Далее с правой стороны заметил то ли электрическую подстанцию, то ли здание насосной. Не разобрал.

А вот и Волчья Дубрава.

Уже при первом взгляде на село оно меня сильно удивило своим видом: огромное, вольно расположенное по ландшафту, оно выглядело решительно непривычно для человека, проживающего в этих местах. Дома там и сям раскиданы в виде как бы хуторов. Привычных для глаза улиц здесь не существовало. Скажем, если ищешь нужный дом, то по привычным ориентирам, то есть, улицам, ввиду их отсутствия не найдёшь. Много хозяйственных крупных строений, оставшихся после совхоза, впрочем, совхоз и теперь вроде функционирует, но как-то лениво. Рабочие не торопятся, ковыряются подобно мухам в дерьме. Что-то катят, собирают в кучи. Здесь же катанки сена, уложенные в огромные скирды. Но всё это как бы во сне. Встречных людей мало. Причем женщины как женщины, а мужики какие-то замызганные, не то что мерзкие, нехорошо так про человека, но близко к этому. Нельзя сказать, что унылые, нет, они даже вроде весёлые. Люди забытой провинции. Однако, шагаю.

Асфальт привёл меня к казённым зданиям. Здесь целый комплекс учреждений. Назовём это место пятачком. Место выглядит весьма респектабельно. Здесь власть во всём своём величии и значимости.

Красиво рассаженные деревья, дом культуры, библиотека, ну и, конечно, само правительственное здание, как и положено, внушительного вида. Несколько памятников кому-то. Видно, что село раньше занимало значительное место в районном масштабе.

Подошел к дому культуры, здание неплохое, но запертое на два замка. Режим работы висит, но никого и нечего. Вообще, все вышеуказанные здания заперты висячими замками.

Вижу, двери одного из таких домов вроде открыты. Заглянул — женщины моют полы.

— Добрый день, прекрасные дамы, не подскажете, как пройти к поклонному кресту?

Одна бросила в ведро с водой тряпку и напрягла лоб, задумалась, так сказать.

— Какой крест?

— Ну как же, на месте порушенного храма.

— А, вон в той стороне.

— А поточнее можно?

— Вы пройдите по этой дорожке шагов сорок, там еще спросите.

— Спасибо, мэм.

Она рассмеялась.

Преодолев названные шаги, я заметил девушку и обратился к ней с той же просьбой помочь мне отыскать крест. Она тут же повела меня и указала:

— Вот он.

И вот передо мной крест, ради него я здесь. Поклонный крест на месте и вместо храма.

Крест деревянного бруса в два человеческих роста без надписей. Простой христианский крест, на котором распяли Иисуса, а через две тысячи лет распяли Его храм, распяли и осквернили. Я внимательно, даже с неким болезненным интересом и душевным волнением всмотрелся. Мне показалось, что вид его очень соответствует моему представлению о том историческом кресте, на котором в натуре распяли Иисуса. По кругу на земле, не более шага в радиусе, он обложен крупными серыми камнями. Лежат увядшие цветы.

Приходят, значит, добрые люди, не забывают веры, теплятся еще души людей, не вовсе зачерствели.

Возле креста одинокая акация, и оглушительный крик ворон.

Власть властью, но храм разрушали люди или руками людей, разобрали на кирпичи, а из этих кирпичей сложили просторный свинарник. По легенде, свинарник на другой день сгорел.

Здесь был храм

Вот он, тот свинарник, длинное во множество окошек одноэтажное строение, свиньям второй этаж без надобности. Не далее чем шагах в шестидесяти по пустырю. Без крыши, остов из храмовых кирпичей сохранился. Только копоти от пожара не видно, и неудивительно, полвека прошло после пожара. Тут же уже сегодняшние огромные рулоны сена, сложенные в скирды.

Возвращался в подавленном, вернее сказать, прибитом состоянии духа. Всё скверно. Равнодушие аборигенов к памяти страшного кощунственного события. Равнодушие к самому поклонному кресту. Огородить бы это место, почитать его. Стенать и просить прощения за страшные грехи предков. Нет, не просят люди прощения. Значит, и мы недалеко отошли от них, тех наших предков.

Разобщенные, в глазах аборигенов, едва видимый в земле остаток храмового фундамента, свинарник, деревянный крест как свидетель веры в душах людей — существующие как бы сами по себе, вдруг представились мне вместе, связанные поступками живых людей.

Эта иная картина того страшного события потрясла меня, она просто обрушилась на меня и придавила. В самом деле, в отдельности остатки фундамента храма. Ну мало ли таких остатков по стране? В отдельности свинарник, сложенный из каких-то кирпичей, — эка невидаль. Одинокий крест. В отдельности обычные, ничем не примечательные вещи.

А в самом деле?!

Поклонный крест на месте разрушенного храма

Храм не только порушили руками бездушных людей, но и Священника храма угнали на расстрельный полигон и там убили, как и тысячи настоятелей других церквей.

Свинарник построили не из простых кирпичей, а святых. Эти кирпичики за многие годы вобрали в себя горячие молитвы за себя и своих близких, пропитались ими, тысяч верующих людей. И вот бездушные люди из этих святых кирпичей соорудили хлев и запустили в него, сделанного из святых кирпичей, свиней!

И одинокий Поклонный крест.

Как же можно?! Кто мы такие?!

Зачем бороться с религией, если она органическая, необходимая составная часть эволюции? Примирение человека с окружающим его миром, позволяющее ему жить. Религия — естественный заслон от мракобесия, а борьба с религией — это борьба бесовщины за своё право надругаться над людьми и превратить их жизнь в вертеп, в Содом и Гоморру.

— • —

Яша закончил свой рассказ, говорил он уже с трудом, мысли путались, он чувствовал, что не успеет, надо спешить, он просыпается, хотел рассказать Саулу многое, но…

Саул слушал Яшу с напряженным вниманием и не меньшим волнением. Потрясённый, он долго молчал. Рассказ Яши возвратил его к жизни и придал ей великий смысл.

Саула обволокло чувство невыразимой любви к людям. Желание и сочувствие с ними, своё открытие спасения через Иисуса, неудержимое желание помочь, рассказать им — есть спасение, вот оно, берите его.

Что может быть более захватывающим, чем идея донести весть об их спасении? То есть, то, чего всегда ждали люди. Уверенность стремительно возвращалась к Саулу, уходила растерянность.

— • —

Сокрушительное, но не сокрушившее Саула — его покаяние и его дела. Самое великое в истории веры искупление — сотворение христианской цивилизации.

— • —

— Сави, к тебе пришел Варнава.

— Здравствуй, Саул, я пришел за тобой, Яша уходит, теперь я твой верный спутник.

Завязалась горячая дружба этих двух великих людей.

Начался их поход к язычникам с вестью Иисуса о спасении.

Варнава сумел приобрести расположение этого замкнутого, впечатлительного, но великого человека. Он уступал его слабостям, а себя поставил в положение его подчинённого, забывая о себе. Это верх самоотречения. Он сделал это для веры. Год они работали вместе.

— • —

Всякий человек имеет предназначение. Предназначение, однако, вовсе не означает, что человек заранее во всех деталях, поступках знает, что должен сделать. Нет, но он содержит в себе мощное или не очень устремление к некому делу. У кого получается, у кого нет. Это зависит от того, имеет ли он талант, чтобы исполнять это данное ему предназначение. То есть, необходимо совпадение этих двух понятий, предназначения и таланта. Они связаны.

Многие люди живут как живут, особых целей у них нет, а если и есть, то не шибко-то стремятся их достичь. Но есть, которые по натуре своей добиваются тех целей, которые в них заложены! Такие люди всю жизнь устремлены к этой цели.

Саул мощно и неотвратимо был предназначен к вере в Него. Всё остальное было для него второстепенным. Он был одержим целью — «спасение людей» и шел к ней вначале как гонитель, а потом как апостол.

Трагедия и торжество Саула

Автор

Первая ошибка Саула. Он не понял и не воспринял улыбку Иисуса.

Вторая ошибка. Неверие в Иисуса как сына Его.

Третья ошибка. Он стал гонителем христиан.

Первое и Высшее торжество Саула. Его преображение.

Второе торжество Саула. Донесение до людей образа Иисуса, Его вести о спасении и устройство христианской церкви в мире.

Третье торжество Саула. Его казнь в Риме от меча, но не на кресте. Он добился от римлян своего права, как римского гражданина, казни от меча, но не на кресте, ибо не мог простить себе до самой смерти своего неверия. Для него принятие казни на кресте было недопустимо: он считал себя недостойным такой высочайшей чести, быть казненным таким же образом, как Иисус.

Он даже в мыслях не мог себе представить и допустить, что он достоин, хотя бы в смерти, встать на одну ступень с Иисусом, последователей которого он жестоко гнал.

И еще — он понимал свою абсолютную малость рядом с Иисусом.

Саул всходит на эшафот в решимости понимания, что это ужасно и мучительно, но это верная, надёжная ступень на пути к Нему — спасителю, и что он, Саул, сделал всё возможное и посильное для него, чтобы укрепить этот путь.

Саул расчистил тропу, и люди пошли по ней к своему спасению.

— • —

Увы, не все, но так бывает, ибо человек свободен в выборе, таков человек. Таким его сотворил Он.

Странник

Таким был Саул, этот маленький иудей из Тарса.

После встречи с Иисусом Саул понял — он нашел источник вечной жизни.

Он жаловался на телесную немощь, но духовно превозмогал всё и шел к своей цели.

Этот великий упрямец, неказистый телом, маленький горбоносый человек, избранный Им из Избранного Им народа, тридцать лет, начиная с субботы двадцать первого дня месяца Ава, на двенадцатый день пути в Дамаск, находился в непрерывных и неустанных трудах и странствиях. Претерпевая неисчислимые тяготы и преследования, он свидетельствовал об истинности Иисуса и передавал народам Европы Его весть о спасении.

До тех пор, пока меч палача не оборвал нить его жизни.

Он шел в Дамаск двенадцать дней по календарю. Он шел бесконечно долго и мучительно душой, так же, как люди до сих пор долго и мучительно идут к Нему. Ученики стали свидетелями реальности Его, и в этом их колоссальная решающая миссия в сотворении христианства.

Каждый делал своё дело, исходя из своего состояния и возможностей. Христианство не состоялось бы без учеников, но оно не состоялось бы и без Саула.

Если человек не понимает и не признаёт духовный мир и всё понимание своей жизни держит на природных ощущениях, пусть задумается о жизни Саула, вся жизнь которого состояла из служения человеку именно в духовной сфере. Возможно, тогда он, этот человек, задумается и о своей этой исключительно природной жизни.

Во всех этих рассуждениях нельзя забывать главного, ни в коем случае не заблуждаться, что при неоспоримых заслугах учеников и Саула в центре возвышается именно Он.

Без Него нет ничего.

Автор

Чем же так привлёк к себе людей Иисус? Почему так жадно и с охотой были восприняты идеи Христианства? Идеи Господа нашего Иисуса Христа.

Странник

Полагаю, по той причине, что верования до Христианства были с богами карающими, заслуженно, за грехи, но карающими.

Люди устали от жестокости своей и наказаний, идущей от Них.

Каждому народу согласно его уровню мировоззрения, нравам был послан в своё время Вестник. Отсюда и разница в верованиях, в религиях.

В первом веке Он послал людям Своего Сына.

Тогда пришел Иисус — Бог смиренности и любви, спасения человека и носитель высочайшей вселенской нравственности, основанной на милосердии.

Несомненно, идея милосердия ближе к человеку, его устремлениям, его взглядам на жизнь, чем идея карающая.

По Его наказу христиане пошли в мир к людям без насилия, смиренно. С доброй улыбкой они приходили к людям с вестью о спасении и рассказывали им правду о жизни по Его Заповедям. И это стало основой Христианской цивилизации! Без насилия и смиренно.

Божественная суть христианства потрясающе кратка.

Его Нагорная проповедь, изложение принципов христианства и спасения человека, Его самопожертвование и Воскресение. Вот всё — на половине страницы книжного текста.

И рядом горы слов ученых людей, философов, а что перевесит? Если положить на весы одно и другое?

Перевесят вот эти полстраницы. Полстраницы созданы Им, а эти горы слов — человеком. Есть разница?

Иисус прислан Им, чтобы порушить стену непреодолимой разности человека и Его. Это окно к Нему. Приближение человека к Нему. Христианство — это более высокий уровень на пути человека в его вечном приближении к Нему, это связующее звено человека с Ним.

Христианство охватило мир по той причине, что заповеди вошли в человека гармонично с духовной основой человека, вошли в резонанс и усилились с великой силой. Они подобно верной сути движения от животного к духовному человеку пришлись на своё истинное место в эволюции.

Появление Его — это не просто появление гениального человека. *Нет, ибо само появление Его* и есть доказательство Бога, который лишь и мог сделать это. Не вписывается Он в эволюцию человека животного, но в эволюцию человека от животного к высшему разуму. Это появление невозможно без воли Его.

Мог ли природный человек совершить то, что сделал Он?

Это невозможно.

Все философские теории человека и близко не стоят перед Заповедями. Хотя они, эти теории, изложены в огромных томах громадами различных искусных слов и доказательных выражений. Это слабые человеческие попытки предложить своё. Попытки людей использовать эти свои предложения в жизни для желаемого упорядочения миропорядка лишь приводят к ошибкам через страдания.

Понятия высших безусловных ценностей дал людям Он, Вселенскую нравственность, без чего Западная цивилизация не состоялась бы, ибо при всех огрехах жизни людей Наказ стал основой этой великой цивилизации. Он стоит на прочном первом месте по важности на Шкале ценностей.

Нравственность, добрые нравы и иные слова-синонимы — это норма поведения человека, спасающая его от дикого животного эгоизма. Она определяет, какой поступок человека хороший, а какой скверный. Приемлемо ли поведение человека для общения или оно наносит вред людям.

Казалось бы, чрезвычайно полезное человеку понятие.

Тогда в чем дело, почему у людей зачастую откровенное пренебрежение к вопросам нравственности? Уж не оттого ли, что суть нравственности сидит глубоко в каждом человеке, но проявляется не у каждого и не всегда? Но если эта нравственность, как говорится, не нужна, так выбросить её.

Однако, требования вселенской нравственности, независимо от воли человека, содержатся в нём и тревожат.

Как ухитряются жить атеисты, не знаю. Вести бессмысленную жизнь не трудно, но к чему она приведёт? Что стоит за этой громадой космоса, какой смысл, в том числе за жизнью как таковой, в особенности, разумного человека?

Великая проблема выполнить Наказ Его, часто в условиях человеческих разнообразностей, и безобразий, и лжи. Трудность в переносе Наказа на человеческую реальность. Он дал родовые основные требования, ориентир поведения. На этом пути человека к исполнению Наказа всё и происходит. Грехи мучения, всё-всё.

Величие наказа — Он установил высшую планку Вселенской нравственности.

Не будь наказа, заданного и подаренного Им, так не было бы и пути, и это уже животное состояние. Такие дела.

К какой бы области человеческих отношений ни обратиться, к самым глубоким, самым разительным событиям, люди обращаются к Нему, ибо в эволюции еще не было такого откровения, такой глубины определения человеческих отношений, Он — это истина в пределе. Истина и ответ на все вопросы самого глубинного свойства. Он — это маяк и ориентир для человечества в эволюции.

Открытия в естествознании, пусть великие, не решают судьбу так, как решает Он.

Далее, надо думать, возможно, Он откроет людям смысл всего сущего, смысл жизни, Вселенной и всего, что происходит во Вселенной. Смысл — то есть, понимание.

Разрешит человеку подойти чуть ближе к тайнам мироздания. Он основа мироздания, создатель смысла Вселенной, без чего человеку так же неудобно, как и без милосердия.

Для верующего человека его вера такая же часть его реальности, его мира, как воздух, вода и земля для атеиста-естествоиспытателя.

Странник

Однако полагать, что человек сам в процессе эволюции становится всё более религиозным и совершенным, то есть, это его совершенствование станет причиной и творцом его понимания религии, сомнительно. Именно религия ставит человека на путь к совершенству. Жизнь доказывает это. Именно влияние Его, Его воля исправляет человека и ставит его на праведный путь.

Иначе всеобщая Содом и Гоморра и аннигиляция.

— • —

И вот Яша проснулся.

Проснулся, однако, не сразу, не вдруг, не подобно тому, как это случилось при попадании его в первый век, а толчками от борьбы за право жить предков, сидящих в нём из разного времени, за возможность жить. Все они претендовали на Яшу, всем им неудержимо хотелось пожить еще.

Великий инстинкт жизни.

Словом, Яша попал в петлю времени, как в морскую волну, которая его подхватила и несла, то в одну сторону, то в другую. То один, то другой предок овладевал Яшей. Яша становился этим предком, жил его жизнью, не ощущая ничего странного и тем более дурного в том, что совершал при этом, ибо на это краткое время, так сказать, временно, жил с понятиями этого предка, а не своими — жителя двадцатого века.

Таких закидок и провалов во времени случилось у Яши до его пробуждения еще несколько.

Всякий раз, приходя в себя, он пытался осмыслить эти изменения в себе, но не получалось, в голове крутились, шли какие-то вихри, затем снова провал…

Вот он возле пещеры в огромной скале. У входа сидит на пеньке человек, сильно обросший волосами, но еще не старый. На нём власяница.

Он внимательно смотрит на небо, словно ищет нечто очень важное для себя. Увидел подходящего Яшу, поднялся со своего пенька, приветливо улыбнулся и сказал:

— Эка куда ты, Яша, забрался. Яша, твоя судьба необычная, я отмечу тебя потерей сна, но без болезненности.

— Откуда тебе это знать, уважаемый? — спросил Яша.

Тот рассмеялся:

— Так я же пророк Илия, кому знать, как не мне. Пророки не умеют врать, я отмечу и тебя таким же свойством. Неспособностью врать. Ах, сколько трудностей это тебе создаст! Но надо. Великое удовлетворение ты испытаешь от неумения врать. Каким образом ты попал сюда, сынок? Расскажи о своём времени.

Яша рассказал.

Старик долго молчал.

Яше очень хотелось поговорить с пророком… однако, снова провал, словно и не было его встречи с Илией; проснулся и захватил Яшу другой предок, участник восстания против Рима.

Теперь Яша, а по сути, его предок, охваченный безумием, фанатик — один из воинов восставших евреев. В своём безумии и ненависти к Риму он вместе с соратниками режет греков и римлян, а в пылу боя совершает предельно омерзительные поступки, которые по своей изощрённой жестокости не укладываются в голове нормального человека.

Вот ударом меча он убил римлянина, содрал с него кожу, с наслаждением натянул её на себя, как рубашку. Затем рассёк ему живот, вырвал еще горячие кишки и с наслаждением слизал с них кровь. Обмотал их вокруг своего тела, испытывая величайшее торжество победы над врагом и совершение праведного дела. Он вырубил из человека печень и чавкая съел её. Он вскочил на изуродованные останки и долго плясал на них танец победителя, испытывая дикую радость пожирания чужой жизни.

— • —

Пахло раскалёнными на палящем солнце пустыни камнями и неистовством людей, творящих зло.

— • —

Мимо проскакал верхом на ослепительно белой, забрызганной кровью лошади без седла римский командир Люций Квет.

За ним в конном боевом строю, как и их начальник, на лошадях без седел, галопом мчались дикие свирепые берберы, воины, не ведающие жалости.

Они настигали пеших евреев и рассекали их на части. Воин заметил Яшу, повернул к нему коня, мгновенно настиг и занёс оружие. Яша отпрыгнул в сторону, избежал удара, но силы были не равны. Ловкий воин зашел с другой стороны и повторил боевое движение, на этот раз неотвратимо. Яша перед тем, как опрокинуться в вечность, успел лишь через пронзительную, всё сокрушающую боль ощутить, как острое железо врубается в его голову.

Автор

Всё одно, иду ли я в первом веке по тропе в Дамаск или двигаюсь по асфальту в московском Ясеневе — восприятие-то одно, лишь под ногами немного другая тропа. В этом восприятии единство человека, разделённого, казалось бы, тысячелетиями. Всё, как в фокусе, сходится в одно — человек. Остальное шелуха, хрень собачья. Что творится сейчас, в двадцать первом веке — режут, отрубают головы, как и в восстании первого века. Всё то же.

Странник

— Я смотрю, ты, автор, побледнел от этой картины. Нельзя быть таким слабонервным. С твоим Яшей ничего не случилось. Башку-то срубили не Яше, а его предку, тот успел дать потомство.

— Да нет, то, что моему Яше гибель предка не угрожает, я понимаю. Какая разница, каким образом ушли его предки, а побледнел от иного.

Как вообще можно творить такое? Вот отчего.

Странник

— Да, тут побледнеешь. Фанатизм.

Миллионы лет назад по этой земле тяжело топали динозавры, озираясь в поисках добычи, травоядные щипали зелень, плотоядные догоняли их, рвали и пожирали.

Что изменилось-то за эти годы? Появился человек с мозгами, и что? Вроде хорошо, однако, жизнь и сегодня полна убийствами. Только что не людоедство. Отношения людей остались почти такими же, что и с динозаврами. Только стало изощреннее.

Разум, мощь изобретений повысили мощь злодеяний.

Автор

«Динозавры мы».

Странник

Случается, когда вера в своём высшем напряжении настолько сильна, доходит то такой глубины, что подавляет разум человека, переходит грань допустимого, делает его фанатиком, и тогда великая суть веры нередко обращается во зло.

Глубокая вера хороша, когда она с разумом и признанием требований вселенской нравственности. Фанатизм — когда вера теряет разум, человек делается безумным в своих поступках.

Здесь и возникает фанатизм, и тогда человек фанатик: он совершает и прекрасное дело, но и ужасное.

Мне кажется, евреи подошли к пониманию духовного мира ближе иных народов. У них духовность порою сильно сгущается и рождает выдающихся в размышлении людей. Терпение и стойкость в самосохранении. Сгущения иногда приводят к всплеску неистовства. Восстание в 53 году выражалось в таких ужасах, что не передать. Резали, сдирали кожу и прочие ужасы. Что довело их до такого состояния? Перегрев духовный вулканом выбросил агрессию. Неистовство в достижении высочайшей цели. Как понять это? Этот феномен.

Автор

Люди не любят размышлять, а ведь это лекарство от фанатизма.

Странник

Так вот, в какой-то момент котёл страстей взрывается, люди сходят с ума, переступают грань в своём поведении и творят совершенно дикие поступки.

Долгое терпение и постоянное горячечное ожидание помощи от Него.

С одной стороны — идея избранности народа, а с другой стороны — частые попадания под власть различных завоевателей — то вавилонян,

то Рима, то Египта и прочее. Это состояние непрестанно накаляло и без того горячечную душу еврейского народа, дух израильтян.

Евреи, охваченные фанатизмом, теряли разум!

То, что случилось в семидесятые годы первого столетия, лишило их последней надежды на свободу, но привело в неистовство.

Солдаты десятого римского легиона под командой Тита подавили восстание евреев и взяли штурмом Иерусалим. Римляне разрушили Иерусалим, на его месте остались беспорядочные груды камней.

Но главное — храм, их несокрушимый вечный храм обрушился от пожара, устроенного солдатами Тита. Римляне сокрушили его. Больше того, Римский легион продолжал оставаться в городе, а на вещах солдат были клейма с изображением свиньи, что выглядело, как насмешка над евреями.

И вот через полвека, в 116 году, в годы правления Императора Траяна евреи решили — вот он, момент сбросить угнетателей, римлян-завоевателей.

Наступил день гнева против римлян и вообще язычников.

Евреи восстали. Охваченные бешенством, они принялись за дело.

С самого начала восстание превратилось в зверское избиение.

Всё у них перемешалось, и жажда свободы от римлян, и иная вера, жажда и торжество отымания чужой жизни. Бои приняли самые омерзительные формы. Фанаты творили такие формы зла, что дикарь-людоед не придумал бы.

Секарии, основа восставших, убивали людей с религиозным торжеством, а их неистовство, бесчинства и зверства приняли самые немыслимые виды.

Этот народ опять потерял голову.

— • —

Двести тысяч жителей Киренеи, греки и римляне, были зарезаны таким образом: почти все население провинции.

Двести сорок тысяч жителей Кипра постигла та же участь.

Озлобление киприотов было таково, что они решили навеки изгнать евреев со своего острова: даже выброшенного на берег еврея убивали.

— • —

Траян жестоко подавил восстание.

Евреи Киренаики и Египта были вырезаны поголовно.

Всё поколение евреев, принимавшее участие в восстании, исчезло. Новое, увы, ничему не научилось.

— • —

Автор

— А откуда такая изощренность в совершении убийства?

Странник

— Полагаю, это уже игры разума. Разум многократно усиливает все свойства человека, унаследованные от животного. Такой изощрённости у животных, вроде, нет, хотя… вот кот, играет с пойманной мышью перед тем, как её скушать. Это, вроде, та же изощрённость. И еще, изощрённость, в этом смысле, и жестокость, по моему мнению — синонимы.

Ты погляди, что творили завоеватели в ходе своих завоеваний.

— • —

Яша обнаружил себя в большом помещении без окон, светлом от многочисленных светильников, подвешенных на стенах по обе стороны от расположенного в середине вместилища текстов. В царской библиотеке тишина и прохлада. На полках ряды свитков папируса и глиняные таблички. Они аккуратно разложены по странам и языкам.

Возле одной из полок, держа в руках папирус, густо покрытый иероглифами, в задумчивости стоит библиотекарь.

Библиотекарь, он же писец еврей Соломон, да еще две кошки следят за сохранностью текстов. Соломон держит их в порядке, постоянно смахивает с них пыль, а кошки не дают мышам испортить свитки. И еще Соломон размышляет.

Стремительно входит высокий бородатый черноглазый мужчина средних лет, словом, не старый. Перед ним бегут прислужники с метёлками: они смахивают пыль с пола на его пути.

Это царь Ассурбанипал, повелитель Ассирии и гроза народов, расположенных по соседству.

Соломон падает на колени, целует прах в ногах господина и остаётся в этом положении, пока тот, тронув его ногой, не разрешает подняться.

Соломон у царя в большой милости за свою ученость. Царь проводит много времени в библиотеке в беседах с Соломоном.

Ассурбанипал взглядом прогнал прислугу, оглядел ряды текстов, некоторое время размышлял, а затем сказал:

— Соломон, пиши. Можешь сесть. Так тебе будет удобнее. И не торопись, будь внимательным.

«Воинов его я заколол. 4 раза по 3600 человек; тех, кто остался в живых, я, выколов им глаза, взял в плен.»

Записал?

— Да, мой повелитель.

— Дай поглядеть.

Хорошо.

«Я засыпал вражеских воинов дождём стрел, превратив их тела в решето. Я перерезал им глотки, как баранам. Как нить, перерезал я их драгоценную жизнь.

Как бурный поток, разлившийся от дождей, так текла по широкой земле их кровь, пролитая мною. Горячие кони моей упряжки шли в потоке их крови, как по реке. Колёса моей боевой колесницы, давившей всё злое и плохое, купались в их крови и испражнениях. Трупы их воинов, как трава, завалили поле. Срезав, как огурцы, их детородные члены, в ничто превратил я их детородную силу. Руки им я отрезал».

— О мой повелитель, говори помедленнее. Твой раб не успевает за тобой. Это может привести к ошибкам со стороны недостойного раба твоего. Тогда я убью себя, как недостойного.

Ассурбанипал кивнул головой, соглашаясь.

Он дал Соломону время закончить озвученный текст. Помедлил еще, чтобы Соломон перевёл дух, а затем продолжил.

«Царь Аравии Уаите попал мне в руки.

Вознеся свою руку, которую я привык поднимать для покорения своих врагов, и взяв в неё по приказу богов Ассура и Нинлила свой кривой нож, я располосовал ему лицо, приказал надеть на него узду, посадил его на собачий ремень и держал его в клетке у восточных ворот, находящихся в центре Ниневии, у ворот, имя которым «Ворота шествий народов».

— Дай поглядеть, Соломон.

Он очень внимательно прочитал запись, подумал и сказал кое-что исправить.

«Царь Аяму в ходе битвы попал мне в руки живым.

В Ниневии, в городе моих владений, содрал я с него кожу».

Ассурбанипал прочитал и эту концовку, одобрил, кинул Соломону горсть золотых монет и приказал ему выполнить все остальные

Ассурбанипал

необходимые работы с текстом. Затем повернулся, чтобы уйти, однако, задержался.

— Соломон, скажи, ты, сам… согласен с тем, что записал? Говори, как думаешь. Не бойся, я позволяю тебе сказать, как думаешь.

— Повелитель, ты знаешь, я иудей. Моя вера в Единого Его, я поступаю и думаю, как Он мне велит. Скажу, как думаю — Он не одобряет такие дела. Мне непонятно, зачем ты так жестоко поступаешь со своими врагами. Разве не достаточно того, что ты покорил их?

— Соломон, ты не понимаешь. Покорить врагов — это мало. Необходимо лишить их возможности снова угрожать мне. Нельзя врага оставлять в живых, ибо он снова пойдёт войной на меня.

Что касается всего остального, то это для того, чтобы вогнать их в страх. Их, врагов, страх и моё величие лишает силы, и в этом обессиливающем страхе они для меня неопасны. Они должны трепетать передо мной, а моя жестокость показывает им, что нельзя поднимать руку на беспощадного Ассурбанипала.

Знай, Соломон, это послание моим потомкам, чтобы они вечно вгоняли врагов в страх и правили миром.

Теперь ты понял, Соломон?

— Да, мой повелитель. Ты велик и мудр. Ты достиг высшей власти и высшей славы, и нет такого, чего бы ты не достиг.

Царь лукаво посмотрел на него, помолчал.

— Соломон, ты, как мой раб, льстишь мне, но ты мудр и ты знаешь, что есть над всем этим величием власти и славы еще нечто, несравненно большее. Ты боишься сказать мне об этом, ибо язык твой прилипает к горлу от страха передо мной, но ты знаешь, что это высшее, о котором я сказал — мудрость.

Никакая власть, никакая слава не сравнится с этим великим даром богов. Мудрость. Ты мудр, Соломон, и в этом ты выше меня, Ассурбанипала, повелителя Ассирии и грозы народов.

— Повелитель, но я твой раб, и значит, моя мудрость принадлежит тебе, повелитель. Моя мудрость — это твоя мудрость. Разве не так?

Царь рассмеялся.

— Так и не так. Ты мудрый еврей и ты хитрый еврей, но меня ты не перехитришь. Да, ты мой раб, но мудрость в тебе, а не во мне. Понимаешь?

Это легко проверить. Сейчас я прикажу отрубить тебе голову.

Соломон рухнул к его ногам.

— Встань, Соломон, это я сказал для примера. Я никогда этого не сделаю. Ты и сам это знаешь, как я тебя ценю. Не найдётся человека, способного делать то, что делаешь для меня ты.

Он показал рукой в сторону полок с текстами.

— Так вот, тебе отрубили голову. Где теперь эта принадлежащая мне мудрость? Она исчезла вместе с тобой, ибо она не моя, а твоя мудрость.

Наступило молчание. Царь с любопытством смотрел на раба, ожидая ответа.

Нарушил его Соломон.

— Повелитель, вот теперь я скажу тебе, как думаю. Ты действительно велик, ибо ты понял место мудрости в человеке.

Снова молчание.

— О великий царь, — несколько нерешительно, как бы с опасением от своей смелости, произнёс Соломон, — скажи, а зачем тебе вот эти подметальщики, бегущие перед тобой? По мне, это вовсе ни к чему. Они же не прибавляют тебе величия.

Ассурбанипал расхохотался и еще долго смеялся, необычайно довольный вопросом Соломона. Наконец, успокоившись, он обнял Соломона и сказал:

— Соломон, я догадываюсь, ты предположил в этом смысл, целесообразность, так же, как в моём отношении к врагам. Ты ошибаешься, любезный мне Соломон. Я просто забыл прогнать их еще там, во дворце. Ты несомненно мудр, но здесь ты дал маху.

А ты еще испугался, что я тебя обезглавлю. С кем бы я тогда остался, Соломон?

Царь был очень доволен тем, что и его Соломон оказался не таким уж всемудрым.

Это было бы уж чересчур.

Автор

Случилось невиданное. Ассурбанипал, повелитель народов, стоявший на вершине власти и славы человеческой, от которого зависело, жить или умереть всякому человеку Ассирии, и смиренный иудей Соломон стали равны в мире размышлений и мудрости разума.

Странник

— Да, вот это поворот.

Ассурбанипал, весьма довольный от беседы и оттого, что убедил в своей правоте такого умного человека, как Соломон, удалился, уже не так стремительно, как вошел, а напротив, в размышлении. В раздумье.

— • —

Автор

Царь Ассурбанипал правил Ассирией с 669 по 633 г. до нашей эры. И вот, смотри, он, по меркам современного нам человека чудовище, основал в Ниневии самую большую библиотеку тогдашнего мира, собрал в ней всю шумерскую и аккадскую литературу, религиозные тексты и другие древние записи. Этот кровожадный зверь, сдиравший с людей кожу, был начитанным человеком, занимавшимся исследованием глубин прошлых времён.

— • —

Странник

Впрочем, после смерти Ассурбанипала иранцы и медийцы сокрушили Ассирию. Теперь уже ассирийцев резали, как баранов; не помогло им послание их великого царя.

— • —

Но вот через тысячи лет, в двадцатом веке его завещание прочитал Кормчий великого Российского этноса, прочитал и вогнал в страх россиян в строгом соответствии с указаниями Ассурбанипала. Достойный его наследник.

Большевики с благодарностью и пониманием восприняли наследие Ассурбанипала. Для укрепления своей власти они использовали жестокость в полной мере, в строгой соразмерности с предписаниями древнего царя. Всякое инакомыслие они выжигали в прямом и переносном виде.

Причины победы большевиков в гражданской войне — усталость народа от скверного управления, нищета и голод, война, идеалы. Идеалы большевиков по переустройству общества в сторону справедливости и светлого будущего, героизм и прочее.

Однако, главную составляющую, определяющую роль успеха сыграла жестокость.

Жестокость абсолютная, рафинированная. Жестокость, которая в России исконно смирялась Православием, при большевиках не то что усилилась, она стала абсолютной. Это смирение жестокости со стороны церкви было помехой в их целях. Для того, чтобы сохранить в себе необходимую им жестокость, они и гнали церковь, православие, препятствующие им. Они не видели иного средства, они по-звериному ощущали, что без такой жестокости они проиграют. Они возвратились к звериному образу жизни. Впрочем, у зверей такой жестокости нет.

Православие в России всегда было основой и источником нравственного поведения человека. В обществе не существует иного института с такой четкой миссией. Ученые, учителя и прочие лишь слегка прикасаются к предмету нашего рассмотрения. Да и то они составляют слой интеллигенции, как говорится, самих себя и уж никак не народ.

Только церковь. Только церковь несёт нравственность в народ, во все слои народа. При царе-то, уж как его не обвиняют в тирании, но людей-то не убивали. А тут свобода зла. Никакой нравственности, всё определяет революционная необходимость. Народу, пусть части людей, даже нравилась такая жестокость. Разумеется, лишь до того момента, когда их самих брали за жабры.

Все противники большевиков не имели такого грозного оружия, как освобождённая жестокость. Жестокость была всегда, но она у них была локальной, скажем, в битве, но до такой высоты она не доходила. Она имела пределы. После битвы вступали правила веры.

У большевиков она была беспредельной. Изгнав нравственность, они выпустили жестокость, которая, как чума, захватила народ и кинула его в безумие и зверство. Без тормозов. Эта освобождённая от нравственности жестокость стала самым грозным

оружием современного мира. Жестокость торжествовала полную победу.

Особый высший вид, если возможно здесь применить это слово, жестокость принимала в гражданской войне. Они развязали гражданскую войну, и брат убивал брата, как бы во имя светлого утопического будущего. Здесь большевики пошли даже против инстинкта «свой — чужой», ибо брат никоим образом не может быть «чужим». Братья — это одна кровь и самые родные люди из всех живущих. Маразм.

Главной заслугой Христианства в течение двух тысячелетий было смирение жестокости. При этом невозможно утверждать, что христианская нравственность полностью её устраняла, разумеется, нет, творилось всякое, но без неё было бы вовсе туго. Особенно в двадцатом столетии, когда изобрели орудия войны невиданной мощи. Ведь жестокость так и рвётся из людей, приподнимает крышку котла с бурлящими страстями людей, стремясь вырваться и накинуться на человека. Неистовые большевики смогли приподнять крышку котла, и его варево, жестокость, хлынуло на людей. Жестокость стала решающей причиной победы большевиков.

Подсчитать, сколько погибло россиян в 20 веке в Японскую, Первую мировую, гражданскую, финскую, Отечественную. Чечня, Афган, Африка и иные безымянные. Сколько всего-то? Как нация живой-то осталась? От голода по вине власти. В лагерях смерти фашистов и в Гулаге, в расстрелах безвинных своих людей.

Странник

Вот такие дела.

Люди не меняются. Прав Булгаков.

Автор

Да что там Ассурбанипал с его ассирийцами.

Вот наш родной Ваня Грозный:

«Бысть в лето 7060 (1552), Православный Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич, всея Руссии Самодержец, собрав все свое Христолюбивое воинство, с Божией помощью и вооружився всеоружеством Честнаго и Животворящего Креста, и идее бранию на град Казань за Святые церкви за многопролитие Христианския крови, и за великую свою обиду, и за многую Татар измену и великую их неправду; и прииде ко граду с множеством войска Августа в 22 день, и облеже его, и стоя дней сорок два, и зело великую победу на неверных сотвори, град Казань Божиею помощию зело храбственно взя, и люди Казанстии,

иже во граде вси избиении быша, и ни един от них не избысть, разве жен и детей; токмо царя Ядыгера и с ним трёх Татаринов живых руками яша; прочие же, иже в граде жены и дети вси пленении быша Русскими вои. И Русскаго плену многое множество, от полону число от шестьдесят тысяч.»

Странник

Жестокость — реальность животного мира. Однако, животное жестокостью добывает себе пищу и только, а человек используя свой разум, который многократно усилил все его свойства, в том числе жестокость, творит несусветное. Следует признать, что усиливает и хорошее, но здесь не об этом.

Автор

Дело даже не столько в том, что жестокость существует, увы, повторимся, это реальность, а в том, что возникают люди, готовые к жестокости, мучить людей, и притом с удовольствием.

Вот в чем ужас и в некотором роде безнадёжность.

Странник

Грех как протест животного против духовного пути человека.

Автор

Саул дважды и оба раза в крайних чрезвычайных обстоятельствах использовал своё звание римского гражданина.

Первый раз, когда Саул в июле пятьдесят восьмого года, после праздника Пятидесятницы посетил Иерусалим, а толпа фанатичной городской черни встретила его злобой и ненавистью. Эти фанатики считали его отступником, человеком, бродившим по народам с целью разрушить закон Моисеев. Они ждали его прибытия, чтобы разоблачить в этих его намерениях. Ему сказали: «видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они — ревнители закона; а о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтоб они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям». Среди иерусалимской черни выросла уверенность, что Саул совершил преступление, которое можно омыть только кровью.

Фанатики схватили Саула, чтобы убить его, но пролить кровь внутри храма значило бы осквернить святое место. Поэтому они повлекли его вон из храма. Спас его римский трибун Клавдий, живший со свои-

ми воинами в северо-восточном углу храма в башне. Услышав о бунте, он поспешил с несколькими центурионами по одной из лестниц, соединявших башню с папертью, и увидел решительно дикую картину. Фанатики с напряженными лицами, глазами, вылезающими из орбит, криками ярости, в бешенстве раздирали свои одежды.

Трибун приказал вести Саула в башню; толпа бежала следом, требуя его смерти. Римские солдаты вынесли Саула на руках. У башни Саул, стоя на ступеньках лестницы, обратился к людям на сиро-халдейском языке. Это был язык евреев. Водворилась тишина.

Саул рассказал о своем обращении и призвании, и тут же его прервал бешеный рёв толпы. Трибун приказал ввести пленника в крепость и пытать как смутьяна. Саула привязали к столбу, чтобы бить его плетьми, но он сказал:

— Я римский гражданин.

Палачи отошли; центурион пошел доложить трибуну, который был очень удивлен. Ведь Саул больше был похож на бедного еврея.

— Правда ли, что ты римский гражданин? — спросил он.

— Да.

— Но я большие деньги заплатил за это звание.

— А я родился в нем, — ответил Саул.

Клавдий испугался, ибо знал, что за нарушение права римских граждан полагается суровое наказание. Одно то, что он привязал Саула к столбу для бичевания, уже было преступлением. Трибун отменил приказ о пытке Саула.

Второй раз Саул прибёг к тому же, чтобы получить право на казнь через отсечение головы вместо распятия на кресте. Он и мысли не допускал, чтобы даже в казни он мог сравняться с Иисусом. Для него была высочайшая честь уже в самой своей смерти за Иисуса. Для этого Саул настоял на праве своем быть судимым римским судом, заявив, что никто не вправе выдать его евреям, и произнес торжественные слова: «Взываю к цезарю».

Слова эти, произнесенные римским гражданином, обладали законной силой. Где бы ни находился римский гражданин, он имел право потребовать судить его в Риме. Прокуратор Фест удивлен, но ответил формулой: «Ты взываешь к императору; ты пойдешь».

Суд Рима приговорил его к казни через отсечение головы.

— • —

Яша увидел.

Рим. Площадь. Эшафот. Палач с огромным мечом.

Человек, несущий свой крест к месту своей казни

Толпа римских граждан, плебса, черни расположилась посильно близко к эшафоту и плотно вокруг него, чтобы не упустить ни малейшей подробности в спектакле, на который они пришли, чтобы получить удовольствие, избавиться от скуки. Они пришли в театр. Пришли на спектакль, на развлекательное и увлекательное зрелище отсечения головы у живого человека — главного удовольствия, ради которого они пришли, то есть, смакования вида льющейся крови из шеи казнённого, его смертных судорог и, наконец, полного затухания жизни. Как обычно, они, эти как бы люди, оживлённо переговаривались и заключали разнообразные пари. С шумом, переходящим в драки, спорили по всяким нюансам казни. Одобряли или находили ошибки в действиях палача. Правильно ли тот держит топор, под каким углом рубит и прочее в этом отвратительном ужасном роковом наборе. Громкими криками обзывали палача неумехой или, напротив, хвалили.

Трудно представить себе людей гаже этих предельно безнравственных бездельников. Они, однако, были нужны Римской власти как демократическое прикрытие всяких своих дел, ибо всякое своё решение власть провозглашала как выполнение воли народа. Суще-

ствование этой прослойки населения в то время было характерно только для Рима. Римскую чернь, плебс, породила Римская демократия.

Такой мерзкой черни у народов, окружающих Рим, которых римляне называли варварами, не было. Население там было, понятно, разное. Были низшие слои, были богатые, бедные и нищие, но такой отвратительной черни, как в Риме, не было. Черни, которую власти Рима в силу своей великости содержали и которой давали по её требованию «хлеба и зрелищ». У римлян это были благородные римские граждане.

Римская империя, как хозяйка этого мира, позаботилась, чтобы и люди Рима — римляне — считались элитой среди людей на Земле. Люди Рима — граждане Рима. Каждый римлянин был римским гражданином. Это было не только название человека по его отношению к области проживания, но это было звание, подобное тому, как царь, граф, князь и прочее.

Римский гражданин! Самое высокое звание тогдашнего мира.

Еще эти римские граждане с нетерпением ждали криков и инстинктивных, но безнадёжных попыток избежать смерти человека, которого казнили. Этого они жаждали с особым нетерпением. Однако, на этот раз в этом своём ожидании они были сильно разочарованы.

Саул не издал ни слова и не метался.

Он просто стоял.

Более того, пока палач еще не приказал ему склониться на колени и положить голову на плаху, он молча обводил взглядом толпу. Выражение лица его менялось. Вначале он задержал взгляд на своих товарищах, окаменевших от ужаса и беды. Стоявших с упавшими от безнадёжности, от невозможности помочь Саулу руками и поникшими головами не вдалеке, но и не близко. Стояли, не смешиваясь с толпой, христиане. Те, кто шел с Саулом до конца, кто знал его и верил ему. Их было немного в сравнении с римлянами, толпящимися возле эшафота. Яша был среди них.

Улыбкой Саул попытался ободрить их. Он прощался с ними. Затем обвёл глазами толпу черни и стал читать молитву прощения человеку, не ведающему, что он творит.

— Сави! — закричал Яша, когда палач поднял свой страшный топор над Саулом.

Горестный, запредельно отчаянный крик Яши от великой потери всего. Крик-вопль, содержащий в себе суть, что жизнь его после такой

потери невозможна, крик-вопль существа, сорвавшегося в бездонную гибельную пропасть, где нет жизни.

— Сави! Сави!

Яша потерял сознание.

Это был последний взгляд Яши в своё прошлое.

Теперь он окончательно проснулся. Проснулся в кубрике «Пенелопы» на своей подвесной матросской койке. То есть, там же, где и уснул своим немыслимо удивительным сном.

Однако, в Яше произошли необратимые изменения.

Пройдя путь с Саулом в Дамаск, Яша потерял способность врать.

После вещих снов-картин прошлого глазами его предков, а значит, его, Яши, прошлого, глазами предка, который стал свидетелем казни Саула, Яша перестал спать.

Яша в «Пенелопе»

…и это всё. Возмущение времени, вызванное аномалией в точке X в Атлантическом океане, иссякло. Все эти парни, Яшины предки, успокоились и залегли в своё естественное, первобытное состояние, в свой вечный сон.

Яша снова стал Яшей Циперовичем, жителем двадцатого столетия, то есть, вернулся к своей истинной реальности, и проснулся он на матросской койке в кубрике боевого подводного крейсера «Пенелопа».

Он не мог объяснить своё состояние. Вроде спал, но до мельчайшего кирпичика помнил, будто это было с ним натурально. И еще, он ощущал, хотя и несколько размыто, различие между своей настоящей реальностью в двадцатом веке и своей реальностью в первом.

Что это было?

Сон, явь, память?

Автор не может ответить на этот, несомненно, законный вопрос по той причине, что сам не очень-то понимает.

Он пишет, чтобы понять.

Странник

— Это его, автора, манера такая. Он, видите ли, чего-то не понимает, а чтобы понять, пишет. Ведь знает наверняка, что читать это придётся людям? Нехорошо.

Автор хороший человек, мне он симпатичен, но вот указанная его манера сильно портит благоприятное о нём впечатление. Зачем перекладывать на читателя то, за что в ответе единственно автор и никто иной?

Хорошо, что хоть честно сознался.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Контора

Странник

Знаешь, автор, между нами говоря, я больше всего уважаю в тебе то, что ты упрям, как пень. Ведь как у тебя бывает, иногда, скажем так, нередко, то есть, хоть плачь, ложись плашмя личиком долу, в смысле вниз, мордочкой на пол, и плачь. А ты преодолеваешь. Вот за это я тебя сильно уважаю. Ведь говорили добрые люди: «Нет, Лёва, не осилить тебе эту тему, не по силам взялся», а ты тянешь. Не знаю и я, осилишь ли. Но тянешь!

А в других делах — чего только не творишь! Уму непостижимо… Мне даже бывает стыдно за тебя.

Автор

Спасибо, друг мой. Ты самый честный и понятливый знаток меня.

Странник

Да, вот что, не навязывай читателю нудным монологом своего авторского понимания событий происходящего. Излагай своё в форме диалога. Люди как бы ощущают и обмениваются мнениями. Давай вот так.

Автор

Йес, Сэр.

Странник

И еще, запомни, красной линией проходит по твоей книге спасение людей. Спасение человека, спасение землян как вида.

Автор

Йес, Сэр. Усекаю.

Итак, Яша проснулся в том же матросском кубрике боевого подводного корабля, то есть, в металлическом чреве «Пенелопы».

Здесь удачно проявилась, кстати сказать, довольно редкая на практике мудрость власти и ученых людей. Они сообразили, что в этих весьма странных и загадочных обстоятельствах матрос Циперович, дабы не свихнулся головой, в смысле разумом, должен проснуться, если он вообще проснётся, в чем светила сомневаются, в предельно той же обстановке, в какой погрузился в свой странный сон.

Однако, вопреки вышеуказанным пессимистическим размышлениям светил науки, Яша проснулся, как обычно просыпался в процессе своей нелёгкой боевой службы на подводном корабле, словно ничего необычного с ним не случилось.

В смысле, поспал и проснулся, рутинно.

Не впервой.

Из этого получается, что ни сам Яша, ни ученые люди, облепившие его своими дотошными исследованиями, в смысле проводами, решительно не подозревали о сути происшедшего с ним, то есть, о его пребывании в первом веке. Твёрдо знали лишь одно — матрос Циперович какое-то время пребывал в необычном беспробудном сне, а теперь проснулся, причем сам, без помощи медицины.

Сказано не к тому, чтобы обидеть медицину, а как констатация факта.

К этим ученым людям только попади — чего только они не проделывали с Яшей!

Его длительное время всесторонне исследовали, крутили со всех сторон, допрашивали, задавая порою нелепые вопросы. Какое сегодня число и какой месяц, как зовут Вашу маму. Многократно брали из него на исследование кровь, кал и мочу, вновь и вновь пытаясь найти причину столь необычного сна.

Можно понять их затруднения, ведь в добавление к чисто медицинским аспектам они должны были учитывать массу различных сопутствующих случившемуся и влияющих на суть обстоятельств, как то: боевая подводная лодка, загадочная точка Х в океане, всплеск времени и секреты и тайны, тайны и секреты.

Словом, шут голову сломит.

И вот, использовав все известные им научные методы, эти уважаемые яйцеголовые, наконец, дружно, все как один, развели руками.

По всем параметрам результатов исследования выходило, что матрос Циперович, несомненно, нормальный, здоровый человек, и он, матрос Яков Циперович, ничем не отличается от большинства людей

планеты Земля. Единственная его особенность, необычная для большинства землян, состоит только в том, что он очень умный.

Это, впрочем, удивительно, что они хоть это обнаружили. Во-первых, люди как таковые с великой неохотой признают у человека выдающийся ум, если речь идёт не об их уме. А во-вторых, тема ума у людей очень тёмная и лучше её не касаться, чтобы не иметь неприятностей.

В этом заключении ученых одновременно проявилась, однако, их ограниченность.

Они, как говорится, не то искали, а значит, не обнаружили того самого главного, что стало новым в натуре Яши. Что в нём, в матросе Циперовиче, произошли потрясающие, совершенно необъяснимые изменения именно его натуры.

Но об этом скажем ниже.

В конце концов, все исследования закончились, ученые иссякли, и нашего Яшу отпустили с миром. Его уволили из военно-морского флота, так сказать, демобилизовали, однако, просили пока никуда не выезжать.

— Мало ли что, может, понадобишься, — сказали ему.

— • —

Ну, с ними, этими учеными людьми, понятно, откуда им знать, но Яша — как же он-то не знал? События-то происходили, как-никак, в его родном теле.

Не знаем, и, признаться, не больно-то стремимся знать, сознавая полное бессилие своего ограниченного разума понять, и в который раз смиренно довольствуясь наличием спасительного принципа — «черного ящика», фундаментального помощника, примиряющего гордыню человека, в смысле его призрачного всемогущества над природой.

Хотя, несомненно, любопытно.

Автор все же намекнёт читателю, чтобы тот не топтался в полных потёмках и не роптал.

Сам Яша решительно до поры до времени тоже не подозревал об изменениях своей натуры. Некоторое время.

Однако, всё же попробуем разобраться.

С чего началось?

В Яше проснулся, оттеснил Яшин разум и стал жить своей жизнью его предок Иаков. При этом сам Яша погрузился в глубокий сон. Яши как бы не стало. В этот период жил не Яша, жил Иаков.

Затем этот его предок Иаков, опять же по неизвестным нам причинам, вернулся в своё естественное первобытное, то есть, спящее состояние, перестал давить на Яшины мозги, и Яша проснулся. В процессе просыпания было несколько случаев, когда в нём просыпались и оживали другие предки.

Яша при этом, естественно, никоим образом не мог знать о происшедшем лично с ним по той простой причине, что спал. Никаких сновидений, хоть как бы проясняющих события, он опять же не получал. Как же он мог знать, если спал и не видел поясняющих снов! Или, худо-бедно, озарений. Ничего такого.

Все дела.

Ну это мы так полагаем по-простому и решительно не претендуем на владение истиной по указанному вопросу. И не настаиваем, чтобы нам поверили на слово. Чисто умозрительные рассуждения.

— • —

Однако вернёмся к событиям с Яшей.

По случаю проводов Яши с флота на «Пенелопе» объявили торжественное построение экипажа.

Сам Командующий Черноморским флотом адмирал Н. поздравил Яшу с подвигом и лично прикрепил к его форменке орден «Мужества и доблести» первой степени. Затем обнял его и прошептал на ухо: «Молодец, сынок».

Яша четко произнёс: «Служу России!»

Оркестр прогремел «Прощание славянки».

— • —

А теперь в Бобруйск.

Невозможно живописать радость Тамары и Абрама, дедушки и тёти Софы, радость всех близких от возвращения их Яши живым и здоровым, да еще с орденом на форменке.

Это понятно всякому нормальному человеку.

Тамара напекла всякой всячины, даже халу, ну и натурально, фаршированную щуку, прибыли родственники и близкие знакомые, так что пришлось выносить часть мебели к соседям, чтобы разместить за праздничным столом всех.

Люди стекались из разных мест города, толпились возле дома Яши, радовались за него и за себя, что среди них есть такой герой. Когда Яша вышел из дома, его обступили и не давали прохода, обнимали, каждый хотел прикоснуться к нему.

Это была немыслимая, редчайшая, непохожая на организуемые властью сборища, то есть, стихийная демонстрация людей, идущая от сердца.

— • —

Центральная улица Бобруйска — Социалистическая. Однако горожане не придавали значения её официальному наименованию и звали просто Социалкой.

Улица была любимым местом прогулки горожан.

«Куда пойдём сегодня прогуляться? На Социалку», — обычно говорили горожане.

— • —

Однажды в прекрасный тёплый летний вечер Яша с друзьями собрались на Социалке возле танка Т-34, памятника генералу Бахарову, чей танковый корпус в 1944 году первым ворвался в город, подавляя германскую оборону. Сам генерал, увы, геройски погиб в этом бою.

Здесь, у танка обычно скапливалось больше всего гуляющей публики. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что напротив памятника удачно находилась хорошая, известная всему городу пивная, где постоянно было хорошее пиво.

Неизвестно по какой причине, но его здесь почему-то меньше, чем в других местах, разбавляли водой.

Был в Бобруйске в то время такой бессовестный и прискорбный обычай у продавцов пива.

Но это так, к слову.

Так вот, ребята пели джазовые мелодии, травили анекдоты и шутили.

Компания миновала танк, когда навстречу подошли знакомые девушки.

Молодёжь быстро перемешалась в пары, и все они шумно и весело в таком усиленном составе продолжили своё шествие по Социалке.

Несколько поодаль в их компании Яша заметил девушку, которая его сразу и решительно заинтересовала. Девушка была очень красива. Однако, не это в первую очередь привлекло его внимание, хотя, понятно, красивая девушка это само по себе прекрасно, и молодому человеку она никоим образом не может быть безразлична.

И тем не менее. Дело в том, что при взгляде на девушку Яшу охватило странное ощущение. С одной стороны, у него не было оснований

сомневаться, что видит её впервые, но вместе с тем нечто, хотя и смутно, подсказывало: нет, он уже встречал её ранее. Однако, когда и где, вспомнить не мог, хотя и напрягался.

Шагая в компании, Яша постарался к ней приблизиться.

Вот они рядом.

— Давай знакомиться, — он заглянул ей в глаза. — Меня зовут Яша.

— Я слышала о тебе. Ты тот самый герой-моряк?

— Тот самый, — рассмеялся он, — только не надо про героя. Надеюсь, ты можешь знакомиться не только с героями?

— Нет, конечно. Я учусь в университете. Я видела тебя там. Ты со второго потока?

— Да. — Яша принял позу римского консула. — Имя твоё! Я требую назвать своё имя!

— Я Циппи, — жалобным тоном подыграла ему девушка.

— О Циппи, не с Кассиопии ли ты? Я знал одну прекрасную девушку Циппи с Кассиопии.

Она рассмеялась.

— А где эта твоя Кассиопия?

Яша уверенно указал рукой в небесную бездонную синеву.

— Нет, я не оттуда. Я действительно Циппи, но уж никак не с Кассиопии. Я из Бобруйска, а это на планете Земля. Полагаю, ты знаешь, где это?

— Так ты все же натурально Циппи? — снова, уже без театральной позы, спросил Яша.

Ей это показалось странным.

— Слушай, тебе не нравится моё имя? — спросила она.

— Что ты, напротив, я скажу тебе больше, — он помолчал, затем неожиданно произнёс:

— Ты не поверишь, но мы с тобой знакомы две тысячи лет.

— Всего-то? — рассмеялась она, но, взглянув на Яшу, оборвала смех.

Она вдруг поняла, увидела: нет, не те слова. Она ощутила по его виду, что парень не шутит.

И в самом деле, Яша внезапно переменился. Куда девалась его весёлая театральность; в этот момент он был законченно отрешенным от мира сего.

Как позже вспоминала сама Циппи, «я испугалась, Яша будто не здесь возле меня, а где-то непонятно, но непостижимо далеко».

Затем Яша добавил вовсе на её взгляд несуразное.

— В первый раз я увидел тебя у тётушки Саломеи. Это восьмого нисана, во вторник.

Он произнёс еще что-то, уж вовсе решительно ей непонятное. То есть, она ни единого слова не поняла из того, что он сказал.

Она видела только, что он ушел куда-то в глубину, в свою глубину, где не шутят, и он говорил оттуда.

И она испугалась.

А Яша действительно в этот краткий отрезок времени, можно сказать, мгновенье, находился в Иерусалиме двадцативековой давности, и он не мог отвести глаз от девушки, той прекрасной Циппи, дочери тётушки Саломеи.

И Яша вновь ощутил прекрасное, восхитительное ароматное чувство влюблённости того Иакова из Хефера.

— • —

Яша и Циппи стали встречаться.

В Яшу нельзя было не влюбиться: он был обаятелен, и неотвратимое свершилось. Циппи влюбилась в Яшу.

А Яша в беседе с самим собой сказал: «Циппи — моя судьба».

Вот ведь какие дела. Через две тысячи лет Яша ощутил точно такое же великое чувство влюблённости в Циппи двадцать первого века, что и влюблённость того Яши из Хефера к той Циппи.

Через две тысячи лет! Тысячелетняя связь, одинаковость ощущений!

Как это понять?

Хрен его знает.

— • —

— Какая красивая пара, — сказала, глядя на них, пожилая женщина.

— • —

Яша, как когда-то перед службой на флоте, сидел у окна, и он сказал:

— Мама, папа, я хочу познакомить вас с девушкой. Это серьёзно.

У Яши было немало увлечений, но впервые он об этом сказал таким тоном и такими словами.

Тамара прослезилась и сказала:

— Яша, вот так же ты грыз огурец и сказал про флот. Это было событие, а теперь, Яша, ты сказал о еще более важном событии. Ты нашел спутницу жизни.

Я вижу, она тебе по душе. Мы рады познакомиться с ней в нашей семье. Приводи её.

Я уже люблю её.

Яша обнял мать и поцеловал её. Отец подошел и обнял обоих.

Так они весь вечер сидели в беседе о будущем сына: эта семья бесконечно взаимно дорогих, слепленных любовью людей.

— • —

В какое-то время Яша крепко задумал пойти в космические войска, а именно, в ракетные ядерные комплексы.

— Пойду в стратегические войска, так сказать, в ядерный щит страны. Там сегодня моё место. Если враг проникнет в этот щит, что тогда будет?

К счастью для России и всего многомиллиардного населения планеты Земля, Яшу не приняли, то есть, его мечта не осуществилась. Ведь с его способностями и странной уникальной судьбой… кто знает, что бы могло произойти.

Это мы говорим при полном понимании и даже разделении его благой мечты.

Этот эпохальный момент, а правильнее сказать, событие планетарного масштаба, не заметили лишь аборигены Австралии и Папуасии, да еще затерянные в пойме великой Амазонки дикие племена. Эти уважаемые люди, в силу своего чрезвычайно низкого эволюционного состояния, а также совершенной оторванности от цивилизованного мира, понятия не имели о ядерных ракетных системах как таковых и тем более о существовании такого уникального человека Земли Яши Циперовича.

— • —

Яша пять лет усердно учился в университете, приобрёл изрядные знания и, наконец, положил в шкатулку из красного дерева красный диплом юриста.

Вскоре после этого знаменательного события в жизни Яши им весьма заинтересовалась одна Контора. Автор в целях своей безопасности не станет её называть полным наименованием. Так ему, автору, удобнее и спокойнее. Зачем искать чирей себе на задницу? Сами понимаете. Лучше вот так — одна интересная организация — контора.

Пригласила, да.

Впрочем, и сам автор, по правде, до сих пор не знает её точного названия.

— • —

Яша сидел у телевизора и увлеченно смотрел «Очевидное — невероятное» доктора Капицы, когда звякнул телефон.

— Алло, здравствуйте, могу я говорить с Яковом Абрамовичем?

— Да, это я.

— Яков Абрамович, Вы не могли бы подъехать к нам?

— Кто Вы, куда я должен подъехать и с какой целью?

— На Ваш последний вопрос я смогу ответить только при нашей встрече. Намекну только, разговор по Вашему устройству на службу. Мы можем предложить Вам очень хороший вариант. Нам известны Ваши способности и предпочтения. Извините, но мы весьма внимательно и заинтересованно следили за Вашими успехами в учебе. Я почти уверен в Вашем согласии.

— Что Вы имеете в виду?

— Это не телефонный разговор.

— Куда и когда?

Человек сообщил адрес, телефон и время для встречи.

— Хорошо, буду.

По правде сказать, Яше, привыкшему к интенсивному и даже напряженному труду на флоте и освоению основ юриспруденции в университете, быстро надоело безделье, и он был рад этому нечаянному телефонному звонку.

«Посмотрим, что мне там предложат. Если что, откажусь, и все дела.»

В назначенное время Яша сидел в комнате Начальника отдела кадров Конторы.

— Хотелось бы знать характер работы, которую Вы мне предлагаете. Может, не справлюсь, зачем тогда время терять.

Кадровик Кибальчин ничего определённого не сказал, лишь намекнул, что работа интересная и связана с расследованием нарушений законодательства и требует высокого профессионализма и ответственности. Так, общие слова.

Они, эти кадровики, любят темнить для показа своей значимости и ввиду отсутствия в своей голове конкретики.

«Это уже нечто, — подумал Яша и спросил: — А почему я?

— Да уж мы знаем о Вас и о Ваших способностях больше, чем Вы думаете. Нам такие способные люди нужны.

Яша молча пожал плечами.

Кадровик задавал вопросы, Яша честно и обстоятельно отвечал.

Он не жалел себя и не пытался изображать себя в лучшем свете, чем полагал себя сам, ибо что проку от марафета, замазывающего истину. Если предстоящая работа важная и ответственная, то кадровик не имел права на ошибку. Яша в этом вопросе решительно на его стороне.

Больше того, Яша не стеснялся, опять же ради истины, в своей смиренности и откровенности даже принизить свои способности и себя как личность до такой степени, что у кадровика, явно не привычного к такой честности и в таких дозах, ну просто глаза вылезали из физиономии. Когда же Яша покаянно и оглядываясь по сторонам сказал ему на ухо свою национальность, у того крыша съехала.

Суровый и казённый до мозга костей кадровик разрыдался от жалости к Яше. Он лишь с трудом смог выговорить:

— Как же это тебя угораздило? Я же вижу — ты хороший парень.

У него от ужаса разъехались глаза, и он долго, не стесняясь своих чувств, ревел белугой, не мог поверить, как человек может всё это вынести.

Как вообще он живёт.

Выпив воды и успокоившись, кадровик погрузился в размышления.

Ситуация совершенно для него непривычная. С одной стороны, вроде всё предельно ясно, какие разговоры — отказать в приёме и все дела. Однако, с другой стороны — странным образом возникшая симпатия к этому Яше и очевидная уникальность парня…

Когда же кадровик заглянул в невыразимо честные глаза Яши, ему стало нехорошо, а также неловко за себя. Невыносимо, впрочем, для всякого человека.

Глаза Яши понимающие и честные.

«Доложу шефу положительно, пусть решает», — заключил он свои размышления и велел Яше подождать в приёмной.

— Не уходи, — сказал он.

От себя скажем, зря он не отказал Яше сразу. Так было бы спокойнее ему и его конторе.

Кадровик в силу своей чиновничьей ограниченности и представить себе не мог, что содействуя принятию Яши в контору он вносит серьёзную опасность для структуры и всей иерархии его ведомства. Откуда ему было знать, что Циперович человек иного склада с разительно иным менталитетом, решительно выпадающий из ряда обыч-

ных людей. Что он, этот Циперович, сидящий против него на стуле, как бы человек неопределённо далёкого будущего.

Кадровик был человеком обязательным, беззаветно преданным порядку, то есть, полагал он, надо всё делать правильно и аккуратно. Он решительно не терпел, когда видел, что делают не так. Он подсказывал, поправлял, помогал, так сказать.

Вот такой он обязательный и правильный человек, кадровик Кибальчин. Порядок для него всегда был на первом месте. Словом, он был не злой человек, да скорее добрый. Вот только его бесконечная приверженность к порядку несколько портила его доброту, как бы…

Однако не будем придираться. Человек он какой есть, и нехрена нам подходить судить со своими мерками.

Полиграф

Контора, в которую пригласили Яшу, непроста, и соответственно процедура приёма человека на работу тоже не отличалась простотой. Начали, как обычно для этой конторы, с полиграфа. Для надёжности. В конторе существовало правило-принцип: никому не доверять. Такая вот контора.

Для того, чтобы определить, что с Яшей делать, куда приспособить, его пропустили через полиграф и специальные отделы с краткими, но выразительными названиями. Психика, выносливость, физическая сила. Отделы перетекли из советского прошлого плавно, не изменяя профиля своих дел.

Процедура с полиграфом рутинная. Человеку задают вопрос, человек отвечает. Слегка подумав, полиграф изрекает свой вердикт — человек врёт, человек не врёт. Им в конторе это не впервой.

На Яшу надели халат зелёного успокаивающего цвета и усадили на стул. Спросили, «удобно ли ему». Яша сказал «да». В комнате полумрак. Обстановка, располагающая к откровенности. Испытатели тоже в халатах мягкой расцветки.

Пошли вопросы-ответы.

Проходит десять минут, офицер испытатель-полиграфист подзывает коллегу.

— Ты аппарат проверял?

— Сегодня утром.

— Нормально работал?

— Да, а что?

— То, что более десяти минут и ни одного вранья. Так не бывает. Не проверял ты его, смотри у меня.

— Клянусь, проверял. Дай-ка я спрошу.

Спросил.

— Что за хрень, не врёт.

— Подключи для надёжности еще парочку аппаратов в параллель.

— Гудзиков, брось свою хрень, плыви к нам, здесь для тебя работа. Подбрось-ка этому хитрецу вопросиков-купоросиков, на которые он никак не сможет не соврать.

Ты по этой части мастак. Вперёд.

Подбросили, прогнали по оперативным вопросам. Затем по вопросам высшего уровня.

У них там уровни! Их не обойдёшь.

Однако, тот же результат.

Сели и задумались. Как еще проверить. Вроде всё.

— Пойду, доложу командиру.

Командир выслушал доклад и взорвался.

— Что ты плетёшь, как это не врёт! Совсем? Ни одного сбоя? С тремя аппаратами?

Подключили двух специалистов-психологов в ранге профессоров. Ребята те еще, зубры, пробы ставить негде. Уж какие вопросы они кидали! Гиперпровокационные, ну никак не обойти. Соврёт, никуда не денется.

Тот же результат. За Циперовичем ни одного вранья.

Профессор по своему статусу обязан быть умнее других.

Поэтому эти два профессора, крепко подумав, решили поговорить с Яшей без полиграфа.

«Видно, здесь не тот уровень человека, чтобы с полиграфом-железякой, — рассудили они. — Полиграфы — это с примитивными, то есть, обычными людьми, а тут…»

Спросили напрямик.

— Товарищ Циперович, как вы сами объясняете, что аппарат не выявил вашего вранья?

А сами прямо-таки впились в него, едят его глазами, чтобы ухватить суть.

— Так он и не мог его выявить, потому что не было вранья с моей стороны.

— Как не было?

— Да так. Я не умею врать.

Оба заслуженных профессора-зубра, на которых пробы ставить негде, с несказанным изумлением и где-то недоверием уставились на это чудо. Один даже пощупал его за рукав. Разыгрывает чувак.

— Вы в самом деле не умеете врать, натурально, или не хотите врать? Это разные вещи.

— Не умею. Иногда по ситуации чувствую, что необходимо соврать, а не могу, не получается.

— Это что, у Вас всегда такое?

— Нет, после того события на «Пенелопе». Могу еще добавить, после того события я вовсе и спать перестал.

— Совсем?

— Совсем.

— Испытываете желание поспать, так сказать, придавить часик после трудового дня?

— Нет, такого желания у меня не возникает.

— Как же Вы без сна, небось, дуреете?

— Вовсе нет, мне как бы не нужно спать. Нет необходимости. Я даже не думаю об этом.

Профессора настолько были сбиты с толку, проще сказать, обалдели, что повели себя, мягко говоря, не совсем нормально, то есть, они сдвинули свои кресла и уставились друг на друга.

Помолчали. Один промямлил:

— Нет ли у Вас еще каких-нибудь вроде этого?

— Вроде нет.

Поскольку все известные конторе испытательные ресурсы на этом исчерпались, результаты исследования доложили командиру.

Совещание у командира

Командир:

— Все собрались?

Он обвёл взором подчинённых.

— А где Дурнавин?

— Он в командировке.

— Ну ладно, обойдёмся без него.

— Итак, — начал Командир, — Яков Циперович очень талантливый, способный человек, безусловно подходящий для работы в нашей конторе, но ему присущи аномальные свойства. Он не спит и он не

умеет врать. То, что Циперович не спит, это ладно, никому ни жарко ни холодно, это даже хорошо в нашей работе, бдит бессменно. Но не врать?! — У человека отсутствует как таковая способность врать, это как? Как жить на Земле и не врать? — копнул он глубже.

Он надолго задумался.

— Жить и не врать человеку невозможно, — заключил он.

— Да выгнать его к хренам и все дела, — сказал майор Бороздин. — Выродок рода человеческого. Не врёт. Что мы будем с ним мудохаться?

— Да нет, подожди, дорогой. Выгнать всегда успеем. Может, приспособим, зачем сразу выгнать, — сказал Командир, помолчал и добавил, — В связи с этим вышесказанным мною, Ваши соображения, майор Бороздин, Вы можете, если Вам не трудно, заткнуть в свой хорошо известный Вам проход. Вам понятно?

— Так точно, товарищ полковник, понятно. Приму соответствующие поправки и выводы. Ваше последнее указание приму к неукоснительному исполнению.

— Ну вот так-то. Садись, дружок, доложите подробнее об этом мудаке. Чем он еще интересен?

Поставив офицера на его подчинённое место, командир успокоился.

Где-то он был согласен с парнем, но нельзя же допускать, чтобы тот считал себя умнее начальника. Подожди, пока начальник выскажет своё, тогда и выступай в русле его высказывания. Таков порядок. Поговорка «я начальник, ты дурак, ты начальник — я дурак» еще действует.

Нетленная народная мудрость.

Много чего было сказано на этом совещании, как, впрочем, на всяких иных бесконечных совещаниях, но если по делу, то вышеизложенного вполне достаточно.

— Что мы имеем? — подытожил командир. — Мы имеем: испытуемый Яков Циперович храбр, умён, он вовсе не спит, как ночью, так и днём. Это ладно, но самое главное, он феноменально не способен врать. Если первые три без сомнения полезны в нашей оперативной работе, то последнее — проблема. Он фатально честен. Не может врать, и все дела. Не умеет.

Для нас хорошо, его доклады будут правдивые, а вот для оперативной работы это страх божий.

Не умеет врать. Хрень какая-то.

Он вновь глубоко задумался.

Офицеры томились.

Прямо скажем, задачи такой сложности командиру ранее не встречались.

— Какие будут соображения?

«Не спит, честен, храбр, умён и честен», — в который раз повторил он.

«Да, букет».

— Вот что, попробуем его с испытательным сроком. Проверим в делах. Выгнать всегда успеем. Другие предложения будут? Нет. Ну и добро.

— • —

Государственный комитет по расследованию особо тяжких преступлений против человека и государства.

Хорошее, бьющее в точку название, в суть, так сказать. Даже где-то красивое, но ведь принято такие конторы именовать в сокращенном виде, по начальным буквам. Не станешь в повседневной деятельности так длинно выговаривать — то есть, оно плохо пригодно в рабочем общении. Практически, это просто невозможно. Да и вообще, специалиста, который стал бы так делать, приняли бы за ненормального.

Сократили до букв и что получилось?

ГКпоРОТППЧиГ

То есть, получилось еще непригоднее, чем в прежнем длинном виде. Можно было придумать умнее.

А в натуре кто придумал!? Уж наверняка не рядовой исполнитель, а тот, с кем не поспоришь без кадровых гибельных последствий.

Сотрудники Конторы в своей массе не то что запомнить указанное сокращенное наименование своей конторы не могли, но даже выговорить затруднялись. Однако, делать нечего, жить-то надо, и работа закипела.

Ведомства по этой части очень сильны, так сказать, умельцы.

Срочно приказом по Конторе созданы семинары по заучиванию вышеуказанного наименования с привлечением опытных психологов и логопедов. Через них в ускоренном порядке пропустили всех специалистов конторы, допущенных к оперативной работе, кроме начальников отделов и должностных лиц в ранге выше. Те были освобождены от учебы из законного опасения самим остаться без должностей, а Комитету без командного верха, который, впрочем, и затеял всю эту хрень.

Неисправимых сотрудников после многочисленных попыток приобщить к знанию, но решительно не способных к этому по натуре,

отчисляли из Конторы ввиду их профессиональной непригодности. Так и писали в аттестации: то, то и то. Не то что, мол, запомнить, но даже заучить название своей конторы, то есть, собственного учреждения, не способен. Таким у нас не место.

Напротив, способных офицеров поощряли грамотами, денежными премиями и даже досрочным присвоением званий.

В итоге проблема решена. Вот такая занятная история.

— • —

Для начала Яшу направили в училище, где дополнительно к системным дисциплинам его натаскали по всяким специфическим агентурным навыкам, имея ввиду дальний на него прицел. Учился он, как делал по жизни всё, прилежно и основательно, не отлынивал, то есть не формально, как некоторые студенты, а с пониманием того, что учеба эта пригодится в жизни, в его будущей работе.

Тренировка по различным ситуациям в будущей работе.

На одном из занятий, суть которого поведение засланного агента за рубежом, Яшу спрашивают, как бы подозревая в нём нелегала:

— Сам то ты из каких мест?

— Деревенский я, из села Скуратово.

— Кого ты знал из жителей села?

— Так всех знал — и того, и того.

Значит, из села ты? Хорошо, а скажи ты, скуратовский наш абориген, ты ел сергибус?

— Где там, голодно было тогда, не до сладостей. Да нет, какой там сергибус, жрать вообще-то было нечего.

— Вот ты и попался, голубь. Кто же в селе не ел сергибус, именно в голодуху. Всякий сельский человек, выросший в селе, знает сергибус, тем более, когда есть нечего. Эх ты, лопата.

Значит, какой отсюда вывод, курсант Циперович?

Нельзя выдавать себя как бы из среды, которой ты не знаешь, понятно? Если тебе поручают таким образом, ты обязан сказать: «Знаете, я тут плохо знаком с обстановкой, меня расколют».

— Вот так, Яша, с сергибусом. Внял свою ошибку?

— Йес, шеф.

— • —

Впрочем, хотя этот период учебы и был в жизни Яши, но для читателя он неинтересен, ибо он рутинный, а рутина по определению не содержит в себе интереса.

Учеба она и есть учеба.

Единственный эпизод, выпадающий из учебного процесса, это интрижка Яши с некоей девицей. Любовь, так сказать. Однако, в настоящей повести об этом распространяться не место, хотя автор отчетливо понимает важность этого высокого чувства для человечества в плане поддержания достаточной численности населения Землян.

Чувства, увы, сильно оглупляющего людей в молодом возрасте постоянно и повсеместно.

— • —

Первое задание Яше — командировка в Израиль для добывания информации по тамошним бандитам, связанным с российскими бандитами, с целью дальнейшего внедрения в российские банды.

Рабочий кабинет.

Шеф посвящает Яшу в суть задания. Яша сидит за его столом с противоположной стороны и внимательно слушает. Это его первое дело.

— Смотрите, капитан, вот цифры показывают, сколько бюджетных денег уходит неизвестно куда. То есть, не по назначению, без пользы для Отечества, и неизвестно, в каком направлении, в чьи грязные лапы. Как в дыру, и мы не можем разобраться.

Эта организация у нас, министерство финансов, ведает бюджетом. Знаем лишь, должна быть такая цифра и вот что в остатке. Из бюджета страны уходят огромные суммы.

Капитан, Вам задание — выйти на мошенников. Понимаю, задача чрезвычайной сложности, но Вы справитесь, я уверен в Вас.

До этого Яша внимательно слушал шефа, но здесь поднял руку, попросил разрешения сказать.

— Валяйте, — разрешил командир.

— Я хочу сказать, что это нереально, Шеф, они не должны воровать. Тут что-то не то. Это нехорошо. — сказал Яша.

Шеф вздрогнул и внимательно посмотрел на Яшу, прямо вгляделся.

— Вы что, Циперович, Вы это серьёзно?

— Да, Шеф, серьёзно.

Шеф надолго замолчал. Он собирался с мыслями. Наконец смог выговорить.

— Вы, лично, не своруете?

— Нет.

— Почему?

— Это безнравственно, — убеждённо произнёс Яша.

Шеф снова вздрогнул и еще внимательно всмотрелся в Яшу.

— Ну что Вы изобразили из себя вопросительный знак? Не верите, что тут воровство?

— У меня это не укладывается в голове, Шеф. Раз воровство, как таковое, безнравственно, значит, оно невозможно.

— Вы меня, товарищ Циперович, удивляете, — сказал Шеф. — Неужели до вас не доходит простая истина — каждый человек имеет желание украсть, разумеется, если это возможно.

— Нет, Шеф, человек не может так думать и поступать таким образом.

— Капитан, да Вы просто дитя в коротких штанишках и Вы напрочь не знаете жизни и людей. Такова натура людей изначально. Понимаете? Это же простые человеческие желания. Это у человека изнутри. Неужели необходимо Вам объяснять, сами Вы что, не понимаете этого? Это же элементарно.

Яша промолчал.

Шеф несколько успокоился, однако, покачал головой, как бы в недоумении от Яшиных слов. Вернулся к теме.

— Так вот, по нашим разведывательным данным, все эти махинации, которые нас интересуют, несомненно связаны, правильнее сказать, завязаны на Израиль.

— С преступными элементами Израиля, — уточнил он.

— Вам, капитан, лично Вам я поручаю наладить контакты с израильскими вышеуказанными элементами. Через них с большой долей вероятности Вам удастся выйти на наших расхитителей государственных средств.

Это ваше первое и очень важное задание. Ваше участие занимает в этом очень важное, если не решающее место. От того, как успешно Вы его выполните, зависит Ваша дальнейшая карьера. Это понятно? Вы должны это сделать. Не знаю уж как, но тут ваша инициатива. Втереться к ним в доверие, показаться им своим, этому Вас не учить.

Под каким видом Вы туда отправитесь, мы уж как-нибудь сообразим. Это забота не Ваша. Опыт имеем. Есть немало наработок в этом направлении, по теме, — уточнил Шеф.

Он посмотрел на Яшу и рассмеялся,

«Поразительно, никакой ретуши не требуется. Вылитый израильтянин. Замечательно. Ни пластической операции, ни грима», — подумал он и остался весьма этим довольный. Никаких хлопот.

— Капитан, вернёмся, однако, к вопросу о нравственности. Смотри, я твой начальник, у меня проект операции, очень важной для страны, и указание свыше.

Шеф направил указательный палец вверх, как можно выше, чтобы показать значимость полученного указания, и даже взгляд свой устремил туда же, вслед за пальцем.

— Скажи теперь, причем тут твоя нравственность?

Нравственность ему, видите ли, не позволяет.

Из за этого вздора ты не выполняешь задание, данное тебе мною поручение, проваливаешь важнейшее дело и, что самое главное, указание — и он снова, как боевое копьё, кинул указательный палец вверх.

— Это хорошо?

— Плохо, шеф.

— Вот то-то же. Действуйте. Ваши руки, так сказать, передние лапы, не связаны. Действуй, ты парень башковитый. Вперёд. Докладывать в зависимости от важности информации и постоянно раз в неделю. Свободен.

— Нравственно, не нравственно, — не мог успокоиться Шеф. — Если вам приказывает начальник, то этот вопрос автоматически снимается. Всё, что вы совершаете по указанию начальника, нравственно. Есть, если уж на то пошло дело, элементарная дисциплина.

— Вопросы есть?

— Нет, вот и хорошо, когда они появятся, тогда и спросите. Действуйте.

«Хрен их знает, — подумал вконец обалдевший от этого разговора Яша, — может, оно и так».

Шеф отпустил Яшу, а сам задумался. «Что это я с ним разговорился? Я кто ему — командир или нет? Видно, что-то есть в этом парне, нечто необычное. Другого я бы поставил в стойку смирно и все дела, а с этим… — он покрутил головой. — Симпатичен он мне, однако».

Яша вышел от шефа и направился в свою рабочую комнату.

«Вот нечто похожее говорил Ассурбанипал Соломону про необходимость жестокости. И это три тысячи лет назад!» — подумал он.

Определённо, человек не меняется.

— • —

— Циппи, я еду в Израиль. Мне дано важное задание найти связь между финансистами Израиля и коррупционерами-казнокрадами

страны, чтобы закрыть расхищение государственных средств, а жуликов посадить.

Женщины обычно соображают быстрее мужчин, и они практичнее, ближе, так сказать, к реалиям жизни, решительно всякий раз привязывая суть вопроса к интересам семьи.

— Яшенька, — произнесла она, — а тебе это надо?

— Что надо?

— Ну вот эта борьба с, как это ты сказал, коррупцией?

— Естественно, дорогая, нельзя же разорять страну и нельзя позволять никому делать это. Страну в которой мы с тобой, Циппи, живём.

— Это я понимаю, милый, но если это коснётся твоих близких, что тогда?

Ты что, не знаешь, твой дядя Арон очень инициативный человек, он финансист. Разве он сможет нормально трудиться и иметь успех под таким надзором? Его бизнес требует свободы и инициативы. Иначе как он получит барыш? И если ты пойдёшь против твоего родного дяди, твоя кровь, которая из нашего рода, она закипит и свернётся и станет нежизненным, непригодным веществом.

Ты понимаешь это, мой дорогой Яша? Как ты после этого сможешь глядеть людям в глаза, тебя не поймут.

— Нет, Циппи, пойду. Это мой долг как человека.

— Дорогой Яшенька, ты полагаешь, если человек увидит выгодное дело, предприятие, с которого он может получить барыш, он что, должен отойти в сторону? Он должен закрыть глаза и сказать им — не смотрите, ибо я честный? Как ты думаешь о моей такой постановке темы?

Яша положил руку на грудь возле сердца и твёрдо произнёс:

— Циппи, я выполню свой служебный долг, а дядя Арон пусть сядет, ибо воровать нельзя.

— Яша, дядю Арона нельзя сажать, у него дети. Что с ними станет? Как ты посмотришь им в глаза, если что?

— Надо, Циппи, — убеждённо сказал Яша.

— Яша, та работа, на которую ты идёшь, очень опасна, а у нас с тобой тоже дети, — пустила в ход последний довод Циппи и заплакала. — Что станет с ними, если не будет тебя, их папочки?

— Наша служба, Циппи, и опасна, и трудна, — отшучивался Яша, — меня туда тянет, ибо я ощущаю в себе силы и способность.

Он обнял жену, глянул ей в глаза, платком промокнул её слёзы, поцеловал и в который раз произнёс:

— Циппи, я знаю тебя две тысячи лет.

Циппи улыбнулась сквозь слёзы, как и всегда приняв его слова за нежность к ней и не более того, и уж никак не реальную приятную для неё информацию.

Яша в Израиле

— Слушай, Ёся, скажи честно, без понтов, мне нужно для дела. У вас есть бандиты? Не темни.

— Нет, Яшка, бандитов у нас нет. Комбинаторов дофига, а бандюганов нетути.

— Нет? Ну ты подумай, как же это вы тут.

— Что у вас за страна такая? — возмутился Яша. — Ну ладно, хрен с ними, с бандитами. Может быть, это даже хорошо. Для вас. Нет так нет. Но у меня малява отпадает. Что шефу-то скажу?

— Сам-то как?

— Нормально.

— Передай привет Циппи. Она у тебя перший класс.

— Спасибо.

— Подожди, я вспомнил. Слушай, знаю я человека, который может тебе помочь. Вот его телефон.

— Подожди, так ведь это же Яша Ке. Я слышал о нём.

Яша загорелся познакомиться с этим удивительным человеком, видеть его перед собой, говорить с ним. Человеком, который довершил то, что началось две тысячи лет назад — изгнание людей с их обетованной земли. Он довершил их возврат на родину, которой у них не было две тысячи лет.

«Как же это я сам не сообразил?» — подумал он.

Яша звонит Ке.

— Простите пожалуйста, Яков, я Вас побеспокоил, но для меня чрезвычайно важно встретиться с Вами. Мне нужна Ваша помощь.

— Кто Вы?

— Я Циперович, Яша Циперович, хотя я понимаю, это Вам ни о чем не говорит.

— Постойте, Вы не тот ли Циперович, моряк подводной лодки?

— Это я.

— Яша, и Вы еще просите о встрече! Давайте так, Вы можете подойти к кафе «Шалом» на набережной Барака, скажем, завтра часикам к семи вечера?

— Без вопросов.

— Всё. Я буду. Ваш телефон есть. Если что не так, я Вам позвоню.

— • —

Кафе «Шалом», вечер, вторник.

— Простите, Яков, я знаю — Вы очень занятый человек…

— Яша, кончай этот бомонд. Давай договоримся, без этих глупостей. Ты Яша и я Яша, без этих «Вы», тогда у нас разговор пойдёт.

— Признаюсь, мне интересна твоя история. Больше того, я догадываюсь, не всё рассказал ты, и нечто, несомненно, держишь в себе. Кстати, какова цель твоего приезда в Израиль? Разумеется, если хочешь говорить об этом, считаешь возможным сказать.

— Меня пригласили работать в конторе по расследованию финансовых преступлений. А сюда я приехал, чтобы попробовать через Ваших жуликов выйти на своих. Мой добрый друг Ёся, однако, меня огорчил. Он сказал, что в Израиле жуликов нет. Представляешь? Теперь получается, я не могу выполнить данное мне поручение. Но Ёся посоветовал обратиться к тебе. Ты можешь помочь мне?

У Яши была манера — если он излагал собеседнику нечто важное, он не смотрел на него, а взгляд его как бы обращался в пространство. Теперь, когда он закончил предложение и взглянул на Ке, то с изумлением обнаружил, что тот смеётся. Смеётся от души. Нет, Ке просто хохочет.

— Да, Яша, — наконец заговорил Ке. — Твой друг молодец и патриот своей страны, но тут он переборщил. Увы, есть у нас жулики.

— Ну вот, видишь, значит, дело моё не загублено.

— Ну ладно, об этом мы еще поговорим, но как же ты всё это сказал мне? Ведь наверняка с точки зрения твоего начальства эта информация секретная, а? — он улыбнулся.

— И уж будь уверен, до твоего шефа дойдёт это. Вон, за четыре столика от нас, как бы читает газету молодой человек. У меня глаз намётан, он оказывает нам внимание. Я тебе так скажу честно, ты не годишься для оперативной работы.

— Ты прав, конечно, не гожусь, а теперь, о чем ты догадался. Не мог я людям, даже близким, выкладывать всё, чего много во мне, ибо оно трудно для понимания. Это, собственно, главная причина моего жизненно важного желания встретиться с тобой. И вовсе не получить совет по заданию конторы, который только повод.

— Дело в том… То, что я говорю, всегда правда. Яша, я не умею врать. Не получается это у меня. Я потерял эту способность, понимаешь? Когда по делу необходимо соврать, я молчу.

— Подожди, как это потерял способность врать? Такого не бывает у людей. Я не понимаю, объясни.

— Ты разреши называть тебя Ке. А то: тут Яша, там Яша.

— Не возражаю, а почему так сокращенно?

— Для конспирации.

Ке расхохотался.

— Яша, я ошибался, ты становишься настоящим агентом.

— Признаюсь, Ке… — Яша еще раз произнёс «Ке», ему очевидно нравилось это. — Признаюсь, Ке, ты прав, мне есть что сказать того, что я еще никому не говорил. Говоря по правде, именно это потянуло меня к тебе. В конце концов, выполню я это задание конторы или не выполню — не столь важно. Мне необходимо разобраться в своих ощущениях. Вот зачем я тебя побеспокоил. Я уверен, что ты единственный, кто может мне помочь. Кто в состоянии понять меня.

— Слушай, я ощутил, я видел то, что происходило в первом веке. Те события, которые произошли со мной. Согласись, это необычно и трудно для понимания. Даже для меня. Хотя вроде бы происходило со мной и с никем иным. Вроде, уж сам-то я должен понимать в первую очередь. Что, откуда и куда. Однако…

В общем, так, я шел с Саулом в Дамаск, и это-то для меня реальность.

Я видел неистовство людей в ужасном восстании против римлян в 53 году. Побитие камнями Христианина. Я видел царя Ассирии Ассурбанипала и его великолепную библиотеку и библиотекаря Соломона.

И всё, что я видел — это была моя реальность. Ты понимаешь, Ке? Моя реальность. Во всяком случае, таковыми были мои ощущения.

Ке, что ты обо всём этом думаешь? Мне это твоё видение важно знать, да и просто, без важности, мне это интересно, любопытно, понимаешь?

— Звучит весьма интригующе, — сказал Ке. — Хотя и туманно. Ты не мог бы перейти к конкретике, а то я не большой любитель туманных выражений. У меня натура такая, не мечтательная, моё дело — аналитика фактов.

— Хорошо, Ке, попробую. Хотя это для меня не просто.

Так вот, начну с того, что я знаю двух людей, которые совершили судьбоносные дела. При этом один жил в первом веке, а другой живёт в

двадцатом, то есть, их разделяет двадцать столетий. Представляешь? — Яша хотел этим подчеркнуть странную схожесть при таком разбросе времени и свою убеждённость в незыблемости натуры человека во времени. В смысле, что суть человека, его поведение неизменны.

— Саул в первом столетии заложил основу Христианской цивилизации, а Ке, да, Яша, это именно ты, в двадцатом — вернул людей на Землю обетованную, их исконную родину, после тех же двух тысяч лет изгнания. События несомненно разные, но величие и судьбоносность делает их схожими.

Схожесть в величии и судьбоносности. Чувствуешь?

Ке пожал плечами. Он не любил пафоса, а в словах Яши он ему показался. Хотя, с другой стороны, сказал тот это убеждённо, без пафоса. Сам Ке просто делал своё дело, как полагал, и все дела без героики.

— Ке, ты знаешь, что творилось в первом веке в Иерусалиме? Конечно, нет, а я им свидетель.

— Откуда ты всё это знаешь? — не сразу спросил Ке.

— Я там был.

Наступило молчание. Яша не кинулся объяснять, что да как. Он молчал. Он понимал, Ке надо осмыслить его слова.

Ке пристально вгляделся в Яшу.

— Как же ты это сумел? — наконец нашелся сказать он.

Яша стал рассказывать о том, что с ним происходило. Без утайки, ибо пред ним был человек, который умел слушать и к кому Яша испытывал безграничное доверие. Случаются в жизни человека такие люди, редко, но случаются. Ке несомненно был таким человеком.

Автор считает ненужным и даже излишним повторять всё, что он уже изложил во второй части книги, и с чем читатель, если он внимательно прочел этот раздел, предельно знаком.

Однако, Яше в ходе своего рассказа волей-неволей пришлось пережить всё это, как заново, и он находился на грани помешательства. Волнение его нарастало, и в какой-то момент его разум не выдержал. Его кинуло в сон-обморок-видение, как это случалось с ним раньше. Он вдруг содрогнулся и ушел в себя, как провалился. Его потрясло и забросило к месту казни Саула.

Он снова видит в красках и подробностях казнь Саула — своего родственника по крови — и так же теряет сознание от невозможности спасти этого великого человека. И теперь Яша, находясь в своём времени, ощутил муки Саула и его глубочайшую веру.

— Яша, что с тобой? — кинулся Ке. Он взял Яшу за руку, но тот не видел его и не отвечал.

Пришел в себя Яша на кушетке.

— Я уж собрался вызывать скорую, тебя спасать.

— Нет, Ке, то, что я увидел… — и он рассказал…

— • —

Яшу срочно отзывают.

— • —

Кабинет Шефа.

Секретарю приказано не пускать никого. Шеф запер дверь на ключ. Сел, Яша сидит напротив.

— Ты выполнил задание?

Яша начал доклад, но едва произнёс несколько слов, как шеф прервал его.

— Ты встречался с Ке? — спросил он.

— Да, встречался.

— С какой целью, для чего?

— Просил совета, как получить информацию о финансистах, связанных с Россией.

— Ты знаешь, кто он такой?

— Знаю.

— Он спросил тебя про нашу контору?

— Да.

— Что ты ему ответил?

— Я сказал, «мы ловим мошенников».

— О чем пошел разговор дальше?

— После этого разговор пошел вовсе о другом, никакого отношения не имеющем к нашей Конторе. Речь пошла об исходе-возвращении людей на исконную родину. Вы понимаете, шеф, он сделал то, чего они ждали две тысячи лет!

— Что он сделал?

— Он организовал, добился возврата людей на их Землю обетованную.

У командира глаза полезли на лоб.

— Капитан, ты с ума сдвинулся? Зачем тебе всё это? Тебя за этим посылали?

— Шеф, Вы разве не понимаете, насколько важно то, что сделал Ке?!

— Что он сделал, этот твой Ке?

— Через две тысячи лет! Люди ждали этого две тысячи лет!

Шеф в изнеможении откинулся на стуле. Он даже застонал.

— Циперович, Вы дитя в коротких штанишках. Что Вы со мной творите!

Он подумал, решил, что сказанного явно недостаточно, и добавил:

— Вы еще не разучились делать в эти свои короткие штанишки.

Это его несколько успокоило. Он очень долго матерился и от этого сильно ослабел, и еще от невозможности понять этого умного Циперовича.

— Короче, Вы по моему заданию имеете результат в объёме фунта дыма. Капитан Циперович, я правильно сформулировал результат Вашей работы?

— Да, шеф.

Яша утвердительно и одновременно сокрушенно, где-то даже покаянно, кивнул.

Шеф надолго замолчал. Он смотрел в окно. Там было пасмурно, висела серая муть, вроде даже шел дождь.

Так ему показалось.

— Товарищ капитан Циперович, Яша, от твоих дел у меня опустилась матка, — наконец с тоской произнёс шеф.

— Я сожалею, шеф. Увы, шеф. Вы знаете, шеф, у этих продвинутых аборигенов, которые там, в этой цивилизованной стране, оказывается, нет бандюганов.

Представляете, шеф, что это за ничтожная страна.

Шеф расхохотался.

— Циперович, на Вас невозможно сердиться, но ход мыслей и оценка этих людей мне по душе.

— Неандертальцы, шеф.

— Ладно, отдыхайте, а я подумаю, что делать дальше.

Он успокоился и стал размышлять здраво.

В конце концов шеф понял, что от капитана Циперовича, как такового, как следователя, в принципе, при его особенностях, толка не выжмешь.

Он нихрена не годен к агентурной работе, а значит, нам бесполезен.

Больше того, он чирей, и притом крупный, на наших задницах.

Прежде всего моей.

То есть, парень-то хороший, но, увы, не для нас.

Как он станет соблюдать сохранение служебной тайны, если на вопрос честно ответит как есть? Как ему работать не соврав?

Понятно, что это невозможно.

А если бы мы его бросили на самое больное место? Отношение власти к человеку. К казнокрадству. И он, Яша, подобрался бы к казнокрадам из власти. К чему бы это привело, при его способностях и честности, в смысле, неумении врать?

Шеф даже вспотел холодным потом лишь при гипотетическом предположении этого.

Что я мучаюсь, подумал он. Ну не годится парень для нашей работы, чем он-то виноват? Что он сам родил себя с такой натурой?

Ну как не крути, парень уникальный. Однако, хорош Федот, да не тот.

С начальством как-нибудь выкручусь.

Уволим его, и все дела.

И непременно с почетом в благодарность, за избавление от него.

После того, как мысли шефа настроились и двинулись в этом направлении, в смысле, по тропе здравого смысла, и он осознал как должное реальное положение дел с капитаном Циперовичем, ему сразу стало как-то легко, а напряг от Яшиных дел ушел.

Словом, он успокоился и возвратился к прежнему уверенному состоянию, что всё в его жизни хорошо, и он, полковник Н., способен и дальше успешно править делами в Конторе на благо родного государства.

Он толково и умело доложил командованию свои предложения по капитану Циперовичу и получил полное «добро». Яшины способности, его честность и упорство стали очевидными и для командования, так же, как и то, что они представляют угрозу, да просто опасны для конторы. Командование такие опасные для себя ситуации хорошо чует. Короче говоря, оно, командование, также поняло, что Циперовича категорически нельзя допускать к серьёзному расследованию, ибо он докопается до истоков и тогда быть беде всем нам и нашей конторе.

Выгонят без пенсии.

А ведь хотели использовать даже в отделе метафизических явлений и использования их в оперативной работе, созданном специально под Яшу.

От него отступились и уволили от греха подальше.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Итак, Яшу уволили из Конторы «ввиду его полной неспособности врать, то есть по причине высокой честности и, соответственно, служебному несоответствию по неспособности не врать».

Действительно, какая нелепость, Яша не умеет врать, не испытывает тяги делать людям гадости и переходит улицы только на зелёный свет светофора.

И самое странное, он не может поступать иначе.

Он живёт нормально и лишь удивляется, глядя на людей, на их странное поведение.

Яша и люди живут в разных мирах.

— • —

Логика создания книги потребовала от автора изложения Яшиной жизни за период от его пробуждения до увольнения из Конторы, то есть, событий, происшедших с нашим героем за указанный период. Пренебречь этим требованием жанра автор никоим образом не мог, иначе нарушалась бы последовательность изложения показа жизни нашего героя и возникали бы, так сказать, бреши в изложении событий.

И он, автор, впечатав указанную главу, выполнил это требование.

Однако, читатель по прочтении книги несомненно убедится, а сам автор понимает это тем более, что события в разделе «Контора» далеко не главное из того, что происходило с Яшей.

Ощущение мира после пробуждения. Жизнь без способности врать.

Бобруйск, 10 июня 2006 г.

Дорогой Ке.

Прости, я долго не решался, но далее держать в себе то, что происходит со мной, я не могу.

Как ты и предполагал, из Конторы меня уволили. Впрочем, я на них не в обиде, ибо в самом деле, положа руку на сердце, не гожусь я для этого дела. Кроме того, известно, что «думают только умные, а обижаются только глупые». Признаться, теперь мне стало даже легче. Я рассказал шефу о нашей с тобой беседе. Он пришел в ужас, обозвал не стану говорить как и подал на увольнение, и вот я свободен. Буду писать тебе, пожалуйста, не выкидывай мои письма непрочитанными тобой.

Кстати, моя Циппи передаёт тебе самый нежный привет. Из моих рассказов она прониклась к тебе таким же уважением и симпатией, что и я. Циппи решительно настроена видеть тебя у нас в гостях, и она не сомневается, просто уверена, что это сбудется. Не разрушь её надежду, пожалуйста. Я со своей стороны также надеюсь, ты найдёшь возможность нас посетить. Кстати, я тебе не говорил, у нас с Циппи парочка прелестных дочек, которых мы безмерно любим. Они дают мощный смысл нашей жизни. Я скину тебе на мобильник их фото. И ты убедишься в правдивости моих слов.

Итак, свободен, однако, надо жить и кормить семью. Я поступил в адвокатуру, ведь у меня красный диплом юриста. Думал, здесь я найду приличную зарплату и работу по душе. Наивно предполагал, что, помогая человеку, защищая его от произвола закона, я стану творить благое дело.

Однако вскоре разочаровался.

В реалии оказалось, что нередко я должен помогать людям, совершившим скверное дело, уйти от справедливого возмездия. Согласись, это обстоятельство не способствовало укреплению моей веры в благость профессии.

Пока работаю, но уже подыскиваю иную службу.

Автор

Физиологические изменения, связанные с потерей способности врать, события двухтысячелетней давности, мощно заполнившие память Яши, так сильно изменили его натуру и восприятие им мира людей, его современников, их поведения, что когда Яша проснулся и ощутил себя в своём истинном, исконном, родном времени, он растерялся.

Всё перемешалось в голове у бедного Яши. События первого и события двадцать первого века. Всё перемешалось.

Мир, по его ощущениям, стал запутанным и решительно непонятным. Различия времён ввиду колоссальной сложности его родного мира, сравнительно с древним, разительно ударили по восприятию им своей реальности. Понятие реальности, которая единственно и формирует уверенность, ориентацию человека в жизни, вдруг перестала для Яши быть таковой. Эта, казалось бы, его родная реальность стала для него решительно чужой.

Странник

Человек — это два мира, его сознание и его внутренний мир, который сам по себе и независим от сознания. Хочет человек или нет, но он своим сознанием не способен влиять на этот свой внутренний мир, знать, что творится в нём с его памятью, физиологией, биологическими процессами, пищеварением, работой органов. Всё это в нём живёт автономно, само по себе.

То есть, в человеке сидит этот внутренний мир, живущий вне сознания человека.

Бобруйск, 15 июня 2006 г.

Дорогой Ке.

После уже известной тебе моей истории на «Пенелопе», пробуждения от странного сна и возврата из первого века со мной стало происходить нечто странное.

Представь, ты находишься в тёмной комнате. Скажем, в полумраке, кое-что видно, но далеко не всё. Ведь так в полумраке мы, собственно говоря, и видим окружающий нас мир по жизни. Другими словами, этот наш с тобой мир всегда для нас плохо освещён, и мы не видим очень и очень многого из того, что есть в этом мире.

Но вдруг в комнате стало светло! Что произойдёт в тебе?

А то, что перед тобой возникнет решительно иной мир, о котором ты напрочь не подозревал, пребывая в сумерках. К тому же, ты одновременно обнаружишь, что он, этот твой мир, вовсе не благ, а напротив, содержит всего такого, от чего душа твоя содрогнётся.

Нечто подобное, то есть, необычное случилось со мной однажды в театре. Весьма популярные некогда «Голубые гитары», будучи на гастролях в Бобруйске, давали концерт.

Мы с Циппи сидели во втором ряду балкона. Не шикарно, но сцену видно хорошо.

Конферансье лаял собакой, шипел сексуальным котом, кудахтал, будто рожая яйцо, словом, пытался острить, но мы хватили коньяку и

поэтому смеялись. Как ни странно, но именно на этом рядовом, ничем не примечательном концерте я ощутил на себе, почувствовал в себе необычайное свойство. Таилось ли оно во мне всегда, а здесь только в силу неизвестных мне причин проявилось, то ли возникло внезапно, судить не берусь, ибо не знаю и гадать не собираюсь. Могу достоверно сказать лишь о своих ощущениях, за достоверность которых ручаюсь.

Во время исполнения шуточной итальянской песни в сопровождении двух гитар я внезапно ощутил нечто необычное, мягко скажем, странное. Вначале неопределённое, просто не так и всё. Вот сидел, с удовольствием смотрел на сцену, слушал, мне было весело — и вдруг некое изменение. Далее я стану излагать, не упуская малейшей детали, малейшего нюанса, только факты, чтобы своими суждениями не искажать того, что было.

Мне стало грустно, защемило сердце. Музыканты вдруг переменились. Они теперь выглядели жалкими и неумелыми, да что там, нелепыми.

Тенор нелепо разевал рот, презрительно сощурив глаза на публику, больше того, большой палец его правой руки четко просунут между средним и указательным в виде кукиша, недвусмысленно направленного прямо в меня.

Барабанщик, не переставая греметь инструментом, курил, плевал на пол и успевал между делом растереть каблуком окурок.

Гитаристы, отбросив в сторону гитары, которые непостижимым образом продолжали бренчать, дрались подобно диким животным.

Певица капризно выпячивала губки и посылала воздушный поцелуй дирижеру, а между тем я явственно слышал, правда, будто издалека, её голос, вторивший тенору.

Я скосил глаза на Циппи и убедился, что она выглядит совершенно обычной: взгляд на сцену, ничто в ней не выражает недоумение или иное непонятие.

А во мне тревога и тоска. От весёлости не осталось и следа.

Я закрыл глаза и сидел таким образом несколько минут, чтобы сохранить соображение. Когда же открыл их, то обнаружил, что концерт продолжается, как и прежде, весело и непринуждённо. Гитаристы обменивались улыбками, барабанщик виртуозно истязал свои барабаны, бубны и литавры, а певица, восторженно глядя в зал, чарующе пела.

Голова моя пошла кругом.

Первое и, на мой взгляд в этот момент, верное предположение заключалось в том, что второй бокал коньяку в буфете был лишним.

Однако по размышлении всё же отклонил эту простую, но маловероятную версию. Во-первых, второй бокал это не такая доза, чтобы вывести меня из соображения, а во-вторых, возможно и иное объяснение.

Вероятно, мне удалось — впрочем, это вовсе не то слово, от меня-то ничего не зависело — каким-то образом расчленить совокупность движений на частные, разглядывать их по отдельности, как в микроскоп. У меня проявилось свойство наблюдать истинную картину чаяний и взаимоотношений людей, и это не всё. Оказалось, это позволило мне совершенно непостижимым образом менять частоту событий, то есть, ощущать различную скорость течения времени, время ускоренное и время замедленное.

Вначале после такого предположения объяснения я был в эйфории. Вот это да! Какое потрясающее свойство во мне!

Увы, вскоре я осознал, какая страшная способность снизошла на меня. Видеть возникающие картины невмоготу человеческому разуму, привыкшему к известному течению жизни; человеку лучше не видеть того, что уходит за рамки привычного, но реально существует. И самое скверное: все эти чудеса проявляли себя вне зависимости от моей воли.

Какая сила здесь их задействовала?!

Это поистине страшное свойство, как понял я, могло стать моим проклятием и сделало бы мою жизнь ужасной. К счастью, ничего подобного со мной больше не происходило. Так сказать, единичный случай.

А в ту минуту я сидел в тревожном ожидании, когда оно снова войдёт в меня, а воспрепятствовать я не волен. Наша память работает, как фотобумага: всё или ничего! Вспомнишь малюсенький кусочек чего-то… и пошла цепная реакция, и вся картина события налицо. «Как мне жить дальше?» — в отчаянии думал я.

Ну ладно, Ке, это я для сравнения, чтобы ты лучше понял мои теперешние ощущения, к рассказу о которых я дальше и возвращаюсь.

Так вот, вначале этакое сильное помутнение в голове от всего, что произошло до моего пробуждения. То есть, я просто обалдел, в смысле, плохо соображал. Постепенно это неприятное состояние прошло, сознание прояснилось. Или я привык к нему.

Однако, дальше стало еще хуже, но уже по-другому. У меня появилось сомнение в реальности моей жизни. Ты представляешь, Ке, сомнение в реальности! Как это может быть? Очень странное состояние. С одной стороны, моя реальность, мир моей жизни вроде бы

оставался прежним, то есть, вроде бы всё вокруг как есть, как было. Привычно. Как и до моей этой всей истории. Люди, предметы — всё обыкновенное, это натурально мой мир, Яши Циперовича, но… и что-то не то. Это сильно меня тревожило, царапало.

То есть, вроде бы, я нисколько не сомневался, что это мой прежний мир, в котором я рождён, но вместе с тем решительно перестал понимать поведение людей этого своего мира, которое ранее казалось мне обычным, естественным, то есть, нормальным.

Я будто попал в чужой и решительно не мой мир. Что же это стало со мной?

Или с миром?

Я, однако, сообразил, что вот это моё отчуждение бросалось в глаза, задевало, не постоянно, но только когда я встречался с людьми.

Именно тогда у меня и возникало некое недоумение, непонимание происходящего. По моему новому, внезапно возникшему пониманию, Ке, я еще раз скажу — внезапно возникшему, раньше я этого не замечал, поведение людей стало решительно несуразным, противоестественным и даже, как я убедился в дальнейшем, губительным для человека.

Поведение, в котором меня поразило явственное неуважение к человеку, где, о ужас, в порядке вещей врать, делать гадости, воровать, унижать, даже убивать человека и ощущать еще при этом торжество отымания чужой жизни. Когда люди словно не хотят, чтобы их мир стал лучше, добрее, а их жизнь стала увереннее и долговечнее.

Вместо этого они заняты бесконечными губительными для них, отвратительными разборками между собой.

Понимаю, чтобы были добрые отношения людей, необходимо проявлять бережность, уважительность при общении с человеком, с пониманием его. Нужна, как воздух, культура добрых отношений. От неё, как из источника, идут и сами добрые отношения. А культура, уважительность идёт от каждого человека, но прежде всего из семьи. Здесь в человеке с младенчества возникает культура добрых отношений, это если она есть в семье. Или она не возникает, если в семье её нет, что, увы, не редкость. Однако, человек живёт не только в семье.

Его окружают люди, множество разных людей, на него обрушивается телевидение, газеты, театры, улица, притоны и прочее, невозможно перечислить всего, что обрушивается на человека и давит на него, навязывает ему свою культуру поведения. В данном случае вернее сказать — вид культуры. Даже самая благоприятная культура из семьи может не выдержать этого напора извне.

А в нашем обществе нет или почти нет даже тренда к культуре взаимно щадящих отношений.

Эти бесконечные бессмысленные ток-шоу — сплошное орово и оскорбления. Чуть что, рубим с плеча — вот ты такой, неправильно делаешь — вместо того, чтобы понять. То есть, увы, налицо тренд на подмену нормальных отношений, и притом в скверную сторону.

Нет у людей понимания необходимости, а отсюда и способности, ощущать то, что ощущает человек, с которым ты общаешься, то есть, сочувствия. Скорее, здесь больше чёрствости.

Уместно вспомнить известный издревле принцип наказания — око за око, зуб за зуб. Суть которого заключается в том, что злодей должен реально ощутить на себе страдания жертвы, которые он причинил ей, ее мучения и боль. То есть, если мучитель в душе своей не ощущает этого, то пусть ощутит в виде наказания.

В этом, пусть в грубой форме, но глубокая справедливость. Совершивший зло, причинивший человеку страдания, боль должен в виде наказания ощутить всё это сам. Это великая справедливость.

Только таким образом злодей может задуматься над своим поведением. Только таким!

От пляски дикаря над убитом врагом, от торжества пожирания чужой жизни, от черствости, от отсутствия сочувствия — к сочувствию, реальному ощущению страданий и боли человека, к принятию её на себя.

Иначе у него возникает иное ощущение, полное отторжение сочувствия и торжество победителя.

Видишь, Ке, какой хаос в человеческих отношениях.

Дорогой Ке, я хочу, чтобы ты понял, что такое понимание поведения людей случилось у меня не в результате трезвого спокойного размышления, нет, но исключительно по моим ощущениям.

Я ощутил это.

Именно, единственно ощущением я переставал воспринимать этот мир поведения людей как свой.

Боюсь, я излагаю своё видение путано, но скажу честно, я растерялся.

Однако, прости, я продолжу в следующем письме.

Бобруйск, 29 июня 2006 г.

Дорогой Ке.

Вместе с тем, несомненно и то, что мне суждено жить в этом ставшем странным и неудобным для меня мире. Другого мира у меня нет,

так же, как и великий и всемогущий инстинкт жизни из меня никуда не делся, не исчез.

Естественно, я мучительно размышлял, каким образом мне теперь жить в этом новом для меня мире с его ощущениями без ущерба для себя. Как мне себя вести, чтобы существовать в этом неудобном мире?

Некоторое время у меня это не получалось. Я был близок к отчаянию.

Но ведь как-то надо, но как? Следовало как-то приспособиться к каждой конкретной жизненной ситуации. То есть, жить, как требуют правила и обычаи этого почти чужого для меня мира, не вызывая препятствия и тем более вреда от людей.

А тут еще напасть, с этой моей потерей способности врать.

Хоть убей, я перестал понимать, зачем люди на каждом шагу врут. Что плохого, думал я, в том, чтобы высказывать, как есть, правду, как понимает её сам человек. Понятно, правда такая обычно не идеальна, даже если она искренняя, без лукавства, без намеренного вранья. Но всё же.

Раньше такие мысли мне и в голову не приходили.

Поскольку в наше время без вранья, понятно, не прожить, а я фатально потерял эту полезную, а вернее сказать, необходимую для жизни способность, я стал обдумывать манеру, способ своего поведения, чтобы жить без способности врать.

Человеку не надо объяснять, что нередки, да какое там нередки, постоянны ситуации, когда без вранья не обойтись, когда без этого опасно.

Если не соврёшь, тебе станет плохо.

Вот ведь какие дела, дорогой Ке, врать не умею, а жить надо.

Первое время я то и дело терпел укоризны, а то и ущерб от людей. Вот, скажем, люди чувствуют опасность, когда встречают умного человека. Это ненормально, думают люди. Это опасно.

Аналогично, в моём неумении врать люди также видели опасность. Каждый, кто встречался, вначале смотрел на меня с симпатией, «надо же, какой хороший человек этот Яша, честный, не врёт», но тут же приходил в недоумение, больше того, ему становилось не по себе. Тягостно ему становилось от моей честности. Неприятно было на меня смотреть. Возникали тревожные вопросы.

А уж если я в разговоре уличал человека во лжи, он обрушивал на меня всяческие нелепости и обвинял меня самого в страшных грехах и пороках.

То есть, мне было жизненно необходимо продумать своё поведение таким образом, чтобы не вызывать на себя непонимание, недовольство, протесты и даже жестокость людей при общении.

И при этом нормально жить самому.

Я стал размышлять, а почему это я сам-то, собственно говоря, так негативно реагирую на поведение людей, в чем причина?

«Казалось бы, ну ладно, не умеешь врать сам, не ври, — рассуждал я, — но не мешай врать другим».

И я понял — это всё оттого же, от неумения врать.

В реалии получалось, что эта моя особенность привела не только к тому, что сам не мог соврать, но она изменила мою натуру, и эта изменившаяся моя натура стала сама активно протестовать против лжи людей.

То есть, моя натура теперь агрессивно не терпит ложь.

А врать по жизни необходимо. И общаться с людьми необходимо.

Что делать-то, Ке?

Мою честность, как истинная женщина, первая заметила Циппи и даже обрадовалась: «Как хорошо-то, мой Яшенька не врёт». Однако вскоре задумалась: «Есть плюсы, но есть и минусы». Она стала учить меня, как мне быть в такой немыслимой для нормальных людей опасной ситуации.

Женщины, они здесь способнее мужиков.

Автор

Ты заметил? Яша при всём им сказанном не утратил чувства юмора. Я имею в виду его беседу с шефом.

Ведь юмор, он как раз и состоит из смешных выражений, далёких от жизненной правды.

В юморе она, правда, завуалирована словами и ассоциациями, но в любом случае юмор не изрекает правду-матку.

Как же так?

Яша по юмору как бы врал, но протеста со стороны своей натуры не ощущал. Здесь было у Яши все в порядке.

Но в серьёзных отношениях с людьми врать не мог. Вот ведь чудеса.

Странник

Возможно, юмор при всей своей внешней легкомысленности всё же содержит в себе некую глубинную жизненную правду, запрятанную в этакие словесные смешные выкрутасы. Ну это я так.

Главное заключается в том, что Яша после своего пробуждения находится в состоянии человека, перенёсшего очень тяжелую болезнь, настолько тяжелую, что должен заново привыкать к здоровой жизни.

Автор

И еще, что он со своей изменившейся натурой должен каким-то образом войти в этот изменившийся для него мир.

Странник

Опять не то. Ты, автор, всё путаешься. Да не мир изменился, а Яша.

Автор

Но какая разница, что во что?

Не мир же должен войти в мир Яши?!

Странник

Хотя не мешало бы. Так было бы правильнее и полезнее для мира, ибо он, мир, по сути болен, а не Яша, как я сказал перед этим. Люди мира больны. И притом очень тяжелой, надеюсь, излечимой болезнью.

Автор

Что же это за болезнь?

Странник

Эгоизм, отсутствие истинного, прямого, без притворства сочувствия к человеку, жестокость, подлости, радость и торжество отымания у человека жизни, удовольствие мучить человека и… невозможно перечислить все признаки этой страшной болезни.

Автор

По сути, это, в общем-то, не болезнь, это суть человека при его переходе от животного к человеку.

Бобруйск, 7 июля 2006 г.

Дорогой Ке.

Поскольку я не способен врать физиологически, то когда понимал по ситуации, что без вранья никак не получится, то есть, жизненно необходимо соврать, я замолкал.

Это я вместо вранья.

Замолкая, я тем самым пережидал опасную ситуацию, надеясь, что потом, глядишь, всё образуется. И у меня это получилось.

Теперь во мне стали видеть просто молчаливого человека, и придирки ко мне прекратились.

Люди же не знали причину моего состояния.

Молчун — значит, человек такой, по своей природе. Мол, бывает.

И вот, удивительное дело, после того, как я решил проблему таким образом, первое время не мог вымолвить ни слова, а вообще замолчал, по той причине, что по жизни требовалось постоянно врать.

Автор

При этом Яша только печально смотрел, с этакой уникальной печалью человека, изгнанного с родины, и глубинной тоской по ней, по своей земле обетованной. Без метаний, воплей и стенания, агрессии и ожесточенности, а лишь с тихой печалью человека, умудрённого тысячелетиями, мудрой философической печалью.

А вот в беседах с Ке ему не пришлось молчать вместо опасного слова правды, как поступал он обычно. Молчал только, но иногда, с Циппи, но не из-за того, что опасался за себя, а не желая ей причинить боль своей правдой.

Странник

О том, что Яша еще и не спит, можно людям не объяснять. Никому и в голову не приходило, что этот человек вообще спит или не спит. Это ведь никому не мешает. Никто этого не видит.

Бобруйск, 16 июля 2006 г.

Дорогой Ке.

Чтобы ты лучше понял моё состояние, добавлю, что наряду с вышесказанным во мне всё еще сохранялся, пусть в ослабленном виде, не исчез полностью, не иссяк эффект от воздействия возмущения времени в точке X Атлантического океана. Не такой сильный, как первичный, но всё же ощутимый.

По этой причине во мне совершенно непредсказуемо, — но обычно это происходило, когда враньё вокруг меня зашкаливало — просыпался один из моих предков и как свидетель-очевидец рисовал мне те события в натуре, без вранья ученых людей, пишущих историю землян.

Какой тут сон, какое враньё, когда они наперебой нашептывают мне — вот что было, вот как было!

Ке, у меня двоякое отношение к этому моему дару, не знаю, как тут обозвать утерю моей способности врать. Что это, драгоценное зерно человека будущей эпохи без вранья или просто наказание для меня?

Сегодня-то как мне жить, сегодня? Я ведь не человек будущего, а просто Циперович, проживаю в прекрасном городе Бобруйске.

Как мне-то жить?!

И еще, эти предки заставляют меня размышлять о том, что происходит сегодня в наше непростое время на Земле среди людей.

Автор

Срабатывал инстинкт жизни, самосохранения. Предки Яши стремились прорваться через Яшу к жизни. Воспользовавшись всплеском в точке Х в океане.

Странник

Памятная связь с предками стала частью Яшиной натуры, изменила его сознание и поведение. Яшу время от времени опрокидывало в сны-обмороки, с красочной убийственной реальностью событий прошлого. Это, вероятно, одна из причин, по которой так и не восстановились его утраченные в первом веке способности спать и врать, так необходимые человеку в его жизни на планете Земля. Предки его своим свидетельством не давали ему это сделать.

Редчайший случай в истории Земли. Жизнь человека оказалась пронизана ощущениями его предков.

Такого раньше не было.

Автор

Да, дела.

Бобруйск, 22 июля 2006 г.

Дорогой Ке.

Перехожу к самому главному из того, что занимает, скажу больше, тревожит меня.

Известно, всякий человек к чему-то, какому-то делу имеет предназначение, и притом не своей воле, а изнутри. Не станем искать это «изнутри», всё равно не отыщем.

Это предназначение, рано или поздно, но неотвратимо станет себя проявлять, давить на человека, на его поведение, на его устремления, словом, понуждать его непременно заняться именно этим. Начинает требовать своего выхода, своего существования.

Так вот, дорогой мой Ке, сказанное напрямую относится ко мне.

Ты по своему предназначению совершил великое дело — возвратил людей на родину. Теперь своё предназначение ощутил в себе я.

Клянусь, я не придумал его сам себе. Оно возникло во мне решительно не по моей воле.

«Яша, встань на свою тропу», — сказано мне.

И теперь это во мне звучит настойчиво и постоянно.

«Встань на свою тропу, Яша. Не зря судьба послала тебя в Иерусалим первого столетия, не зря связала с Саулом».

Не столь важно, дорогой Ке, как это происходило. Важно другое, Саул своё устремление, когда он с немыслимым упорством шел в Дамаск для спасения людей, а по сути, в поисках верной тропы спасения, он это своё устремление как бы передал мне, Яше Циперовичу. Он передал мне свою великую любовь к людям и своё желание помочь им, помочь понять им причину их гибельного пути. Отыскать верную тропу спасения человека как вида на Земле. И это стало моим предназначением.

Вот оно, дорогой Ке, отныне моё предназначение. Отсюда теперь текут мои бесконечные размышления. Не уверен, что справлюсь. И тем не менее.

И вот я, Циперович, маленький человек, стал размышлять, и мысль эта не покидает меня — понять причину неустройств человека и нащупать верный путь к спасению.

Именно размышления, Ке, и никоим образом не истины в окончательном виде. Я ведь и сам не убеждён в истинности того, к чему я прихожу в своих размышлениях.

Автор

Свой совет спасения, годный на все времена, предложил людям Он. Но Он Логос, и Он сказал Своё Слово.

Теперь дело за человеком, а тот, как всегда, всё делает не то и не так.

Яша взялся за сверхзадачу, но уже в другой реальности и иных обстоятельствах.

На другом уровне понимания.

Странник

Именно, друг мой автор, «на другом уровне понимания». От спасения человека как такового от грехов до спасения землян как вида жизни на Земле. То есть, добавлю, задача эта не только сохранилась в

двадцатом веке в таком же востребованном виде, но приобрела значительно усложнённый и масштабный вид. Это вселенский инстинкт.

При этом следует иметь в виду, что тропа к спасению неразрывно связана с тропой выхода человека из его животного состояния. Скажем определённее, и спасение, и уход от животного — это один совместный путь.

Повторим ввиду принципиальной важности. Спасение человека как вида неразрывно связано с выходом человека из его животного состояния. Это квинтэссенция нашего размышления. Ни на секунду нельзя пренебрегать этим, забывать это. Иначе понимание проблемы тут же искажается, уходит с истинного пути, становится ложным, а значит, бесполезным, и, возможно, увы, пагубным.

Автор

Как ты думаешь, на каком отрезке этого тяжкого и трагического пути мы состоим, хотя бы ориентировочно, так сказать, прикидочно?

Странник

Это как мерить. Обычно мерят по успехам в прогрессе технологий. Отсюда, однако, получается некоторая, как бы чрезмерная оценка человеком себя. Дескать, ух какие мы всемогущие. К тому же, этот вариант ложный.

Применение этого критерия, если речь идёт о спасении человека как вида, не подходит. Не годится он для этого. Прежде всего по той причине, что этот «великий» прогресс является сам по себе одним из возможных вариантов причин гибели человека. Более того, он нередко уводит человека с нравственного спасительного пути.

Прогресс в технологии служит одинаково и добру, и злу, усиливая и то, и другое.

Так что, сам по себе прогресс не есть гарантия спасения, даже самый что ни на есть высокий уровень его.

Это сказано не для того, чтобы показать вредность, пагубность, ненужность прогресса, вовсе нет. Он неизбежен и чрезвычайно важен, и даже необходим. Но он напрочь не подходит для установления степени успеха на пути к спасению.

Сегодня главная проблема высокоразвитого в технологиях мира в несовмещении этого прогресса со вселенской безусловной нравственностью. Как можно, гей-парады… и прочее. Это же Содом и Гоморра.

Людям следует понять чрезвычайно важную для себя необходимость ввести в свою жизнь эту нравственную составляющую, даю-

щую крепость и ощущение верности выбранной тропы, укрепиться на этом надёжном фундаменте. Иначе тупик. Невозможно одним технологическим прогрессом, не ориентированным на вселенскую нравственность, дать человеку долголетие и сохранность как вида.

Сказанное это обязательное условие при определении уровня успеха человека на его великом многотрудном трагическом пути от животного к человеку. Или поражения — по причине его фатального нежелания отказаться или хотя бы умерить свои животные удовольствия.

Человек волен решать эту свою проблему.

Он свободен.

Автор

У эволюции свои способы помощи человеку в решении его проблем. Это страдания и катастрофы, которые как бы подталкивают его к выбору верного решения. Однако, неужто единственно страдания и катастрофы в состоянии привести его к такому пониманию?! Иначе никак? Понимания не возникает? То есть, непременно жареный петух должен клюнуть его в задницу, чтобы он понял, до него дошло, что гей-парады и прочие мерзости это неправильно, что это не тот путь?

Да, печально, но вроде без катастроф не получается нравственный прогресс человека, ибо сам он решительно не склонен жить с пониманием необходимости для себя восприятия сути Вселенской нравственности.

Заколдованный круг.

Как его разорвать?! Катастрофы — террор, экспансия беженцев в Европу, что еще? Результат бездуховной политики, безграничной, по сути безумной свободы личности и прав человека.

— • —

Рано утром на заснеженной поляне я глянул вверх на небо. Оно сильно закрыто белыми облаками, и виден лишь небольшой синий провал в космос. Люди очень плохо видят окружающий их мир. У них на глазах постоянно шоры. Редко кому удаётся подняться и вырваться из этого унизительного состояния. Из своего маленького мирка.

— • —

Странник

Без ощущения свой—чужой невозможно бороться со злом. То есть, этот инстинкт не только природный, как фактор выживания, но он согласуется с Заповедями, переходя в высшую категорию.

Зло выступает как чужой. Вот в чем суть. Это слово необходимо для разделения добра и зла. То есть, без указанного инстинкта в человеке рушатся устои. Природные и духовные. Все инстинкты — это инструмент эволюции для выживания, в том числе и свой—чужой. Это индикатор опасности. А сегодня в реалии отрицание понятия «чужой». Все свои, все хорошие. Даже террористов, убивающих человека, делят на плохих и хороших.

Автор

Зло в том числе?

Странник

Чувство меры — вот «золотое сечение» — правило, позволяющее человеку состоять в ладах со вселенской нравственностью, существовать в природном мире, балансировать в смеси добра и зла, и при этом не совершать последнего.

Итак, после вышеуказанного размышления возможно сказать, что единственный верный ориентир, мера продвижения — это нравственное состояние человека. Уровень взаимного сочувствия людей.

Исходя из указанного мерила-ориентира предположил бы, что находимся мы где-то всего лишь на первой трети пути. Впереди ах какой долгий путь! Молись только, чтобы он не был прерван от глупости и чёрствости человека, ядерной войны или еще чего подобного.

Автор

Что это, переходное промежуточное состояние от твёрдо установленного поведения пчелы к мыслящему человеку, как бы вольного в своих поступках? Или что еще?

Странник

Отстань, автор.

Автор

Ладно, отстану. Скажу только по-шекспировски. «О человек, откинь это явно преувеличенное представление о себе, как о высокоразвитом царе природы, своём значении в мире, смиренно займи своё место истинное, а не надуманное место в эволюции, смирись, что оно, это твоё место, мягко говоря, весьма скромное».

Бобруйск, 11 августа 2006 г.

Дорогой Ке.

Вчера ночью я лежал без сна в тяжких размышлениях.

Понимаешь, Ке, есть мысли и есть размышления. Это, оказывается, разные вещи.

Мысли это как бы рутинное рабочее состояние нашей головы, озабоченное добыванием хлеба насущного. Есть жизненные цели, разум готовит способы их достижения. Однако, сами цели вырабатывает не разум. Он их получает, как приказ, который надо выполнить, от великого инстинкта жизни. Какая тут предметная связь, мы не знаем, да это и не важно — «черный ящик» в который раз заменит нам ответ на этот естественный вопрос.

Разум немедленно начинает работать в указанном направлении, то есть, мыслить. Так по всем требованиям-целям. Добыть пищу, отразить опасность, изготовить оружие, подыскать или построить жилище, подыскать себе женщину и все остальное, необходимое для жизни человека и выращивания детей.

Это стадия мышления человека, унаследованная от животного.

Но человек может думать не только о быте. И это уже размышление.

Автор

Отчего люди не думают о мимолётности своей жизни? Вот я сижу на лавочке недалеко от психиатрической поликлиники. Мимо идут люди по своим делам, чего-то добиваются, чего-то просят, что-то создают, интригуют взаимно, хотят разбогатеть, и прочее, и прочее. Никто при этом не думает, зачем ему всё это? При мимолётности жизни.

Удивительное состояние разума! Это, несомненно, свойство людей, иначе они не смогли бы жить. Почему? Видимо, по той причине, что их разумом, их сознанием владеют инстинкты — инстинкт жизни требует, чтобы он, человек, жил. А раз так, то зачем ему думать о том, что жизнь мимолётна?!

Инстинкт продолжения своего рода, сохранения людей своей крови требует своё, и человек добивается того, что требуют инстинкты. Утвердить себя и своих близких. Мысли о мимолётности жизни вытеснены этими инстинктами из его сознания.

И тогда лишь, когда эти требования великих инстинктов им выполнены, он немало пожил сам, то есть, к старости, инстинкты притихли, вот тогда начнут размышлять… да и то далеко не все. Вот такие дела.

Вообще-то, можно сказать, человек и начинается с размышлений, когда вроде бы не требуется тотчас, немедленно, решать задачи своего жизнеобеспечения, и он вдруг начинает размышлять, проявлять, так сказать, заботу о своём и как бы, по сути, не своём будущем.

Таких людей-мыслителей не так много. Но они случаются. Они не вписываются в перечень государственных должностей или иных трудовых способностей человека, и власти их, скажем прямо, не очень-то жалуют. Однако, они не менее нужны этносу, а нередко очень нужны, когда ситуация не ясна, но реально опасна.

Всё это идёт от великого источника — инстинкта жизни. От простого — добывания пищи и продолжения себя в детях, до неукротимого и навязчивого желания продолжить эту бесценную жизнь свою и всех себе подобных в бесконечное будущее, в бесконечную загадочную даль этого будущего.

Откуда такое странное желание, ведь вроде лично для тебя, о человек, всё это будущее после твоего, лично твоего ухода, не имеет никакого значения. Ты-то его, этого будущего, не увидишь и не услышишь. На кой хрен тебе знать об этом, и тем более строить всяческие соображения об устройстве этого будущего? Ведь оно станет не твоё. Тебя-то там нет.

Надо полагать, что эти перспективные для человека цели также идут от инстинкта, так сказать, затребованы им, тут вроде даже и сомнений нет, но сформулированы они уже не желанием поесть, а разумом в его размышлениях.

Человек — вселенная, и внутри, в разуме его — вселенная, состоящая из множества миров, в которые он может входить и жить в них, в этих удивительных мирах. Миры эти разнообразны. Наш мир быта, природный мир — он понятен нам, мы дети этого природного мира, но надо же хотя бы иногда приподняться над ним, над его бытовой хренью, чтобы войти в мир пронзительного приближения к истине, хоть на время перейти на более высокий уровень познания.

В мир размышления, в пронзительное понимание того, что происходит вокруг тебя. Эта способность маленького крохотного человека перед потрясающей по мощи стихией космоса позволяет рассуждать о таких немыслимых вещах, как тайны мироздания, делает его, человека, великим, центром своей вселенной.

Но если это так, что человек — центр всего, то почему он сам не выражает своё ощущение в таком миропонимании? Отчего всё о человеке излагают без ощущения его центральности? А если и случается, то по мелочам. Почему не поставить человека, как это и должно, в

центр повествования с его ощущениями по всем вопросам жизни? Всё, о чем сегодня пишут, говорит, что не ощущает себя человек центром вселенной. Так что, возможно, придёт такое, но увы, лишь в необозримом будущем, мировоззренческое понимание, убеждение в центральности человека. И понимание при этом своей слабости и малости единственно перед Творцом.

Странник

Ну, автор, ты даёшь. На такие высоты встаёшь, с ума сойти.

Автор

Размышления — это удивительное и непредсказуемое разнообразие тем, спонтанно возникающих в человеке не оттого, что он их сознательно придумывает, захотел, так сказать, поразмышлять об этом. Вовсе нет. Возникают и всё. Откуда, для чего — решительно непонятно. Опять же, можно предполагать — от того же Великого инстинкта жизни, но весьма запутанно как-то, неопределённо, непонятными путями, и что характерно, независимо от самого человека.

Как же так, человек, владелец своей собственной головы, и вроде бы должен знать, что к чему в этом туманном деле. Так не знает. Выходит, что не от него.

Вот какие странные дела с этими размышлениями.

Получается, размышления — это особый, как бы независимый от самого человека мир разума, в котором последний проявляет себя самостоятельным, так сказать, суверенным существом.

Работает ли он при этом всегда на пользу человека?

Человек и держава

Бобруйск, 23 августа 2006 г.

Дорогой Ке.

Отчего происходят скверные отношения людей, в который раз без надежды получить ответ спросил я себя, но сегодня совершенно неожиданно меня тут же окунуло в такую полузакрытую область отношений, как человек и держава.

Ты знаешь, Ке, меня даже в дрожь бросило. Восторженную сладостную дрожь, торжество от предчувствия находки верного пути. Чувство сродни с тем, что ощущает охотник, а еще вернее, собака, увидевшая вдруг след добычи, то есть, цели своей.

Мне представились два мира отношений людей. Мир державы в державных соображениях и делах, и мир человека в помыслах, делах и ощущениях.

Нет, Ке, я не оговорился.

Увы, мир державы в отличие от мира человека действительно лишен способности ощущать. Держава, как понятие, это неодушевлённое существо — вид, каркас, инфраструктура, организационная форма, словом, форма устройства жизни этноса. Иное дело, выражает, проявляет себя держава через одушевлённых, живых, чувствующих людей, перешедших в процессе формирования власти из этноса и выражающих теперь интересы державы.

Да, у державы свои интересы и даже цели.

Хотя она состоит из живых людей, но сама как таковая уже не содержит в себе живого человека с его ощущениями, эмоциями и переживаниями. Мало того, самого человека, добровольно и даже с великой охотой вошедшего в неё для служения ей, она приспосабливает под себя, под свои нужды, цели. Поскольку, как уже сказано, держава сама ввиду своей неодушевлённости лишена человеческих переживаний, страданий, эмоций, то она при этом и человеку, теперь своему, передаёт своё это неодушевлённое свойство.

Люди этноса служат для державы единственно средством достижения её целей. Хотя держава не забывает говорить о благородстве своих целей и своей заботе о людях, это имеет место быть, и даже в огромном количестве, но эти разговоры формальны, ритуальны и лишены истинных человеческих ощущений и переживаний, страданий.

Сказанное лишь набросок отношения человека этноса и державы. В натуре отношения человека и державы немыслимо сложнее. Но в принципе так.

Образуется, таким образом, два вида человека — человек этноса и человек державы. Люди эти ничем физиологически не различаются. Однако, разница в их ощущениях разительна. Это различие в ощущениях и является причиной многих бед и неустройства мира землян, и оно имеет прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме спасения человека как вида.

Резюмируем сказанное. Итак, переходя в державу, человек становится исполнителем требований державы, как уже сказано, понятия неодушевлённого. И он, человек во власти, странным образом теряет при этом самое важное в жизни людей — способность ощущать сердцем страдания и горе человека этноса, то есть, сочувствовать ему.

Он теперь в этом новом своём качестве напрочь теряет способность думать о тех страданиях человека, просто одного реального живого человека, к которым приведёт его державное решение. Он поступает по понятиям неодушевлённого существа — державы. Он хладнокровно, бесчувственно выполняет её требования.

Автор

Отношения державы с человеком этноса сильно напомнили мне один рассказ Лема о планете, где люди, изуверившись в способности державы управлять во благо человека, поручили это дело роботу.

Тот принялся управлять и по своим понятиям стал делать из людей облицовочные плитки, которыми покрывали планету.

Для красоты.

Странник

Это из дневников Ионы Тихого.

Автор

«Возлюби ближнего, как себя», — сказал Он.

Веруя в это, добавляю от себя: ближайший шаг к такой любви — это сочувствие к страданиям другого. Ощущение сочувствия в человеке, как таковое, заложено в человеке как часть его, но оно изменчиво и из понятия «чужой — свой» нарастает в сторону своего.

Странник

Огромное сочувствие матери к своему ребёнку. Конечно, мать также физиологически не ощущает страданий или иных ощущений своего дитя, но через глубинные связи духовного свойства, несомненно, ощущает.

Автор

Сны-обмороки, опрокидывающие Яшу и уносящие его в прошлое, с ужасающей ясностью высветили ужас отношения человека и державы. Этот, казалось бы, единый мир как форма существования человека, то есть, мир державы и мир человека как такового, руками которого она в реальности решает свои дела, его счастья и радости, но и страданий, горя и смерти.

Я, маленький человек, великое творение вселенной, как паук сижу в своей засаде и холодным беспощадным взглядом смотрю на

державу, рассматриваю её, понимаю её величие и её ничтожество, думаю, что с ней произойдёт, что она еще успеет натворить с людьми этноса.

Об этих мирах, каждом в отдельности, не называя их, однако, мирами, сказано немало, но вот об их реальных отношениях между собой стараются не говорить, мало того, стараются скрыть эту тему от общества, ибо роль державы в отношениях с человеком бесконечно цинична и вероломна.

— • —

Далее по тексту для удобства чтения вместо «человек во власти» станет «держава».

— • —

Бобруйск, 6 сентября 2006 г.

Дорогой Ке.

Держава старается умалчивать о своих отношениях с человеком этноса, и если высказывается, то всячески старается эти отношения представить обществу исключительно в благостном виде с показом своей бесконечной заботы о человеке.

Державе хорошо, когда люди в плотном строю, в слитности с державой, в готовности к подвигу и даже своей гибели во благо державы, в состоянии державного самосознания, в причастности к величию державы и гордости за неё.

Но… и очевидное при этом их принижение себя как человека, утеря себя.

Всё живое подчиняется всеобщему закону самосохранения. Всякий раз приходится произносить эти слова.

То животное начало человека, от которого он желает уйти, также устремлено к самосохранению. Неудивительно, что оно не проходит мимо такой великолепной возможности сохраниться, как внедрение в державу.

Поэтому к потере сочувствия у человека державы, так сказать, еще более проясняя суть этого пагубного явления, присоединяется еще и то, что в державу пробираются люди, преследующие свои, мягко говоря, не самые нравственные, а напротив, алчные цели, а вовсе не для того, чтобы благостно служить обществу и людям, организуя их жизнь, заботясь о человеке этноса.

Такие люди не пропустят случая войти в державу, где они отлично смогут реализовать свою жажду власти, богатства и прочего.

Великолепная иллюстрация этого — чудовищное искажение смысла и сути понятия «элита». Исконно, элита, это лучшие в нравственной своей сути люди этноса, благожелательные к человеку, мудрые, умелые в делах добра для общества, думающие о благе человека сегодня и далеко вперёд.

Это изначально. Откуда это? Уж никак не из животного. Указанная благая тяга этих людей — элиты — несомненно, из их духовного начала, из духовной сути, пробивающей тропу, пусть тернистую, но упрямо к человеку. Она, эта духовная изначальная суть — единственное, что позволяет человеку удержать, сохранить свой путь ухода от животного. Она образует ощущение того, что нужно обществу для его процветания и долголетия, и соответственно формирует отношение общества к любым нюансам в жизни.

Понимая это, животное схватывает всё, что не противоречит этому общественному ощущению человека, что по душе ему, и животное говорит: «Это благое дело моих рук. Верьте мне, ибо я творю для общества, для человека».

Животное начало усмотрело суть и важную роль элиты в жизни общества и одновременно удобное ее положение для своих грязных дел, и оно, животное, сказало людям: элита это я.

И так везде, по всему спектру человеческой жизни.

Такое было бы вовсе скверным и губительным для общества, если бы не было в человеке неиссякаемого источника вышеуказанной духовной его сути.

Что бы ни совершало животное на этом своём циничном пути подмены понятий, всегда мудрые совестливые люди, разумеется, не все, громко скажут: «Нет, ты не элита, ты грязная жадная верхушка людей, шелупень, всякими путями пробравшаяся к власти».

Впрочем, не только элиту, но и всё великое, гуманное в обществе, всё стараются изгадить люди, исповедующие животную философию. Они не устают поглощать это спасительное хорошее и приспосабливать для себя. Все без исключения ростки спасительного для людей доброго отношения, как запрос общества, эти живущие по законам животного мира люди затирают в дерьме своих понятий о жизни.

Странно и прискорбно.

Сегодняшнее понимание элиты — это, увы, очевидный признак превосходства животного над человеком, этакая локальная, временная его победа.

Полагаю, человек со своей духовной основой, как всегда и раньше, преобладает. Впрочем…

Бобруйск, 14 сентября 2006 г.

Дорогой Ке.

Есть еще одна очень серьёзная причина такого пагубного отношения к человеку. Это устройство жизни этноса.

Что за нелепость, неужели нет иного, более разумного варианта существования? Варианта приличной системы управления делами этноса. Устройства жизни людей. Благого содружества державы и человека, более понимающего взаимно необходимости дел, но и боли человека. Существует в потенциале, но увы, без применения в жизни.

Подход в решении указанной проблемы, суть которого в следующем. При размышлении о всякого рода социальных делах, об устройстве общества, поведении человека и людей этноса необходимо вытаскивать из нагрудного внутреннего кармана сюртука шкалу важности предмета размышлений и задавать себе сакраментальный вопрос, а соответствует ли это исконной фундаментальной цели землян — выводу человека из его животного состояния? И убеждаться, что да, они соответствуют этому Вселенскому требованию, а значит, годятся для землян, или нет, они не соответствуют ему, а значит, должны быть с негодованием отброшены.

В мире огромное упование на демократию как на панацею от всяких бед этноса. Это иллюзия. Демократия ничего не решает в том смысле, что тревожит человека на пути к спасению. Она не отводит угрозу войн. Она не изменяет пагубного отношения державы и человека, она не показывает открыто, как это необходимо, боль и страдания человека, но напротив, также скрывает это. Она не способствует отходу от животного, напротив, способствует усилению безнравственного поведения человека. Уже сказано о связи отхода от животного со спасением. Поэтому и к спасению нет движения. Ради демократии, свободы и прав личности кровь лилась рекой в Ливии, Югославии, Сирии, Ираке, Вьетнаме и везде-везде.

Во власть при демократии идут люди по выбору народа — ну и что? Дальше-то они ведут себя так же, что и без демократии.

В этом рассуждении интересен предмет — «капиталистический способ производства и рыночная экономика», в которой мы живём, — в нынешнем виде соответствует вышеизложенному подходу?

Очевидно, что он дал и успешно продолжает создавать немыслимо гигантский прогресс в производстве всего, что необходимо человеку. Пищи, полезных предметов, услуг, условий безопасности проживания, фантастической возможности получения и передачи информа-

ции и… словом, всего-всего, о чём человек может только мечтать или сам еще не дорос до такой мечты, а ему дают.

Здесь вопроса нет.

Но по шкале ценностей он соответствует или не соответствует?

Здесь нет однозначного ответа.

Это устройство хозяйственной жизни людей в основе своей содержит принцип, полученный из животной жизни — «получение барыша», вместо желательного — соответствие цели человека, а именно — «уход от животного». Сама суть свободного рынка, предполагающая барыш и тем стимулирующая производство и создание всего вышесказанного, ставящая этот «барыш» фундаментом способа производства, неизбежно тормозит выход человека из его животного состояния.

То есть, главное здесь «барыш», а не выход из животного состояния.

Вот что мешает сказать определённо — да, соответствует, и все вопросы отпали бы.

Для обстоятельного показа отвратительных явлений сегодняшней жизни, имея в виду реальность вышеуказанной рыночной экономики, не хватит места не только в настоящей книге, но бумаги не хватит на Земле, чтобы обеспечить печатание книг по этой теме.

Однако, сказанное вовсе не означает, что нынешние структуры и способы ведения хозяйства на Земле плохи и тем более не пригодны для землян. Вовсе нет.

Просто показана суть этого.

Возможно ли поправить их с пользой?

Не знаю.

Автор

Существование и обрушение СССР нарисовали и продемонстрировали результат интереснейшего (и немыслимо трагического) эксперимента, попытку решить рассматриваемую нами проблему таким образом.

Начнём с того, что саму суть с самого начала и до конца загубили не ведающие что творили, скверные, безнравственные, невиданной жестокости и негодные для такого великого дела люди. А также непонимание того, что сама эта благородная идея утопична. Однако, вовсе не потому, что утопична по сути, а утопична из несвоевременности её осуществления. Эволюция не приемлет преждевременности, как идеи о единой религии, едином братстве в коммунизме, которые бродят в головах яйцеголовых. Она отвергает всё подобное.

Всё это, возможно, будет, но в своё время, по мере созревания, без скоропалительности. А у тех свербит в заднице — скорей-скорей, прямо тотчас, сейчас. А нужно в своё время.

Рано для такого дела, рано.

Странник

Рано, потому что человеку пока еще ближе способ создания благ для жизни через понятие «барыш». Он еще не достиг своего понимания, что возможно разумно, рачительно производить всё, что необходимо, без такого стихийного, основанного на инстинкте стимула.

Но с другой стороны, нельзя не видеть, что существующее мировое устройство хозяйственной жизни не просто отвращает человека от выхода его из животного состояния, но приближает к аннигиляции в ядерной войне, после которой проблема исчезает ввиду отсутствия предмета рассмотрения — человека как вида на Земле, землян как таковых.

Автор

Но всё-таки нельзя отбрасывать просто так.

Рано? Да, рано. Возможно, когда-нибудь возвратится, да, скорее, это даже станет неизбежным — возвратиться к этому. В новом понимании, условиях, в новом человеке.

Наступит время, когда человеку следует подумать над идеей, ранее отброшенной ввиду её утопичности, но утопичной по несвоевременности и, возможно, в каком-то ином виде, но, главное, дающей шанс людям избавиться от пагубности дикой рыночной экономики и перейти на более разумное, полезное и безопасное ведение хозяйства. И не забыть, чтобы оно соответствовало фундаментальной цели человека — выходу его из животного состояния.

Шкала ценностей из кармана сюртука…

Странник

Что ты про СССР, мало об этом сказано? Непонятно, что утопия?

Автор

Это-то понятно, но мы с тобой размышляем о будущем! Мечтаем о будущем!

Сегодня да, другого способа кормиться человеку нет. Все сыты, голодных бунтов нет, но вот остальные гадости, типа войн, не только не ушли, усугубляются. В этом способе надо думать — а что взамен!

Цена жизни

Бобруйск, 7 ноября 2006 г.

Дорогой Ке.

Я проследил изменение цены человеческой жизни во времени. От полного нуля до «не убий».

От цены её тысячи лет назад и теперь.

Цена человеческой жизни, разумеется, не в денежном эквиваленте, а в инстинкте жизни, в человеческом восприятии.

Спроси любого, первого встречного о цене человеческой жизни, и каждый или почти каждый ответит:

— Человеческая жизнь бесценна и неприкосновенна.

— А твоя лично?

— Бесценна.

В этом ответе и глубокая правда, и лицемерие.

Пойдём со своим опросом дальше.

Политик подтвердит вышеприведенную оценку, но добавит, однако, надо ведь и Родину защищать, и защита Родины — это обязанность.

Полководец ответит проще, без выкрутасов, с присущей воину прямотой:

— Голубчик, войн без потерь не бывает. Так что твой вопрос некорректен. Не по адресу. Какая там бесценность, если потери неизбежны.

Заметили, воин вообще ушел от темы смерти человека, привычно заменив её «потерями».

Человек может переживать за жизнь своей собаки, но быть равнодушным к смерти человека.

Вот и пошли нюансы в оценке человеческой жизни.

От великой цены, если речь идёт о родном, и до простого сочувствия со стороны, если о чужом.

Словом, смотря кто оценивает и чью жизнь оценивают.

Если по эпохам, то для Ассирийского царя, если не своя, цена ноль, для «Не убий» — бесценна.

Здесь синонимом цены — жалко, сочувствие, горе, катастрофа и иные ощущения.

Если говорить о тенденции, то медленно — губительно, прискорбно медленно — общество движется к пониманию и принятию «жизнь человека бесценна». Очень медленно, порою неуловимо. Ужасы отнимания у людей их жизни продолжают в обилии иметь место в жизни

землян. Притом их не становится меньше, а даже больше, ибо войны нескончаемы, а средства убивать совершенствуются в геометрической прогрессии.

Больше того, они достигли возможности убить всех землян чохом.

Степень оздоровления землян возможно устанавливать по истинной, подтверждённой человеческой практикой цене жизни. Это мощный показатель ухода от животного наряду с сочувствием.

Автор

Понимание цены жизни этносом — очень важный критерий уровня прогресса в этом вопросе. В этносе создаётся некое усреднённое, устоявшееся понимание цены, то есть, нормальное, когда иное отторгается обществом, считается неприличным, вызывает у людей внутреннее возражение.

Для Ассирийского царя такое понятие не имело никакого значения, он не брал это себе в голову. Это ему было по барабану. Он жаждал жить сам и для сохранения своего величия убивал других. Все дела. Он убивал в войнах всех и завещал потомкам для спасения власти также всех врагов убивать. Это было для него нормальным.

Иван Грозный вырезал всех мужчин в Казани — для него тоже нормально.

А вот далее — отмена смертной казни в Европе.

Высшая планка — «Не убий».

Так менялось отношение.

Однако, хаос в этом вопросе уму непостижимый.

Уже в наше время при всеобщем убеждении, что ужасно, когда люди гибнут, в реальности людей нещадно убивают. Как бы за свою страну, это как бы нормально.

Куда деваться-то?

Говорить при этом «жизнь бесценна» — бессмысленно.

Цинично.

То есть, врага убивать можно. Даже нужно.

«Папа, убей врага».

До появления у людей понятия «цена жизни», когда его не было как такового, всё было просто. Свой — чужой.

Свой — жалко, особенно если родня.

Чужой — можно и убить, что его жалеть-то. Он же чужой, может оказаться врагом. Прикончил его, и на душе спокойней. Какая цена его жизни, тьфу на него, нуль. Башку долой или на кол. Все дела.

Полководец, он оценивает жизнь врага как ценную?

Чем больше убьёт, тем лучше. Победа ближе. Да?

Да, вот так.

Странник

У Конан Дойля в «Затерянном мире» есть сильная сцена — дикари сбрасывают пленённых людей, не дикарей, с обрыва и с огромным интересом смотрят — попадёт ли человек на острые колья внизу. Если попадал, то они восторженно ревели в полном удовольствии, если нет, то жалели, что промахнулись. Следили, хорошо ли тело наколется, и когда это получалось, ревели в полном восторге.

Вот к такому исконному первобытному пониманию цены человеческой жизни земляне возвращаются вновь и вновь.

Автор

В великолепном фильме Роберто Бениньи «Жизнь прекрасна» меня поразила обыденность убийства. Солдат отвёл героя фильма за блок, расстрелял его и ушел, спокойно и деловито, как человек, выполнивший обычную нужную работу, вроде как бы вздохнув от трудов, для удобства закинул на спину автомат, которым он только что убил человека, убил человека! Облегченно вздохнув, деловито двинулся дальше.

Странник

А разве не та же обыденность убийства и равнодушие к жизни человека в таких делах, если возможно называть это делом, как кидание атомной бомбы на Японию?

Неизвестно нам с тобой, что ощущал пилот бомбардировщика, когда он нажал на спусковой крючок сброса ужасающего массового убийства.

Возможно, потом, по жизни, он и размышлял об этом своём поступке, но наверняка можно сказать, в указанный роковой момент такие мысли не занимали его голову. Его заботило лишь то, чтобы сделать всё правильно, не ошибиться в последовательности установленных инструкцией действий, чтобы бомба отделилась в нужный момент, чтобы скорость и высота полёта корабля были достаточными, чтобы уйти самому от воздействия ужасающего взрыва, не попасть под смертельную радиацию.

Самому!

Уверен, не было у него мыслей о тех живущих, пока еще живущих, людях, о человеке там, внизу, под самолётом-убийцей. Что с ними

произойдёт через секунды. Разум его не рисовал в себе картины обугленных людей, выжженные глаза детей, вселенский крик отчаяния от боли сотен тысяч людей одновременно. Трагический, натуральный, без театра, вселенского масштаба хор, издающий лишенный мелодии единодушный единственный крик боли и отчаяния.

Потом об этом немного писали. Так, кое-что и немного.

Ковровые бомбардировки Дрездена и других мест тогда и позже. Поливание селений Вьетнама вместе с вьетнамцами смертельным ядом. Если в Японии люди погибли сразу все вдруг, то от яда умирали долго и в страшных мучениях.

Сказанное ужасающе рельефно, оно выдаётся из ряда обычного.

Однако, это обычное, потому и обычное, что сопровождает жизнь людей повсеместно и непрерывно.

Люди не устают изобретать причины, по которым им можно убивать. В людях самое страшное — это обыденность убивать. Легко или трудно, он прощает в себе — это прерогатива нравственности, и тут необычайная решающая роль, несомненно, религии и веры. Если веры в человеке нет, то исключительно просто и легко он ищет и так же легко находит предлоги и в душе своей легко прощает себя.

Это и есть состояние обыденности.

Все дело в том, что он ищет предлог необходимости, оправдание убивать. Смягчает мораль своего поступка. Мораль самопрощения своих грехов.

Оказывается, сам человек прощает свои грехи. Это уже какая-то своя, внутренняя религия, если так можно назвать. То есть, ему всё позволено. Вот такая религия.

Он всё, остальные ничто.

Бобруйск, 28 ноября 2006 г.

Дорогой Ке.

Самое страшное для человека в делах, творящихся на Земле, это войны, а они, увы, происходят с ужасающим постоянством.

И вот, потеряв свою человеческую способность к сочувствию и ощущению не своей боли, человек державы замахивается даже на то, чтобы инициировать войну, это несусветное злодейство, приносящее человеку, обычному нормальному человеку, чудовищные страдания и боль.

Он напрочь не берёт себе в голову подумать, а к чему приведёт это его решение воевать. Если же и подумает, то так, поверхностно, без

понимания, без сочувствия. Или пусть и с некоторым пониманием, но вроде пребывая в уверенности, что эти пагубные последствия его лично самого не коснутся. Ну а других людей — не страшно, «не меня же», подумает он.

Создаётся впечатление, почти уверенность, что человек державы, когда организует войну или иное столь же опасное для жизни людей событие, не ведает, что творит. Следуя необходимости сохранения этноса, он обязан или во всяком случае вынужден решиться на это событие, он как бы для того и решает дела державы, чтобы сохранять свой этнос.

То есть, в этом смысле он как бы ведает, что творит, но повторимся, уточняя, он не ведает, что творит по отношению к человеку.

Получается, ради сохранения державы не надо жалеть человека.

Вот он, этот узловой, тщательно скрываемый принцип державы.

То есть, жалеть-то как бы надо, но не получается, дескать, есть дела поважнее.

Подспудно человек державы безусловно понимает, особенно выступая с трибуны оратора, что надо жалеть человека. Он сам-то ведь тоже человек, но когда он выполняет обязанности по сохранению державы, он уже не думает о жалости. Нет для этого второстепенного дела у него времени.

Жалость у него исчезает. Вот ведь беда-то какая.

Война — это сокрушительная победа животного в человеке и, хотелось бы думать, временное поражение духовной сути в нём.

В войне на своём пути от животного люди обрушиваются на самое дно. То есть, снова туда, в животный мир, и путь к человеку как бы начинается сызнова. Пропадают добытые, приобретённые с таким трудом, мучительно взращенные, малые ростки добрых отношений людей, понимания бесценности человеческой жизни, укрепления взаимного сочувствия.

Всё это уходит прахом.

И напротив, возвращается и овладевает человеком, как основа, принцип взаимоотношений, понятие «свой—чужой», жажда убивать и наслаждаться при этом ощущением отымания, теперь снова чужой, человеческой жизни и… многое, многое другое, от чего так хотелось человеку избавиться.

Сила привычки и к убийствам тоже.

Сказано: «Не убий». Всё, в этом весь смысл.

Все сегодняшние отклонения от «не убий» из-за того, что люди и этносы не научились жить в мире. Этносы продолжают борьбу за

существование, принятую в животном мире. Отсюда и войны. Однако, когда-то с этим надо прекращать.

Здесь речь не идёт о бедах человека от природных, независимых от него причинах, болезней, землетрясений, метеоритов и прочего в этом ряду. Нет, эти беды сами собой. Здесь же речь о бедах от самого человека. От его поведения. Захоти он сам, так бед и не было бы. Так не хочет.

Или не умеет?

Война — это страшное явление, творимое исключительно человеком, рукотворное, так сказать. Уточняем, творимое людьми державы. Служить державе, однако, можно по-всякому. Сегодня это служение через войны.

Пожалуй, единственная причина, которая оправдывала бы войну, это реальная угроза жизни этноса. Но такое бывает редко. Обычно же войны происходят от неумения державы мирно решать межэтнические проблемы, маниакальной жажды власти как таковой, желания приобрести чужое, то есть, ограбить некий этнос, отсутствия сочувствия к человеку…

Всё здесь перемешалось.

Важно понять главное — не люди этноса затевают войну, ибо для них это неизменно горе и страдания. Войну всегда затевает держава. В своих междержавных делах.

Человек этноса через сочувствие, через инстинкт жизни, через свою духовную суть, заложенную при его сотворении, через веру, не склонен убивать человека.

Держава, понимая это, начинает усердно всеми своими ресурсами приучать человека убивать и еще тщательно скрывать от него, на какие страдания он обречен. При самой гнусной причине затеянной ею войны, она, держава, говорит человеку этноса — это защита родины.

Держава настраивает человека на войну и ненависть к врагу. Печатает плакаты — «Папа, убей врага. Папа, ты убил врага?» Подключает к этому живопись, музыку, литературу, средства информации. Всё работает на войну. Мать укачивает дитя и поёт колыбельную: «Убей врага! Подрастешь, отомсти за отца!» «Убей врага!» — кричат плакаты и картины. «Убей его», — звучит в песнях, спектаклях, фильмах, романах.

Всё общество загнано в безумие убивать человека-врага.

Она, держава, через войну высвобождает в человеке его животные позывы. Человек таким образом возвращается к тому, от чего его

духовная суть настаивает отойти. От животного. При этом, сознавая отвратительность своих дел и гибельность для себя как их последствие, держава опять же с помощью всего своего набора средств закрывает доступ людей этноса к показу страданий и горя человека, сотворённых ею.

Я не осуждаю державу, хотя вижу все ужасы, творимые ею против человека.

Просто, мы сегодня на таком уровне своего пути от животного.

От державы трудно требовать, чтобы все её дела были нравственны и милосердны.

На войне, пока их не убили, привыкают убивать. Они к одному лишь не могут привыкнуть — что их самих убьют. Власть вгоняет людей в такое состояние духа, разума, чтобы не было и мыслей сопротивляться, когда их гонят на войну, чтобы они без ропота выполняли приказы.

Последствия такой ситуации трагичны, ибо то, что в натуре происходит на войне с человеком, это решительно невозможное дело.

Он в этом своём служении напрочь не думает и не представляет, что пережил, нет, не пережил, а ощутил танкист, когда он горел, как факел, в своём танке. Покинуть танк он не мог, ибо был ранен, а люк танка заклинило.

Разум человека кинулся искать спасения. Чудовищная боль тревожно сигнализировала ему об опасности для жизни.

— Принимай меры, — кричала боль. И без того непереносимая, она становилась еще сильнее, и у самого края жизни стала запредельной. Это уже был океан боли. Разум человека отключился за ненадобностью. Человек на эту боль отзывался уже не криком, а взрывом отчаяния, ужаса. Всё в нём кричало, рвалось: «Я не хочу уходить», вырывалось из его теряемых остатков сознания.

Горела и трещала кожа. Глаза, его добрые синие глаза красивого молодого человека, от страшного жара надулись в огне, треснули и зашипели, истекли жидкостью. Их выбросило из орбит. Руки корчились сухожилиями.

А он еще не потерял сознания и всю эту чудовищную боль ощущал…

Затем всё живое в нём померкло, он ушел в вечность. Наступил покой бесчувствия, и это стало уже благом для него, ибо повторить ощущение пережитого было не только нельзя, но никоим образом не нужно.

Что угодно, но не это.

Только уход убрал его мучения. Уход как милосердное избавление.

Разве возможно показать это в подробностях родившей его матери?

В своей книге ты, Ке, передал своё потрясение, когда увидел в сгоревшем танке желтый кусок, похожий на пластилин, весом около полутора килограммов, то есть, всё, что осталось от человека. От живого человека!

Человек державы не думает, что ощутил раненый лётчик, падающий вместе с подбитым пылающим аэропланом, пока не грохнулся об землю.

Пехотинец, лежа зимой в болоте с разорванным животом, из которого вывалились на землю его кишки, а он инстинктивно, в отчаянии, не желая уходить, запихивал их вместе с грязью обратно, на место, в себя.

Солдат, совсем еще мальчик, спящий в окопе ночью, за мгновение до того, как подползший разведчик врага полоснет его по горлу ножом, а он успеет лишь не по-человечески, а как-то по-заячьи отчаянно закричать, и всё, захлебнуться в хлынувшей своей крови.

Это можно показать родившим их матерям?

У этих забиваемых на войне людей один идущий из глубинной сути человека, его жизни, крик — «мама!», крик за помощью к существу, породившему его и единственно к кому он может теперь, мучаясь и уходя, кричать о помощи.

— Мама, спаси. Ты дала мне жизнь. Дай еще раз и теперь. Спаси меня.

В этом последнем крике, пока еще у человека теплится сознание, вся суть его жизни, пронзительного понимания единственно важного для него.

Жить!

Господи, да ведь на войне убивают совершенно молодых людей, не успевших быть с женщиной, иметь дитя.

Как же это можно?!

Да ты, держава, принимающая роковое решение о войне, ты извлекла из бокового кармана сюртука шкалу ценностей жизни, сопоставила цену жизни человека, молодого человека, и цену порою мелочных, плёвых соображений политиков, которые кидают своих людей в войну от неумелости своей решить проблемы этноса мирным путём?

Это твоё дело, держава, находить золотую середину между страданием человека как такового и сохранением державы по возможности без войны.

Однако, для тебя проще воевать. Ну как это?

Автор

Для державы всё неудачное — ошибка, которую она может не признавать, как обычно, а может и признать, но не покаяться, в любом варианте для неё это лишь ошибка. Была необходимость, и все дела. Всё для «родины».

Иное дело для человека. Если держава на эту тему рассуждает, то для человека эта её ошибка означает — жизнь или смерть.

Это одинаково?

Странник

При изложении ужасов недопустимо, однако, переходить грань между реальным показом, что есть, как ты сам видишь, и способностью человека выдержать это. Станет нетерпимо для людей. То есть, где надо показать, но грань не переходить, особенно там, где спрятано ложью человека, но показывать, если это скрыто ложью державы.

Миллионы цветущих, еще молодых женщин-матерей, получивших короткое, как удар кинжала в сердце, сообщение — «ваш сын погиб смертью храбрых в боях за родину», или они через слухи узнают, что дочь их угнана в страну врага как рабыня, мгновенно превращаются в дряхлых старух или сходят с ума и сохраняют жизнь единственно из надежды — здесь ошибка и дети её еще живы.

Автор

Я был на одном острове, на северной окраине страны, куда доступ людям строго запрещен, всякое упоминание о нём запрещено и скрыто за грифом «Совершенно секретно», и нарушение этого запрета строго наказуемо.

Теперь, за давностью лет, ничего этого там нет. Всё кануло в вечность, но это было!

Пансионат для воинов с особо тяжелыми увечьями, на которые человеку смотреть нельзя, ибо подтолкнёт его к самоубийству или подвигнет к свержению власти. Здесь люди без рук и без ног, и при этом слепые, и не просто слепые по болезни или от рождения, а с выбитыми на войне глазами.

Не знаю, зачем их сохраняли, не знаю, но только после посещения этого ужасного места я долго не мог понять, кто я, зачем живу, в каком мире я живу и можно ли жить вообще.

Как такого сына показать матери?!

Странник

После войн остаются, как после древних побоищ, изуродованные сгустки энергии страданий и мук человека, энергии отчаянных криков уходящих из жизни молодых людей, энергии потоков крови солдат, боли танкиста, горящего в танке, энергии взаимной злобы сражающихся воинов, а на родине ушедших воинов — энергии горя обезумевших матерей.

Солдаты, уцелевшие в войне, пропитанные кровью и убийствами, невольно приносят в мирный быт эти свои приобретённые понятия войны.

Автор

Служил я в одном НИИ. Там в отделе кадров работал интересный человек, не помню фамилии. Он фронтовик, воевал в разведке полка. Брал языков. Мужик высокий, крупный, костистый, хваткий и очень сильный. Глядя на него, невольно подумаешь — «попади в его лапы, кранты. Пикнуть не даст. Сила недюжинная, и главное — хватка. Заломает». Брал языка, солдата, но лучше офицера — больше информации даст.

Так вот, он рассказывал, знаете, с видимым удовольствием, как он душил человека, сворачивал ему голову, словом, ломал умело и безжалостно, как курицу. Мне даже жутко становилось слушать его. А он с гордостью об этом, как о достоинствах своих.

Робот, идеальный убийца. Вот такое, понимаешь, наследие войны. А ведь в мирной жизни он работал учителем литературы.

После войн метастазы — всплеск бытового насилия. Жестокость и воровство.

Странник

Человечество вроде бы идёт к отказу от этого страшного губительного зла — войны, но через нечеловеческие страдания и гибель людей. Трагическое доказательство отрицательного опыта через войны, чтобы отказаться от них.

Иначе не получается.

Надо пройти через муки ада, вот тогда, может быть…

Бобруйск, 15 декабря 2006 г.

Дорогой Ке.

Сам человек, не желая признать свою роль жертвы, подыгрывает этой лжи. Если бы не эта ложь, он не смог бы жить, не выдержал, подвинулся умом.

Да и в самом деле, державные проблемы решать надо? Вроде надо.

Все эти бытовые и прочие условности, все эти общественные и державные условности, все они железной хваткой придавили разум человека, не дают ему оглядеться, понять происходящее, кто есть кто, что есть что. Не дают.

Боже мой! Что творится с человеком? Неужели такое состояние необходимо для его выживания? Неужели невозможно иное разумное состояние? Во что его вогнали?

Или он сам себя вогнал?

Автор

В этой совместности державы и человека, принижении его, человека, во благо державы, единственно для человека в этой ситуации обращение и получение защиты от Него. Человек барахтается в попытках сохраниться, высшая защита — от Него. Не от державы, та использует человека в своих целях также вроде для его же сохранения и, не жалея, творит всякие с ним ужасы. Только с Ним. Он с каждым человеком в отдельности. Он, а не держава.

Без державы нельзя. Плохая она или хорошая, она адекватна человеку, ибо состоит из людей. Без неё совсем плохо — власть толпы и аннигиляция.

Кранты человеку.

Здесь главное понять место человека. Понять, что Он создал человека прежде всего остального. Человека первого, а не державу. Её тогда и в помине не было. Это уж дальше в свободе, дарованной человеку, тот образовал державу, чтобы сохраниться. Зачатком державы был отец семейства.

И всё же, возвращаясь к нашей грустной теме, достав из кармана сюртука шкалу ценностей, истина, правда-матка не в проблемах державы, а в ужасе, муках и горе человека.

Странник

Но есть одно очень важное обстоятельство относительно войны.

В воюющих сторонах следует различать агрессора и обороняющуюся сторону. Это не всегда. Бывает, когда сталкиваются в войне два зверя, любителя повоевать, и тогда годится всё вышесказанное.

Здесь рассмотрим допущение, что есть агрессор и есть обороняющаяся сторона. В этом случае всё вышесказанное относится, естественно, к агрессору. Однако, колоссальная трагедия заключается в

том, что держава с благим управлением вынуждена, дабы сохранить свой этнос от уничтожения, использовать, применять все те же средства войны, что и агрессор.

Встать на тот же ужасный путь.

Иначе кранты.

Всё то же: учить убивать и скрывать страдания и прочее. Другое дело, что патриотизм в этом случае станет благим, то есть, ради спасения родины. Но страшная суть войны-то останется. Вот в чем трагедия и ужас. Обороняющаяся сторона также упадёт на дно пути от животного.

То есть, зло тащит, вовлекает во зло всё, что попадается ему на пути.

Сокрытие страданий

Бобруйск, 23 января 2007 г.

Дорогой Ке.

Мир державы открыт для показа своих дел исключительно с благой для человека стороны. Вот с такой оговоркой, он как бы открыт. Позволительно лишь добавить, открыт неглубоко и без показа своих специфичных секретов. Да ладно, с этими специфическими секретами. Нас они не интересуют. Мир счастливых ощущений человека также широко показан обществу, с разъяснением, что счастье даёт ему умелое правление державы. Личные ощущения человека — это огромный мир счастья, но и огромной скорби и страдания. Это зависит от того, в какие обстоятельства тот попадает.

А вот мир человека, его страданий, горя, его ощущений, в которые ввергла его держава для решения своих проблем, закрыт грифом «табу». Та информация, которую доносит до общества держава об ощущениях человека, не имеет ничего общего с тем, что на самом деле ощущает и переживает лично сам человек как таковой. Ничего общего.

Он, этот мир страданий человека в войне, запрещён к показу, он вне закона.

Табу.

Человек державы закрывает глаза, чтобы не видеть боль человека этноса.

Но если бы он увидел это всё, к чему привело его решение, почувствовал во всей трагической красе, как он себя повёл бы, проснулось

ли бы в нём раскаяние? Настаивал бы сохранить табу или согласился бы, чтобы вся эта мерзкая система рухнула к хренам? И увидев это страшное зрелище, неужели человек державы решился бы на войну? На то, что с этим мальчиком произошло, а его мама увидела и сошла с ума.

Удивительно другое, сам человек этноса тоже не склонен держать в себе память о такой боли и страданиях людей, в общем-то, как бы, своей. Это общее нежелание людей знать, держать в памяти страдания человека от губительных решений державы — удивительное и где-то непонятное явление.

Это два мира человека. Мир его жизни, полный всякого, в том числе и вздора, бездумного отношения к последствиям своих поступков, и мир неизбежного страдания и ухода из-за безумия державы. И это мир бесчувствия человека к боли другого, не своей. Получается, нет такого сочувствия у людей, а больше притворства и лицемерия. Говорят-то все, что они сочувствуют, а на деле нет.

Человек-танкист горит в танке… горит по вине бесчувственного, бессовестного параноика во державе, запретившего показывать это своё злодейство народу. А человеку державы всё это ничего. Ведь исполняя интересы державы, он становится бесчувственным к человеку этноса. Он удалил из своего видения и ощущения боль и горе человека.

Более того, он ввёл «Табу», запрет показа обществу этой боли и этого страдания.

Обычный ход для любого преступника. Скрыть следы своего преступления.

Существующие законы любого государства устанавливают меру наказания уголовника, а тут война, преступление вселенского масштаба против человека… и «Табу».

Тщательное недопущение сочувственной связи между человеком державы и человеком этноса. То есть, между интересами, делами державы и страданиями человека этноса от этих интересов. Между делами одного и болью другого.

Вместо показа реальных страданий, мук, горя человека применяют примиряющие с этой гибелью и даже вдохновляющие на бой выражения. Погиб смертью героя. Пал смертью храбрых. Он совершил подвиг. Полк понёс потери, но не страдания, уход из жизни молодых, не успевших познать женщину и родить детей.

Держава решает за человека, для чего он должен лечь в землю. Она говорит за него — главное, это победа, и за ценой мы не постоим. То

есть, решения по делам державы принимает человек, лишенный сочувствия.

Мы — это кто?

Очень странное решение эволюции. Неужели она не могла придумать лучшего, не такого жестокого и циничного?

Все эти ужасы войны, которые и есть суть войны, держава тщательно пытается скрывать от людей, чтобы они не утратили своё стремление к жертвенности.

Держава всем своим мощным и изощрённым набором средств не допускает этот мир страданий к всеобщему открытому показу остальным людям общества. Чтобы народ не видел этого, не чувствовал и лучше вообще не знал о нём. Чтобы жил, как ему сказано державой, ибо иначе нельзя, это, видимо, так необходимо, ибо невозможно было бы существовать этому симбиозу человека и власти, зная это. Если мир страданий показать людям. Покажи, сколько миллионов еще молодых женщин-матерей, получив похоронку о гибели сына, сойдут с ума, мгновенно поседеют и превратятся в старух. Покажи в подробностях ощущения человека-танкиста в подбитой и горящей боевой машине, а он сам, раненый, выбраться из неё не может. Покажи, и всё современное общественное устройство рухнет.

Вот для чего эти страдания и горе человека для общества выражают словами, бесконечно далёкими от сути того, что ощущают люди в натуре. Вот для чего подменяют эту страшную суть на благородные для державы выражения.

Из этого вовсе не следует отрицание героики, отваги, всё это, несомненно, есть, и должно быть, когда родине грозит истинная опасность исчезновения. Тогда жертвы, увы, неизбежны, но это понятно. То есть, когда в жизни этноса возникают обстоятельства, и человек без искажения и понукания сам понимает: надо защитить родину.

Родной этнос.

Вот тут могут быть и истинные отвага, героизм и самопожертвование.

Истинный патриотизм — это не сплочение людей ради будущей такой же пирровой победы в войне, а посильное недопущение к власти очередного параноика, охочего устраивать войну.

Но он, такой патриотизм, державой не поощряется.

Истинный патриотизм — это сплочение людей этноса, внутренняя потребность человека ради сохранения, защиты родины. Патриотизм человека этноса и патриотизм по видению, желанию державы. Очевидно, разный получается патриотизм. Держава бесконечно уводит

людей этноса от понятий, исконных по патриотизму. Вводит свои понятия в интересах державы.

Тут не ложные понятия, а разные интересы.

Повторим, всё за человека решает держава. И причины, по которым она устраивает войну или не пытается её избежать, увы, не имеют связи с указанными выше обстоятельствами по защите родины.

И отвага, и героизм есть, но это на уровне отношения человека и державы, на приемлемом уровне для державы и приемлемом для человека.

Здесь нужна гармония отношений.

На поле отношений человека и державы. Ощущения и понимание происходящего на разных уровнях. На уровне державы, общественного восприятия, необходимостей для державы, но и на уровне человека, что в принципе должно быть определяющим! На этом уровне спасения родины!

Но такой уровень, увы, крайне редок.

Ах, как держава не хочет, чтобы этот уровень работал, как не хочет! Да еще при этом сверка по шкале необходимости и важности — для чего и для кого.

И всё же, возвращаясь к нашей грустной теме, достав из кармана сюртука шкалу ценностей, истина, правда-матка не в проблемах державы, а в ужасе, муках и горе человека.

Автор

По этой причине показ народу картин — таких, как изуродованные в войне люди на острове в помещении храма, как ощущение солдата, который сгорает в подбитом танке, горе впадающей в безумие матери, получившей похоронку о гибели сына, её ребёнка, которого она родила для счастливой жизни, — запрещен.

Да, человек страдает в войне, этого общего бездушного утверждения не скрыть, но народ не должен знать глубины этих страданий и горя в красках и подробностях, по сути.

Непонятно другое. Отчего держава сохраняла такие страшные свидетельства войны. Проще и надёжнее было бы прекратить мучение изуродованного войной солдата, но что-то мешало этому. Там ведь тоже люди, врачи тоже люди. Врачи делают своё дело, держа в себе данную себе клятву Гиппократа. Возможно, опасение своей ответственности — не знаю, но держали. Ответственность за эти обрубки, или у кого-то душа не позволяет?

Эти два мира, человек и держава, могут существовать при полном сокрытии вышеуказанной жуткой информации.

Таков жестокий лицемерный принцип существования общества в его сегодняшнем виде.

Державу можно не оправдать, но понять. Иначе она не сможет посылать людей на смерть, покажи им суть их гибели. Надо ведь сказать человеку слова, за что он должен принять смерть, но и показать, в каких муках он будет уходить.

И чтобы человек согласился не только на смерть, но и на немыслимые муки.

Странник

По сути, сказанное не что иное, как унижение человека.

Автор

Трагедия и безнадёга землян в том, что они сделали рывок в технологиях, не устранив раздоры.

Странник

Но человек и сам склонен не видеть и даже скрывать все эти ужасы, как бы помогая в этом властям. Природа, эволюция так устроила его, чтобы он меньше знал об ожидающих его ужасах. Иначе он жить не сможет, выполняя требования державы. Отсюда, нельзя всю вину перекладывать на державу.

Так устроено общество. Для эволюции главное, чтобы человек жил, хотя…

Автор

Когда журналист, писатель пишет о войне, бое на фронте, говорит о подбитом танке, то это всё. Дальше табу, красная линия, стена абсолютного запрета писать, всё!

Он даже и в мыслях не держит писать о том, что живые люди, танкисты, находятся в этой горящей боевой машине, они не могут покинуть танк, ибо взрывом заклинило люки. Они заперты в танке, они отчаянно пытаются открыть их, и они, танкисты, живые люди, которых ждут живыми родные, они сгорают в танке. Адское пламя их охватывает и жжёт.

Человек испытывает адскую, чудовищную боль и страдания. У человека от страшного жара лопаются глаза, синие, как у Вани Травина, красивые синие добрые глаза. А танкист еще в сознании. Кожа

покрывается от огня страшными волдырями и вспыхивает. Чернеет от жара.

Автор не пишет об этом, ибо об этом нельзя писать. Табу. И еще более невозможно было бы читать, напиши он об этом.

Он напишет об этой страшной реальности лишь, что наш танк подбит. Возможно, что погиб танкист, непременно смертью героя.

Вот всё, что напишет журналист, писатель. Всё.

Между тем, что «танк подбили» и нечеловеческими страданиями танкиста-человека при его гибели — незримая черта запретная, стена, непреодолимая для нормального человека. Нельзя об этом говорить людям.

Никто и не говорит.

Да и власть ни в коем разе не позволит.

Авторы стараются уход человека из жизни показывать в очень пристойном виде, не знаю, по каким они это соображениям, с благородными мыслями и заботами о государстве и прочее. Будто человеку это теперь в его последнем состоянии жутко нужно. А что я не успел еще сделать и прочее.

И напрочь не пишут о реальных ощущениях такого человека.

Автор

В истории известен случай, когда такую войну назвали священной. Да, человек в войне защищает свою родину, себя, своих близких. Но это защита, сопротивление злу, но никак не священная война. Человек в этом своём сопротивлении злу вынужден убивать людей, то есть, совершать такие же поступки, что и то зло, от которого человек защищается. Человек, защищая себя, неотвратимо падает на самое дно своего пути от животного к человеку. Этого так необходимого ему пути к спасению. И ему приходится начинать этот путь сначала.

Это равно, как назвать дьявола милосердным или обратиться к народу с лицемерными словами «братья и сёстры» после того, как сам по своему недомыслию вверг людей в величайшие страдания и смерть. В катастрофу начала войны.

Война — это величайшее зло, порождение дьявола. Как же возможно порождение дьявола назвать словом «священная»! То есть, в любом случае решительно неуместно слово «священная» применять к войне. Война и слово «священная» несовместимы!

Ибо Он не приемлет войны и допускает ее только на пути человека к спасению. Человека, который *свободен* в своих поступках.

Но Он не приемлет войны.

Энергии

Бобруйск, 16 февраля 2007 г.

Дорогой Ке.

Что мы знаем об этом явлении в жизни людей — энергии горя и страданий человека?

Все жизненные свойства человека обладают энергией или разрушения, или подавления, или познания, всё это через энергии. Всё исходящее из человека — зло, горе, муки, ощущение ужаса, боль — всё это энергии. Всякая действует по своему предназначению и своей природе.

Ощущение, эмоция, желание, возникающее в человеке, когда он совершает событие или хотя бы собирается совершить, когда он дарит цветы любимой женщине или сердит, напротив, весел, хочет помочь человеку в беде или испытывает неодолимую жажду прикончить его, испытывает муки и страдания или горе от потери близкого человека, завидует успеху другого или радуется за него, — невозможно перечислить все возможные ощущения человека, их море, всё это принимает вид энергии.

Энергии эти не исчезают. Наряду с информацией, энергии — самый стойкий, не поддающийся исчезновению продукт бытия.

Энергии разнообразны: всякому ощущению, желанию, эмоции соответствует своя энергия. Этот мир энергий невидим человеком, его нельзя ощутить руками, он нематериален.

Так вот, дорогой Ке, я его увидел, этот удивительный, нематериальный и таинственный мир энергий, он открылся мне.

Главная особенность его в том, что творит его сам человек своими помыслами и поступками. Все энергии, составляющие этот мир, сотворены человеком.

Чтобы хоть как-то разобраться в море вариантов энергий, необходимо их укрупнить, собрать в группы по нравственному содержанию. Это важно, ибо лишь такой подход даст понимание рассматриваемой нами проблемы.

В итоге получаем — энергию зла, энергию страданий, мук и горя, энергию добрых дел и помыслов. Это по-крупному.

Что особенно принципиально важно, повторимся, именно сам человек творец этого мира. А он сам и не подозревает о своей роли творца его или не желает признавать это. Однако, для пользы дела лучше было бы, если бы человек знал это.

Совершая зло, он обычно кричит: «Это не я. Это некое зло. Это не я». Человек не хочет признавать своё авторство. Он боится этого. Он

изнутри неким своим изначальным ощущением понимает, что это плохо. Плохо и всё.

Как назвать этот мир, к какому виду материи или над материей его отнести, я не знаю. Да это и не столь важно. Важно понять, что от его состояния зависит будущее человека. От соотношения накопленного количества вышеуказанных видов энергии и их направленности по сути, в смысле нравственности, осторожно назовём это так, в обществе зависит его состояние и крепость.

Согласись, что такие понятия ощущения человека, как стыд, любовь, ненависть, горе, муки, гордыня, злоба, жажда убийства и иные этого ряда составляют, тем не менее, реальный мир человека. Эта невидимая глазу и неосязаемая человеком реальность, тем не менее, является источником и двигателем его размышлений и поведения. Разумеется, вместе с такой фундаментальной сутью, как инстинкты самосохранения и продолжения своего рода, то есть, продолжения себя, которые, несомненно, формируют его стратегию. Это реальный мир человека.

И в этот огромный мир от человека уходит энергия, и она не пропадает бесследно, она скапливается. Скапливаются все без исключения виды её, творимые человеком. Не пропадает бесследно ни крошки её, всё сохраняется. В том числе и энергия зла, которая также не исчезает. Она пропитывает человека поколение за поколением, формирует натуру людей, склонных ко злу. И несть конца зла на Земле. Она накапливается и никуда не девается, а всё в Человека.

Энергия страданий танкиста, его боли и отчаяния, «я не хочу уходить», «жить, жить!!!»… также ушла в свой мир страданий.

Столько зла совершили и накопили на Земле люди! И конца этому накоплению не видно. Жизненно важно его прекратить, или хотя бы для начала ощутимо уменьшить.

Загубить землян могут не только вулканы да метеориты. Нет, они, земляне, аннигилируют как вид жизни на планете Земля, доведя до красной роковой черты объёмы энергии зла, творимого человеком, энергии страданий убитых на войнах солдат и горя их матерей.

Эти виды энергии духовной сути обладают огромной разрушительной мощью. Эти антиподы — зло и страдания — фатально, хотя по сути решительно противоестественно, существуют вместе. Они идут парой, их невозможно разорвать, ибо страдания человека неизменно порождает не что иное, как зло того же человека.

Указанная пагубная энергия скапливается непрерывно как продукт существования этой пары.

Люди своим самоубийственным поведением увеличивают объём этой энергии и фатально доведут его до критического уровня, то есть, до своей погибели, если… если не воспримут вселенскую нравственность.

Автор

Два мира — мир зла, зачатый Каином, и мир страданий человека — стоят рядом с открытыми для людей воротами.

Гришка с секущим топором и вепрь бессонно бдят у ворот. Они стерегут свой мир зла и следят, чтобы оно без задержек поступало к людям по их запросам, дозированно, в количествах, необходимых для поддержания страданий человека. Гришка особенно озабочен, чтобы энергия зла поступала в достаточном количестве.

Ефросий то и дело бегает глянуть, как там у соседей.

«Нужна пропорция, — озабоченно думает он. — Ах, как нужна».

Странник

Несмотря на всё вышеизложенное по давлению на него со всех сторон, человек свободен по определению. И он, человек, решает, какую энергию он оставит после себя. Куда она станет скапливаться. К Гришке с Ефросием или к Складу добрых отношений людей. Он, сам человек, определяет, куда пойдёт этнос, к аннигиляции или сохранению как вида. Человек — творец зла, и он творец добрых отношений. И он свободен.

Волен человек, куда своим поведением направить свою энергию — на помощь Гришке, ко злу, или к добру, оно ведь тоже скапливается. В конце концов соотношение добра и зла и определит, к чему придёт всё это — к счастливому или роковому. Встанет на нравственный путь, станет отдавать добро уж никак не Гришке — так пойдёт соотношение в пользу добра, к спасению. Переломный момент…

Человек — крошка в громаде этноса, но он же единственная реальная сила, влияющая на соотношение скопленных энергии зла, энергии горя и страданий и энергии добрых отношений. Это как на выборах власти. Участие необходимо.

Бобруйск, 3 марта 2007 г.

Дорогой Ке.

Эти виды энергии дают такую смесь, которая или приводит к аннигиляции, или даёт надежду на понимание и надежду на сохранение человека как вида. Детонатором взрыва может стать показ ужасов,

и люди восстанут против этого сокрытия. Возможно, это сокрытие в результате прогресса технологии станет невозможным.

Муки забиваемого солдата и горе матери такой же глубины — эта энергия слабо, если не вовсе не изученная и не изучаемая наукой. Больше того, держава отторгает, запрещает, объявляет вне закона, подвергает остракизму, замалчивает, отвлекает людей от указанного изучения. Заменяет это иными, благозвучными и выгодными для себя понятиями, которые она, по сути, использует цинично с подменой смысла и сути. Пресекает даже попытки осмысления этого опасного, разрушительного для неё касания предмета, ибо глубокое изучение его неотвратимо разрушит ныне существующие структуры управления этносом, ибо они станут невозможными для человека.

Если собрать в одно место страдания и мучения воинов, которые сгорели, были разбросаны на куски взрывами, получили смертельную пулю в живот или убиты по-иному, что они при этом ощущали, и прибавить к ним горе их матерей, сотен тысяч матерей, жен, которые опрокинулись в горе от потери близких людей! И этот поток энергии показать людям, то произойдёт колоссальный взрыв, который обрушит всю человеческую цивилизацию, а хорошие люди наложат на себя руки. Увидеть и сохранить рассудок, остаться живым невозможно, потому что это тот край, предел, за которым человек обязательно сойдёт с ума, а мозг его развалится.

Произойдет взрыв понимания картины реальности, реальности для людей.

Автор

Что станет взамен?

Странник

Я не знаю. Хорошо, чтобы нашелся хороший, умный человек и придумал.

Дорогой Ке.

Ты знаешь, я чувствую мистическую схожесть взрывной мощи скопленных страданий, горя с Эйнштейновской теорией соотношения массы с энергией.

Я не утверждаю в деталях верность такой версии. Здесь возможна лишь аналогия с идеей Альберта о соотношении массы и энергии в ней. Как аналогия, ибо некорректно спутывать материальное с духовным. Исключительно для наглядности. Наука ведь постоянно исполь-

зует символы для понимания сути природы. Понятно, эти символы не суть, а для понимания. Помогает, но не заменяет, и не есть истина. Хотя…

Такой подход скорее можно отнести к методам познания, источникам получения новых знаний. Как результат не работы головы, в смысле серого вещества, то есть сознательно, своей волей, а получения готового ответа из глубины своего разума или натуры, как тебе желательнее сказать. Или вообще извне, что вообще дело тёмное.

Так вот, если энергию мук убиваемого человека перемножить на количество этих несчастных, то возможно определить всю сумму энергии страданий убиваемых воинов. А если еще найти эквивалент для сопоставления, как у Эйнштейна, массы с энергией, в ней содержащейся, то, полагаю, такая полученная суммарная энергия опрокинет Землю, как Архимедов рычаг, когда найдена точка опоры.

Вещество — это энергия, спрессованная в девять миллиардов раз до её безопасного состояния. Уму непостижимо такое немыслимое соотношение вещества и энергии. И такое чудовищное количество энергии, обладающее колоссальной разрушительной мощью, — и это в крохотном кусочке вещества.

Но еще более уму непостижимо, как Альберт понял это. Ведь он при этом не опирался на конкретные результаты опыта. Их, таких опытов, не было как таковых. С какого рожна, в смысле озарения, он взял, что в девять миллиардов раз, и вообще при чем тут это число, взятое от скорости распространения света в пустоте, свет как таковой причем тут? Откуда Эйнштейн получил соотношение массы и энергии, в ней сидящей, 300 тысяч км/с в квадрате? С какого бока он вообще связал это со скоростью света? Это ведь не формула, выражающая закономерность движения тел, как у Ньютона, нет, Альберт дал конкретное число, которое никоим образом не вытекало из опыта.

Что это? Озарение, то есть, подсказка свыше, мощь его разума?

Разумеется, это опасно, однако, тут другое.

Итак, я обнаружил поразительное сходство подхода Эйнштейна к пониманию проблемы зла в связи с энергией горя и страданий человека.

Именно похоже, внешне похоже, то есть, даёт хотя бы некоторое приближение к пониманию. Такой ход мыслей оттого, что люди опасаются гибели людей от безумного использования этой страшной энергии в войнах.

Бобруйск, 3 апреля 2007 г.

Дорогой Ке.

Люди не могут вручную устанавливать желаемый уровень — закон всё тот же — энергия не исчезает. Она может в лучшем случае лишь не накапливаться. Не доходить до опасного уровня.

А ведь это так просто — поверить, принять и следовать по жизни требованиям Вселенской нравственности. Иначе нам тут на Земле всем кранты.

Однако, такое решение может быть только добровольным. Такое добровольное решение хорошо тем, что даёт надёжный, надолго закрепленный результат, однако, люди по жизни своей отвергают его ради животных удовольствий жизни и требования инстинктов зла, о чем свидетельствует опыт двух тысячелетий и дальше вглубь веков.

Когда зло так нарастает, как в Содоме и Гоморре, то происходит возврат в животный мир, но не в нормальный, а извращенный. Он гаже, чем животный. Сказано не совсем корректно, ибо животный мир нельзя назвать гадким, он для животного нормален.

Это скопище просто взрывается, как котел, в котором давление превысило крепость котла. Когда сообщество не в состоянии существовать, люди убивают самих себя. Все дела. То есть, или человек находит путь вселенской нравственности, или взрывается.

Такова судьба цивилизации.

Люди должны, просто обязаны из чувства самосохранения отслеживать тенденцию накопления энергий. Если тенденция покажет снижение зла — путь нормальный, правильный, а если повышение — надо искать иной путь.

Бобруйск, 20 мая 2007 г.

Дорогой Ке.

Люди державы в безумии своём кидают человека, любящего свою родину, в чудовищные страдания, боль, горе, отчаяние, а сам человек не желает ступить на путь Вселенской нравственности… однако, наступит момент, когда он поднимет ногу, чтобы сделать очередной шаг, но в ужасе обнаружит, что шагает в пропасть.

Это произойдёт на подходе к красной черте, когда уже нельзя мириться с тем, «ну что делать, ужасно, но для жизни-то терпимо», и жизненно необходимо перейти это табу. Иначе он уже не спасётся даже своими жертвами во имя державы. Энергия страданий аннигилирует, и всем кранты.

Он терпелив, но Он обозначил для Себя красную черту, терпения Своего, когда Он увидит, что проект неудачен. Тогда Он сделает то же, что и с Содомом и Гоморрой.

Как же люди решают эту жизненно важную проблему?

Мысленно отрешимся от представления мира людей на Земле просто как населения или просто сборища людей в неком месте. И мы увидим мир этносов, этаких существ, более крупных, чем человек.

Нет одинаковых двух этносов, так же, как нет одинаковых двух людей среди миллиардов живущих на планете, то есть, все они различны в понятиях о жизни, отношениях с соседями и в поведении. У каждого этноса свои интересы, понятия о жизни. Даже духовность тоже своя, зачастую не похожая на духовность других этносов. То есть, у этого существа, этноса, всё это человеческое присутствует, но в неком усреднённом виде, в понимании того же у людей этого этноса. Принятое и понятое большинством нормальных людей этноса, решающее для поведения и поступков этноса. Отклонение от которого отторгается населением.

Следует, однако, уточнить, что в реалии всё или почти всё решают люди державы. Вот где органическая связь этноса с человеком.

Этносы обычно стараются жить между собой мирно: они торгуют, ездят на отдых туристами и просто к своим знакомым людям, но нередко, а даже чаще, живут в ссорах. В любом варианте, стараясь решить все свои раздоры мирным путём. Для этого существует дипломатия. Вот так бы и жили.

Но есть у человека такие свойства, как стремление к умножению своей власти, богатства, есть такое скверное свойство, как зависть, и прочее. Так вот, эти, скажем прямо, не лучшие, недостойные человека свойства распространяются и на этнос в целом. Убеждённо скажем, не без помощи людей державы. Ибо сам по себе этнос нельзя напрямую отожествлять с человеком.

Этнос через своих людей в державе совершает безумные поступки.

В двадцатом веке было несколько безумных, безжалостных к человеку решений державы. Оккупация территории Польши, Финская война, война с Японией 1945 года, Афганистан, отдача Порт-Артура, передача Крыма Украине.

Воевать-то зачем? Роковая цепь бессмыслицы, а в этой бессмыслице смерть людей. Какой же здесь патриотизм, в чём его смысл? Готовность умереть за бессмыслицу державы? Бессмысленность с точки зрения человека, естественно, а не власти. С Японией-то зачем?

А сколько убито. За компанию, уложили русских людей. Сахалин завоевали, а люди убиты — за что? Где тут выгода? Для Отечества?

Как это объяснить, я не знаю.

Благополучный супер-этнос — Европа — вляпалась в такое дерьмо с мигрантами, что растерялась и не знает, как выбраться. Постоянное состояние у этносов — вляпываться в дерьмо. То влезает в войны себе на погибель, то распускает сопли с толерантностью и правами человека и свободой. Охваченные идеей миролюбия… Ласково, безотказно принимают мигрантов, не понимая, что те сожрут её саму.

То есть, он, человек державы, содержащий в себе все возможные для представления достоинства и пороки, благородные устремления помочь бедным людям устроить свою жизнь безопасно, комфортно и благостно, но и, увы, главное для многих, желание утолить свою неуёмную жадность к богатству, господству, помыкать людьми по своей вольной прихоти, словом, купаться в роскоши и ощущать своё превосходство — в конце концов творец всего происходящего в этносе и в отношениях между этносами.

Мир этноса, его поведение представляет собой хаос из вышеуказанных ощущений каждого человека. То есть, человек со своими ощущениями и поведением находится в своём родном этносе как одна малая частица его.

И хотя в этой же малой единичной пропорции, но человек влияет, определяет поведение всего этноса. То есть, это его влияние является определяющим при накоплении энергий. Он, человек, пусть мало, но добавляет эту энергию. Суть влияния человека на это — в накоплении энергии, сути и основы этого будущего.

Хаос, пока эта пропорция мала, но когда количество людей, исповедующих схожее поведение, то есть, вышеуказанная пропорция, станет большим и достигнет уровня насыщения, хаос исчезает и влияние таких людей на поведение этноса становится решающим.

И начинаются дела этноса.

Таким образом, налицо связь, и не просто связь, а суть формирования поведения человека, иррациональных понятий с реальными поступками людей, а уж поступки-то никоим образом не иррациональны. Они вполне, а чаще грубо, нередко трагически, материальны и реальны для человека.

Вот так, иррациональны, но для человека сугубо реальны.

Здесь, однако, существует необходимость определения принадлежности стыда, горя и прочего к одному из двух фундаментальных философских понятий. Материи или духовности, то есть, иррацио-

нальности. Такой вопрос, возможно, необходим и поставлен верно, но, во-первых, это особый вопрос и он нуждается в рассмотрении, ибо неясен, однако, не в нашей книге, где всё о Яше. А во-вторых, это допущение вовсе не предполагает ненужность или ущербность вышеприведенных рассуждений, и тем более их актуальность. И не отменяет утверждение, что они нематериальны.

Это к тому, что существует весьма расхожее понимание о стыде и прочем в смысле их влияния на поведение человека, этноса, что это ерунда, а дескать всё решают экономика и политика.

Автор

Яша понимает, видит, как подходят к красной черте объёмы горя и зла, как люди обжираются в изобилии, теряют в этом своём довольстве духовную перспективу, подходят во всём этом к красной черте. Он мучительно ищет и ждёт тот поворотный момент, когда люди, объевшись до тошноты комфорта, оборотятся к Нему. Оборотятся к Нему и встанут на путь истинного спасения, то есть, нравственный путь.

Но вовсю действует инстинкт-ощущение «свой — чужой». Сильнейший инстинкт животного, инстинкт выживания.

Весьма возможный вариант выздоровления народа — с развитием, прорывом в технологии и невозможности в связи с этим сокрытия. Пожалуй, это даже самый вероятный вариант.

Странник

Да, именно, критическое состояние может быть и спасительным, если верх возьмёт энергия добрых отношений. Тогда критическое состояние приведёт человека к вселенскому пониманию им своего великого места во Вселенной, а Он может с удовлетворением вздохнуть, ибо Его проект «человек» удался.

Сам человек при этом скажет: «Наконец-то. Неужели я смог это сделать?» Выпить рюмку водки с соседом и продолжить жить, как один из достойных Его людей Его вида.

Автор

Что дальше?

Странник

Мне-то откуда знать? И того, что здесь изложено, и так вполне достаточно, чтобы поставить тебя, автора, под наблюдение хорошего платного специалиста-психиатра.

Бобруйск, 19 июня 2007 г.

Дорогой Ке.

Три угрозы исчезновения как вида на Земле неотвратимо, подобно Дамоклову мечу, висят над человеком. Угрозы, как ни странно и прискорбно, полностью зависящие от его поведения. То есть, эти угрозы рукотворны. Казалось бы, нет ничего проще решить проблему, если это зависит от твоего поведения. Измени поведение — и нет проблемы. Ан нет! Человек такое существо, что решительно не станет менять своё поведение. Не желает и всё. Иначе он не был бы человеком. Он всё делает против себя.

Первая угроза.

Гибель землян в результате затеянной ими ядерной, или иным придуманным человеком оружием того же рода, войны. Здесь два уровня.

Первый уровень, это война с причинением человеку смерти, страданий, горя.

Второй уровень — ядерная война.

Если при первом уровне суть в страданиях, но и в неспособности имеющегося оружия войны уничтожить жизнь человека на Земле, то с выходом на второй уровень суть в исчезновении человека как вида. Этот второй уровень пагубности существующего устройства этноса наступил с открытием радиоактивности и изобретением ядерного оружия. То есть, когда средство уничтожения человека в войне — оружие — стало способно убить всех землян. Разом.

Вторая угроза.

Взрыв энергии горя и страданий человека, накопленной до критической массы, до красной черты. Взрыв невиданной силы с решительно непредсказуемыми последствиями. Он может смести державу, но и вместе с человеком, ибо неизвестны, не изучены её свойства. Неизвестны её сила, направленность и способ действия. Непредсказуемый взрыв энергии горя и страданий. Смена способа управления этносом. Шоковая терапия.

Третья угроза.

Закрытие Им проекта «человек».

Следует добавить к этому еще любопытство человека.

Каждый штык отвороченной природы даёт новые знания. Готово ли человечество переварить их без вреда для себя? Полученный комфорт сопровождается выбросом шлака, способного задушить цивилизацию.

Ну и еще — ослабление инстинкта продолжения рода.

Корневая причина бед, неустройства и даже угрозы исчезновения человека как вида заключается в отсутствии у людей державы чувственной связи с человеком этноса.

Как уже сказано, при переходе человека этноса в человека державы он вдруг, фатально утрачивает такое великое и необходимое людям свойство — сочувствие. Он воспринимает понятия неодушевлённой державы и поступает уже по этим понятиям, а не по понятиям живого, одушевлённого, сочувствующего человека.

А поскольку державные дела, которые он вершит, ввергают человека этноса в страдания и горе, то между человеком державы и человеком этноса нужна чувственная стена, отсекающая ощущения первого от страданий и горя второго.

Вот ключевое место проблемы.

Так решила эволюция. Иначе вершить державные дела станет невозможным. В самом деле, если такой стены нет, как бы смог сочувствующий по своей природе человек, зная, к чему приведёт им затеянное, решиться на него.

Исключено.

Иной вопрос, держава-то зачем эволюции. Могла бы придумать получше. Однако, эволюция лишена способности думать. Она ведь, как и держава, понятие неодушевлённое.

Идёт негласное соревнование между накоплением энергии страданий и получением технологической возможности показа обществу этих боли и страданий человека, вопреки их сокрытию державой. Если второе не опередит в этом смертельном соревновании, переход красной черты и — кранты.

Если успеет, то человек сметёт существующие пагубные отношения державы и человека. Прекратится или хотя бы замедлится губительный процесс накопления энергии зла. Открытый показ боли и страданий сделает невозможным для державы творить эти страдания. Все решения державы по любым своим делам станут возможны только с учетом права человека этноса на жизнь. Никаких компромиссов по этой части.

Существует, однако, еще чирей на заднице.

Это экономическое устройство общества, суть свободного рынка — получение барыша как двигательная сила и стимул прогресса, как фундамент способа производства. Такое устройство решительно тормозит выход человека из его животного состояния. Ибо здесь главное — «барыш», а не выход из животного состояния.

То есть, необходима смена экономического устройства общества.

Бобруйск, 16 июля 2007 г.

Дорогой Ке.

Итак, главная причина угрозы, стоящей перед человеком, угрозы исчезновения его как вида жизни на Земле — это его нежелание встать на нравственный путь. По этой причине Он закроет Свой великий проект «человек». Ибо терпение Его и благое Его ожидание не безгранично. С великой скорбью и сожалением Он вынужден будет принять такое решение. Содом и Гоморра.

У человека еще есть время и возможность избежать такой участи. Но эта возможность единственная, и она не имеет альтернативы — встать на нравственный путь. Иного нет. Да и времени на обдумывание и принятие этого спасительного решения остаётся в обрез.

Люди, читайте Библию, эту Великую книгу.

Содом и Гоморра.

Я не говорю об угрозе гибели от ядерной войны. Это общеизвестно. Рецепт спасения от неё содержится в вышеизложенном. Он всё тот же, и он также безальтернативен.

Автор

Ах, как помогла бы людям память!

Память человека — это драгоценный подарок эволюции. Она склеивает людей в человечество, в мир людей, не разделённых поколениями. Человечество, благодаря памяти, неумирающий организм: оно живое, энергичное и как бы вечное. У человека память биологическая; у общества память в виде человеческих взаимоотношений, слухов, книг, мифов, археологических раскопок и прочего. Если память обрубить, человечество погибнет, не вдруг, но погибнет, перестанет быть неумирающим, вечным, непрерывным во времени. Оно станет жить сегодняшним днём, превратится в амёбу.

В реальности, наше общество, однако, не погибает, но, увы, оно болеет памятью давно, хронически и тяжко, а прошлое подаётся в ложном виде. Память, склеивающая людей в человечество, искажена, порою до недопустимости, человеческой глупостью и эгоизмом.

При этом люди обыкновенно умеют находить причины такого своего отношения к памяти.

И это происходит повсеместно и непрерывно.

Почему? Это особый разговор.

Казалось, раз уж именно память содержит землян в целости и даёт им шанс на долголетие, так люди просто обязаны благоговейно относиться к ней, сохраняя всякую её крупинку. И непременно предусмот-

реть строгое, даже жестокое наказание за умышленное искажение событий памяти. Словом, сберегать её, как религию, как корни, на которых люди держатся и через которые получают живительные целительные соки.

Память важна для человека прежде всего тем, что это его корни, лично его предки. Из понимания хотя бы этого человек обязан благоговейно относиться, ценить её. Как возможно исказить память, оболгать, забыть своих предков по крови?! Это равно, что оболгать самого себя, ибо твои предки по крови в тебе. Они часть самого тебя.

Понимают люди такое отношение к памяти?

Вроде да, осознают.

На словах.

Люди весьма способны наговорить много и всякого.

А на деле?

Как они благодарят эволюцию за этот бесценный подарок?

На деле, люди творят со своей памятью немыслимое, они извращают её на каждом шагу. Впрочем, они так же относятся ко всему, что им дарит судьба или они придумывают сами. Выдумали энергию для блага, а в первую очередь смастерили бомбу. Что ни придумают, тут же примеривают для войны. Список подобного безумия бесконечен.

А память?

Память помогла бы людям избежать ошибок прошлого, но каким образом, если это прошлое в памяти, по их милости, искажено и изгажено до неузнаваемости, до непригодности для этого чрезвычайно полезного предназначения? Власть ворошит память и отбирает, что ей нужно. Но ворошить-то надо из того, что было в натуре, а не то изгаженное.

Существует наука — история человечества. Основу её составляют события. Сами предметы, с которыми происходят эти события, более определённы и особого толкования не требуют, поэтому в нашем рассуждении касаться их необходимости нет. А вот с событиями дело значительно сложнее и запутаннее.

Событие. Российский солдат застрелил на войне германского солдата, и это прискорбное, по христианскому пониманию, событие выглядит в глазах людей решительно по-разному.

Наш солдат исполнил свой воинский долг, он герой и его награждают орденом. В России, в его семье, это событие положительное и даже похвальное.

А в Германии? В семье убитого немца? Глубокая печаль и злоба против России.

Подобное рассуждение позволительно решительно распространить на любое событие в жизни людей.

История расплывчата и бесцельна, если она не отвечает на вопрос: во имя чего все эти события и деяния? Уточним, кому из людей стало лучше или хуже от походов Македонского, от покорения Казани воинами Ивана Грозного. Какие страдания и смерть кому эти деяния принесли. История должна стать мерилом нравственности людей, которых она изображает, а не лишь перечислением державных дел.

Если подойти таким образом, то вся история — это цепь непрерывных ошибок, ибо все деяния известных людей совершены ценой страдания и смерти людей. С позиций нравственности — а как иначе допустимо их рассматривать? — это, несомненно, ошибки. В идеале все деяния должны быть направлены на благо человека.

Или поставленный вопрос неуместен, и все деяния — это требование закона развития этноса, а лидеры исполняют требования закона. Иначе нельзя?

История, как понятие, по сути, изначально — что и как было. Для памяти, бессмертия человечества, склеивание поколений в один организм — человечество как вид. Описание того, что было, память. Дальше пойдёт печальная реальность. Прежде всего, изложение истории в парадигме — ложь. История ложна по определению и она не может быть иной. В самом деле, она описывает скверные отношения людей, и это, увы, факт. О, как редки добрые отношения в натуре! Отношения, неблаговидные в сравнении с понятиями вселенской нравственности. Так вот, написание истории — это часть неотвратимая, неизбежная часть, корни от корней этих самых отвратительных скверных отношений. Что же вы хотите? От крокодила может появиться только крокодильчик, и ничто иное. Понимаете, да? Усекаете? Значит, написанная история неизбежно тоже отвратительна. В нашем случае она лжива. В свете сказанного позволительно сказать, даже утверждать, что книга о том же самом событии, созданная автором, не претендующим на исторический олимп и не зависящим от мэтров, не связанным с историками, может содержать значительно больше того, что было, по сравнению с историей! Вот такие дела.

Сколько людей узнаёт о событии или причастны к нему, столько взглядов на его определение. То есть, отношение к любому событию всегда имеет весьма относительный вид. В этом сильная схожесть истории с теорией относительности Эйнштейна в физике. По его теории, состояние материи и времени сильно зависит от положения наблюдателя. Сколько наблюдателей, расположенных в различных точках про-

странства, столько и определений физических параметров наблюдаемого предмета. То есть, его теория относительности показывает, что не существует физического параметра, независимого от наблюдателя.

Историю пишет историк, один человек, со своим личным взглядом на события. Историк, гражданин конкретной страны, живущий в реальности своего места проживания, то есть, в своей реальности. Поэтому он неотвратимо, неизбежно опишет исторические события с учетом этой своей реальности, со своих позиций. А где при этом взгляды на эти события других людей? Их нет.

Что же это за история?

Люди привыкли читаемую историю полагать за правду, но какая же это правда, если по жизни миллионы людей воспринимают и оценивают те или иные события решительно по-разному? Вынужден признать, что принятый в современном обществе метод предоставления людям их истории на самом деле в натуре описывает некую версию событий, изложенную одним человеком, ну пусть коллективом ученых-историков, это не меняет сути.

Как же поступить?

Собирать путём опроса соображения на события всех мыслящих людей? Предположим, собрали. Что делать с этим ворохом взглядов? Как из них слепить истинную версию событий?! Приходится признать, что дело это безнадёжное, но, увы, признать также, что единой, «истинной» истории не может существовать в принципе. Допустимо лишь перечислить события без их оценки и этим ограничиться.

Итак, не существует и не может существовать некоей объективной истории общества, к этому возможно лишь стремиться.

Объективно возможно изложение событий лишь в предметном понимании. Однако, этого очевидно недостаточно; предметное изложение это лишь часть истории. Всё же по сути не меньшее место в ней занимают «отношение к событиям и описание событий». И тут человек падает в иррациональность.

А я, автор, в тупик.

Странник

Ученые-историки, которые создают этот информационный пласт забытого, тоже искажают прошлое, ибо находятся под прессом власти с её требованиями. Как в этом клубке отыскать ниточку надёжных знаний о прошлом? Ниточку правды о том, что было? Люди перестали понимать свою историю, да вообще, нужна ли им такая правда своей истории? Звучит солидно, но какая это наука, если о всяком событии

прошлого эти так называемые «ученые» пишут не то, что было в натуре, а преимущественно лишь выгодное для самоутверждения, а чаще всего понуждаемые, или чтобы угодить вкусам «народа», то есть, дурным вкусам. Забывая, что цели науки истории не в показе интересного чтива, как, скажем, в занимательной литературе, а в выработке основы для верного пути землян к бессмертию.

Порочный круг замыкается.

Как ни прискорбно звучит, но получается, что самое достоверное из прошлого возможно обнаружить и извлечь единственно из древних помоек. Здесь всё в натуре и без вранья. Древние помойки — это культурный слой земли для археологов. Вот где археологи черпают знания — на помойках! В том, что люди выбрасывают ввиду ненадобности — ученые делают науку. Так ведь и здесь ухитряются исказить.

Нет ли здесь абсурда? Но и безнадёжности. Как же опираться на такую искаженную, изгаженную память?

Даже вредно.

Недопустимо править то, что пришло к нам из прошлого. Всякая такая правка — это сегодняшнее измышление, а значит, уход от того, что было, уход от истины. Величайшая ценность Библии еще и в том, что, вроде бы, в неё меньше, чем в иные книги внесено таких правок.

Бакланов произносил слова о войне, густо пропитанные порохом и кровью. Он спешил донести до людей правду о войне, окопную правду, торопился, пока её еще не успели измордовать, пригладить, измызгать, выкинуть, наконец, как мешающую сиюминутным государственным делам. Он не касался причин войны, горя, ужаса родных солдата, людей, ответственных за смерть людей, и прочего, сопутствующего войне.

«Это подождёт, это позже, это не главное», — думал он. Однако, он так и не смог найти время, или ему не дали осуществить это продолжение, но… только эту чрезвычайно важную задачу он так и не выполнил. Если уж хочешь отвести людей от войн, так необходимо показать её ужасы, чтобы волосы стали дыбом от ужаса, но показать и виновных за неё.

Люди забывчивы, редко вспоминают о своих прошедших делах, и они не любят вспоминать плохое. Обычно им приятнее сознавать, что прошлое было лучше, чем сегодняшнее.

Автор

Есть одна любопытная особенность памяти человека. Она одновременно и его, но и не его, ибо ему недоступна. Человек вспоминает не то,

что ему нужно, а то, что ему дадут. Остальное остаётся в человеке вне его сознания. Оно недоступно человеку. Часто случается — он тужится что-то вспомнить, однако безрезультатно. Через какое-то время, когда он сам успел забыть об этом, к нему приходит ответ. Как это?

Что скрывает от человека его собственная память, прячет от него так тщательно?

Оберегает от ощущений, мешающих жить? Хранит глубоко запрятанную от человека тайну мироздания или доказательство невозможности её познания? Спасает от разочарования в способностях разума? Здесь речь идёт не о памяти событий его настоящей жизни, а о памяти предков его рода по крови, накопленных за тысячи лет.

Бобруйск, 17 сентября 2007 г.

Дорогой Ке.

Невозможно избавиться от ощущения догадки, что корявое отношение между людьми и в особенности отношение державы по отношению к человеку этноса является источником зла и главной гореобразующей причиной неустройства в жизни людей. Помеха человеку на его пути от животного и, возможно, главная причина возможного рокового исчезновения его как вида. Причина эта, разумеется, не единственная, их множество, но все они, эти остальные, — следствие указанных отношений. Измени человек такое своё отношение, то есть, восприми в себя суть вселенской нравственности, и многие они исчезнут сами собой.

Сегодня, однако, можно сказать, что мир зла в его библейском понимании образует именно эти скверные отношения людей.

Образно говоря, это Гришка и его верный вепрь, то есть, они, отношения, образуют мир зла. Вот он, этот мир! Это и есть то зло в библейском видении.

Из безличного понятия «отношения» оно превратилось в реальное существо — мир зла. Оно наняло Гришку, построило ему этакое абстрактное хранилище, чтобы он посильно помогал человеку творить зло и поставлять его людям.

И оно не желает уходить. Хочет сохранить всё как есть.

Только сам человек этноса, когда он станет перед пропастью и увидит перед собой эту бездну и конец всего, тогда он сможет ужаснуться и в клочья порвать это оно.

Автор

А ведь Он еще две тысячи лет назад! сказал человеку, как надо жить.

«Не мешай нам жить, как мы привыкли, а Тебе мы не верим. Ты просто плотник из Назарета».

А Он продолжает неустанно просить их встать на путь вселенской нравственности, спасительный путь. Две тысячи лет Он говорит это людям. Две тысячи лет. А люди продолжают идти своим безнравственным путём, ожидая, а вернее просто не думая, когда жареный петух клюнет им в задницу.

Две тысячи лет прошло, а человек никак не желает понять необходимость жить не по своим примитивным законам, а по высшим законам вселенской нравственности.

Бобруйск, 4 октября 2007 г.

Дорогой Ке.

Жизнь — это анизотропный путь. Не может человек отойти малость назад, подумать, сделать иной ход, не может. Отыграть свою ошибку, поправиться. Путь анизотропен!

Корявое сочувствие человека, отсутствие сочувствия человека в державе к человеку этноса, выродившаяся элита, жажда власти, войны, террор, неопределённость цены жизни, страдания и горе, сокрытие их от людей, накопление непредсказуемой мощи энергии зла, страданий и горя, путь к красной черте, к аннигиляции.

Вот она, эта удушающая причинно-следственная связь — цепь сегодняшней реальности.

Аннигиляция или спасение.

Чтобы избежать первого и придти ко второму, человеку необходимо изменить своё поведение, решительно разорвать эту гибельную ржавую цепь, выбросить её и создать себе иную, жизненно важную, соответствующую великой цели спасения.

Или открытый показ обществу страданий и горя человека от войн, и, как результат, разрушение пагубной системы отношения держава—человек, понимание и принятие вселенской нравственности, религии смысла, сочувствия, бесценности жизни, спасения человека как вида, установления понятия убийства как высшего греха.

Вот состояние тропы, по которой идут люди.

Ну а дальше-то что может произойти? Может, ядерная война или Он закроет проект, или технология откроет показ и люди сметут к хренам это своё негодное устройство-державу. Всё может произойти, но мне кажется, и желательно — они дойдут до края, но… технология придумает такое, что скрывать не получится. Или сама энергия взорвётся со всем содержимым.

Автор

Так что делать-то?

Странник

Тебе, автор, написать эту книгу. Авось, задумаются, хотя…

Не сделают шаг в пропасть, отыщут иную тропу да и двинутся к благополучию… кто знает дальше.

И скажет Он: «Проект мой удался». И пойдёт человек к познанию мироздания, высотам Вселенной, к высотам разума.

Бобруйск, 24 октября 2007 г.

Дорогой Ке.

Казалось, всё сходилось, приходило к тому, что дело-то безнадёжное, а аннигиляция неизбежна, однако, должна же быть тропа спасения. Не может быть такого, чтобы её не было.

И тут стали мне приходить мысли, что скопленная энергия страданий может стать этим началом. В своих отчаянных письмах тебе я пропустил момент, который неразрывно связан со спасением людей как вида. Это, как ни странно, именно то самое недостойное сокрытие страданий человека. С одной стороны, это, несомненно, бесчестная попытка державы скрыть свои отвратительные дела, свою глупость и неумение благотворно, без создания страдания людям управлять жизнью этноса. Разве так уж необходимо решать свои отношения с иными этносами через войну с ними? Что, разве так уж трудно устраивать эти отношения через взаимно выгодные дела? К общему удобству и выгоде.

Несомненно, это возможно и даже так и следует, но для этого надо уметь и хотеть. Сегодняшняя действительность образования и вида державы, однако, не способствует такому чрезвычайно желательному виду общения. Об элите сказано выше. Не хочется мараться о неё еще раз.

Но с другой стороны, именно это сокрытие и есть ключ к тропе.

Вчера меня снова, в который раз меня опрокинуло. Мне открылись такие ужасы тайны, что я не могу держать это в себе. Они убивают меня изнутри. Мне необходимо выговориться этим своим знанием, иначе я сойду с ума. Никто не поймёт меня так, как ты, кому я могу доверять своё, на грани исповеди. Только тебе, Ке, кому я бесконечно доверяю.

Дорогой Ке, ну сколько можно! Я же обычный маленький слабый человек. В уныние не впадаю, но иногда, к счастью, нечасто, мне

кажется, что силы мои на исходе. Обычно это по вечерам, а утром вроде ничего. Плещу в лицо холодную воду, взбадриваюсь, тяжесть из головы уходит, и я готов нести свой крест или радость жизни.

Автор

Яшенька, бедный ты мой Яшенька, не знаю, как ты всё это выдерживаешь. Что за судьба тебе дарована, или наказание? Великое счастье познавания или непомерная, не по силам человека ответственность и ощущение в себе вины за скверны, творимые людьми?

Как ты выдерживаешь?

Странник

Прости, автор, но я прерву тебя.

Я всего лишь твой же разум, только освобождённый от шор и мусора быта, но даже я с трудом выдерживаю присущую мне, естественную для меня холодность и рассудочность размышлений. Если бы не эта моя суть и предназначение, я бы рыдал.

Увы, я, Странник, неспособен к этому прекрасному выражению чувств.

Бобруйск, 10 ноября 2007 г.

Дорогой Ке.

Что вообще это такое, к какому смыслу все эти немыслимые страдания человека, горе и зло, зло? Какая странная суть человеческого бытия, сути человека. Ведь при всём том, ужас-то весь исходит из него, самого человека. Он мрачный творец. Нет той силы, на которую хотелось бы свалить вину за этот ужас. Нет её, этой внешней причины. Только он, сам человек. И как это люди разделены на тех, кто творит ужас, и на тех, кто принимает его на себя?

Если бы ты знал, насколько это всё тяжело, но одновременно безумно интересно.

Представь себе, Ке, на этот раз я увидел будущее.

Наше, людей, будущее.

Что это, результат моих размышлений, получивших реальное продолжение, или подарок, озарение извне, или еще какой иной путь разума?

Не знаю я. Что увидел, то и увидел.

Если мои прорывы в прошлое я еще мог объяснить как-то через своих предков по крови, хотя в этом у меня нет версий более или менее убедительных, то уж в будущем моих предков точно нет.

Разумеется, будущее не в том смысле, что мы с тобой его увидим, а будущее людей, землян, наших отдалённых, или не очень, потомков. Будущее этого блуждающего в темноте и порою в бессмысленности своих поступков человека. Живущего больше эмоциями, а не разумом, в смысле, башкой своей. Счастливого, но чаще несчастного.

Маниакально обвиняющего в своих бедах кого угодно или что угодно, но только не себя. Который никак не может сообразить, каким же это образом ему устроить свою собственную жизнь, чтобы было больше счастья, а будущее не стало для него гибельным.

Всё решает за человека эволюция, но это, как ни крути, стихия. Где тут сам человек-то? Это что, лень его или неспособность?

Когда же он, сам человек, сознательно и с пониманием собственной ответственности станет определять свою судьбу?

Однако, о сути.

Прогресс в технологии к тому будущему времени опрокинул все представления людей об устройстве их жизни.

И вот я, их предок, как бы ощутил это. Не знаю уж, каким это способом, но ощутил, и даже мне показалось — ощутил реалистичнее, чем они сами, эти будущие аборигены Земли. Ибо я начал размышлять об этом раньше их, то есть, сегодня.

Новые мощные технологии лишили державу возможности скрывать показ страданий человека этноса от её безумных решений. То есть, исключительно технически, через высокий уровень присутствия электроники в жизни людей, это сокрытие у державы не получалось, автоматом.

Оно стало для державы невозможным по определению.

И вот, правда жизни, страдания и горе человека этноса как исполнителя державных дел, в подробностях, в деталях, в ужасающих красочных картинах опрокинулась на людей… и что дальше?

А дальше, представь себе, Ке, дальше этот существовавший до сих пор порядок устройства жизни общества рухнул. Рухнул сам, как трухлявое, не пригодное к жизни и не дающее пользы человеку огромное дерево. Тысячелетия угрожавшее, подобно Дамоклову мечу, смертоносно упасть на землян и прикончить их всех одним, как говорится, махом. Этот негодный порядок перестал существовать как таковой. Все отношения державы и человека этноса стали открыты и прозрачны.

Тайные дела державы, да, впрочем, и человека — а до сих пор именно на тайнах, на сокрытии правды строились указанные отношения — стали для всех явными. Всё проявилось, всё как есть, и страда-

ния, и горе человека этноса, и глупости, неумелость, безответственность, бесчувственность и жестокость людей державы, словом, вся жизнь в обществе.

Она, эта энергия мук и горя, не потому обрушила скверную систему отношений людей, что материалистически мощна, нет, но проникнув в сознание людей, она показала им, что устройство их жизни непереносимо и недопустимо для них. После чего общество развалилось само собой.

Энергия знания.

Она сделала невозможным по восприятию людей существование такого общества. То есть, знание о таком скоплении мук и горя, само знание опрокинуло цивилизацию.

Увидев все эти страдания и горе в подробностях, в красочных душераздирающих картинках, люди вышли из домов своих. Людей вышло много, соразмерно количеству жертв ужасных дел державы. Никогда ранее до этого не выходило столько людей из домов своих.

И прозревшие люди сказали: «Что же это за дьявольское управление над нами. Вместо поиска путей к миру этот дьявол повергает нас в войны и немыслимые страдания. Зачем нам это?»

Невозможность скрывать дела державы, да, впрочем, и человека, автоматом повлекло за собой утерю способности врать. Люди, увидев честный показ этого страшного мира, поняли, что так жить нельзя.

Началось выздоровление общества.

Не взрыв ядерного устройства, а единственно показ людям *мира* горя и страдания человека, так тщательно скрываемого всем существующим общественным устройством, людьми державы.

Это сразу привело к неприятию войны, люди не пошли в солдаты. Открытый показ страданий человека в войне радикально изменил отношение человека к несению воинской службы. Человек увидел свою перспективу в деталях, не только свою гибель, но и невыносимые муки, он не пошел воевать. Он предпочел отсидеться в тюрьме. Если же держава примет жестокие меры к таким отказникам, чего нельзя исключать, люди попросту сметут её.

При открытом показе мать, увидев в подробностях, в деталях, в красках мучения сына, разве смогла она выдержать такое, хоть тысячу раз она была патриоткой?

То есть, у державы пропала возможность через войны решать свои державные интересы. И стала для человека явью истинная защита родины вместо исполнения циничных, глупых, пагубных прихотей державы.

Патриотизм, настрой и всё остальное, необходимое человеку для защиты родины, ожил в человеке и стал действовать без принуждения. И тогда, истинно защищая родину, человек ощутил в себе способность идти на любые жертвы и страдания как должное и необходимое для спасения родины.

Появилась возможность и необходимость создания нужных для управления этносом отношений человека и державы.

Какой станет эта новая форма державы, да и можно ли будет называть эту новую форму управления державой, неизвестно. Но определённо, в сознании человека возникнет грань, за которой он различит облик иного способа управления этносом, о котором давно мечтает.

Она отделит старый способ полустихийного эгоистичного управления этносом, доставившего человеку столько страданий, от нового — разумного, сознательно занимающегося делами державы, этноса и одновременно с благими целями во имя человека как личности. Возникнет ясное, открытое для общества понимание того, что истинно необходимо для выживания, для спасения уже не державы как таковой, но лично человека этноса. Наступит вот такое понимание, вот такое устройство. Отношение «человек — держава» станет другим, где восстановится чувственная добрая связь человека державы и человека этноса.

Предписано впредь не скрывать, а напротив, показывать обществу всякое проявление страданий и горя человека как наглядное пособие для державы перед принятием ею высокого государственного решения.

Люди вспомнили про вселенскую нравственность, о которой ранее говорили лишь с иронией. Увидели ужас, в котором живут, опомнились, осознали, к чему эта безнравственная жизнь приводит. Вспомнили и восприняли её, и пошли себе по тропе-жизни, которая лишь и позволит им сохраниться как виду на своей маленькой, но родной планете Земля.

И еще люди поняли, что не держава с её интересами, как и любой иной вид управления, первична, а он, человек, сотворённый Им первым. Державу эволюция слепила после.

Несомненно, сегодня держава, в смысле управления этносом, жизненно необходима, без нее толпа и аннигиляция.

Но, о человек, заруби себе на своём благородном носу. Держава для человека, а не человек для неё. Теперь люди это наконец поняли. Держава вторична. В основе всего для человека — он, сам человек.

Как же, однако, долго и в каких страданиях они шли к такой простой истине!

Теперь люди уверенно двинулись по верной тропе к нравственности, к своему спасению.

Автор

Земляне, пережив период атеизма и поумнев, пришли к религии смысла, религии спасения, к пониманию и приятию постулатов вселенской нравственности через возврат к Заповедям.

Мир будущего человека стал не просто религиозным, он стал более религиозным, ибо люди стали религиозными осмысленно. По размышлению, по логике всего, в поисках смысла он стал религиозным в самом благостном и перспективном для спасения, спасительном виде.

Они стали религиозными как никогда ранее, ибо восприняли религию созревшими, на высоком уровне своего понимания реальности. Религию смысла и сочувствия, понимания и принятия жизни человека как главного во взаимоотношениях в обществе. Понимания, что убийство или доведение до самоубийства человека есть величайший грех.

Люди покончили с войнами, сняв табу с показа страданий человека от безумных решений державы. На высшем общепланетном уровне они установили требования к властям на предельную прозрачность отношения «держава — человек» и запретили сокрытие страданий человека.

Всякий раз в случае обнаружения указанных пагубных явлений они должны быть немедленно выставлены напоказ, на всеобщее обозрение для расследования и принятия мер.

И они установили наивысшую степень наказания виновных, подвергших человека страданиям, а также препятствующих показу этих страданий.

Инстинкт «свой — чужой» никуда не делся, но влияние его значительно ослабло и приняло формы мирных добрососедских отношений.

Странник

Да ты философ, друг мой.

Автор

А то!

— • —

Бобруйск 17 декабря 2007 г.

Дорогой Ке.

Я, кажется, понял, для чего человек в своих размышлениях забирается в несусветные дали и крутится возле тайн мироздания.

Всё то же, дорогой Ке, великий инстинкт жизни — и отсюда нежелание исчезнуть.

Когда-то, на заре, так сказать, жизни амёбы, водоросли, динозавры и мириады иных славных ребят появлялись, жили и исчезали. Они не размышляли, что да как. Не умели размышлять.

Да, инстинкт жизни действовал вовсю, но в то славное время он довольствовался главным — сохранением жизни как таковой. Не важно, что амёба загнётся, важно, что сохранится жизнь, хотя бы в виде этого шествия живых существ.

Но вот на арену жизни вышел человек. Существо, решительно отличающееся от вышеупомянутых ребят. Эволюция одарила его разумом. Она одарила его способностью размышлять.

Его жизненную основу всё так же неизменно крепил инстинкт жизни. Он, человек, также не желал исчезнуть, но он подумал: «Это хорошо, жизнь как таковая сохраняется». Для эволюции и инстинкта жизни, возможно, этого достаточно, но меня, человека, это уже не устраивает. Насчет жизни как таковой я не возражаю, но мне мало этого. Теперь я сам, человек, в смысле, как вид на Земле, тоже не желаю исчезнуть.

Что делать-то?

Человек стал размышлять, и он увидел, что жить можно по-разному. И от того, как он живёт, от его поведения зависит, спасётся он или подобно динозаврам уйдёт в небытие. Народы то и дело появлялись и исчезали, будто их и не было. Увидел, что в этом «жить можно по-разному» и заложен шанс спастись. И для того, чтобы отыскать этот шанс, следует понять смысл жизни. Смысл! А он, смысл, как раз и содержится в принятии варианта поведения, дающего, содержащего в себе перспективу сохранения. Это и будет смысл жизни.

Тогда, понимая вышеупомянутый смысл, человек «осмысленно», без принуждения выйдет на этот спасительный путь.

Человек в своих размышлениях ищет вариант такого спасительного поведения.

Итак, человек для своего спасения ищет смысл.

Однако, человек по разным причинам не в состоянии отыскать спасительный вариант. Не может. Где его взять?

Помог Он. Он открыл человеку эту желанную тайну.

«Жить в гармонии со вселенской нравственностью».

Одно короткое предложение из четырёх смысловых слов.

Поиски смысла привели человека к варианту спасения. Человек понял эту великую суть смысла. Человек воспринял религию смысла. Человек пришел к пониманию смысла.

Вот для чего человек размышляет о тайнах мироздания, забирается в несусветные дали.

Он ищет смысл всего сущего, и всё это ради требования великого инстинкта жизни, ради спасения от ухода в никуда подобно динозаврам. Нежелания исчезнуть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жалко и прискорбно, если человек, это удивительное, противоречивое, само себя не понимающее, гениальное, трудолюбивое, сочувствующее, любящее людей и жизнь, подлое, вероломное, завистливое, способное убивать ближнего своего, возможно, единственное во Вселенной мыслящее существо, всё же, увы, исчезнет, уйдёт в никуда, будто его и не было вовсе на маленькой, но уютной и родной планете Земля.

Исчезнет по причине своего упрямства отвергать простейшую, казалось бы, очевидную истину — необходимость жить в мире с людьми, без подлостей и войн. Отвергать на корню даже мысль причинить человеку боль, страдание и горе. Отвергать даже мысль. И это касается всех людей без исключения, и прежде всего человека державы.

Исчезнет, если человек не введёт себе в привычку ежедневно после завтрака вынимать из бокового внутреннего кармана сюртука шкалу Вселенских требований нравственности для оценки своих поступков, прежде чем их совершить.

Терпение Его не беспредельно. Если Он увидит, что человек не способен найти в себе соображение и волю отойти от своего поведения животного, а сегодня это, несомненно, по многим признакам поведение животного, лишь усиленное разумом, Он закроет, несомненно с прискорбием, но закроет этот Свой великий, увы, неудавшийся проект — «Человек».

Люди, не забывайте трагическую, но поучительную судьбу Содома и Гоморры.

— • —

Читатель скажет, ну что ты, автор, нарисовал эту нашу безнадёгу, читать невозможно. Неужели ничего жизнерадостного не придумал? Плакать хочется.

Я мог бы придумать и даже нарисовать смог бы, но это нам не поможет. Лишь в очередной, уже в бесчисленный раз уведёт от спасения. Поведение наше с тобой необходимо поменять к лучшему, пове-

дение. Зарубить на своём благородном носу, что иначе нам тут всем на Земле кранты. Вселенская нравственность и *сочувствие.* Да, и врать поменьше.

Понятно, вовсе-то невозможно.

Все дела.

А потом мне вдруг подумалось. Возможно, это всё я зря. Сгустил краски относительно взгляда как на величайшую трагедию страдание и горе человека, на способность врать как нечто скверное и неподобающее человеку. А если так задумано изначально?

Если иного способа существования устройства жизни людей не существует и не может существовать по определению? И без этого страшного горя и страданий человек не сможет отойти от своего животного начала?

Только это способно его заставить.

Что, если это так?!

Но отходить-то надо?

Или не надо?

Полагаю, и то, и другое необходимо.

Скорбно, тяжело, но надо. Такова жизнь, таков человек.

Нет иного пути от животного.

Если, скажем, отходить не надо, тогда рушится вся великая задумка Создателя по Его проекту «Человек». Такой вариант я отвергаю с негодованием. Просто потому, что он невозможен, даже в допущении. Потому что я не представляю себе жизни и мира без Него.

И тогда, вообще, на этом месте надо ставить точку и довольствоваться жизнью животного, урчать животным урчаньем над добрым куском мяса, отобранным у ближнего своего.

К прогрессу технологий человека подвигают неудобства и опасности.

К улучшению себя он идёт через страдания, когда ему кранты, когда ему трудиться влом, но жить хочется — инстинкт жизни понуждает. Иначе у него не получается, человек ленив изначально.

Человеку постоянно надо, чтобы его побуждала необходимость.

Необходимость сохранения себя как вида на Земле.

Тогда человек мгновенно меняется: куда девается его лень, он становится трудолюбивым, умным, изобретательным, иногда даже гениальным, и совершает всякие спасительные для себя удивительные дела.

Вот такой он, человек.

— • —

Как обычно в таких ситуациях, я ждал, что скажет мой мудрый спутник по жизни, мой Странник. Он неизменно безотказно приходил мне на помощь в сложных делах бытия, в которые я, как в бездну, кидался, увы, слишком часто и опрометчиво.

А он, Странник, впервые за все наши нескончаемые размышления на этот раз промолчал.

Не смог, не захотел врать или не знал ответа?

Мало ли чего мы не знаем, но обычно не отмалчиваемся.

Не ожидал я от него такого.

Что делать-то?

— • —

Бобруйск, 20 января 2008 г.

Дорогой Ке.

Я знаю, Ке, ты реалист и аналитик, ты слишком хорошо знаешь наш мир и ты иронически улыбнёшься, прочитав это.

Ну давай хоть помечтаем, если это не сбудется, то хоть помечтаем. Это уже хорошо. Одно то, чтобы сказать, предположить такое — уже пусть маленький, но всё же шаг вперёд, куда надо.

Кстати, ты не собираешься в удобном доступном Вам будущем посетить Москву? Безумно хочу встретиться с Вами. Я приглашаю Вас к себе в гости через это обращение в книге.

Однако, текло время, а звонка ко мне от Ке не было. Я не теряю, однако, надежды, что моя книга доберётся до него, и он позвонит. А еще лучше, если бы он выкроил время и подъехал, ах, как было бы хорошо! Мы посидим за чашкой чая и с рюмочкой. Поговорим. Ке это будет, надеюсь, небезынтересно, а уж мне без сомнения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Капитан-лейтенант Обушков завязал с флотом. Он вышел в отставку и поступил на пожарную службу. Здесь, на этом благородном поприще борьбы с пожарами, он на удивление успешно, это при его-то ограниченных способностях, сделал карьеру и стал большим пожарным начальником, генералом. Здесь он осуществил своё истинное призвание, он нашел себя.

Только теперь, в этом новом его качестве и после значительного времени состоялась их встреча, однако прежнее намерение повредить Яше было давно забыто. Они зашли в шашлычную и за коньяком весь вечер с добрым юмором вспоминали совместную морскую службу.

Позже до Обушкова дошли слухи о Яше Циперовиче, его необычных похождениях и судьбе.

Потрясённый Обушков немедленно бросил свою прекрасную, полезную для общества пожарную службу, ушел в пустыню, приобрёл там, в заброшенных землях, непригодных для ведения сельского хозяйства и скверных по экологическим соображениям, за недорого маленькую пещеру, наименее удобную для проживания, ибо известно, что это необходимо для истинного покаяния, и принялся за дело, то есть, стал каяться.

Здесь же, в пещере он впервые в жизни задумался.

«Какой грех был с моей стороны думать о нанесении вреда Яше Циперовичу, этому великому человеку», — каялся Обушков.

— • —

Автор

Странник, друг мой, что мне делать, когда я стану знаменитым на весь мир?

Купить новую шляпу и покорять женщин или продолжить многотрудное дело — сеять доброе и вечное, то есть, сотворить еще одну книгу?

Или, будя, возлечь на облако славы и грезить? Поваляться, так сказать.

А, Странник, неплохо бы поваляться?

Странник

Автор, как тебе не совестно! Перестань изображать из себя лоботряса.

Впрочем, я тебя слишком хорошо знаю, чтобы поддаваться на такие крючки. Я смотрю, ты позволил себе расслабиться.

А в свете заданного вопроса — придумаем что-нибудь. Нам с тобой не впервой придумывать.

Автор

Мир?

Странник

Мир.

The end

— • —

Издал книгу, успокоился, звонок.

— Слушаю Вас.

— Здравствуйте, это Циперович, надо встретиться.

— Какой Циперович?

Я растерялся. Не ожидал. Теперь начнётся: «Какое вы имели право… как можно… кто вас уполномочил, да спросили ли вы у меня разрешения».

— Что значит, какой Циперович. Ну вот, Вы уже забыли. Натворили, огласили меня на весь мир. Теперь «какой Циперович».

— Яша, Вы?

— Да, я. Что это вы, автор, наплели на меня? Вы пишете — «беседа прошла в загородном доме», но у меня нет такого дома! Это совершенно неправда. У меня квартира.

— Яша, ну какая разница, что Вы так волнуете себя? Важно то, о чем мы с вами говорили. А всё прочее антураж. Ну нет у Вас такого загородного дома, так пусть будет. Он Вам не помешает. Я желаю, чтобы он у Вас был. Вам не будет от этого хуже. Вам станет даже лучше. Кроме того, Вы разве не заметили, я ведь Вас исключительно с хорошей стороны. Вы мне по-человечески симпатичны, даже милы.

— Да, вроде так, но…

— Никаких но, Яша. Вам этого мало? Яша, приглашаю Вас к себе в любое время. Только скажите, когда Вам удобно. Я приготовлю плов и сделаю торт «Санчо Панчо». Шлёпнем по рюмашке и славно поговорим. Я пригласил и Ке. Вам не придётся молчать, ибо в беседах с нами у Вас напрочь исчезнет необходимость врать.

Однако, после этого звонка, неизвестно по какой причине, но следы Яши обрываются, а сам он замкнулся, словно рыба, в смысле, от него ни слуху, ни духу. Словом, я так и не дождался от него звонка. Знаю, заставить его обнаружиться, заговорить насильно безнадёжно. Я знаю Яшу. Вот до чего может довести, к каким нежелательным последствиям, гипертрофированная честность.

Исповедь

Это произошло в … году. В моей родной поликлинике мне сообщили о …

Нельзя сказать, что меня опрокинуло в панику, уж точно мне стало неприятно. Однако, получается, ситуация такова, что мимо не пройдёшь, надо что-то делать. Нельзя сказать, что заторопился туда, меня вполне устраивала моя природная жизнь, к которой я привык, и здесь мне неплохо, однако, реалии есть реалии, и от них не уйдёшь. Меня охватило желание проделать по возможности всё, как говорится, незавершенное, но необходимое. Полагаю, здесь самое место и время изложить читателю своё видение себя, то есть, исповедоваться.

Вот она, моя честная исповедь.

Я опасаюсь, что люди не смогут удовлетворительно и, главное, правдиво вспомнить обо мне, и напротив, сказанное ими станет шаблонным и фальшивым, ибо не выразит мою суть, а если скажут из деликатности нечто хорошее, то это станет лукавством (лицемерием) вдвойне.

Я себя знаю. Не конфетка. Об этом догадываются и другие, но открыто в глаза не высказывают, чтобы не нарушать приличия. В любом случае, полагаю, что лучше меня самого никто об этом предмете не скажет. Кроме того, не в моих правилах злоупотреблять человеческой добротой, и тем более перекладывать на людей труд, который, по справедливости, обязан тащить сам.

Словом, я не на шутку обеспокоился и твёрдо, но обдуманно решил посильно с наивозможнейшим приближением к истине, то есть, честно, не щадя себя, сказать людям, каким я сам себя вижу и понимаю. Так сказать, открыто и, повторю, честно изложить исповедь о своей жизни и о себе как землянине. И я не вижу серьёзных причин отказаться от этого своего намерения.

Скажут, дескать, не в обычае писать такое о себе. В смысле, дождись покорно, когда в твой роковой день это проделают другие люди. Вообще-то, я согласен с такой трактовкой, да и сама идея выглядит, скажем, несколько мрачновато. И тем не менее.

Автор в каске московского пожарного

До окончания института ничего полезного для отчизны не совершал. Начиная с десятого класса средней школы вёл молодую порочную жизнь. Сильно интересовался девицами, и мне решительно нравилось общение с ними. Вместе с тем, это не мешало мне учиться охотно и успешно.

Недурно боксировал.

С дипломом инженера-энергетика три года мыл золото в Мариинской тайге, а также монтировал на электростанции турбоагрегат «Броун Бовери» немецкого производства, привезенный из поверженной Германии в счет репараций.

Загремел в армию и тридцать три года занимался изготовлением боевых ракетных комплексов для войск противовоздушной обороны страны.

После увольнения в запас несколько лет трудился в Научно-исследовательском институте Министерства обороны и одновременно осваивал в частном порядке, так сказать, без отрыва от служебной деятельности, кулинарную науку и практику в домашнем варианте.

В результате мною освоено приготовление:

— пирожков с мясом, капустой, яблоками и картошкой;

— блинчиков, дрожжевых блинов, оладьев, сырников, картофельных котлет;

— картофельного пюре и жареной картошки;
— рыбы, запекаемой в собственном соку;
— баклажанной икры и «Гусиных лапок» из баклажана;
— маринованных помидоров по рецепту Алевтины Броверман;
— холодца из свиных рульки и голяшки;
— торта «Санчо Панчо».

Я уж не говорю о таких элементарных в изготовлении блюд, как тыквенная и иные каши, и прочее.

Основательно освоил технологию самогоноварения и усердным трудом добился неплохих результатов в этой чрезвычайно полезной для человека области, как то: изготовления чачи, кальвадоса, сливовицы и, следуя принципу безотходности производства, самогона из старого, предназначенного к выбросу варенья, независимо от вида ягод.

Собственноручно построил в деревне веранду-кухню закрытого типа под крышей, увы, протекающей.

Вдоль и поперёк избороздил матушку-Россию, в том числе и на байдарке, но больше поездом и пешком. Аэропланы не люблю.

Родил дочь и сына; они для меня — жизнь.

Ну вот, вроде всё.

Нет, не всё, в промежутках между этими вышеуказанными делами творил книги. Издал четыре, в настоящее время занимаюсь пятой.

То, что я приступил к этому труду поздновато, возможно, и неплохо. Работа придаёт мне стимул, а кроме того, я напечатаю меньше глупостей, чем непременно сделал бы это в молодости.

Люди вполне довольствуются тем мигом, который дала им жизнь. Они за этот маленький промежуток времени успевают столько всего наделать — и хорошего, и гадостей. Строить планы, мечтать и быть счастливыми, словом, жить, будто долго, будто жизнь нескончаема. Их жизнь кажется им нескончаемой! А ведь это миг, как же люди не понимают этого?! Природа, однако, мудра, она не допустила такого губительного понимания. Ведь если бы поняли, так пустили бы себе пулю в лоб, и проект «человек» обрушился бы.

Я же жизнь свою вижу как счастливый случай, редкую, на предельном уровне удачу. Возможность, которая более человеку, как я понимаю, не представится. В связи с этим понимаю, что тратить время попусту, то есть, на всякую хрень вида переживаний человека по быту, глупостей половых отношений, положения в обществе и прочего-прочего в этом рутинном ряду, решительно недопустимо. Всё равно, как сокровище — жизнь человека, понятие о её величии и уникальности, о её тайнах — мешать с мусором.

Стал соображать, что же мне должно сотворить этакого, чтобы с пользой употребить эту представившуюся мне возможность?

По размышлении решил — самое лучшее, это написать посильно правдивую книгу о людях, близких мне и не очень, немного и как можно аккуратнее, дабы не подставляться, о людях во власти, о человеческой глупости и человеческой мудрости, о человеческой подлости и о человеческой порядочности. Ну, разумеется, и о себе грешном. Как же себя-то забыть. Любим мы все себя, ох, любим. Впрочем, когда и не следовало бы.

Он вспоминать не устаёт.
Он всё, что вспомнит, издаёт.
И это всё обречены
Читать российские сыны.

Литература, которой ныне завалена книжная продажа, очевидно, свидетельствует о верности и даже необходимости такого моего решения.

Чтобы сотворить беспощадно честную книгу о нашей жизни, а это решительно необходимо, ибо изолгались люди и им важно передохнуть от лжи, так сказать, перевести дух, то прежде всего следует принять душ, ибо невозможно сделать это с грязной… в смысле, со злом в душе, а затем посильно высоко приподнять заднюю нижнюю часть своей плоти над мусором быта, политкорректностью и прочими отходами, сопутствующими нашей жизни. То есть, очистить от них свои мозги, и тогда, возможно, это если еще повезёт, автору удастся разглядеть тропу к истине. Дальше самое трудное — не сбиться ему с этой тропы. Впрочем, здесь всё многотрудное.

По правде сказать, соображать я стал, когда вышел на пенсию, то есть, завязал с казённой службой. Словом, дожил до такого состояния разума, что мог себе позволить размышлять без напряга о чем угодно, без давления быта, стеснения и опасения, словом, свободно.

До этого я, как и все грешные, пребывал в рамках природной необходимости, стеснения перед людьми и иерархией власти. Был вынужден постоянно остерегаться не то сказать, не то сделать, что якобы следовало, чтобы остаться в ладу с окружением. То есть, я был совершенно опутан сонмом принуждений извне, причем до такой степени, что эта стеснённость становилась сутью моих мыслей, моего поведения, поступков.

Разумеется, в таком состоянии нечего и браться за литературную работу. Всё, что выйдет при этом из-под шариковой ручки, по определению получится убогим, фальшивым, неинтересным. Разве только

если удастся придумать удачный сюжет, а так нет, ибо создано человеком, находящимся в вышеуказанном придавленном состоянии.

Лень моя заставила искать лёгкие пути в литературе, чтобы ваять без напряга. Искал долго, но нашел-таки этакую халяву; пусть это звучит несколько грубо, но по сути для меня это халява. Вот оно. Озарения! Идёшь себе с песенкой, а тебя озаряет; мысли приходят сами, иногда и неплохие. Пишу, бродя в лесу по своей тропе рано утром, и держу это в голове. А после обеда печатаю, что не успел забыть с утра. Все дела.

Какой стиль использую? Избегаю лишних, лишенных смысла слов, оставляя лишь те служебные, которые необходимы для понимания текста. Пытался принять стиль Гайдая или Юлиана Семёнова, или голос Капеляна за кадром, это у них мощно, но увы, для этого надо быть Гайдаем, Семёновым, Капеляном с их талантом.

Один добрый человек глянул на мои труды, и его даже передёрнуло от неприятия.

Вот захотел я назвать свою повесть «Эссе», так он даже выговорил с трудом.

«Ох, Лёва, вольнодумец ты, самонадеян и неосторожен. «Как захочу, так и сделаю!?» Смотри, не обожгись. Тебе что, на понятия литературного официоза плюнуть и растереть?

Смотри, доиграешься. Это же надо так назвать повесть — эссе, где это видано? Хоть раз где читал или кто тебе сказал, что вот так можно? Опять ты запутался, Лёва, горе мне, мыкаюсь я с тобой.

И вот еще, зачем в конце книги библиография? Кому это нужно?

Если в тексте присутствуют слова некоего Сидорова, и если автор сделает ссылку в библиографии, так это слова Сидорова, а книгу-то ваяешь ты, автор. А значит, в ней должно быть всё твоё. Мне важно, что знания по книге во мне, а откуда они, зачем это-то? Я их осмысливаю, пардон, за смелость, даже развиваю их, ну и все дела. Какие библиографии, что за хрень?

Зачем библиография? Выходит, ты передрал чужое. Зачем тогда пишешь, если всё уже написано? И ты признался в этом. Странно.»

По тексту ничего не объясняю, ничего не доказываю, только рассказываю. Вот, скажем, «Безделицу» я сотворил из дорожного мусора, казалось бы, что за вздор, но ведь, впрочем, таков и человек с его эгоизмом, но и добродушием. Так же и литературное моё творение — из всего, что меня окружает, из наития, собранного по интересу.

Шедевры в живописи и особенно в литературе появляются в том случае, когда автор свободен от пут, то есть, свободен в мыслях или

хотя бы начинает освобождаться, и чем решительнее, глубже, тем лучше. Возможно, это и есть один из секретов появления хороших книг — свобода мысли, свобода от предрассудков, ну, разумеется, и способность, так сказать, талант. Не следует, однако, увлекаться освобождением от пут, доводить себя до безумия свободой. И еще — устремлением к благу.

Итак, условия создания приличной книги — способность, устремление к благу и свобода от пут. И еще необходимы страдания.

Практический совет. Если есть что сказать, то есть, содержит смысл и получилось это изобразить, следует решительно печатать книгу крупным шрифтом, дабы каждое слово виделось издалека. Если же намолол чепухи, вздора и сам сквозь слёзы понимаешь это, так лучше мелким шрифтом, дабы запутать читателя, и если тот чего не поймёт, пусть винит себя. Автор же, руководимый здравым смыслом, надёжно спрятал своё уродство с помощью мелкого шрифта. Важно еще — книгу следует ваять в голодном состоянии. У сытого мозги работают на переваривание пищи. Ничего путного не создашь. Мыслится тяжело. Поднимая сказанное выше, можно тем же объяснить, отчего в эпоху устроенной комфортной жизни общества не случается шедевров в живописи, слове, науке, религии и вообще в сфере озарений и размышлений. Разум общества уходит на переваривание комфорта. Нет нужды.

Между тем, авторов как таковых недолюбливаю. Мало бьют этих авторов. До чего зловредная публика. Подглядывают, подслушивают, а затем начинают поносить человека, писать гадости под видом «как оно есть», вроде так оно на самом деле, в натуре.

Такой вот паук, в смысле автор, сидит в своём логове, как, к слову, я в селе Малое Скуратово, высасывает из окружающего мира всё для него интересное. Слопал, пошел дальше за следующей жертвой. И любопытен, опасно любопытен, всё вынюхивает, высматривает, да на бумагу, на бумагу. Хитроумный он и подобен Одиссею, и коварен, очень коварен.

Я смотрю на это так, неприятные они, эти авторы, не дают людям покоя. Нет чтобы показать человека с положительной стороны, увидеть в нём хорошее, доброе. Ведь есть у некоторых такое, если поковыряться, можно, пусть с трудом, не сразу, через увеличительное стёклышко, но обнаружить. Так нет, он их, то есть я, людей всё поливает, да всё под дых.

И ведь таким образом рассуждает немало людей. Читатель может подумать, что я нехороший человек, а конкретно, людофоб.

Дабы отмести от себя такую решительно незаслуженную, несправедливую по отношению ко мне оценку, заявляю, и если потребуется — подкреплю клятвой, что ничего подобного.

Напротив, я стараюсь любить людей. Так требует Он.

Но я человек, слабый человек, а вокруг иногда такие гниды, как их любить?

Я кинул свои книги людям. Одичал народ, не читает книги, завис в электронике. Да и хороших прискорбно мало. Я и решил помочь людям, спасти их от одичания. Написал книги и подбросил, пусть читают.

Однако, напрасно. Поздно. Кончается век книги, век размышления над книгой, век человека. Век чарующего чтения в свете настольной лампы, листая страницы, ощущая руками мудрую тяжесть книги. Началось и беспощадно происходит преображение человека в обезьяну, век мгновенного бездумного разума.

Я переходное звено от человека к обезьяне.

Знаю свои недостатки. Их немало, скажем, отсутствие «трамвайной» реакции, то есть, медленное соображение, фатальная неспособность рассказывать анекдоты и губительная доверчивость к людям.

Не люблю комаров, мух, крыс, мышей и еще выпускников Военно-воздушной академии имени Жуковского.

По милости этих красавцев, одетых в сокрушительно обольстительные авиационные мундиры небесного цвета, меня бросили две весьма достойные девушки, с которыми у меня складывались перспективные отношения.

До сих пор этой подлости от них забыть не могу.

Решительно и осознанно, нарушая традиции, откровенно заявляю, что по жизни вольно или невольно грешил, ибо как ни крути, пребывал на Земле природным человеком.

Да, греховен, как, впрочем, всякий человек, но клянусь, греховность моя происходила не от злого желания, а порою скорее от незнания последствий греха. Как оплошность и непонимание, что это скверно, тяга инстинкта. А если бы меня спросили — зачем ты это? Несомненно, ответил бы — не знаю.

То есть, я причинял ущерб лишь себе, но никому другому. Грех мой локальный. Он замыкался на мне. Убедительно прошу не равнять меня с людьми, из которых греховность прёт естественно и без внутреннего противодействия, но как потребность скверной души.

Упорно познавал себя и свои возможности через Сиреневый мир, мир Сумрачных ощущений и Странное шоссе. Изучал хиромантию,

но, в конце концов, отбросил её с негодованием: то ли не разобрался, то ли это, в самом деле, натуральная хрень.

Познавал йогу и поверил в неё.

Много размышлял о духовности как таковой и в особенности скорбел о судьбе бездуховного человека. Искренне жалел атеистов, их добровольное самоограничение единственно одной лишь природной жизнью, сводящих свою глубокую внутреннюю суть к усложнённой молекуле нефти или амёбе.

Догадывался, что жизнь человека не прекращается с его уходом. Теперь мне представился весьма удобный случай проверить эти свои соображения в натуре. Признаюсь, испытываю некоторое сомнение и даже трепет относительно того, удастся ли мне передать из моего иного состояния свои наблюдения людям. До сих пор, насколько мне известно, еще никому не удавалось очевидно, доступно и понятно сообщить, где он теперь и что есть он. Возможно, это происходит от недостатка убеждённости и веры, что весьма свойственно людям. Я тут не исключение.

Сердечно люблю своих близких. Вместе с тем, такой же любви вообще, к чужим для меня людям в себе не ощущал. По моему мнению, любить всех людей способен только Он. Я же человек и не более того. Эта мысль меня не то что устраивает, но хотя бы сглаживает беспокойство, успокаивает.

Полагаю себя неплохим человеком, если не считать нескольких досадных эпизодов, когда я поступал, мягко говоря, не так, как следует. Я в этом смысле умиротворён и не испытываю терзаний совести.

В качестве надёжного, заслуживающего полного доверия свидетеля моих достоинств могу указать соседа по нашему общему четырёхквартирному тамбуру — хорошего человека, талантливого поэта Александра Стихийного.

Однажды при встрече я приветствовал его и спросил, не будет ли от него для меня указаний.

Он ответил: «Лев Васильевич, Вам давать указания — только портить».

В другой раз: «У Вас, Лев Васильевич, аналитический ум. Таких, как Вы — один на тысячу». Подумал и поправился: «Один на сто тысяч».

Я ему верю.

И слава Богу!

Маленькие рассказы

О воспитании

В Горбачево к нам в вагон подсели пассажиры. Среди них два разительно активных.

Она, мощно двигая бёдрами, продавила себе место между плотно сидящими женщинами, как пресс. Уселась.

— Здесь сидят, — сказали ей.

— Придут, уступим, — однако видно, что не уступит.

Он продвигался следом легко, как теплоход после ледокола.

Едем.

Он сильно пьян и жаждет собеседника, вернее, слушателя.

— У меня брат машинист, ну это раньше, а теперь механик на электровозе. Ездит в белой рубашке с галстуком. Скорость охеренная! За окном мелькает, — он недовольно посмотрел на меня.

— Ничего не видно.

— От качки, вероятно? — спросил я.

— Нет, на спинку кресла поставишь стакан с водкой, не дрожит, — он немного помолчал.

— И по времени удобно: к вечеру выезжаем, с собой пару пузырей. Как раз, допьёшь и подъезжаешь к дому.

На этот раз он замолчал надолго. Он рассматривал наших мальчиков и лишь мычал нечто нечленораздельное.

Ребята на полке возле окна играли в слова, шалили и даже боролись.

Мужчина посмотрел на них очень неодобрительно и назидательно произнёс:

— Дитё в семье, оно, значит, должно так воспитано, чтобы чаще его лупить, а мы только шлёпаем его нечувствительно. Надо, чтобы дитё в родителе восьминога видело, медузу эту, как её фамилия, Гаргоду.

— Ну, я и сказал, Горгону.

— Чем мы шлёпаем? Ладошкой, которая, простите, особенно у интеллегентов, мягкая, без мозолей. А чем надо бить? Надо лупить ремнём, лучше с бляшкой, чтобы чувство было, чтобы этот твой интеллект вливался этими твоими квантами, через что? Через попу.

— А тебя самого-то били?

Он глубоко задумался, и вдруг даже вздрогнул от воспоминания.

— Меня, милок, били. Меня колошматили. И вот который год всё думаю: правильно это или неправильно, что меня били.

— А вот этого не били, только уговаривали, пряники давали, — он указал на Вовку, сына нашего приятеля, которого мать нещадно колотила по малейшему поводу.

— А вот этого правильно воспитывали, с ремнём, — и он указал на моего Димку, которого ни жена моя, ни я никогда и пальцем не тронули.

Наш быт

Рукава моего кителя изрядно истрепались, манжеты висели бахромой и делали вид офицера вооруженных сил страны решительно нетерпимым, я бы даже сказал, непристойным.

Я взялся за дело. Энергично отпорол подкладку, заглянул внутрь и к своему унынию убедился, что строение рукава весьма сложное: необходимо как следует разобраться. Я основательно засел, понял, что к чему, вооружился портняжным набором и через пару часов с законной гордостью представил жене завершенную работу.

Я не сомневался в её положительной оценке.

Однако, Тоня с довольной усмешкой произнесла:

— Молодец, но дело в том, дорогой, что пошил ты зелёными нитками, и это на тёмном фоне безобразно кидается в глаза.

— Ладно уж, я доделаю, — добавила она, весьма удовлетворённая тем, что последнее решающее слово оказалось за ней.

Что и говорить, портняжная работа ближе по своему характеру к женской натуре; женщина способнее в ней.

Тем не менее, от этой работы я сильно устал; я выпил свой большой бокал горячего чая с рижским бальзамом и рухнул в постель.

Утром проспал: вместо шести ноль-ноль я протёр глаза в семь часов десять минут.

Авралом подняли ребят. Молоко скисло, и каша для Димы получилась на воде с сахаром и маслом. За завтраком веселье лилось рекой.

Мы сидели как бы в вагоне-ресторане, где Оля директор. Мы острили, хохотали, а Дима намеренно противным голосом (он из чего-то взял, что недовольство следует произносить исключительно противным голосом) отчитывал Олю за легкомыслие.

Побриться я не успел, целовали меня на ходу, и Оля укололась о мою щетину.

Сложности воспитания

— Андрей, сейчас же выбрось этот пистолет!

Десятилетний мальчик Андрей вот уже неделю с неукротимой энергией, не щадя сил и времени, мастерит деревянный пистолет. Пилит, строгает, полирует, стучит.

— Иначе я сама это сделаю. Дай сюда! — он не отдаёт.

— Ты не слушаешь меня, тогда мы не можем жить вместе.

Андрей собрался и ушел, а мать осталась в ужасном состоянии. Её действия дали обратный, нежелательный, хотя и ожидаемый результат. Она не добилась послушания и получила конфликт.

Ребёнок ушел из дома. Броситься на его поиски — воспитательный провал. Не искать нельзя, ибо материнская любовь не допускала безучастия в этой ситуации: сердце просто разорвётся.

Женщина стояла у окна в нижней рубашке и ждала его возвращения, а сердце болело и надрывалось. Погасила свет. «Пусть подумает, что мы спим, и придёт. Он ведь тоже, небось, мучается, — рассуждала она. — Хочет прийти, а гордость не позволяет».

Тайна жидкости для очистки стекол

— Знаешь ли ты, что в состав жидкости для чистки стёкол входит спирт? — спросила жена.

— Ну и что?

— Так вот, эту жидкость для очистки стёкол алкаши пьют, — торжествующе, как открытие, произнесла она.

— Тоже мне новость, — небрежно заметил я, — когда я ходил по тайге на Дальнем Востоке, прибрёл однажды к стоянке изыскателей и познакомился с Колей-бульдозеристом, то указанный Николай клятвенно убеждал меня, что его собака, «стерва», так он обозвал её при этом, пьёт солярку.

Я, можно сказать, не поверил ему, но Коля поклялся, что говорит правду.

Крепкая натура

В автобусе, в правом ряду у окна, сидел кряжистый, мордастый, смуглый мужчина, заросший дикими черными волосами.

Он сильно под хмельком, и несмотря на то, что место, где он располагался, было неудобно тесным, а автобус вдобавок швыряло, указанный гражданин спал, причем крепко, можно сказать, беспробудно.

Когда водитель тормозил, а делал он это круто, гражданина в соответствии с первым законом Ньютона кидало вперёд и било головой о металлическую спинку переднего кресла с характерным деревянным стуком, напоминающим удар деревянного молотка по деревянному шару.

И напротив, при резком ускорении движения автобуса мужика откидывало на спинку его кресла, и голова его ударялась с хорошо знакомым для большинства людей звуком откупориваемой бутылки шампанского.

Гражданин, тем не менее, спал.

Деревянный стук — голова впереди, звук откупориваемой бутылки шампанского — голова запрокинута. Его метало относительно воображаемой оси, лежащей в плоскости, проходящей через касательную к спинке кресла и через задницу гражданина; голова при этом описывала правильную дугу примерно в четверть окружности.

Уникальный мужик, поразительная способность к адаптации. Странно лишь то, что он при таких способностях совершенно не берёг головы.

От него тянул сладковатый, но устойчиво противный запах простейшего сивушного перегара.

В бане

У нас в доме нет горячей воды, а помыться надо. Я отправился в баню, а заодно и в парикмахерскую.

В кресло сел заросший, как орангутанг, дед в усах и бороде. Внучка осталась ждать деда.

Мастер защелкал ножницами; через малое время девочка взглянула на изменившегося деда и взвизгнула:

— Наш дедушка вылитый фюрер!

Я невольно тоже взглянул и ахнул. Дед действительно поразительно похож на Гитлера.

В кресле давно сидит грузин с толстой самодовольной физиономией. Девушка вот уже час тщательно его стрижет. Грузин купается в обожании.

Со мной ожидает своей очереди седой мужчина. Он произнёс:

— Люди ходят в баню, моются и забывают, что чистота должна быть внутри, — и он выразительно щелкнул по шее, — выпить надо.

— Вот есть и такие на планете Земля, — брезгливо добавил он и указал на грузина.

— Жизнь человека во многом зависит от его внешности. Вот я, предельно честный человек, но внешность моя, как бы это помягшее сказать, не внушает у публики доверия. Зайду в баню — пальто не примут, «возьми сперва билет». Банщик ушлёт в самое скверное место, да еще поглядывает, не сопру ли чего. Номерок на одежду отдаёт не сразу, а долго придирчиво и бдительно рассматривает. Или тебя обидели, скажем, в магазине. Ищешь правды. Так в лучшем случае пошлют за милиционером, чтобы удалить.

А другой прётся прямо к директору; всех бросают, только с ним и занимаются. Внешность, видите ли, у него располагающая и даже подавляющая, а ведь копни — прохвост, пробы поставить негде.

— Один старик ходит в баню с огромным дорожным чемоданом типа «баул». Банщики просто бесятся, а людям интересно, любопытно. Всё норовят заглянуть внутрь баула.

Вобла

Вышел из дома с твёрдым намерением посетить Третьяковскую галерею, и по мере ходьбы всё более утверждался в своём решении.

«Следует шагать в ногу с культурой, иначе жизнь — одно вульгарное потребление, и это очень скверно».

Однако, проходя мимо рыбного магазина, я увидел очередь за вяленым лещом по цене один рубль сорок копеек за килограмм, был захвачен общим устремлением, и после непродолжительного незначительного колебания притормозил.

Взял три кило (больше в одни руки не давали) и вернулся домой.

Угрызений совести или иных душевных неудобств в связи с переориентировкой в намерениях я не ощутил.

«В Третьяковку можно сходить всегда, а купить воблу — это счастливый случай. Её выбрасывают так редко», — рассуждал я, запивая пивом очередной кусочек вкусной солоноватой рыбы.

Странное воспоминание

Это было давно, немыслимо давно для человека, для меня. Более половины века назад. Мы с женой приглашены на день рождения подруги близкой подруги жены… забыл имя, вот как давно. Преподавательницы французского языка в каких-то там университетах. Еще ранее у меня был кружочек знакомых девушек, студенток института иностранных языков. Мы никогда не произносили его полного названия. ИнЯз, вот как мы в обиходе именовали его. Девочки были хороши, как на подбор. Вошел я в этот прелестный очаровательный кружочек по наводке моей двоюродной сестры Наташи, когда она прибыла из Петербурга, тогда Ленинграда, чтобы повидаться со мной, с подругами, а заодно и со столицей нашей Родины. Надо сказать, что в то время бытовал обычай вести вечный диспут на тему, какой город лучше — Москва или Питер.

Так вот, встретились мы в моей съёмной квартире на Садовой Триумфальной и славно провели вечер. Среди этих её подруг две состояли в браке, то есть, были замужем. Одна положила на меня глаз, и мы встречались в дальнейшем втайне от её супруга. Однажды она приболела, не помню уж, какой хворью, и я с этой её замужней подругой проведали её в больнице, а выйдя от неё сели в сквере и целовались. Вообще, здесь всего было столько, что для выяснения всех обстоятельств требует отдельного изложения. Даст Бог, мне удастся это. Здесь же перехожу к тому, ради чего начал.

Итак, день рождения у подруги. Повторюсь лишь, что с того волшебного времени прошла бездна лет. Среди гостей я обнаружил её, ту, с которой тогда целовался. Своё состояние словами изобразить сложно. Это было потрясающе, оно одним махом разрушило мой сегодняшний мир с обязанностями, семейными отношениями. Не знаю, можно ли назвать это шоком, но я, в общем-то, по натуре уравновешенный человек, я растерялся, потерял ориентиры. Это было решительно незнакомое мне состояние. Я не знал, что мне делать, да и нужно ли. Мало того, я почувствовал, что и она ощущает то же. Я не мог находиться за пиршественным столом, вышел в соседнюю комнату и был в отчаянии, в разрушенном моём привычном мире.

Воспитательный процесс

Ленинград, 1968 год.

Троллейбус переполнен, двери не закрываются, на подножках висят парни.

— Граждане, пройдите вперёд. Позвольте мне закрыть двери, — вновь и вновь повторяет водитель без малейшей надежды на понимание.

После нескольких безуспешных обращений он со словами:

— А то я сам продвину! — резко затормозил; вся масса людей под неумолимым воздействием закона инерции колыхнулась и со вскриками, стонами, проклятиями поехала вперёд.

Освобождённые двери с лязгом захлопнулись.

— Правильный мужик, человек слова, — одобрительно бросил студент.

Водитель выждал, дал пассажирам обрести себя и наставительно разъяснил:

— Это минимум, а будет максимум.

Вероятно, ему показалось, что полного послушания еще не достигнуто и воспитательный процесс следует продолжить.

— Вот, и станет видно, что за рулём сидит хулиган, — слабо отреагировала дама из середины салона.

Портмоне

Утром шел на службу, размышляя о всякой всячине. За два часа ходьбы чего только не придёт в голову.

Вначале мысли шевелились вокруг реальных вещей, но по мере того, как я углублялся в размышления, а информация извне ограничивалась пешеходами да транспортом, они принимали всё более абстрактный вид, уходили в утопию, и, наконец, выдали соблазнительную картину толстого широкого портмоне, лежащего в глыбе таявшего снега.

Портмоне был туго набит банкнотами. Я на взгляд пытался определить сумму содержимого вначале в пять тысяч, затем, прибавляя понемногу, довёл до тридцати. Этим я, однако, не ограничился (вот человеческая жадность) и прибавил пакетик с золотыми пластинками и горсть драгоценных камней.

Хотелось больше, но даже воображаемое, виртуальное портмоне не могло вместить еще хоть сколько. При этом я сознавал, что это

чересчур, мечтать столь вздорно, но мысли эти были приятны, как опиум, и они долго не отпускали меня.

Вечером, возвращаясь домой тем же маршрутом, на улице Алабяна, возле диетического магазина я перешагивал через кучу бурого весеннего ноздреватого, пропитанного талой водой снега и зацепился за её верхушку.

Ударом ноги сбил верхушку и увидел в нижней половине, на фоне накопленного за зиму мусора уголок — вроде бы, кожаного портмоне. Я нагнулся и потянул его в попытке извлечь из снега, но оно вмёрзло в глыбу, составляло с ней одно целое.

Каблуком я раздробил снег вокруг этого, якобы, портмоне, и оно вывалилось, всё облепленное ледяшками, и лежало передо мной — туго набитое, коричневое и внушающее уважение, как вещь, а не мусор.

Я взял его в руки и с хрустом раскрыл. Портмоне набито деньгами. Невероятно настолько, что я не поверил своим глазам. Я стоял и счищал с него лёд, чуть ли не в растерянности.

Портмоне из добротной давленой толстой кожи и размером более обычного, и оно тяжелое.

Я стоял и смотрел на портмоне, затем втиснул его в карман пальто и неторопливо пошагал к площади автобусного и троллейбусного кольца, что у метро «Сокол».

Случай невероятный, но факт есть факт. Единственно, сомнения грызли меня, не галлюцинация ли это.

Шампуры

Человек шел по улице Шота Руставели в Тбилиси. В руке его в лучах южного солнца, ослепительно, как луч лазера, сверкали лезвия шампуров. Он нёс шампуры с радостью, с гордостью удачливого завоевателя; не так просто приобрести шампуры в эпоху тотального советского дефицита, да еще срочно, своевременно, ибо барашек уже куплен.

Человек полагал, что он попросту ограбил грузина, всучив тому за них какие-то ничтожные три рубля. Цена, не идущая ни в какое сравнение с ценностью товара. Длинные, подобные шпаге средневекового дворянина, великолепные шампуры!

Человек намеренно не завернул их в бумагу, чтобы не лишать себя сладости смотреть на них, любоваться ими. Он шел, смотрел на шампуры и улыбался им. Улыбался до тех пор, пока его не тронул за руку милиционер.

— Ты что, не слышишь, я тебе говорю?
— Нет, не слышу.
— Что это?
— Шампуры.
— А где взял?
— Купил.
— Где?
— В шашлычной на углу Шота Руставели и Гамсахурдия.
— Ну, иди.
Милиционер рысью побежал в указанном направлении.
Ах, дефицит-дефицит.

Попугай

Из квартиры известного академика, философа марксистского толка Голожопина в открытую форточку улетел попугай; попугай не вернулся, и найти его также не удалось.

«Наверное, его кошки слопали», — решили мальчики из соседней квартиры.

Утрата попугая чрезвычайно огорчила его хозяина, престарелого академика, доходы которого составляли: за звание — 500 рублей, за должность — 800 рублей, за лекции — по-разному.

Между прочим, академика он получил после отсидки в тюрьме за неуверенность в приверженности к своей родной философии.

Огорчило это также постоянных, ужасно утонченных гостей академика — актёров, актрис, ученых и прочих. Дело в том, что в квартире проживала еще собака — крупный дог, он любил забираться на диван, где ему было и мягче, и теплее, словом, комфортнее.

На дога постоянно кричали: «Опять забрался на диван!», и всякий раз после окрика дог, виновато опустив голову, убирался к себе.

Попугай-попка со временем тоже научился орать на собаку своим металлическим голосом: «Опять забрался на диван!», и тот уходил.

Были у него и иные достоинства. Подобно попугаям вообще, наш попугай весьма прилично бранился, не брезгуя самыми грязными выражениями, более того, он очевидно предпочитал именно их.

Неудивительно, что указанные сценки нравились утонченной публике, да, признаться, и самому академику; он как бы угощал ими своих гостей. По указанной причине все, решительно все сожалели о пропаже умной птицы.

Юлька

В автобусе я увидел женщину, показавшуюся мне знакомой; сколько я, однако, ни напрягал своё серое вещество, опознать её не мог, до тех пор, пока она не улыбнулась. С улыбкой она стала Юлькой, которую я знал не менее шести лет. Как же я не узнал её сразу?

Я высказал свои соображения Юльке, прямо скажем, с виноватым видом, но она успокоила меня, сказав, вроде, что же тут удивительного, ибо она беременна.

Я похвалил её за решимость и благоразумие и осведомился о планах в связи с предстоящим рождением дитяти.

— Работу не брошу. Как только мальцу исполнится полгода, немедленно отдам в ясли. Я себя гробить не намерена, — твёрдо изрекла она, — не то, что ваша Тоня. Хочу пожить для себя.

Я никак не прореагировал, но глубоко задумался.

«Хочу пожить для себя» не выходило у меня из головы. Может быть, мы с Тоней действительно неверно понимаем жизнь? Собственно говоря, как это, «пожить для себя»?

Возможно, это означает поступать так, как тебе нравится. Вот где собака зарыта, вот ответ на мои сомнения. Но мы не идём против себя, мы поступаем по своим желаниям. Мы не смогли бы отдать свою крошку чужой тёте, ибо это причинило бы нам душевное беспокойство и неприятность. Следовательно, оставляя малыша дома, мы поступаем в своё удовольствие, и никак иначе.

Видимо, мы с Юлькой, как, впрочем, и все люди, по-разному понимаем понятие «пожить для себя».

Дама с собачкой

В очереди за колбасой стоит дама с небольшой собачкой.

В собаке сосредоточена извечная любовь этих милых животных к человеку, можно сказать, к человечеству. В настоящий момент она изливает указанное чувство, встав на задние лапы и опершись передними о новое светло-зелёное пальто некоей гражданки.

Собаки не разбираются в условностях человеческого быта.

Пальто перепачкано, а четвероногий друг человека прогнан с выговором.

— Собака умнее Вас, — немедленно заявила дама — хозяйка собачки. Этим она не ограничилась, а стала показывать пальцем на женщи-

ну в светло-зелёном пальто и шептать другим гражданкам что-то про неё и хихикать. Затем, уже громко, она провозгласила:

— Календарь надо читать про любовь к животным.

Антонина Никифоровна

Антонина Никифоровна, низенькая полная дама с широкой мясистой багровой физиономией, — большая любительница рассказать о своём видении мира; заговаривает до полусмерти. Я стараюсь избегать встреч с ней, но это почти невозможно.

— Мой сосед пьёт и хулиганит, — начинает она, крепко взявшись за пуговицу моей шинели, — мы письмо на завод. Пришла общественность, а он её матом прогнал за дверь. Мы письмо директору завода, а оно как утонуло.

Два года подряд сидел председателем заводского комитета; директор его держал. Мужик с семиклассным образованием. Груб, как боров, только что не хрюкал, но в остальном копия. Директору льстил.

Продукты из заводской столовой таскал, как из своей кормушки, и ценную рыбу, и икру, и цыплят. Это он «цыплят табака» делал.

Душил нас ароматом, потому что ароматная еда для нас недоступная, хуже яда.

В заводскую столовую завозили хорошие продукты, но они тут же расходились по лохматым рукам. Зато обеды выдавались на гора никуда не годные. Постоянная угроза для здоровых людей и неминуемая гибель для диетиков.

Напекут привозных беляшей на машинном масле, а чая нет. Нечем залить жар в желудке. И управы на эту шайку нет, потому что шеф её поддерживал. Ему это выгодно.

Дядя Лёша

Эту грустную историю рассказала мне жена.

— Был у меня знакомый алкоголик, дядя Лёша.

— Дядя Лёша, — спрашиваю, — почему Вы пьёте?

Он вздохнул.

— Был молод, жил в одной комнате с братом и его женой, да и сошелся с ней. Брат, тихий такой, повесился. Я же так с ней и жил. Стал много пить.

Квартира наша коммунальная, многокомнатная, слышу однажды, кто-то скребётся в дверь. Открываю, о ужас! Дядя Лёша на четвереньках, как собака, и встать не может.

— Он хотя бы поздоровался? — совершенно некстати спросил я.

— Перестань острить, — резко, но очень правильно среагировала жена и продолжила свой рассказ.

— Займёт, бывало на четвертинку и отдаст точно в срок; день ожидает меня, но отдаст. Исключительно аккуратный был в части расчета за долги.

Лёг он в больницу лечиться от алкоголизма, звонит:

«Тонечка, передай тёте Лене, чтобы принесла пятьдесят граммов. Умираю, хочу выпить».

Я передала, а та: «Вот еще, стакан ему в бок. Обойдётся». Сама купила четвертинку и выпила.

Через день звонят из больницы. «Заберите тело, умер от белой горячки».

Если бы тогда выпил, может, и обошлось бы. Жалко мне его.

Отдых

В Парке Горького, на видном месте случились два сильно пьяных мужика.

Один позарез желал гулять, другой, правильно оценив его и свои возможности, уговаривал плыть домой. К согласию они, однако, не пришли и стали бороться. Боролись неловко, неторопливо, словом, без огонька, и тем более без злобы.

Само собой, тут же собрался народ из гуляющей публики и стал с интересом наблюдать.

Картина, несмотря на борьбу, выглядела мирной и почти пристойной. Повалив товарища, победитель долго сидел на нём, отдыхая и втолковывая своё. Руки их покрылись пылью, а затем и грязью с подтёками, как у поросят.

Подошел милиционер, постоял, оценил обстановку и стал разгонять публику.

— Уходите, не мешайте им!

Победитель, однако, сидел наверху недолго. Повозив физиономию в пыли и упираясь руками, нижний постепенно вылез, в свою очередь подмял того под себя и уселся сверху. Что было дальше, не знаю, я ушел.

Молодёжь и позы

Молодые люди обожают позировать, чтобы показать окружающим свою значимость и выделиться из толпы.

В настоящий момент речь идёт о длинном юноше, стоящем в вагоне метрополитена и ломающемся, как велосипедная цепь, то есть производящем манерные телодвижения.

Вот он принял позу совершенно замученного человека: глаза его закрыты, на лице страдание.

На некоторое время я потерял его из вида, а когда обнаружил вновь, поза его разительно переменилась. Теперь он мечтательно улыбался своим мыслям: бровь его романтически изломана. При этом он смотрел поверх голов и шевелил губами, как бы произнося стихи.

Принимал он и иные позы. Независимо от позы, он был постоянно обращен к окружающим его людям, где виднелось немало смазливых девчонок.

Собственно говоря, ради них парень и старался.

— • —

Грациозно потряхивая волосами, завязанными в конский хвост, к троллейбусу бежала дева с голыми, лишенными загара бёдрами. Юбку свою она в усердии догнать транспорт потеряла. Очень короткая, ярко-синяя кожаная куртка с капюшоном, увы, не покрывала оставшуюся оголённую часть девичьего тела.

Девушка впрыгнула на переднюю площадку и остановилась, чтобы не смешиваться с толпой; она поднялась лишь на одну ступеньку.

Она стояла, как артистка на сцене, у всех на виду и что-то очень мило и лихо жевала. Всё вместе — и конский хвост, и яркая куртка, и голые бёдра, и желание показаться — выглядело шикарно. Всё ею продумано до тонкостей; она и в самом деле выглядела шикарно.

Это был вынужден признать даже я, хотя и понимал всю примитивность её приёмов.

Секрет заключался в её молодости.

— • —

Из стеклянного куба парикмахерской, что у метро «Краснопресненская», вышла девица, секунду постояла, приходя в себя после процедур, преобразивших её в значительно лучшую сторону, и как бы

примериваясь к изменившейся обстановке. Наконец, спокойно и ровно начала движение.

Стояла весенняя, ясная, солнечная, тёплая погода, и тем не менее, девица подняла воротник котикового пальто — исключительно из-за того, что это делало её еще привлекательнее. Она подошла к автобусной остановке, но не растворилась в группе ожидающих граждан, а встала чуть поодаль в виде картинки для любования.

Девица и в самом деле выглядела недурно.

Решив, что с данной группы мужчин будет довольно, она отправилась к трамвайной остановке, расположенной шагах в тридцати в сторону.

Передвигаясь то шагом, то лёгким прелестным бегом, она каждым своим движением выделяла себя из толпы. Её движения функционально сильно напоминали футбольные финты, но если целью финтов является отвлечение внимания футболистов, то цель её движений, напротив, в привлечении внимания мужчин.

Она шла, как солдат на поле брани, «победить или умереть».

Нет, она решительно прелестна. Если уж её действо и меня захватило: меня, немолодого, страдающего радикулитом, брюзгу, единственная добродетель которого доброта.

— • —

В ушах у неё болтались различные красивые предметы, а каблуки, устроенные особым образом, колотили по плиткам подобно крупнокалиберному пулемёту.

— • —

Ох уж, эти моды и желание выглядеть не хуже других.

Возьмём туфли. Люди падают с лестницы, оставляют каблуки в решетках метро, продавливают насквозь асфальт, отвратительно, до боли в ушах, подобно отбойным молоткам, тарахтят по тротуару, опаздывают на службу, ибо на шпильках не побежишь.

А нагрузки на землю: не менее тридцати килограммов на квадратный сантиметр; не всякий материал выдержит. Портят асфальт, дорожникам убытки.

А одежда? Юбки узкие, в транспорт не влезешь, сидишь, краснеешь, поминутно поправляешь, а поправлять нечего, больно коротко. Мужики невольно тупят туда взор.

Словом, женщины теряют разум, и всё во имя того, чтобы выделить себя, не быть хуже других.

Китайчонок

В одной семье произошел удивительный и почти скандальный случай.

Дочь вышла замуж и через положенный срок родила маленького китайца. Поскольку родители считали себя истинно русскими, молодой папа определил, что ребёнок не от него и со слезой и надрывом в голосе объявил о разводе.

В конфликт вмешалась тёща; она сказала своему расстроенному зятю, что дочь её ни при чем, а во всём виновата она, то есть, тёща. И пояснила, что после замужества она вскоре уехала с мужем в Китай, где он трудился по контракту. Только прошу тебя, дорогой, пусть это останется между нами.

Инцидент улажен.

Диспут

В воскресенье я весело проводил время в очереди на сдачу стеклотары, то есть, переходя на понятный язык простого народа, бутылок.

Многие с детьми. Мой Дима без устали катается вокруг на велосипеде. Другие ребятишки с очевидным интересом и даже восторгом смотрят, как пёс норовит просунуть нос через дырку в заборе; некоторые пытаются потрогать собачий нос с обратной стороны забора. Словом, всякий забавляется, исходя из своих интересов, возраста и интеллектуального уровня.

Периодически я улавливаю Диму, вытираю ему мордочку и одновременно участвую в беседе о неблагоприятном состоянии снабжения населения нашей страны скоропортящимися продуктами.

Немолодой сельского облика горожанин втолковывает даме в черном пальто свои соображения по теме.

— Возьми рынок, картошка отборная, лежит, как поросята, а хранится в простом погребе. Не то, что у государства в хранилищах с кондиционером и одеколоном.

Частник, он хозяин, и цену он запрашивает, чтобы повыше.

Дама фанатично настроена против частника; она с наслаждением сообщает, что скоро на рынке установят твёрдый предел цен, и кто запросит больше, того выгонят.

— Не может быть, — заявляет мужик.

— Как не может быть, когда я сама свидетель, и другие говорят.

Мужчина упорствует в недоверии.

— Вы, вроде, не дурак, а говорите, — долбит его дама.

Тот отмахнулся, он не обидчив. «Женщина нервная, что с неё взять».

— Вот был я в Одессе, в доме отдыха. Там нас давили рисом, давили гречкой, а картошки нет. Почему? Невыгодно.

Альварес

Саша Спектор трудился машинистом, пока жена не произнесла, и весьма решительно: «Саша, выбирай, или паровоз, или я».

Мы звали его Альваресом за черные баки, нос с горбинкой и залихватский, можно сказать, легкомысленный вид. Враль отчаянный, но и в действительности различные приключения нередко случались в его жизни, хотя, по правде сказать, он к ним вовсе не стремился. Более того, он посильно старался избежать всякого рода опасности.

Но вот выклянчить спирт для промывки «оптических осей», приволокнуться за женским полом, поиграть в преферанс или просто полодырничать он был и большой охотник, и великий мастер.

Он окончил институт железнодорожного транспорта, и первое время, как уже сказано, водил паровоз. Вот именно о своих дорожных происшествиях он любил рассказывать больше всего.

Обычно, узнав о моей предстоящей командировке, он усаживался на край моего рабочего стола и, жадно затягиваясь сигаретой, спрашивал:

— Ты куда едешь? — он с нетерпением ждёт ответа.

— В Пермь.

— Да, помню, водил я поезда. Вывернул из-за поворота к станции. Вижу, военный с женщиной, на гудки не реагирует. Он успел посмотреть мне в глаза. Сколько лет прошло, а этот взгляд помню. Ведь подавал же я гудки. Но по другому пути шла электричка, и они, видимо, решили, что это она сигналит.

Состав я довёл. Встречают двое гражданских.

— Товарищ Спектор?

— Да.

— Пойдёмте.

Эти ребята в моём спектакле жизни сыграли роль короткую, но значительную, прямо скажем, яркую. Отвели меня в КПЗ и исчезли, а

жизнь моя перемешалась. Роль свою они сыграли блестяще. Допрос за допросом.

Обвинение сняли.

В другой раз едва не врезался в товарняк, смог затормозить за три шага до амбы.

Тоже долго тягали.

Верблюд

Мы прозвали его верблюдом. Время голодное, конец войны. В своём рюкзаке он таскал варёную в мундире картошку. Он то и дело запускал руку в рюкзак, весь скособочившись, как обезьяна, вынимал картофелину и медленно, крохотными кусочками сжевывал её.

Однажды Таньке пришло в голову его разыграть. Мы положительно восприняли её идею, набрали пустых бутылок, которые во множестве валялись в лесу после народных гуляний, и набили ими рюкзак Верблюда. Во избежание разоблачительного дребезжания тщательно переложили их травой.

Верблюд проснулся, взвалил рюкзак и попёр без всяких видимых усилий. Мы шли следом, хрюкая от смеха, но скрывая от него причину нашего веселья. К вечеру все разошлись по домам.

На следующий день мы вновь собрались и двинулись в свой поход. Верблюд также молча шел и на ходу жевал свою картошку. Мы крепились. Не выдержала Танька. Она спросила его:

— Верблюд, что ты почувствовал вчера, когда вернулся домой?

Верблюд ухмыльнулся.

— Я хохотал над вами, дураки, во всё горло, боялся, что соседи сбегутся. Бутылок я сдал на двадцать рублей. Спасибо вам.

Нам стало не смешно, и мы поклялись впредь не слушать таких глупых девчонок, как наша Танька.

Спортсмен

Отдыхал у нас на турбазе один парень двадцати четырёх лет, хоккеист, кандидат в мастера без пяти зубов, выбили шайбой. Плотный малый, обложен мышцами. Все десять дней ел и спал.

Выйдет после обеда, пройдёт по аллее и скажет: «Пойдём похрумаем». Съедал свой обед и порцию девушки, которая желала похудеть.

«Поработаешь, и не стыдно людям в глаза смотреть», — скажет и уйдёт спать. Недалёкий малый, как большинство спортсменов, и нахал.

Девушка в ручье умывается, а он зашел по течению выше, и говорит ей: «Ты лицо не мой, а только грудь».

«А что?»

Он стоит и льёт в ручей.

«Что же ты делаешь, засранец?»

«Такую, как мою, не в каждой аптеке найдёшь!»

Всё искал работу рублей на двести и чтобы ничего не делать.

Добрые советы

Не давайте окружению хотя бы на миг заподозрить в вас шизофреника. Это станет клеймом на всю вашу жизнь. А вот если вы дурак, не страшно. Тому люди всё прощают: считают его как бы человеком своего круга, своим, так сказать.

И это понятно, ибо есть разница между вышеуказанными состояниями человеческого ума.

У шизика сдвинуты критерии реальности, но сохранена логика мышления, а у дурака критерий на месте, но логика отсутствует, то есть, она как бы есть, но сильно ограниченная, дурацкая.

Шизики люди иного мира, а дураки нашего, родного.

Если к Вам обратятся за справкой или советом, не отказывайте. Тем более, не грубите, говоря, что вы не справочное бюро и не милиционер. Не жалейте для людей своих знаний, поделитесь ими, как последним куском хлеба. Отнеситесь к просьбе сердечно и ничего не утаивайте из того, что знаете по данному вопросу, но ни в коем случае, умоляю вас, не детализируйте, а говорите вообще, общими словами, чтобы их можно было понять и так, и этак.

После того, как вы выложитесь до конца, то есть, иссякнете — это, кстати, легко определить по ощущению приятной пустоты под вашим головным убором, скажем, кепкой, проще сказать, в голове — пожелайте гражданину успехов и постарайтесь скорее с ним разойтись, даже если Вам, вроде, по пути.

Эта небольшая, но важная мера предосторожности вовсе не лишняя, как может показаться на первый взгляд, ибо знания наши не беспредельны, а способ их передачи другому лицу несовершенен, и нередко искажает истину, даже которая Вам хорошо известна.

С другой стороны, люди случаются вспыльчивые и где-то даже несправедливые, и далеко не каждый гражданин узрит, что Ваш совет шел от чистого сердца.

В наше время за советы людей, конечно, не сжигают на кострах, как в мрачные средние века, но всё же… Словом, если вы достаточно проворны, то, возможно, сумеете избежать беды.

Теория Дарвина

В последнее время я нахожусь в состоянии расстроенных чувств ввиду пошатнувшейся веры в теорию Дарвина о происхождении человека. Это, впрочем, вполне естественно, ибо люди воспитаны на сложившихся воззрениях, и всякое сомнение в их достоверности вызывает у них потрясение.

Вместе с тем, случаются весьма значительные жизненные факты, и от них не отмахнуться.

Итак, люди и обезьяны произошли от одного предка. Это провозгласил Чарльз Дарвин, и я верил ему, тем более, что мои жизненные наблюдения поминутно подтверждали гениальную гипотезу, можно сказать, постулат великого ученого.

Сомнения мои начались с того момента, когда я по дороге на рынок повстречал человека-лошадь, затем человека-гиппопотама, человека-змею…

А после того, как мне попалась статья, честно повествующая, что недостающее звено между обезьяной и человеком не найдено, и я вдумчиво прочитал её, сомнения мои резко усилились, я запаниковал.

Его ищут много лет множество дотошных ученых людей, и если до сих пор не нашли, то понятно, его нет вовсе.

И вот ведь ситуация. Поделать ничего не могу, чтобы как-то прояснить дело, а мучаюсь.

Поддерживает меня лишь та мысль, что сам Дарвин обликом своим натурально напоминал обезьяну, и это, признайте, неслабый довод.

О пьянстве

Весь день трудился, не разгибая спины, а дел не только не уменьшалось, напротив, их становилось еще больше.

Меня распирало от множества идей и вопросов, жгущих грудь и требующих незамедлительного обсуждения. Я жаждал дискуссии.

Особенные умственные страдания доставляла мне проблема пьянства.

От всего этого к концу дня я ощутил себя раздутым, как шар. И я бы взорвался, но, к счастью, мне на глаза попалась газетная статья.

Некто Дубинин в «Комсомольской правде» от 6 января 1970 года захватил все колонки на последней полосе, за исключением плюгавой надписи на самом верху о доблестных победах наших спортсменов за рубежом.

Упомянутый Дубинин не оставил места даже телепрограмме, бессовестно переселив её на третью полосу, в нижний правый угол, где не каждый её отыщет.

Все шесть колонок наполнены эликсиром против пьянства. Стиль беспощадный, решительность невероятная. По всей видимости, автор вознамеревался недостаток ума компенсировать воздержанием от обсуждения этой насущной, прямо скажем, вопиющей проблемы.

Итак, автор требует запретить или, в крайнем случае, чрезвычайно ограничить продажу водки.

Судя по всему, автор дока по части коньяка, ибо бичуя любителей водки, он в качестве контрмеры рекомендует переходить на коньяки и сухие вина.

Губа не дура.

Здесь я, в порядке исключения, согласен с автором, так как тоже предпочитаю коньяк водке, но не всегда. После баньки водка идёт мягче, и ноги не потеют. Впрочем, это мой личный взгляд.

Автор усматривает зло в том, что водку продают без ограничения и по слишком доступной цене. (Интересно, если бы в продажу поступили консервы из древесных опилок, но по доступной цене, их бы ели?)

Вот, оказывается, по какой причине люди пьют её, проклятую! А я-то, глупый, полагал, что из-за отсутствия у людей цели и привычки, требующих ясный и трезвый разум и сообщающих человеку восторг души. Цели, которая захватила бы человека как существо разумное с заглавной буквы. И достижение которой сопровождалось бы такой жаждой, что выпивка с неизбежным расстройством разума ощущалась бы несчастным случаем, вроде крушения на транспорте или лежания в постели с гриппом, или членовредительством.

Ведь ни один нормальный человек не полезет под трамвай и не привьёт себе болезнь.

Но, увы, указанной спасительной цели у большинства сограждан не наблюдается. Вот они и становятся лёгкой добычей доступного, да к тому же практически поощряемого пьяного времяпрепровождения.

Небезызвестный писатель Кочетов видит главную угрозу нашей идеологии в приезжающих туристах с Запада.

«Не общайтесь с ними, — поучает он, — и всё будет в порядке».

Дожили.

Когда-то боялись общения с нами люди с Запада, а теперь, по соображению Кочетова, бояться следует нам. В любом случае, факт печальный. Однако, вернёмся к разговору о пьянстве.

Человеку приятнее быть навеселе, нежели трезвым. Он уходит при этом от хлопотной, безрадостной скучной реальности, от рутины. Расстроенный алкоголем разум искажает ощущения в пользу своего Я. Человек воспринимает совпадение своих подсознательных чаяний с пьяной реальностью. Ему приятно.

Значительное место занимает привычка, традиция. Традиции, с одной стороны, придают уверенность в делах человеческих, а с другой зашоривают человека, и он не видит иных путей.

Заглянуть за шоры в состоянии немногие, да и те не пытаются это проделать, «пока жареный петух не клюнул им в зад». Самое трудное, это рассмотреть правду: на ней столько наслоений, что, хотя и видишь событие, как факт, но разум воспринимает его через фильтр условностей, до полного помутнения.

Ходят упорные слухи, что спиртное подорожает. Тревожные мысли одолевали меня, пока я не закупил изрядный запас водки. Теперь я с уверенностью смотрел в будущее и успокоился.

В «Известиях» от конца июня 1970 года прошла заметка о повышении цены на коньяки и шампанское, а также на стекло, и понижение цены на, очевидно, залежалые товары.

На водку повысили, но только по-наглому. Выпустили как бы новый сорт водки, с новой этикеткой, и пустили в продажу по более высокой цене, а привычную водку выпускать перестали.

Вот и весь фокус. Вроде как бы и не повысили, а всего-то манипуляция с этикетками.

Гениально и цинично.

В порядочности этой аферы был убеждён только мой шурин, но и он в конце нашей душеспасительной беседы полностью исчерпал свою псевдопатриотическую чушь и больше не заикался. Никак не могу

понять, если уж ты видишь, что тебя обманывают, и тем более самым бесстыдным бесцеремонным образом, то есть, выставляют дураком, то если не возмущаешься, то хотя бы смолчи. Но оправдывать мошенника… Можно признать нужду государства в деньгах, если оно проматывает их, но нельзя оправдывать обман.

Меньше станут пить. Нет, больше будут пропивать.

Я подошел к винному отделу. Гражданин, пьяный в драбадан, суёт мне 4 рубля 12 копеек.

— А что сам не покупаешь?

— Не дают.

— Ну и правильно делают, ты уже хорош.

Он забормотал, что воевал. Вот же, нажрался, и ему всё равно, 2 рубля 87 копеек или 4 рубля 12 копеек.

Стадион

Сегодня, впервые в сезоне, пришел на стадион в Черкизово, без согласия жены, скорее вопреки, тайком; натурально, сбежал от семьи.

Небо, с утра затянутое мрачными тучами, к концу дня очистилось, повеселело, заиграло синевой; солнце засияло вовсю. От метро прошел пешком, приобрёл билет. Вокруг строительный хлам, груды железа, земля изрыта землеройными машинами и придавлена бетонными плитами.

Проник в небольшую толпу футбольных знатоков, можно сказать, гурманов футбола, на площадке против транспаранта с фигурами футболистов: клуб по интересам.

Сочный мат. Игроков оценивают не специалисты, но просто разные люди; остроумие здесь выше тренерской оценки. Стихийно образовался центр клуба. Неформальный лидер — черный толстогубый парень, симпатичный своим умом и суждениями; он, очевидно, располагал к себе окружение.

Его оппонент матерился, орал и не вызывал симпатии у публики. Напротив, всякий аргумент черного губастого лидера люди встречали одобрительным рёвом.

Оппонент держался на фанатизме.

— Кто в твоей Торпеде? — вопил он, размахивая руками. — Два киргиза, три еврея, один …

— А у вас одни венгры, Секеч, Богдан, Грищак, Сабо … сброд.

— Так вот, у этих вшиварей десять лет не можете выиграть!

— Стрелец виноват. Гершкович и Шалимов не бегают.

— Ну и что, Кайрату проиграли. Кайрату, один—три, — вытаращил глаза.

— Дурак, что ли? Не бегают. Лошади бегают, футболисты играть должны.

— Если в белых футболках выйдут, выиграют! Линёв из деревни пришел, пусть туда и уходит!

— Да ты знаешь, что он в институте учится?

— Ну и что же! Не важно, где учится, важно, как играет.

— Майоров — кандидат наук.

— Это не заслуга.

— Мастер спорта.

— Да причем тут Майоров?..

Галдят, спорят, все выпивши, а интересно просто стоять и слушать их трепотню, она без фальши.

Ну ладно, пора топать на трибуны.

Взял бутылку пива и два бутерброда с сыром. Вижу, к Северной трибуне подкатывает зиловский автобус с надписью «Торпедо». Болельщики его тесно окружили; один за другим выходят футболисты. Тишина.

И вдруг крики:

— Эдик, Эдик!

Из салона автобуса показался Эдуард Стрельцов, кумир любителей футбола. Слегка сгорбившись, он скрылся в раздевалке.

— Да, — промычал один, — игрок хорош, ленив только.

Соседи по трибуне, болельщики уже приняли по стакану.

— Вовка, — орёт парень, — не волнуйся! Я уже напился, тёпленький.

Глаза его разъезжались, как ноги на льду.

— Не повезло нашему поколению, — неожиданно ударился в философию Вовка, — Нас не сбрасывали в колодцы, не пытали в гестапо, мы не попадали в бомбёжки, не голодали… — он уронил свою пьяную морду и грустно задумался.

Стадион ревел в футбольном экстазе, а некто Вовка, футбольный болельщик и человек, сидел и тосковал.

Я переключил своё внимание на футбол. Меня окружали искаженные лица, расшлёпанные слюнявые рты; кто беззубый, у кого полон рот безобразного металла. При забитом голе все вскакивают, и передо мной вырастает беснующаяся стена людей; размахивая в безумном восторге руками и пританцовывая, они очень громко кричали, оглушительно свистели и полностью заслоняли от меня футбольное поле.

Спартаковский шабаш.

У всех бутылки, бутерброды, и ни одного трезвого. На трибунах трезвый лишь один человек. Это я.

Болельщики «Спартака», вообще, не отличаются высоким интеллектом и тонким выбором средств для выражения своих футбольных чувств, но здесь они превзошли самих себя.

Торпедовцы в этот раз играли из рук вон скверно. Они настроились на выпивку, а их заставляли играть. Они с ненавистью пинали мяч, не утруждая себя даже имитацией рвения.

В перерыве бежала эстафета.

— Смотри, второй, как костыли кидает, наверняка придёт первым, а этот тощий гомеопат не выдержит. А вон тот палочку уронил, эх ты.

— Давай, ребята, взяли! — заорал рыжий мордастый болельщик. — Давай, мосластый, жми!

Во втором тайме стадион ревел, но вот рёв внезапно смолк, как прихлопнутый крышкой. Мяч влетел в ворота «Спартака».

Моё восхищение вызывала высокая стартовая скорость у футбольных докторов: не успеет футболист упасть, как они тут как тут, да еще тащат свои чемоданы с красным крестом.

После футбола зашел на волейбольную площадку. Холодный ветер. Судья держит свисток под рубашкой на тёплом животе. Чтобы свистнуть, он всякий раз лезет под рубашку, долго извлекает свисток, со значительным опозданием сигналит.

22 апреля 1969 года, тридцать первое первенство Советского союза.

Маразмы режима Джугашвили

Диктат этого морального урода воспитывает моральных уродов, безнравственных людей с отвратительным мировоззрением, бесцветной культурой. Маразм такой проявляется в самых разнообразных формах, но в одинаково гадком виде.

В нашей квартире живет семья «врага народа». Семью выгоняют, комнату занимает кагебист. Сын публично отрекается от своего *отца*.

Юрий учился на одном курсе со мной. Четыре года его избирали парторгом. Но вот ввели анкеты, где вместо графы «социальное положение» ввели «сословие».

Юрий честно, как и подобает коммунисту, написал, что родители его до революции были «дворяне». Всё. Теперь мать работает уборщицей, а отец низведён до сторожа. Оба с высшим образованием; мать владеет тремя иностранными языками.

Замполит срочно открывает собрание кафедры и заявляет:

— Товарищи, среди нас есть скрывавшие своё сословие, а именно, дворянское. Мы это обнаружили.

Юрий попросил слова и сказал:

— Ну и что же, Владимир Ильич тоже из дворян. Действительный статский советник, это же генерал.

Проголосовали оставить Юру парторгом. На следующий день нас по одному вызывали к командованию. «Вы не поддержали замполита!»

Юра нам говорит:

— Братцы, бросьте! Я-то уж конченый, а вы не лезьте.

Через неделю вновь собрание. Юру сняли с парторга. За два дня до защиты диплома его выгнали из Академии и демобилизовали!

Шел 1952 год.

После смерти Джугашвили он защитил диплом по теме «Физический прибор для определения парциального давления газа над металлом». Очень актуальная и ценная тема.

Его пригласили в армию, а он ответил:

— Нет уж, дудки!

Володьку, товарища Юры по общежитию, никто не обвинял, так он, на всякий случай, бил себя в грудь:

— Виноват, проявил политическую близорукость. Сколько лет жил рядом с космополитом…

Замполит проверяет подразделение.

— Кто тут у вас висит?

— Архимед, Галилей, Коперник!

— А, теперь понятно, какие идеи вы несёте. Снять немедленно.

Ребёнок заболел

Мальчик Серёжа по прозвищу Камня, мой трёхлетний племянник, заболел ногой. Не может встать на правую ножку.

— Боже, что с ребёнком?

Мама Таня и ближайшая родня в тревоге. Сняли ботинок, осмотрели ножку — никаких признаков болезни. Снова обули.

— Иди, Серёженька!

Не может.

К врачам, немедленно к врачам!

— Только к платным, — категорически заявила бабушка.

Словом, в квартире полный аврал, а также Содом и Гоморра. Это ужасное волнение началось утром и закончилось лишь после окончания рабочего дня, когда пришел Борис, Серёжин папа.

— Почему не отвели Серёжу в детский сад? — строго спросил он.

— Ты что, с ума сошел? — закричали на него все женщины разом. — Какой тебе детский сад!

Борис служил в научно-исследовательском институте инженером и неплохо соображал. Он запустил руку в ботинок, вытащил из его нутра здоровенный шуруп, а затем произнёс:

— Вас бы всех заставить ходить на шурупе.

О трудностях

Трудности необходимы нам, как воздух, как пища, как труд… Да не прозвучит это напыщенно. Есть люди, понимающие это, но они энтузиасты-одиночки. Они раздроблены, они обособлены.

Вот, к примеру, гражданин Жмуркин, несмотря на загруженность работой и контроль сверху, находит время, чтобы поделиться своими соображениями по затронутой здесь теме.

«Лиха беда начало, — не перестаёт говорить Жмуркин. — Начало есть направление вашего движения, ваша колея».

— Умойтесь, совершите утренний туалет, — ненавязчиво советует он, — весело перекусите. Если у Вас хороший аппетит, то завтрак, и сам по себе приятный, легко и непринуждённо превращается в праздник.

Сложнее в транспорте. Что и говорить, в салонах метрополитена, автобусов и троллейбусов душно и некомфортно. Сказанное, впрочем, напрочь не относится к трамваю, этому милому экипажу, родившемуся еще на заре электрических способов передвижения.

— Я обожаю трамвай, — стеснительно, с детской непосредственностью делится Жмуркин своими чувствами, — особенно вечерами. В трамвае светят особые трамвайные лампочки, продолговатые, с крупной нитью накаливания.

Салон просторный, без толкотни, креслица уютные; в них прямо западаешь, а волшебный мягкий перестук колёс на рельсах… С ума сойти.

В этом месте Жмуркин даже прослезился.

— Я специально, без особой бытовой нужды, нередко катаюсь на трамвае. Иду к нему через Битцевский лесопарк по просеке в любую погоду до улицы Янгеля, дрожа от нетерпения, жду его от кольца, сажусь и качу, качу по Чертановской улице до Москворецкого рынка.

После такой поездки приятность в душе необычайная.

Говорят, хорошо ехать в такси, но разительное несоответствие вашего дохода со стоимостью проезда может вполне испортить настроение, сделать поездку неприятной.

Не садитесь в такси.

Означает ли всё вышесказанное (кроме трамвая), что положение безнадёжное? Нет и еще раз нет. Спокойно хиляйте в транспорт, какой есть, но подготовьтесь душевно.

Взгляните на условия вашего существования в транспорте под углом зрения необходимости поездки, это раз. Нахождения в таких же условиях множества других людей, ваших, так сказать, братьев по разуму, это два. Полезности кратковременного воздействия на ваш организм благотворной жары и даже духоты, это три.

Тут ведь больше психологии: события всего лишь сдвинуты во времени. Скажем, вчера в бане вы желали пропариться. Теперь, поскольку пропарка в метро неизбежна, настройте себя на полезную сторону этого воздействия, подавите в себе недовольство по случаю несвоевременности указанной процедуры и широко наслаждайтесь как жаром, так и духотой.

Толкайтесь раскованно, пихайте, не стесняйтесь. Разве вам не бывает приятно побыть в толпе единомышленников на демонстрации или на футболе? Перенесите мысленно это ощущение удовольствия в переполненный транспорт, и если вы и не испытаете наслаждения, то в любом случае поездка в нём станет значительно и несомненно приятнее.

Вылезли из метрополитена, ступайте в парк культуры и отдыха, выбирайте среди пешеходов интересных, приятных на глаз людей, понаблюдайте за ними. Не стесняйтесь в выборе объекта наблюдения; критерий здесь один — удовольствие для вашего глаза. Несомненно, имеет значение, и немаловажное, возраст и пол, не смущайтесь.

Словом, ищите в каждой ситуации приятные стороны, а они всегда присутствуют и лишь ждут вашего дедуктивного поиска и здорового любопытства.

Скверных сторон, вообще, не бывает по определению, ибо скверность проявляется и давит на вас исключительно из-за вашего нежелания или неуменья употребить их себе на пользу.

Используйте их, и соприкосновение с ними станет для вас приятным.

Если вам сделали замечание, что, к примеру, вы после душа не выключили воду, не обижайтесь, обратите эпизод в шутку. Скажите, что душ, мол, испорчен, надо бы вызвать сантехника, и при этих словах учтиво засмейтесь.

Смотрите на всё проще, чувствами, которые представляют жизнь буквально. Что происходит, то и происходит.

«Гора раскололась, ссыпалась с грохотом, перестала существовать» или «Дерево не ощущает боли, ибо боль есть привилегия животной жизни».

— Всё как есть, всё бывает, что же удивительного, — философски заключил Жмуркин.

Под зад коленом

Водитель резко затормозил, пассажиров качнуло вперёд, автобус встал. Последней выходила полная дама, одетая в дорогую одежду.

Слезала она задом наперёд и хватаясь за поручни; ощущалась нетвёрдость в её ногах. Водитель с очевидным раздражением ждал окончания действа.

Убедившись, что дама выпустила поручни и стоит на земле, он немедленно нажал на рычаг. Дверь с лязгом задраилась, но дама подняла крик: она требовала открыть дверь. Водитель открыл. Оказывается, в салоне осталась собака вышеуказанной гражданки, а именно, толстозадый, откормленный боксёр, кобель.

Несмотря на всем понятную ситуацию, боксёр упрямо упирался передними лапами в подножку автобуса и ни в какую не желал выходить. Он непременно желал ехать в автобусе.

Дама изо всех сил тянула его за поводок, но безуспешно. Боксёр сопротивлялся и даже рычал. Глаза его, с одной стороны, вроде, излучали доброжелательность, но с другой стороны — твёрдокаменное упорство в принятом решении — не выходить!

Кобеля несли на чем свет стоит все пассажиры, кроме, разумеется, хозяйки; та лишь надувалась в намерении вытащить родную собаку.

Взбешенный водитель принялся крыть обоих, но с очевидным перевесом в адрес дамы. Ругал квалифицированно, с чувством, умело сравнивал их полноту и настырность; не прошел мимо и излишней материальной обеспеченности дамы. Он сравнивал толщину их задов

и физиономий, схожесть натур, обнаруживая при этом хорошую наблюдательность и талант художника.

Дама, обливаясь потом, молча сносила ругань и лишь тянула за поводок.

Положение казалось безнадёжным. Неизвестно, сколько продолжался бы этот спектакль, если бы не решительные действия крепкого парня в светлой футболке. Он со всего маху и с явным удовольствием дал подошвой кеда псу под зад.

Боксёр плюхнулся на тротуар, как выбитая кегля. Плюхнулся молча, как и подобает породистой собаке.

Зоопарк

Мы катались на теплоходе по Москве-реке от Строгино до Серебряного бора; сидели на корме и любовались ландшафтом.

Вот справа на берегу некий человек стоит на голове; мы заметили его издали. Проехали, стали удаляться, он всё стоял. Собаки бежали к нему по берегу проверить, жив ли. Наверняка йог.

Вот собака, подавшись вперёд, застыла изваянием на носу лодки; мы разминулись, собака не шелохнулась.

Сошли с теплохода и двинулись в Зоопарк. Солдат время от времени водят в Зоопарк. Там они покупают пряники, конфеты и папиросы.

Самая внушительная фигура в обезьяннике, несомненно, старый павиан. Крупный, мохнатый и седой, он обычно сидит, опершись лапой о колено, философски глядя перед собой подобно Родену. Физиономия крупная и очень выразительная. Он напомнил мне моего соседа с первого этажа, страстного болельщика ЦСКА.

Непередаваемая картина разворачивается перед вами, когда зевает бегемот; пасть его натурально выворачивается наизнанку. Полагаю, что сам Репин взялся бы изобразить это чудо.

Возле слона мы простояли довольно долго, поражённые его величиной и несоразмерно маленьким членом.

После долгого молчания мой Дима произнёс:

— Надо его связать, чтобы не кусался.

Я был потрясён мудростью мальчика.

Бизон из отряда парнокопытных, грязный, шуба на боках свалялась и кое-где вылезла; вид внушительный, однако надо иметь мужество и долготерпение, чтобы носить такую морду.

Около верблюда мы заметили человека, стоявшего перед ним с открытым в изумлении ртом. Человек, видимо, обнаружил своё совершенно фатальное сходство с указанным животным. Вылитая копия.

Гуанако из семейства верблюдовых. Его невозможно определить иначе, как «нарочно не придумаешь».

Некий человек побежал смотреть шакала так стремительно, будто шакал ему дороже мамы. Вон, он еще и облизал грязную ограду. Так и прилип к клетке, балда стоеросовая.

Энергичные, тоскующие по свободе волки в состоянии вечной ходьбы по грязной клетке.

Мартышки — это то, что надо. Солдаты присохли к ограде; то и дело оглушительно хохочут. Действительно, есть на что посмотреть. Движения молниеносные: хватают яблоко и мгновенно отскакивают.

К вольеру со слоном мы подошли вторично, и снова долго стояли, рассматривая это милое животное. Заметив нашу особую любознательность и почувствовав к нам расположение, подошел служитель Зоопарка, а впрочем, возможно, и не служитель, я не спрашивал.

Он сходу принялся излагать свои соображения по особенностям животных.

— Вот слон. Шамовка ему дармовая, никакой тебе борьбы за существование, о Дарвине понятия не имеет. Вот от безделья и учится делать всякие фокусы. То ключи сожрёт, и ведь как это у него ловко получается. Глотнул, и всё. Раз, и нет ключей.

Ходи потом за ним, когда вывалятся с другого конца. Верёвочки не вывалились, а ключи пришлось подбирать по одному.

Бегемот — так просто умора. Пасть разинет, аж желудок виднеется непосредственно изнутри. Словом, выворачивается наизнанку. Кинешь ему туда ведро гаек, шурупов, болтов. Уважает крепёж. Он натурально не жуёт. Особенно любит, чтобы гайки поступали ржавые. Видно, ржа имеет привкус, который ему по душе.

Тут у нас совсем рядом расположен завод, какой-то там по браку. Директор даже рад, что благодаря нашему Зоопарку его гайки находят сбыт. Только он жалеет, что у нас бегемотов мало. «Мы, — говорит, — в состоянии обеспечить кормом гораздо больше зверей типа бегемот».

Вы, говорит, не пробовали кормить нашей продукцией иных диких, но прирученных животных? Ну там, жирафов или носорогов? Я, говорит, как инженер с опытом, чувствую возможность экстраполяции указанного прокорма в сторону, скажем, крокодила. Крокодил, это я Вам говорю, как опытный специалист, в принципе должен жрать крепёж. Из классической литературы известно, что калоши он кушает,

достоверно. Могу сослаться на реферат Корнея Чуковского по этой теме.

Мы, кстати, как раз осваиваем производство, а со временем, возможно, и выпуск резиновых калош.

Мы поблагодарили смотрителя за весьма интересную информацию и отошли.

Навстречу нам попался выпивший человек небольшого роста. Он тронул меня за плечо и тихо спросил:

— Вы, случайно, не видели здесь морского льва?

— Нет, — ответил я.

Гуляя и осматривая животных, мы увидели его еще несколько раз. Всякий раз он выглядел всё пьянее и всё так же спрашивал, не видел ли я морского льва. После моих ответов взгляд его становился затравленным.

Мы увидели его мирно спящим на скамье против клетки с тигром. Не выдержал бедолага; рот мерзко открыт и слюняв.

Пьяный мужик

В автобусе № 105, в районе Октябрьского поля, находился плотный человек с густыми черными волосами и грубой физиономией заводского рабочего низкой квалификации. Сидел он развалясь, с полузакрытыми мутными глазами; он морщился, вытирал ладонью слюнявый рот и даже раскачивался.

Он сильно пьян.

Рядом с ним было присел некий гражданин, но, взглянув на соседа, тут же пересел на свободное место напротив. Пьяный это заметил и обиделся.

— Ты, шляпа, куда пошел? Садись здесь, — повелительно сказал он и указал ладонью на место рядом с собой.

Гражданин в негодовании отрицательно помотал головой, а пьяный несколько раз обозвал его шляпой и для большей убедительности скверно выругался. Помолчал. Его, однако, тянуло к общению; он перегнулся через проход в намерении начать беседу, но сидевший там другой гражданин в очках с золотым верхом, не ожидая начала разговора, положил на колени газету и высказался.

— Оставьте меня в покое, — отрезал он.

Пьяного потянуло в другое настроение: он стал извиняться.

— Извини, я всё объясню.

— Не надо мне ничего объяснять, — резал гражданин.

Милиционер не смотрел в их сторону и делал вид, что никакого нарушения общественного порядка тут не происходит.

От автора

«Взять бы это животное за воротник, да коленом под зад из салона!»

Вокруг пьяного мужика стихийно образовался невыносимый для него вакуум.

Робинзон

Тоня, жена моя, будучи с детьми в деревне у своей маменьки, отправилась однажды за грибами. С ней были сестра Лида, кузина Нина с дочерью Любой, дядя Виктор и двоюродный брат Василий с собакой.

Подходя к лесу, они обнаружили стадо коров, которые широким фронтом с левой стороны двигались прямо на них. Коровы как коровы, кто их боится. Но вот внезапно из середины стада донёсся мощный, подобный раскатам грома рёв.

Женщины обомлели: они вдруг вспомнили, что здесь обитает бугай необычайно свирепого нрава, по прозвищу Робинзон. Ревнуя своих коров к любому живому существу, он не допускал никого на свою территорию и держал в страхе всю округу.

Правда и легенды о Робинзоне распространились на весь Чернский район.

Был случай, когда он погнался за мужчиной, и тот при виде бугая переступил за грань ему доступного: он мгновенно, подобно шимпанзе, взобрался на дерево. Робинзон, не имея возможности достать врага, долго таранил дерево своей рогатой башкой и злобно ревел.

Вот и они, наши грибники, не ожидая, когда этот бандит с медным кольцом в морде приблизится и растопчет их или даже насадит на рога, и понимая, что убежать от него невозможно, стали искать своё спасение.

Известно, что человек использует в повседневной жизни лишь малую долю своих природных способностей, но то, что совершили грибники, невозможно даже вообразить.

Трое из них, а именно, Тоня, девочка Люба и дядя Виктор вскарабкались на сосну, гладкую, как столб, на которой в нижней части не было ни одной ветки.

Представьте себе ровный без опор столб; если это пустяк, попробуйте сами.

Лида и Нина в панике бегали, в свою очередь, в поисках подходящего дерева; на сосну они при всём своём устремлении взобраться не могли.

Василий, как истинный рыцарь без упрёка, а также в силу своей полноты, остался с ними, прикрывая их спиной и послав вперёд собаку, которая в попытке устрашить бугая грозно лаяла.

Эффект, однако, получился нежелательный. Коровы, эти милые животные, которые до этого шли спокойно, пощипывая свою травку и даже благожелательно поглядывая на людей, в ответ на лай стали оборачиваться на собаку и делать попытки поднять её на рога.

Между тем, рёв усилился, и вот показался сам Робинзон собственной персоной. Он предстал на фоне зелёного пастбища во всём своём великолепии и свирепости. Он рыл копытами землю, угрожающе мотал головой, украшенной убойными рогами, внушительным медным кольцом, и беспощадно ревел.

Люди приготовились к худшему.

Однако, Робинзон прошел мимо, не удостоив их своим вниманием.

Генерал-полковник Лосев

При всей успешности в карьере и вообще по службе, Олег Лосев был по жизни изнутри глубоко несчастным человеком. Жена его была не совсем нормальная, в смысле, с явными признаками шизофрении, но самое печальное, что ну прямо подкашивало Олега, это его старший сын — он был ненормальный. «Дебил» звучит оскорбительно, не хочется употреблять это слово, но это было именно так. Из уважения к Олегу скажем так: он был безумен. Красивый, видный по стати своей, по фигуре мужчина, если бы не дебил, но выше лицо, дальше дебил.

Он ходил по автобусам, ласково заговаривал с людьми, был говорлив, очень общительный, его тянуло к людям, но людей охватывала нестерпимая жалость. Он при этом его безумии был очень приятным малым, как ребёнок, именно как ребенок, вот точное слово его облика. Ах, если бы при этом он не был взрослым человеком! Как ребёнок он выглядел бы милым, если бы…

Это горе глубоко сидело в отце. На службе он никогда не разговаривал на эту нестерпимо болезненную тему. Не знаю, по какой причи-

не, но делился своим этим горем только со мной. Я чем-то расположил его к себе. Я молча слушал его, что тут скажешь. Я очень уважал Олега, он нравился мне как исключительно порядочный и приятный в общении, умница. Он говорил о причинах такого состояния сына, находя их не наследственными, а в ошибке врачей при родах. Я понимал Олега, так ему было легче нести своё это горе. Ведь если дело в наследственности, так было бы еще тяжелее. Подобных печальных случаев среди людей немало, и обычно объясняют именно таким образом.

Олег делился со мной этой его внутренней болью, когда уж был не в силах держать всю тяжесть её, и должен был, чтобы не свихнуться, отлить хотя бы немного, чтобы было хоть немножко легче нести.

Иногда он просил меня проводить жену к врачу, довести до нужного кабинета. Приятная, красивая женщина.

Вначале, как, в общем, все начальники, он пробовал использовать меня как порученца, но будучи очень деликатным, чувствительным и тонким человеком, он тут же обнаружил, что это дело не моё, и никогда не пользовался своим правом командира в этой ипостаси.

Моя натура и моё воспитание не годились для такого, для некоторых натур весьма полезного, дела. Меня это унижало. Так что его доверительность по отношению ко мне он сохранил, и всё.

Колдовство

Колдовство — это особый мир, куда имеют доступ только те, кто верит.

Мой муж коммунист, и во все эти штучки-дрючки не верит. По правде сказать, я тоже не верю, но могу рассказать о нескольких случаях, свидетельницей которых была.

Жили мы в одной избе, две молодые девушки, и зачастила к нам старушка из нашей деревни; придёт и сидит. Мы слышали о её занятиях и побаивались. Старались ей угождать, чтобы, не дай Бог, не прогневать и тем самым не вызвать от неё неприятностей.

Надоела она нам до ужаса.

Рассказали мы об этих обстоятельствах одной своей знакомой, а та и говорит:

— Вот вам иголки, запрячьте их в притолоке.

Мы так и сделали. Раньше притолоки изготовляли из дерева с выступом, на котором получалось много места. Туда мы и уложили иголки так, чтобы их не было видно со стороны.

Пришла старуха, посидела. «Пойду», — говорит, а сама сидит, не уходит и беспокоится. Потом обращается к нам:

— Отпустите меня, не держите.

— А мы тебя не держим, — отвечаем.

— Нет, держите. Отпустите, я к вам боле не приду.

Мы иголки вытащили, она и ушла.

А вот еще случай. Пришел Василий к бабке лечиться от импотенции. Та и говорит:

— Это тебя Сафронов испортил, брюхастый и косоротый.

Василий вспомнил, действительно, есть такой в деревне.

— Так вот, сынок, он на тебя и напустил. Помнишь, твой отец помирал, а у него свадьбу играли?

«И это верно», — подумал Василий.

— В обчем, так. Вот тебе порошок, насыпь сам под крыльцо его избы. Понял?

«Я вернулся домой, — рассказывал Василий с хрипотцой, — сам боюсь, попросил мать». Та пошла вечером и высыпала порошок, как велено.

На следующий день разнёсся по деревне слух, будто Сафронов помер от кровоизлияния в мозг, в общем, от удара.

Вот такие пирожки.

Случай третий. На свадьбе две бутылки, связанные вместе, как символ супружества, внезапно лопнули, а жених не смог невесту, хотя до этого они уже жили.

Случай четвёртый. Лошадь у его избы останавливалась как вкопанная; она косилась и плясала.

Спирт

Если сесть на рабочий поезд, а можно только так, ибо пассажирские поезда здесь сквозят без остановки, то через двадцать минут будет станция Чернь. Районный центр Чернь географически не совпадает со станцией, а расположен от неё на расстоянии десяти километров. Другого такого курьёза не сыщешь на всей России.

Эта своего рода уникальная ситуация возникла в период строительства железной дороги, «чугунки» по-старому. Инженер-путеец, строивший дорогу, намекнул местному помещику, что дорогу можно провести через Чернь, а можно и минуя. То есть, и так, и этак.

«Всё зависит от щедрости господина помещика», — намекнул он.

Помещик на поверку оказался скрягой и не потрафил инженеру. Естественно, чугунка после указанного эпизода была построена по известному на сегодняшний день варианту, и родилась пословица: «За понюшку табаку Чернь осталась на боку».

После этой краткой исторической справки, однако, необходимо продолжить рассказ.

Километрах в трёх от посёлка Чернь по пути на одноимённую станцию расположен Большскуратовский спиртзавод, о нём и пойдёт речь далее.

Правоохранительные органы района с некоторых пор обратили внимание на печальный факт значительного количества случаев самоубийств среди жителей Большскуратова, аборигенов, так сказать.

Заинтересовались, но и только; обстоятельного расследования не провели, никаких предупредительных мер не приняли, и люди продолжали вешаться с ужасной регулярностью.

Люди, так сказать, общественность, отлично знали о причинах этого страшного дела.

Спирт. Его здесь пьют стаканами, утром и вечером, до и после работы. Пьют трактористы и кочегары, плотники, механики и все прочие специалисты завода. Пьют порою до белой горячки, до самоубийства.

У одного малого даже талант проявился — спасать повешенных. Как крик, так за ним; он в чем есть бежит, быстро снимает человека из петли, дёргает его за голову, еще что-то производит, и если бедняга еще жив, то приходит в себя.

Пьют ужасно.

Пропал у одной женщины муж; она туда-сюда — нет его. Может, в пруд или еще куда угодил? Бежит через стадо, спрашивает у пастуха:

— Кость, моего не видел? Пропал ведь.

Пастух отвечает, мол, нет, не видел.

— Однако, подожди, вон, видишь, что-то коровы и овцы в кучу сгрудились, всё равно как собрание проводят.

Подошли. Лежит голубчик пьяненький, весь в барде. Животные его облизывают: они любят барду.

То, что пьют — не новость, но отчего такое изобилие? Где берут спирт — понятно, на заводе, но как? Всё там опломбировано, все спиртовые пути перекрыты от хищений.

Ухитряются. Как говорится, «нужда заставит калачи есть», выпить-то хочется! А достают так. Скажем, кочегар говорит начальнику цеха:

— Уголь не тот, пару нагнать не могу.

А пар, знаете ли, главнейший фактор при производстве спирта. Бежит главный инженер:

— Что же ты делаешь, давай пару!

— Не могу.

— Ладно, два литра спирта сейчас принесу.

— Вот теперь иной разговор.

Дальше. Краны и лючки опломбированы, но в одном месте трубка не металлическая, а резиновая, всего-то на небольшом переходном участке. Этого, однако, достаточно, чтобы дежурный смог заменить её на свою с отводом, набрать из неё спирту и снова поставить резиновую трубку на место.

Дальше. Здание завода старое; в одном месте спиртопровод для слива спирта в ёмкости проходит сквозь стену, а стена-то двойная, с пустотой, такой, что может протиснуться человек.

Протиснулся, подвёл тройник с трубочкой и вывел её во двор; спирт тягают вёдрами.

Обнаружили. Кто поставил? Ребус. Вот так-то. Вот она, работа для социологов и правоохранительных органов.

Вот уже три года, как завод закрыли, но в посёлке Большскуратово всегда можно купить спирт. Сколько угодно. Запасы.

Рыбак

Мы с Димой катались на лыжах. С огромным удовольствием скатились по длинному и крутому берегу прямо на заснеженную, сияющую белизной, ровную ледяную скатерть реки.

Справа, похабя снежную чистоту, как кучки дерьма, разрозненно сидели у своих лунок рыболовы. У них было всё: складные табуреты-чемоданы, ледобуры, различная снасть, но… никаких признаков лова. Изредка иной вставал с насиженного места, потирал ладони, колотил по заскорузлому на морозе пальто.

— Кто помоложе, кто помоложе! — раздавался сиплый, но проникающий призыв; он повторялся многократно.

Откликался обычно самый древний старикашка. Он ходко двигал в магазин и вскоре возвращался с бутылкой. Выпивали, вели разговор. Изредка менялись местами внутри района; раз в день обменивались районами, двигаясь подобно пингвинам. Бессмысленность таких кочевок была для всех очевидна, но иного не оставалось.

В таком русле протекало их существование, пока не нарушило его некое событие, о котором невозможно не рассказать.

Заметили, что у одной из лунок, на отшибе, сидел гражданин и натурально вылавливал рыбу. Вначале коллеги не поверили своим глазам, но время шло, и как они ни щипали себя, видение не исчезало. Но, так как каждый мнил себя великим рыболовом и имел непомерно раздутое представление о себе, то никто не встал и не подошел поближе, чтобы познать истину.

Все сидели на своих насиженных местах и мучились любопытством; наконец, оно стало неодолимым, и люди стали косить глаза, дабы рассмотреть. Получалось, что тот истинно ловит. Движения его точно такие, как бывает, если вытаскиваешь рыбу. Саму рыбу разглядеть не удавалось ввиду значительной удалённости объекта.

Терпение рыбаков, скреплённое цементом гордости, треснуло вначале в самом слабом месте. Самым нетерпеливым показал себя некто Иван Васильевич в круглых железных очках. Он давно перестал маскировать своё любопытство фальшивым вниманием к своим снастям и лунке, ёрзал на раскладушке и даже перегибался, чтобы лучше разглядеть. Он оторвал от раскладушки свой костистый зад и, вначале вроде бы неторопливо, а затем всё ускоряя шаг, двинулся на разведку. По тому, как он остановился и принялся протирать очки, люди поняли, что он обнаружил нечто необыкновенное. Лёд тронулся. Оставив свои снасти без присмотра, народ рванулся к рыбаку.

Подойдя вплотную, каждый смог убедиться, что самые сильные подозрения говорят лишь о бедности фантазии. На льду лежало несколько десятков крупных окуней и плотвы, и каждым характерным движением рыбак швырял на лёд всё новую добычу.

Он просто опускал снасть в прорубь и тут же тащил рыбу, как тащат ведро с водой из колодца. Раз — и наверх, раз — и наверх. Он даже не смотрел на поплавок, так был уверен.

Чудо в реальности. Никто из присутствующих не видел такого никогда, а здесь собрались не желторотые птенцы, но закоренелые рыбаки-любители, стажем в десятки лет каждый. Объяснения увиденному не давали, да и можно ли объяснить чудо?

Сняв рыбу, человек извлекал из большой жестяной коробки белую личинку мухи, подносил ко рту, затем насаживал на крючок и кидал в воду, чтобы тут же вытянуть очередную крупную рыбу.

Зрелище настолько непосильное для человека, что многие рыбаки, пошатываясь, двинулись обратно к своим, теперь постылым, лункам. Иные остались и не сводили глаз, хотя смотрели молча.

— Зачем Вы это… в рот? — прорвало одного.

Чудотворец дружелюбно улыбнулся и ответил:

— Я проверяю пол личинки. Это очень важно.

— Как же Вы это делаете?

— Пропускаю личинку сквозь зубы, и если попадается самец, то откусываю яйца.

Толпа загудела.

— И что же дальше?

Ответить он не успел. Последующая катастрофа укутала, однако, в тайну и чудо, и его объяснение. Лёд не выдержал тяжести всех собравшихся рыбаков и треснул.

Река поглотила всё.

Гости

К нам приехали Якушины с Вадиком, сыном пяти лет. Мальчики немедленно организовали свою маленькую жизнь с игрушками, а мы с Василием уселись за шахматы. Он мне проигрывал, нервничал, и от этого своего состояния машинально сдирал с фигур фланелевые подпятнички. Я беспокоился за шахматы и уже подумывал, не проиграть ли разок, ради их спасения.

Обещал приехать еще Алексей с Анной и Мишей; мы их ждали.

Проходил час за часом, хотелось есть. Стол уставлен яствами — смотреть сил нет.

А там искали друг друга: Миша отправился продавать собаку, за ним послали Алексея. Миша пришел, и они с Анной пошли искать Алексея. Лёша вернулся, а их нет. Наконец, собрались.

Сели за стол аж в пять вечера вместо двух дня, обозначенных в приглашении. Настроение гадкое: женщины отказались пить, Алексей вообще не пьёт, и мы с Васей оказались в изоляции.

Первую рюмку выпили под лояльными взглядами, а вторую — под осуждающими.

Мы с Васей ёжились, храбрились и выпивали.

После выпитой третьей мы остро ощутили себя рецидивистами. В последующем даже неубиенный тост «в честь прекрасных присутствующих дам» не смягчил общественное осуждение, остро направленное против нас.

Разговор в очереди за картошкой

Стою за картофелем. Подошел лысый мужчина средних лет со стройным поджарым догом на кожаном поводке. Дог огромный, черный, с красивым блестящим бляшистым ошейником. Мужчина занял очередь, но встал поодаль, чтобы не пугать людей.

Тем не менее, внимание их немедленно обратилось на собаку. Какое-никакое, но развлечение.

Девочка лет трёх попятилась к матери и, боязливо поглядывая на пса, ухватилась за её юбку. Мальчик лет семи с почтительным уважением наблюдал, как дог зевал, широко разевая зубастую пасть с длинным и узким, подобным жалу змеи, языком. Дог не стоял на месте, а находился в непрестанном нервном движении.

У многих вертелось на языке высказаться о собаке, но пока люди молча ее рассматривали.

Мужчина постоял, несколько раз открыл было рот, но не отыскал слов. Однако, высказался.

— Есть хороший собак, есть плохой собак. Который кусает — плохой собак. Который виляет хвостом и радостно лает — хороший собак.

— Прокормить такого пса невозможно! — убеждённо бросил проходящий мимо парень.

Его слова подействовали подобно спичке, брошенной в печь на сухой хворост. Разгорелся разговор, и проходил он с огромным интересом.

— Зачем он нужен? — искренне удивлялась толстая женщина.

— Как зачем! Вот у нас в доме маленький собака, ночью он вдруг залаял. Хозяин думает, что это с ним. Никогда мой собака по ночам не лаял. Открыл окно, а жулик вот он, тут как тут, подбирается. Вот так-то.

— Вот-вот, — не сдаётся толстая женщина, — жулики, они и лезут к тем, у кого собака, знают, что богатые.

— Нет, — ввернул парень, — другой сам голодный останется, а собаку держит, любители.

— Или вот, тоже, женщина с маленькой собачкой. На улице бандит на неё с ножиком, а собачка подпрыгнула и его руку — тяп! Спасла хозяйку.

— Может быть, это он на собачку, с ножиком? — не унималась толстая женщина.

— Нет, не на собачку, а на хозяйку.

— А что же это он на женщину-то? — в сомнении поджала губы толстая гражданка.

Хозяин дога стоял и слушал все эти разговоры; они были ему неприятны, но он молчал. Ведь только он один с собакой, и этим как бы противопоставлен остальным. Он обрадовался, когда подошел его сын, высокий парнишка с транзистором, взял дога за поводок и отошел подальше.

Собачья тема стала иссякать, и вскоре разговоры о собаках прекратились ввиду отсутствия объекта обсуждения.

— Я отойду на несколько минут, — обратился я к полной женщине небольшого роста, стоящей после меня.

— Идите, — неприязненно пробормотала та, всем своим видом показывая, что хорошо будет, если я вообще не вернусь.

Возвратившись, я услышал её недовольное брюзжанье; она негодовала, что очередь продвигается слишком медленно. А тут еще впереди некая женщина закупала всего понемногу, и картофеля, и капусты, и огурцов, и помидоров. Полную ворчунью она просто выводила из себя.

Ворчунью поддержала еще одна дама, и они вдвоём принялись буквально грызть бедную оптовую покупательницу. Я вступился. Не могу видеть, как обижают человека. Чего только эти дамы не плели. Разве можно столько набирать, если, хотя бы, большие весы, сколько можно стоять, что она, на засолку, что ли. И прочие нелепости.

Меня они отбрили моментом.

— А мужчина должен, вообще-то, помалкивать, — намекая на то, что магазин — это сфера деятельности женщин.

Я последовал их совету и промолчал. Купил десять килограммов наполовину гнилой картошки и покинул собрание. Под грязными от пуха тополями три старушки и мальчик играли в домино — говоря нашим дворовым языком, забивали козла. Мальчика нечасто приглашали играть со взрослыми; он рад и такой компании.

Домашние джунгли

Хотите устроить у себя в квартире джунгли? Это совсем не сложно. Достаточно найти бельевую верёвку, несколько веников, пару утюгов (лучше угольных) и двухведерный самовар, кассету с песенками Робертино Лоретти и кассету с записями криков животных. Последние постоянно имеются в продаже на углу Второй Мещанской и Кировской улиц, в магазине «Всё для молодоженов».

В случае, если указанный магазин закрыт на ремонт или там переучет, Ваше положение осложнится, но не станет безнадёжным. Следу-

ет набраться терпения и отправиться, прихватив с собой магнитофон, в наш продовольственный магазин «Стекляшка». Это аборигены так называют его: у него вся фасадная сторона стеклянная.

Тихонько, не привлекая к себе внимания, встаньте в секции «вино, воды, пиво, табак» и включите аппарат. Записывайте всё, не выключайте магнитофон. Из своего опыта могу утверждать, что одного часа достаточно. Однако старайтесь не щелкать переключателем, ибо это может вызвать нежелательное подозрение посетителей и адекватную их реакцию, хотя, вообще-то, клиенты указанной секции не отличаются широким кругозором и высокой эрудицией.

Зато есть у них немало и достоинств: они выработали тонкое чувство и навыки добывания спиртного, натренировались на стоянии, падениях и получили стойкий иммунитет против простуды во время лежания зимой в снегу за палисадником возле «Стекляшки» и на радиальных тропинках от магазина к своим домам.

Слабые, естественно, погибали в ходе отбора, а стихийно появляющиеся особи с морозостойкими признаками жили и крепли.

Не весь зафиксированный аппаратом материал пойдёт в дело, увы, в нём могут оказаться нормальные человеческие голоса. Однако, при известной фантазии их можно использовать, скажем, как присутствие в джунглях человека, к примеру, миссионера.

Но уж если Вам нужны совершенно девственные джунгли, то, придя домой, вырежьте эти непригодные, по сути, испорченные куски — и все дела.

Пивная

Октябрьское поле — это одиннадцать Октябрьских улиц и три Волоколамских проезда, составленные пятиэтажными домами, забитыми ответственными квартиросъёмщиками и их семействами.

По мере естественного вымирания героических военачальников ранга не ниже маршала имена их присваивали улицам, ранее Октябрьским с номерами: Первая Октябрьская, Вторая Октябрьская… и так далее. С одной стороны, это дань героям, а с другой — патриотическое воспитание молодёжи в духе доблести и геройства на примере беззаветного служения родине указанных маршалов.

К настоящему времени оставалось еще три Октябрьских улицы, пребывающих, так сказать, в первобытном, то есть, не переименованном состоянии, ибо маршалы-герои пока были живы.

У нас нет ни одного фотоателье, зато есть пивная. Она расположена на пустыре между сезонным овощным базаром и пунктом приёма стеклотары с двумя собаками, бдительно стерегущими бутылки от разграбления, с одной стороны, и продовольственным магазином «Стекляшка» с другой.

Пивная ярко-желтого весёлого цвета, с козырьком и квадратной дыркой, куда люди суют опорожнённые кружки, а обратно получают слегка ополоснутые и наполненные свежим, пенистым, янтарным пивом.

Земля вокруг пивной плотно утоптана и покрыта пивными лужами и мочой. Пиво уносят в сторону, где и выпивают, не торопясь, кто с воблой, кто без ничего, но неизменно с удовольствием и даже с жадностью.

К пивной постоянно очередь, не менее тридцати человек. Народ топчется, кто-то норовит пролезть, обойдя других, все пьяные с налитыми глазами и предельным отсутствием взаимной уважительности. Большинство постоянные клиенты.

Подошли двое. Один длинноволосый в ладной шляпе и приятными чертами лица, но с бессмысленным взглядом и замедленными движениями паралитика; второй тоже сильно пьяный. Они жаждут пива и стоять в очереди явно не планируют.

Их гонят прочь; они топчутся, просят их не оскорблять, мелют всякий вздор и стараются увести людей от сути своего намерения. Одновременно они теснятся к ларьку, всё ближе к желанной дырке. Один пошел за пустыми кружками, это который длинноволосый и в шляпе; его прогнали.

— Что же ты, паразит, кружку из глотки вырываешь?

Для дополнительной аргументации парень взялся за костыль.

Всё преодолели. Выпили из немытых кружек, с трудом, не вдруг, построились в пару и двинулись прочь, как контуженые с поля боя.

Но вот хозяйка-продавщица высунула из дырки своё зеркало души, то есть, рябую толстую физиономию в платочке и, щурясь на солнце, проквакала, как из подземелья:

— Пивы осталось сорок литрыф, — она весело ощерилась редкими зубами и уточнила, — по две кружки в рыло и до свидания.

Толпа, сраженная ужасным известием, смолкла, как перед бедой.

В праздничный первомайский день я вновь прохожу мимо той же пивной и не узнаю ландшафт. Всё решительно иное. Людей немало, но они празднично одеты и почти трезвы. Без толкотни и споров стоят в

очереди за пивом. Всё пристойно. Люди пришли утолить жажду свежим, прохладным, отдающим дрожжами превосходным напитком.

Вот и выходит, не место определяет человека и его поведение, а единственно сам человек.

Столы

У него был стол. Он сидел за ним и отдавал приказания подчинённым, покорно стоявшим возле стола.

Стол состоял из двух тумб с ящиками, из которых три прикрывались общей крышкой, а один, верхний, был выдвижной. И еще стол имел полированную крышку. Прекрасный стол. В выдвижных ящиках он хранил скрепки, карандаши, линейку, а также различные детальки, которые ему привозили с заводов для показа дефектов, или, напротив, новинок.

Он часто любовался своим столом, гладил ладонью полированную крышку, а пятна тщательно выводил ластиком.

В той же рабочей комнате стояли столы его подчинённых. Число их со временем увеличилось до восьми: шести двухтумбовых и двух однотумбовых. Этот факт радовал его сам по себе, но после того, как радость улеглась, он вдруг обнаружил, что подчинённые двухтумбовые столы нисколько не хуже его собственного любимца, и это открытие неприятно его задело.

Следовало что-то предпринять.

«Заменить двухтумбовые столы на однотумбовые», — подумал он, но тут же отверг эту мысль. Замена выглядела бы, как понижение подчинённого в должности без всякой весомой причины. Он полагал себя справедливым, рачительным начальником и сразу понял, что так поступать негоже. Вместо этого он срочно вызвал заведующего хозяйством и с горькой выразительностью показал тому на свой стол.

Завхоз, старый опытный работник, своё дело знал, как свои пять пальцев, словом, умелец. Он с лёта уловил мысль начальника, козырнул, сходил в подвал, долго творил разнообразные накладные, протоколы, квитанции, акты, и всё под копирку. Затем некоторое время кричал по телефонам, и в результате всего этого произошло действо.

Однотумбовые подчинённые весело потащили начальнику новый Т-образный ореховый, отполированный до огневого сияния агрегат. Описать это чудо мебельного творчества мне, как дилетанту, очень трудно, более того, невозможно, не под силу. Могу лишь констатировать следующий выразительный факт.

Едва машинистка Леночка взглянула на крышку, напоминающую коротко стриженый ухоженный лужок с нежной травкой, она только и произнесла:

— Ах! — и всплеснула руками.

Три пары прямых мягких стульев торжественно стояли по обе стороны ноги этой сверкающей буквы «Т». Стол ослеплял и сбивал с мысли; он заставлял человека вытягиваться, почтительно сгибать шею и поясницу, щелкать каблуками и, главное, ощущать своё подчинённое место в общем строю. Величественная сложная многобашенная малахитовая система с дырками для чернил (язык не поворачивается назвать это чернильным прибором) усиливала впечатление. Любому, самому невежественному человеку, увидевшему её, сразу становилось ясно её высокое предназначение.

Единственно для значительных, выдающихся мыслей!

Центральное место за столом занимало мощное деревянное, подобное трону кресло. Сиденье его было жестким, спартанским; оно прямо-таки излучало мощный укор мягким подчиненным стульям. Дескать, смотрите, как я скромен, мне комфорт под задницей не нужен, ибо я руковожу. Кресло сильно увеличивало значимость хозяина; в нём было нечто могучее. Оно выглядело, как одна из живых частей, имеющих тесное отношение, можно сказать, прямое отношение к мыслительному органу человека — голове.

О судьбе старого двухтумбового стола можно сообщить нижеследующее. Его, после незначительной склоки, захватил один из однотумбовых подчинённых, который имел на это неоспоримые права по стажу службы и приближенности к начальнику.

Бокс

По младости лет и юношескому неразумению я поступил в спортивную секцию бокса. Мне хотелось стать сильным человеком, никого не бояться, и при необходимости, а такая необходимость присутствовала у меня постоянно, квалифицированно отдубасить обидчика.

Когда мы собрались на первую тренировку, то невольно стали оглядывать друг друга, имея в виду, прежде всего, физическую сторону. При этом я оценивал и свой силовой потенциал, но чем глубже я вникал в суть, тем безрадостнее становились мои мысли.

«Уйти? Позор. А не уйти — моя песенка спета».

Я остался.

Моим спарринг-партнёром оказался крепкий черноголовый парнишка. Он сразу заявил:

— Драться будем, как в пивной, пока ногами вперёд не вынесут.

Меня это взбодрило, не терплю я болтунов, и едва мне зашнуровали перчатки, бросился в бой. Упали мы оба: я угодил ему в подбородок, а от его прямого встречного у меня очень быстро вырос мощный фингал под правым глазом.

Тренер, он же судья, определил по указанным признакам бой прекратить и одобрительно похлопал нас по спинам.

— Приняты, — бросил он и занялся следующей парой.

Прошло полгода в тренировках и боях. Я уже не тот.

Как-то пришел к нам в секцию новичок. Я узнал его: известный в нашем квартале хулиган Федя Цвирик. У меня с ним старые счеты.

— Василич, — шепнул я тренеру, — отдай его мне, прошу.

Тот с сомнением поглядел на меня.

— А справишься?

Цвирик на полголовы выше меня, тяжелее и, конечно, сильнее.

— Постараюсь, — пообещал я.

Вначале я дал Цвирику развернуться. Он кинулся на меня весьма решительно и нанёс несколько сильных ударов. Я отходил, укрывался, но пару ударов всё же пропустил; он зацепил меня, и я стал опасаться, справлюсь ли с таким напором. Минуту все же выстоял, хотя и не без потерь.

— Хватит, — решил я и дал ему длинного крюка слева. Затем провёл серию из двух прямых слева и справа, двух крюков слева и справа, одного апперкота слева.

Апперкот справа у меня очень сильный, и я приберёг его к финишу.

Парень стал отступать и пытался укрыться, но будучи ошеломлённый, он оставлял много открытых мест. Я гнал его по периметру ринга, круг за кругом, обрушивая на него серию за серией.

— Кончайте бой! — крикнул тренер как раз в тот момент, когда я выпустил свой коронный апперкот и выбил Цвирика с ринга в аут.

«Хулиган должен быть наказан», — так решил я.

Жажда встречи

Мы не виделись с ним шесть лет. И вот однажды возникла у него сильнейшая жажда встречи. Он сильно хвача, и в этом состоянии ука-

занная жажда многократно возросла. Она стала таким неодолимым чувством, что он, едва дождавшись ночи, позвонил мне.

Поскольку звонил он после двенадцати, то есть, в полночь, когда все добропорядочные нормальные люди спят, я, естественно, не смог полностью разделить с ним радость общения, и некоторое время молчал, и еще беспомощно мычал.

Он воспринял моё молчание, как следствие волнения от встречи, и даже прослезился. Он, как уже сказано, был под хмельком, а говоря честно, пьян в драбадан. Он плакал подобно рёву бегемота и сморкался.

— Я понимаю твоё состояние, мой друг, но, к сожалению, не могу тотчас прийти к тебе, а как бы славно мы с тобой посидели, поговорили, — всхлипывая, говорил он.

От этой перспективы меня так качнуло, что я окончательно проснулся, будто на меня опрокинули ведро ледяной воды. Я перестал мычать, голос мой стал ясен, а фразы логичны. Следует срочно что-то придумать, иначе от дружеского визита не отвертеться.

Речь его, искренняя и трогательная, наполненная дружеским чувством, лилась рекой.

Пришлось идти на хитрость, что, безусловно, было неучтивостью с моей стороны. Я изменил голос и произнёс в казённой манере:

— Телефон 223-48-19? Вас вызывает Чимкент.

— Пошли ты этот Чимкент в зад, — посоветовал он, но я сказал уже своим голосом, что это неудобно, так как Чимкент, ну и так далее… Затем я извинился и с облегчением повесил трубку.

И всё же мне до сих пор совестно перед моим другом. Вдруг он, к тому же, узнал меня в изменённом голосе? Ах, как нехорошо. Но, в конце концов, из двух зол я выбрал наименьшее.

Чайник

Вода в нашем водопроводе жесткая, и чайник сильно зарос накипью, даже носик из нутра по этой причине практически перестал пропускать кипяток, а сам чайник издавал странные мелодии в пределах верхней октавы. Непорядок. Вот жена мне и говорит:

— Возьмись, может, что получится, а то никакие антинакипины не помогают. Всё перепробовала.

Тщательно обдумав задачу и отбросив негодные варианты из опыта человечества в этой области, я пошел на эксперимент. Здесь нужны новые знания, логично вытекающие из известных.

Я поставил пустой чайник на огонь и, когда он стал поскрипывать и крениться от жара, швырнул ему в нутро кружку холодной воды, полагая, что от быстрой смены температур и различия в коэффициентах линейного расширения металла и накипи последняя треснет и расслоится.

Мои соображения оправдались, правда, не вдруг, в смысле, не с первого раза. Положительный результат наступил на третьи сутки, когда я уже подумывал о зубиле с молотком в качестве крайнего, но наверняка радикального средства.

О том, чтобы бросить порученную работу, не могло быть и речи: не такой я человек. Так вот, на третьи сутки упорного труда я сильно накалил чайник, у него даже дно стало выпуклым, подобно животику молодого гиппопотама, а изнутри он светился и исходил загадочными искорками по всему дну.

Понятно, что вода, попадая в раскалённый чайник, мгновенно испарялась и садила вверх, как из вулкана, но в этот раз чайник натурально взорвался. Ну, думаю, кажется, переборщил.

Переждал опасность, осмотрел: накипь треснула! Но, увы, не везде. Остались поясочки по периферии, и довольно толстые. Я стал выкусывать их острозубцами. Неудобно. Две руки в чайник не пролезают, видно плохо, голову с глазами в чайник не просунешь, словом, не получается.

Оставил пояски в покое, иссяк, хотя такая халтура не по мне.

Вскипятил чай в очищенном чайнике, стал пить: здорово жестью пахнет, прямо шибает. Поставил чайник на подоконник, сняв крышку. Пусть проветрится, выдохнется.

В труде время проходит быстро. Сходил в сапожную мастерскую и химчистку, смазал сапоги рыбьим жиром и уложил на хранение. Постоял в очереди за абонементом в плавательный бассейн для Димы, потом красил пол и подоконники, искал учебник истории для Оли. Ходил по мебельным магазинам в поиске матраца: наш звенел в ночной тишине то как новгородский набат, то нежно, как отмычка в руках неосторожного домушника.

Футбол и ТВ

У меня сплошная нервотрёпка. Сегодня игра в полуфинале кубка между «Торпедо» и «Нефтчи», да еще в Баку. Так что увидеть её возможно только по телевизору. Я жажду наблюдать и болеть.

Перед началом игры состоялись всякие предстартовые разговоры—обсуждения—прогнозы, которые сильно накалили обстановку и настроение, но ни в коей мере не подорвали мой спортивный интерес. Однако, то, что произошло в течение матча, не могло и присниться, даже в дурном сне.

Ровно в 18:00, минута в минуту я, уставший и тяжело дышащий, но довольный своевременным прибытием домой, плюхнулся на Димин стульчик и впился очами в экран. Телевизор Оля включила заранее по моему звонку, еще со службы.

«Умоюсь позже», — решил я и настроил аппарат на резкость.

Игра началась, стадион ревёт и свистит, подобно тайфуну или стаду разъярённых морских львов. Бакинцы стремительно накатывались на Торпедовские ворота с решительным намерением поразить их, но защита мощными волнорезами разбивала валы нападающих, и те растекались жалкими, беспомощными ручейками, теряли мяч, который неизбежно всякий раз оказывался в цепких руках Анзора Кавазашвили.

Зато ответные атаки «Торпедо» совершало молниеносно: потаённые пасы Эдуарда Стрельцова, нацеленные на ворота, постоянно держали в страхе оборону бакинцев и их болельщиков.

Захваченный игрой, я не сразу заметил, что картинка в телевизоре стала ухудшаться. Я попробовал крутить ручки регулировки, но экран всё тускнел и наконец погас вовсе, пропал и звук.

Вечно этот ящик отказывает в самый неподходящий момент! Я покрутил ручки еще, подёргал штепсель и даже с досады двинул кулаком по футляру, по его полированному сверкающему горбу; телевизор жалобно прозвенел своим электронным нутром, но положительного эффекта не выдал.

Сильно удрученный, я натянул брюки и побежал к Виле на второй этаж; долго давил на кнопку звонка. Увы, Быковы отсутствовали.

Это уже не беда, это катастрофа. Я возвратился к себе, вышел на балкон и закричал соседке с третьего этажа, уже второй час наблюдавшей сверху, со своего балкона жизнь нашего двора во всем её разнообразии.

— Аня! Включи, пожалуйста, телевизор, мой что-то не фурычит.

— Сейчас, — захлопотала Анна и побежала в комнату.

В ожидании ответа я ходил, как разъярённый барс. Мне так казалось, хотя в натуре, в мятой пижаме, облик мой скорее выглядел нелепо.

— Работает! — закричала появившаяся на балконе Анна. — Только картинка прыгает.

Прыгает, значит, неладно везде, а не только у меня. Может, антенна? А футбол-то продолжается и без меня. Я беспомощно покрутил головой: не к кому зайти посмотреть.

— Свет слабый! — вдруг донеслось до меня от соседнего дома. Догадка молнией осветила мой разум. Подсело напряжение. Трансформатор, немедленно вытащить трансформатор. Я какой-никакой, но инженер-энергетик; мгновенно подключил трансформатор с вольтметром. Так и есть, всего жалких сто вольт. Таким напряжением только блох ловить, а вошь не убьёшь.

А вот теперь… Я повернул ручку вариометра до 130 вольт и, о чудо! телевизор ожил, заревел, картина сладостного футбольного действа заиграла несравненной гаммой жизни. Шел второй тайм.

Счастье моё длилось, однако, недолго. За тридцать минут до конца игры электричество нам выключили вовсе и телевизор сдох как таковой. Я рванулся к радиоприёмнику, забыв, что и он без электричества пустая коробка. Оставался последний источник информации — репродуктор городской радиосети.

Он, несомненно, спас меня от возможных необдуманных опрометчивых поступков, каждый из которых мог повредить моей репутации добропорядочного разумного гражданина. Я припал ухом к динамику, впитывая в себя футбольную битву.

Торпедовцы вели со счетом 2:0, но южане атаковали, и времени еще оставалось достаточно, чтобы они могли отыграться.

До конца оставалось десять минут, когда замолчало радио, и я оказался, как рыба, выброшенная на берег, как Робинзон на необитаемом острове. Я лёг на тахту; жизнь, казалось, потеряла смысл. В то же время, счет 2:0 был достаточно убедителен, и меня не покидала надежда на благоприятный исход игры.

Эта надежда, единственно, и поддержала меня и мой смятённый дух.

Теперь, по прошествии времени, по спокойном размышлении, могу утверждать, что такого густого стечения злых обстоятельств я ранее не наблюдал.

Слышал о законе бутерброда, законе подлости, но чтобы вот так, как у меня с этим футболом, решительно не наблюдал. Даже понять не могу. Прошло более недели, казалось, всё забыто, острота стёрлась, но я всё еще вздрагиваю, вспоминая происшедшее. У них, видите ли, кабель сгорел! Так что он, не мог гореть в иное время, и при иных, менее значимых обстоятельствах?

Почему именно тогда, когда шел ответственный футбольный матч, который мне просто жизненно необходимо было посмотреть?

Не знаю.

Врагу своему не пожелаю такого. Оревуар.

Несомненно одно — здесь немало загадочного, чего человек понять вообще не в состоянии.

Бабушка и Саша

Рассказ бабушки

Я зашла в ванную комнату, чтобы снять с сушильной трубы Сашины ползунки и положить для просушки другие, мокрые. Дверь оставалась приоткрытой, но едва я принялась за дело, как дверь захлопнулась, и замок щелкнул. Я попыталась открыть дверь, но безуспешно. Наша дверь открывалась только извне. Я в мышеловке.

— Сашенька, — позвала я, — сынок, ты зачем меня закрыл? Открой замочек.

Царапанье и пыхтенье по ту сторону свидетельствовали о том, что малыш старается изо всех сил исправить свою ошибку. Что делать?

Пробую уговорить Сашу, стараюсь говорить ровным, спокойным, по возможности весёлым голосом, чтобы, не дай Бог, не испугать мальчика. Я долго объясняю ему, как следует правильно открыть дверь. Он, однако, по своей малости ничего не понял, и только повторял тоненьким голоском:

— Баба, иди сюда.

Катастрофа! Еще где-то около восьми утра. С работы придут не раньше шести вечера. Значит, сидеть мне здесь десять часов, а в пустой квартире маленький полуторагодовалый ребёнок предоставлен сам себе, без присмотра. Захочет поесть, попить, может что-нибудь натворить. В кухне газ, спички, тяжелые предметы. О, Боже!

У меня подкосились ноги, и я без сил опустилась на табурет. Что предпринять?

Ломать дверь? Я с сомнением посмотрела на свои руки, затем на массивную дверь. Нет, не получится. Не под силу мне это.

После раздумья я решила держать Сашу поближе к двери, чтобы не выпускать его из-под контроля.

— Сашенька, подойди к дверочке, — позвала я его.

Мальчик притопал к двери, ткнулся носом в замочную скважину, полизал дверь.

— Баба, ам-ам.

Ах ты, Боже, я ведь еще не кормила его.

— Сашенька, ты знаешь, в кухоньке на столе стоит твоя кастрюлечка, синенькая. Знаешь, сынок?

— Да, — глубокая убеждённость прозвучала в ответе. Она привела меня в восторг и чрезвычайно возвысила Сашу в моих глазах.

— Иди, возьми кастрюлечку и поешь. Ладно?

В ответ топанье ножек и пыхтенье. Затем небольшой грохот, лязганье крышки, и вот Саша сидит на полу перед дверью. Кастрюлька грохочет об пол.

— Баба, сказку! — требует Саша.

Обычно я рассказываю ему за едой сказки, чтобы еда проходила успешно, и он привык к этому.

Я стала рассказывать про маленького мальчика, который победил волка. Саша ел с большим удовольствием, запуская ладошки в кастрюльку и слизывая с них кашу. Взять ложку малыш, естественно, не сообразил. Поел, отнёс кастрюльку в кухню и там бросил её.

Я находилась во времени, время наполняло меня; оно тоскливо тянулось, и не было у меня часов, чтобы определить, сколько прошло и сколько еще осталось.

Саша бегал по комнатам, играл, резвился, падал. Что-то разбивалось, скрипело, рушилось.

Я ловила всякий звук, и каждый из них проходил через мои нервы в тревогу. Изредка Саша подходил к двери, и мы беседовали. Он отходил, когда хотел, и я не могла его задержать. В какой-то момент он подошел, поцарапал в дверь и произнёс сонным голосом:

— Баба, бай-бай, — стихло. Малыш где-то уснул.

Балуем мы жен

— Балуем мы жен, а от этого один вред и даже неграмотность. Перехватил? Не верите? Причем тут неграмотность? Ну хорошо, а если я скажу, что рассказал мне эту историю Димов Юрий Николаевич, подполковник, и он утверждал, что всё было в реальности, то есть, на самом деле, истина. Скажите, нужны ли после этого иные доказательства? Странный Вы человек.

Для меня в каждом случае важно, *кто* рассказывает, понимаете, *кто!* Достоин человек доверия или нет. Вот критерий доверия — сам рассказчик как личность. Если, скажем, рассказчик у меня под сомнением — не поверю ни единому его слову.

Но если речь идёт пусть даже о сущих чудесах, но сообщает о них человек достойный — верю всей душой, ибо на свете всякое случается. Важна личность рассказчика; отсюда верить ему или с негодованием отвернуться.

Если человек лжив изнутри, то есть, его сознание хотя бы частично пронизано ложью — иными словами, его натура приемлет ложь и мозг его считает её одной из естественных своих функций — то, значит, соврёт этот человек в какой-то момент неизбежно.

А уж врать-то можно о чем угодно, даже о самых обыденных вещах.

Так вот что рассказал мне правдивый изнутри Димов, подполковник.

Приехал как-то к нему отец, постоянно проживающий в посёлке Твёрдореченске Мурманской области. Мужчина хозяйственный до чрезвычайности, всю жизнь трудился и жизни без труда не представлял. А тут у сына делать нечего, отдыхай себе.

Слонялся он по квартире, слонялся да и говорит снохе:

— Давай я хотя бы в квартире уберу; хоть не мужской это труд, но всё же занятие.

Та согласилась.

— Давай, вот и пылесос, — сказала и осеклась, вспомнила, что сама никогда не пылесосила, а только покрикивала на мужа, который всегда этим занимался, то есть, убирал квартиру.

Она, однако, быстро успокоилась, решив и на этот раз перевалить радость освоения техники на мужчину, то есть, на свёкра. Тот же, хотя мужчина видный, но пылесосом никогда не пользовался, ибо цивилизация в этом смысле до Твёрдореченска еще не дошла, а по указанному делу аборигены применяли исключительно веники. Всю жизнь он просидел в посёлке, выезжая изредка лишь в районный центр Осетерск, чтобы заказать уголь для зимней топки.

Словом, начал пылесосить, а трубку воткнул на выхлоп. Как направит на пыльное место тугую струю тёплого воздуха — пыли как не бывало, мигом сдувает её.

И пошло дело, любо-дорого. Только направляй трубку да подтаскивай пылесос. Пыль, правда, взлетает, зато на полу и мебели её не остаётся.

Пришел со службы Юра. Отец похвалил пылесос:

— Хорошая машина, — говорит. — В доме полезная. Так, сколько веником махать, а этот враз всю пыль смахнул.

Юра ахнул, но ругаться не стал, учел технический уровень отца, а жену отчихвостил.

Та вначале только ахала, но затем отошла и насела на мужа с такой энергией, дала делу такой оборот, что Юра осознал свою полную неправоту и принял всю вину на себя, ибо не приучил жену к работе с пылесосом и тем избаловал её вконец, до безобразия, до неграмотности.

Накипь

Когда жена с ребятами уезжает к своей маме в Скуратово, она обычно выдаёт мне множество советов, как эффективнее заниматься делом. Справедливо не надеясь на мою память, она снабжает меня папирусом с перечнем работ, которые мне рекомендует выполнить. В среднем указанного перечня хватило бы на ударную работу двух трудолюбивых парней в течение месяца.

Составила она такой наряд и в этот раз. Взглянув на него, я был приятно удивлён относительно небольшим количеством и простотой работ. Своё удивление я, естественно, оставил при себе и, как выяснилось вскоре, после отъезда жены, поступил очень разумно. Моё удивление можно было объяснить лишь моим неглубоким пониманием её изобретательности.

Это я осознал часа через четыре, после того, как начал чистить кастрюлю, согласно первому пункту перечня.

Объект оказался покрытым закаленным приваренным налётом, одинаково прочным как внутри, так и снаружи. Возможно, его мог бы взять алмазный абразив, которого я, естественно, не имел, а работал с различными, известными мне подручными средствами.

Паста для очистки ванн действовала на него, скорее, как укрепляющее вещество: налёт принимал праздничный блеск, но его не становилось меньше и, тем более, он не исчезал.

Наждачная шкурка быстро теряла свои фирменные свойства, превращалась в трухлявую бумагу и кучи пыли, но не оставляла даже следа на кастрюле. Отбивать налёт молотком я не решился из опасения загубить объект как таковой.

Тогда я принялся усердно скоблить его куском грубого наждачного круга, но снаружи ладно, а как внутри? Об этом я не хотел даже думать.

По телевизору в это время показывали бравого капитана Клоса, которому всё удавалось.

С чайником мне было так же трудно, но интереснее. Толстый и крепкий, как танковая броня, слой кальциевой накипи тоже не подда-

вался инструменту, но меня вдруг озарило. Я поставил его на плиту, нагрел до приличной температуры, почти докрасна, быстро снял с плиты и окунул его в таз с холодной водой.

Эффект получился поразительный. Налёт треснул по множеству линий и сам собой отвалился. Способ, конечно, несколько варварский, но радикальный.

Яблоки

Я вёз крупные, аппетитного вида яблоки в сетке.

— Скажите, пожалуйста, — обратился ко мне плотный, черноволосый с проседью гражданин, — где Вы приобрели Ваши прекрасные яблоки?

— На рынке, — машинально ответил я, думая о своём.

— На каком, если не секрет?

— На Щербаковском.

— На Щербаковском? Что-то я такого не знаю. Как к нему проехать?

— На четвёртом трамвае до Колхозного рынка.

Гражданин долго смотрит на меня в недоумении.

— Что Вы мне такое говорите! Маршрут четвёртого трамвая я знаю, как свои пять пальцев. Нет там остановки с таким названием. Вы что, меня разыгрываете?

— Ничего я Вас не разыгрываю… — до меня дошел смысл происшедшего, и я расхохотался.

— Извините, пожалуйста, это же в Воронеже я покупал яблоки, а мы в Москве. Я, знаете ли, задумался и так вот ответил Вам. Не подумайте, что я нарочно. Вот, откушайте, пожалуйста, — я протянул ему несколько превосходных яблок.

— Ну что Вы, как-то неудобно.

— Берите, берите, я же провинился.

— Ну спасибо.

Грянул хохот; смеялись все — и взрослые, и дети, женщины и мужчины, все, кто слышал наш разговор. Лишь одна старушка посмотрела на меня жалостливо.

— Значит, задумываться стал. Надо же, перепутать Москву с Воронежем. Вот так мой внучок всё книжки читал…

Воспоминание было такое грустное, что по щекам бабки покатились слёзы.

Немного о хрене

О том, насколько популярен хрен в русской кухне и вообще в быту, свидетельствует обилие русских людей, носящих фамилию, в основе которой лежит этот продукт.

Хренов, Хреных, Хренкин, Хренников, Хренко, Хренчук и даже просто Хрен, и так далее. Я лично знал Виктора Хрена.

При формировании фамилий явственно улавливаются два направления, исходя из применения хрена как такового.

Первое направление охватывает фамилии, возникшие на основе чисто кулинарного его применения. К ним относятся упомянутые примеры, из которых в наиболее рафинированном виде выступает, несомненно, фамилия Хрен.

Второе направление, по-видимому, более новое, говорит о прогрессе общества. Оно объединяет широкий диапазон фамилий, имеющих иные смысловые оттенки, свидетельствующие о гибкости языка, по мере эволюции цивилизации, так сказать, прогрессивные производные от хрена.

Здесь, главным образом, хрен выступает в несколько непристойной форме. Хреновинов, Хреновидов, Длиннохренов, Хреновый, Хренастый, Хренужников, Тугохренов, Хреноватый и прочее. Человека или его органы сравнивают с хреном с целью уязвить, обругать, указать на недостатки, а, возможно, и достоинства. Это как посмотреть, имея в виду, скажем, Длиннохренова.

Хрен несколько теряет свой исходный смысл и служит более для прикрытия хлёстких выражений. Является, так сказать, связующим звеном между предметом рассмотрения и его ругательным характером; ругательством, но в пристойной форме.

Особое место занимает фамилия Хренариус, которую нельзя отнести напрямую к изложенным направлениям; она сильно пахнет латынью.

Операция

Я лежал на белом жестком холодном операционном столе; руки мои, надёжно прихваченные широкими ремнями к подлокотникам, покоились на ложе, дабы я не дрыгался.

Над моим животом склонились два субъекта в зелёных халатах; они осмотрели меня, проверяя надёжность моей прихваченности, и

принялись сноровисто и деловито, но без огонька, втыкать в меня иглы шприцов для гуманного обезболивания.

Затем, как мне показалось, они слегка поспорили за право первым взрезать мой живот. Согласились на ничью и принялись за дело.

Я отрешенно смотрел вверх и видел в рефлекторе свой низ, как вид сверху. С лёгким, но неприятным треском они развалили моё брюхо. Боли я не почувствовал, но очень явственно ощутил жалость к себе.

Мужики заглянули внутрь моего живота, решительно запустили туда свои руки и стали тащить кишки. Боли по-прежнему не было, но мне стало нехорошо до чрезвычайности, будто меня противоестественно выворачивают наизнанку.

Дело, однако, продвигалось: они знали своё ремесло. Я уж стал надеяться на благополучный исход, когда произошла очевидная заминка, энтузиазм врачей как-то иссяк, и работа замедлилась. Я уж собирался их поторопить, но тут между ними произошел разговор, который покрыл меня холодным потом.

— Слушай, старик, — загудел один, — ты не забыл, скоро хоккей. Давай, кончай.

— Да неудобно как–то, — ответил второй после паузы, — немного осталось.

Я сразу полюбил этого второго.

— Он благородный человек, — растроганно подумал я.

Размышления с похмелья

Однако, как же скверно я себя чувствую. Голова почти не болит, но мутит, как мутит!

Я сижу за рабочим столом, но не работаю. С трудом сумел заглянуть в зеркало; увидел зелёную вытянутую рожу с глазами, полными смертной тоски. Оказывается, даже в таком безнадёжном состоянии можно существовать. Не скажешь, что шикарно, но, во всяком случае, почти возможно. Надо только знать, как.

Главное, не допускать резких движений; напротив, они должны быть плавными и предельно замедленными, скажем, как у обезьяны-ленивца. Ходить можно и даже нужно, но также постепенно, чтобы не рассыпаться и не нарушить свою внутреннюю динамическую структуру, которая в данной ситуации находится в крайне неустойчивом положении. Кажется, дунь на тебя, и ты готов, кранты. Сказано не совсем точно, но иллюзия полная.

В лифте лучше не ездить. Перемещение по вертикали создаёт имитацию состояния невесомости, которая резко усиливает муть. После прогулки (старайтесь не ходить по прокуренным местам, табачный дым подобен яду) хорошо посидеть, не сгибаясь, но держа корпус прямо.

Бытие определяет сознание — как философская концепция, применима на всю катушку.

Вначале не хочется жить (особенно, если человек неопытный). Это самый опасный этап, вроде кризиса при брюшном тифе. Потом думаешь: «Нахрен пил! В дальнейшем капли в рот не возьму, зачем последнюю рюмку опрокинул, следовало ограничиться пятью».

Говорить следует тихо, но отчетливо и степенно, подобно старику ненцу при встрече с соседом из ближайшего стойбища, расположенного всего в трёхстах километрах.

К счастью, установленная наукой первая стадия состояния где-то часам к двенадцати значительно смягчается, а к двум часам наступает перелом к выздоровлению. Я уже могу осмотреться, получаю способность видеть окружающих людей, а затем появляются первые признаки аппетита.

Если утром я думал, что хорошо бы ликвидировать спиртовые заводы и вообще запретить продажу водки, то теперь постепенно, по мере улучшения самочувствия, характер мыслей меняется: зловещий фон уходит, и на его месте появляются всё более жизнеутверждающие идеи и соображения.

Наконец, наступает долгожданный и глубоко выстраданный момент полного выздоровления. Появление этого эпохального момента у людей происходит по-разному: у одних к часу дня, у других позже. Тут много факторов, но из основных можно привести количество выпитого и «индивидуальную алкогольную постоянную», соответствующую способности данного человека к лаканию спиртного.

Влияют и иные факторы: чем закусывал, пил одно или пагубно соображал ерши. Привычки — любишь закусывать или предпочитаешь выпить и посидеть так. Жирность закуски.

Так вот, наступает изумительная минута, когда почувствуешь приятную усталость в членах, вроде как три часа рубил дрова.

Муть ушла напрочь. Ощущение щекотки в скулах подсказывает, что хорошо бы поесть. Пошло слюноотделение. И не такое утреннее, вроде как у бешеной собаки, а здоровое, приятное, полезное.

Однако признаком полного выздоровления следует считать появление мысли:

«А хорошо бы выпить стаканчик!»

Невероятные, но свершившиеся случаи

В 12 часов ночи по Литейному проспекту проходил священник. С верхней облицовки дома свалился кирпич и убил священника.

Через день в 12 часов ночи по этому же месту проходил другой священник. На него также свалился кирпич и убил его.

Женщина пожелала закончить свой жизненный путь досрочно. Она выбросилась из окна пятого этажа, упала на проходившего генерал-лейтенанта артиллерии, участника боёв под Харьковом, и убила его наповал.

Дама осталась жива, больше того, она поверила в своё иное предначертание и в свою значимость. Жизнь её с этого момента стала полной, и она более не помышляла о самоубийстве.

— • —

Один холостяк снимал комнату на втором этаже; к его окну вплотную примыкал деревянный сарай с плоской крышей.

Летними ночами, дабы не утруждать себя, он обычно шагал в окно на сарай и мочился во двор. Через энное время он переехал в комнату на девятом этаже. Однажды, будучи хвача, он по давней привычке шагнул в окно и… Этот покойник-алкоголик надоел своими безобразиями до ужаса, всё окружение вздохнуло с облегчением. Решили, что избавлены.

Тело собрали и отвезли в больницу. Что-то в нём еще трепыхалось, билось. Через три месяца он приковылял домой, гнусно перекосившись. Пить и безобразничать продолжал.

— • —

Гражданин Н спускался по винтовой лестнице; существуют такие дома с колодезным пролётом и лестничной клеткой. Навстречу прошла молодая женщина с красивыми ногами и аппетитным задом, в короткой юбке. Гражданин Н дал ей пройти, подождал еще, затем обернулся и стал смотреть на даму снизу вверх, под исключительно благоприятным ракурсом. То, что он увидел, было приятным для мужских глаз.

При этом он продолжал спускаться по лестнице и не заметил сломанных перил.

Вышеуказанное зрелище стало последним в его жизни. Свалиться с шестого этажа на бетон — не шутка.

Однако, согласитесь, такая приятная смерть.

Незваный гость

Нечто нарушило мой сон, и я проснулся в тревоге. Сопели спящие, Дима во сне дёргал ножкой в попытке освободиться от жаркого одеяла, тикали часы. Лунный свет шевелил в окне тополиные листья, в отдалении грохотал товарный поезд. Обычные звуки, так сказать, нормальный звуковой квартирный фон.

Тем не менее, что-то же разбудило меня; я приподнялся на постели, с тревогой, напряженно вслушиваясь.

В соседней комнате явственно прозвучали шаги; я вздрогнул. Кто-то или что-то прошагало, почти протопало совершенно отчетливо. Оглядел кровати — все на месте. Значит, чужой. Жулик, понятно, что жулик. Необходимо действие.

Вспомнив, что над моей кроватью на ковре висит кортик, я схватил его, вытащил из ножен, крепко сжал твёрдую, гладкую, удобную рукоять и, предельно сохраняя тишину, на цыпочках двинулся к двери в соседнюю комнату. Будить своих не стал из опасения лишнего шума: люди проснутся, жулик услышит, и мои преимущества тайного появления исчезнут, как дым.

Сейчас я распахну дверь, ворвусь… и что дальше?

Если вор испугается и сдастся, тогда всё в порядке, но это вряд ли. Он наверняка станет сопротивляться, набросится на меня… и что тогда? Ударю кортиком, убью… и сяду в тюрьму. Доказывай, что защищался! О, наши законы! Нет, так нельзя.

Я тихонько добрался до телефона, укрылся с головой своим толстым одеялом из верблюжьей шерсти (моё любимое одеяло, я гордился им) и позвонил в милицию с просьбой о помощи. Потом позвонил соседу. Оставалось ждать.

Сжимая кортик, я сидел у двери и напряженно ловил звуки из захваченной вором комнаты.

Тот, по всем признакам, будучи уверенным в своей безнаказанности, вёл себя на крайность хладнокровно, я бы даже сказал, неосторожно. Он вышагивал по комнате, шуршал, фыркал, как при насморке, и даже гремел бутылками, которые я имел обыкновение складывать в углу под табуретом.

Осторожно заскребли в наружную дверь. Сосед. Я открыл. Толя скользнул в квартиру с вытянутым от внутренней собранности лицом.

— Ты поосторожнее, — прошипел он мне, — это такая публика, полоснёт бритвой по рылу, от уха до уха, и будь здоров.

Я представил своё рыло, от уха до уха, и поёжился. Милиция задерживалась, и надежда на её помощь таяла.

Я выбил дверь и ворвался в комнату. Никого. Включил свет и увидел милого ёжика, который застыл в углу, обратив на меня мордочку. Он свернулся в колючий шар и замер. Я налил ему в блюдечко молока и подал.

Валерина тётя

Валерина тётя, родная сестра мамы, надоела ему до такой степени, что он стал думать о ней постоянно, и всё в таком неинтеллектуальном плане, а именно, как бы дать ей пендаля под зад. Бродили в его голове и иные варианты, но этот наиболее полно и точно отражал Валерины ощущения.

Однако, глубокая врождённая интеллигентность Валеры, выражающая суть его натуры, не позволяла просто так женщину, пусть даже конкретную тётю, взять да выставить коленом за дверь. Хотя, строго юридически он имел на это право: тётя проживала по другому адресу, а сюда приходила, чтобы оказать сестре посильную помощь в воспитании Милочки, girl of three, Валериной дочки.

Тётя очень любила девочку, но помогала всё невпопад, к тому же твёрдо полагала, хотя и ошибочно, что родители, то есть, Валера и Оля, делают всё не так и этим наносят ребёнку непоправимый ущерб. Таким образом, тётины намерения были, хотя и благородны по цели, но вдвойне ошибочны, ибо Валера и Оля являлись очень добросовестными, ответственными и чуткими родителями.

К тому же, тётя была глуха, как брандмауерская стена, и даже слуховой аппарат не спасал положение. Подобное сочетание тётенькиных свойств и намерений ни к чему хорошему привести не могло и лишь накаляло Валеру. Для ясности напомним, что грубо выставить её он не мог.

Пора, однако, сказать, что Валера майор авиации, ответственный офицер центрального аппарата Министерства обороны, а туда дураков не берут.

Он избрал свежую тактику поведения с тётей. Всё касаемо Милочки он стал делать сам с опережением и перехватом всех дел, которые намеривалась осуществить тётя. Только тётя схватится Милочку одеть — он тут как тут. Я сам. Только умыть. Я сам. Он таким способом хотел ясно показать тётину ненужность в доме.

Мы с Валерой коллеги по службе, и он не скрывал от меня своих трудностей в связи с тётей. Так вот, мне лично Валерин метод показался сомнительным, и я сказал ему, что исход борьбы такими средствами непредсказуем в принципе.

Ведь тётке, может быть, даже понравится ситуация: работы ей меньше, и я подал ему мысль от себя.

— А ты, Валера, — сказал я, — пригласи для её нейтрализации тестя.

Валерин тесть — полковник в отставке, старый партийный работник, человек очень понимающий и способный тонко провернуть любое самое деликатное дело. Помню, ехали мы с дачи по правительственному шоссе. Юра, наш driver, будучи под банкой, свернул на красный свет светофора и, естественно, был остановлен бдительным старшиной ГАИ. Только внешность тестя и его манера разговаривать спасли Юру от мощного штрафа. Человек весьма почтенный, он сказал старшине:

— Я пьян?

— Нет, — сказал тот. — Вы нет.

— Вот видите, а мы выпили поровну.

Он произнёс это таким образом, что убедил старшину, и тот отпустил нашего driver без наказания. Гипноз, что ли, не знаю.

Я, со своей стороны, почувствовал глубокое уважение к этому поистине уважаемому человеку.

Так вот, я посоветовал Валере пригласить тестя.

— Ничего не выйдет, — уныло сказал Валера.

— Почему?

— Я подарил ему аквариум.

— Ну и что же?

— Он им заболел.

— Надеюсь, не смертельно?

— Почти. Достал руководство по аквариумам, книжку страниц на восемьсот, меньше его не устраивало. Читает даже по ночам, наизусть учит, стал пропадать на птичьем базаре. Ищет особенное стекло для крышки, сверхпрозрачное. Неделю переживал, когда перекормил какую-то рыбёшку: много корма насыпал.

Тёща в ужасе. Говорит, «Валера, что ты наделал! Он притащил два каких-то корешка, якобы, из подводной флоры. Два невзрачных плюгавых прутика, и Валера, он заплатил за них бешеные деньги».

— Неужто по трёшке отвалил? — поразился Валера.

— Если бы по трёшке, — прошептала тёща, и губы её задрожали. — Трёшка, это первая цифра, идущая за всеми понятной, дробной 2 рубля 87 копеек.

Валера аж свистнул.

— Так он еще и бутылку водки отдал? Ну и ну.

Спутник

Я вышел из дома, как обычно в будние дни, в восемь часов сорок минут. Утро яркое и свежее, а деревья нежно-зелёные.

Она сразу присоединилась ко мне, едва я шагнул из подъезда. Я не возражал, и мы бодро пошагали к «Соколу».

— Ты сегодня отлично выглядишь, я бы сказал, очень отчетливо выглядишь.

Она промолчала. — Каким маршрутом мы с тобой сегодня двинемся? — спросил я, стараясь сразу создать атмосферу дружелюбия и равноправия.

Не получив ответа, я взял инициативу на себя и повернул направо, чтобы следовать к метро через железную дорогу.

Стояла проникающая тишина, как на деревенском поле очень ранним утром, когда еще не слышно мычания коров, блеяния коз, собачьего лая и прочих сельских шумов. На дороге пустынно и не пахнет бензином. Эту благостную тишину вдруг нарушили своим мерзким оровом два взъерошенных кота и еще на балконе дома негромким разговором два пенсионера.

Дорожка петляла.

— Пойдём, глянем на наши саженцы.

Она не возразила и молча пошла то справа, то слева, то впереди, то позади.

Четыре молоденьких берёзки, еще кривенькие по недозрелости, и один клён оказались в полном порядке; видно, кризис миновал, и деревца, наверняка, принялись.

— Нет условий для творческой работы, — пожаловался я.

Мы подошли ко входу в метрополитен. Она не ответила и исчезла.

Я вздрогнул.

Ёжик

Рано утром, как обычно, я вышел в сад на прогулку. Ёжик меня ожидал. Он глянул на меня укоризненно, но и с лаской.

— Спишь, однако, батюшка.

— Где же сплю, солнышко только встаёт, а я уже тут.

— Ладно, не дуйся, пошли.

Он прошел со мной копыто в копыто полсада, а затем по-английски, не прощаясь, молча повернул влево и скрылся в густой траве.

— Ладно, будь, — донеслось оттуда, — завтра на том же месте.

Любовь

Скажите, а была в Вашей жизни такая любовь?

Да, брат, была, да такая, что забыть её вовсе, решительно невозможно. Отношение мужчины к женщине может быть разное — от элементарного влечения самца к самке для секса и кончая глубокой любовью.

Звенигород. Дом отдыха. И она. Обычное влечение мужика к бабе… и вдруг влюблённость… это, я вам доложу, было один раз, всего один раз.

Я думаю, повторить такое чувство человеку не дано. Во всяком случае, мне этого испытать не пришлось. Только один раз.

Было это очень давно. Я — молодой, нет, правильнее сказать, молоденький лейтенант — отдыхал в санатории в Звенигороде. Прекрасное место. Церковь на огромном зелёном холме и рядом санаторий. В палате нас четверо. Вечерами преферанс с коньяком, за которым мы поочередно бегали за три километра в город. Для променажа. Но вот в один из таких вечеров обошлось без карт. Не помню уж, отчего. Да это не важно. По причине такого нарушения установленного регламента забрёл на спортивную площадку. Посмотрел волейбол. Собрался уходить, когда обратил внимание на девушку, внимательно наблюдающую игру.

Увидел — и всё, пропал. Как удар молнии. Удивительное явление, эта любовь с первого взгляда. Как объяснить, не знаю. Полагаю, никто не знает. Тайна, разгадать которую человеку не дано. Возможно, это так, робкая попытка, предположение, понять. Возможно, это требование инстинкта продолжения рода своего в его радикально обострённом состоянии, свойство натуры данного человека, то есть, оно существует у всех мужчин (да и у женщин), но проявляется с разной силой в зависимости от индивидуальности, от натуры. Вот у меня проявилось, да еще как!

Мой друг Володька посмотрел на меня, на девушку и веско произнёс:

— Коля, эта девушка не для тебя. Она слишком хороша.

Этим он крепко дал мне под зад. Дескать, знай своё место. Поставил меня на то место, к которому я предназначен натурой и судьбой. В сравнении с такой красавицей.

Возможно, он где-то был прав.

Мне было, однако, наплевать на его это суждение, ибо с того момента — именно момента, постепенности здесь не содержалось напрочь, ни грамма — она стала сутью моей жизни. Жизнь моя стала без неё невозможной. И это мгновенно. Понимаете? Мы стали встречаться, она пригласила к себе домой, познакомила с семьёй. Она очень красива, и было в кого. Мать немолодая, но очень красивая женщина. Отец видный мужчина, полковник министерства обороны. Младшая сестрёнка Иринка. Миленькая девочка, школьница.

Однажды в квартире никого не было. Только я и она. Потом она мне сказала — со мной так никто еще себя не вёл. То есть, это была любовь. Я был счастлив, как никогда, счастлив беспредельно, настолько, что предчувствия беды, что это счастье может быть разрушено, не существовало. Однако, произошло то, что произошло.

Она встретила слушателя академии Жуковского. Молодой человек очевидно красив, морда породистая. Высок, прекрасно сложен. Не знаю, как это происходит в душе девиц. Некий перебор вариантов или еще как. Словом, чувство, которое схватило её с этим парнем, было из того же разряда, что моё по отношению с ней.

Если со мной у неё было лёгкое чувство, неглубокое, я ей очевидно нравился, со мной ей было приятно, но не было в нём той отчаянной глубины и всеохвата, которое ощущал я.

То есть, она не была по-настоящему влюблена в меня.

А тут — омут и неучастие рассудка. Инстинкт и чувства — всё!

Я же, в своём обалдении влюблённого, не видел опасности. Я тогда вообще ничего не видел кроме неё. Некоторые изменения в отношениях я стал замечать, но не придал им значения.

И вот случилось то, что случилось. Она стала с ним встречаться, а мне во встречах отказывала, ссылаясь на… мало ли что она говорила. Важно, что она отстранялась от встреч.

Не помню, где это произошло, какая-то вечеринка. Он и я там были. Я видел, как они танцевали, их откровенную близость и её взгляды на него. Только теперь я прозрел. Влюблённость оставалась, но слепота проходила.

Она, тем не менее, подошла ко мне, видимо, по привычке, и мы говорили.

Боже мой, мы сидели с вечера до поздней ночи. Я извергал на неё словами всю свою любовь, все мои чувства к ней, объяснял, что жить без неё не смогу. Чего я только не говорил. Она молча слушала и в конце концов встала и ушла.

Я ей просто надоел своим хныканьем. Она и так предельно учтиво, как воспитанный человек, и терпеливо не один час слушала это моё нытьё. Она, так сказать, выполнила свой долг вежливости. И будя. Что ему еще надо? Этому безразличному для меня парню.

Я понимал, что моё положение безнадёжно, но продолжал отчаянно убеждать её не бросать меня. Я терял чувство достоинства, терял себя и по сути унижался.

Она молча сидела с отсутствующим лицом, меня не слушала или, возможно, слушала, но не слышала.

Всё этим и закончилось. Что сказать, моё отчаяние от утери любви было безграничным. Я уж думал, мне кранты, но такое состояние длилось недолго, вовсе недолго.

Жизнь взяла своё, девушки вокруг красивые. Больше того, я стал замечать, что были и покрасивее её.

Словом, я быстро забыл эту девушку и те мои апокалипсические переживания, но воспоминание об этом удивительном по мощи ощущении закрепилось во мне едва не на генном уровне. Вспоминается иногда натурально, конечно, без тех переживаний. Добавлю, то чувство было настолько глубокое и охватывающее меня, что, если рассуждать дальше, человек в указанном состоянии может совершить любые поступки, возможно, и пагубные, меня к этому, однако, не потянуло. У меня натура, возможно, покрепче, а у иного…

Мерцалки и Зарисовки

Избранное

Мерцалки

Если человек в страхе, его презирают и унижают.

— • —

Любопытство опасно для человечества. Роют, роют, а не знают, что выроют!

— • —

Какой главный недостаток человека? Отсутствие в боковом нагрудном кармане сюртука шкалы ценностей, в основе которой заложены требования Вселенской нравственности. Они бы стали у него главным мерилом в шкале — высшим. Ущербность и даже пагубность в рассуждениях людей оттого, что они при этом не вытаскивают шкалу ценностей. Они не определяют печку, от которой необходимо танцевать по жизни.

— • —

Самая главная опасность для людей как вида?

Однополые браки и непонимание необходимости следовать требованиям Вселенской нравственности.

— • —

Главный порок человека? Лень.

— • —

Уединение и одиночество. В одиночестве звучит уныние, а в уединении — желание побыть с самим собой.

— • —

В войну шили варежки с указательным пальцем отдельно, чтобы давить на спусковой крючок ружья.

— • —

Когда я очень ранним утром вижу красоту природы, ранний восход солнца, который прогоняет туман, стелящийся по ландшафту, во мне вдруг рождается великое торжество жизни до дрожи, сладостной вибрации во плоти, сладостной торжественной дрожи, поднимающей меня над миром.

— • —

Невозможно долго и счастливо жить без юмора.

— • —

Если человека обидели, значит, унизили. Если человек ощутил обиду, значит, обидел себя, значит, унизил сам себя. Умные люди поэтому не обижаются. Они при этом лишь ощущают досаду.

— • —

— Что ты такой скучный? — спросили динозавра.
— Так вымираем же.

— • —

Мужчина покупает в аптеке кислородную подушку для умирающего человека и улыбается.

— • —

Поражение в войне часто есть спасительное лекарство, ибо уходит державная дурь, и люди начинают думать о человеке, а не о державе. Однако, не всегда.

Победа, напротив, вредна, ибо непременно забывают про человека.

— • —

Мудрость правителя состоит не в ввязывании в дрязги и схватки с соседями, а в стоянии над их схватками с пользой для Отечества.

— • —

Перед домом бракосочетания по-хозяйски расположилась обширная лужа. Зимой она замерзала и превращалась в небольшой, но коварный каток. Она недвусмысленно намекала, на какой скользкий путь вступают молодые люди.

— • —

Природа действует методом кнута и пряника. Она заставляет не только жестко бороться за жизнь, но использует высшее наслаждение, чтобы принудить людей к рождению детей. Многие прельщаются этим наслаждением, так сказать, увертюрой и жестоко ошибаются; удивляются, что несчастны.

— • —

Собственно говоря, «правильных людей» не бывает; люди колеблются около некоей линии природы.

— • —

Чтобы умное слово было замечено, рядовому человеку необходимо значительно больше таланта, чем начальнику.

— • —

Постепенно он привык пребывать порядочным человеком, и теперь это его вовсе не тяготило.

— • —

— Как живёшь?

— Как желудь. Висишь на тонкой ветке, не знаешь, когда и куда упадёшь. Не знаешь, какая свинья тебя съест. Пожаловаться некому, кругом одни дубы. Чем толще дуб, тем больше он шумит.

— • —

Сильнейшее чувство человека — накормить своих детей.

— • —

Крепость этноса в великом инстинкте жизни, мощный вектор которого образован множеством людей, составляющих этнос, с их тягой к жизни.

Инстинкт этот имеет, несомненно, вселенский характер.

— • —

Осознавая свою малость, важно не утонуть в ней, не утерять себя.

— • —

— Притормози мозгами! С годами важно, чтобы в голове сохранялся заведенный рутинный порядок, а не маразматический хаос.

— • —

Возможно, талантливый художник сможет изобразить ложь таким образом, что она предстанет перед озадаченным человеком как истина. Гениальный художник не станет изображать ложь в виде истины. Он не умеет делать этого. Он выше этого. Своим гением он видит суть и творит. Гениальность заключается не только в способности изображать, но главное, в способности проникновения в суть вещей.

— • —

Интеллект может возникать не только в процессе эволюции, но и подражательно. Собака, подражая человеку, несомненно, увеличивает свой интеллект. Природных запасов у неё в голове для этого предостаточно.

— • —

Чувство меры — вот «золотое сечение», правило, позволяющее человеку нравственно существовать в природном мире, балансировать в смеси добра и зла, и при этом не совершать зла. Жить по Заповедям Его.

— • —

Лопух хорош, пока он лопух, хорош, когда цветёт, но отвратителен, став колючкой. Те же стадии у некоторых людей.

— • —

Человеку всегда неудобно, когда стесняют его свободу, и он обычно торжествует, если он сам стесняет свободу другим.

Нахождение во власти сильно подавляет добрые чувства к человеку.

— • —

Человек погибает не только от болезней, но при ослаблении инстинкта жизни, от исчезновения желания жить. Этим он включает механизм самоликвидации, и еще человек погибает от *страха*.

— • —

Сочинительство — это, прежде всего, осмысление, поиск истины в каждый момент, в каждом месте.

— • —

То, что для человека страдания, то для державы торжество и величие, хотя многие пытаются перекинуть мостик между человеком и державой, сказав — это были мы.

— • —

Человек видит и познаёт мир через свои ощущения и никак иначе. Он не может видеть мир иначе, чем через свои ощущения.

— • —

Когда пытаются оценить происходящее событие, явление, следует осознавать, что для разных людей они не однозначны. Это зависит от места наблюдателя в этом событии.

— • —

Мир человека — один мир. Мир общества — это другой мир. Они соприкасаются, но это отдельные миры. Они требуют отдельного осмысления. Моя теория миров — мир биологический внутри человека, его сознание и прочее, что составляет человека. Кругом миры, и каждый сам по себе, каждый имеет свои интересы. Вот в чем соль.

— • —

Люди часто не видят того, что видит один человек. Моя асфальтовая нашлёпка на Странном шоссе вроде бы на виду у многих, по ней ходят, наступают на неё, но не видят, а я вижу.

— • —

Захотелось написать книгу, а шариковой ручки нет, чем писать-то? «Пойду куплю», — решил я.

— • —

Глупость разума! Какая грандиозная тема и трагедия Землян. Обычное дело. Разум не по назначению.

— • —

В нашем лесу на высокой ели неподвижно, как из мрамора, сидит ворон. Эта черная до блеска, трагическая и мудрая птица — черный ворон. На самой верхушке он, а ниже на ветвях суетятся вороны. Они динамичны и в постоянном общении. Король и его подданные. Удивительное соседство.

— • —

Я взвесил мои рукописи. Оказалось, семь с половиной килограммов, и мне стало совестно.

— • —

Я шел опасаясь, но не боясь. Опасаться — это проявлять необходимую осторожность и держать себя в готовности для отражения угрозы, а боязнь — это страх и бессилие перед угрозой.

— • —

Я стал примечать явления, которые для других неочевидны. На Инессы Арманд два павильончика с колоннами в виде гречанок. Я считал их. По шесть в каждой. Недавно я обнаружил — одной не хватает! Вначале-то я запаниковал. Как так? Пошли мысли и сомнения. Не сразу, но дошло, как сразу-то не догадался — убежала.

— • —

Жизнь — это сон, который человек видит, а просыпаясь оказывается в ином мире.

— • —

Я искал такое дерево, которое вобрало в себя благоприятную энергетику от матушки Земли и доброго окружения. И я обходил, избегал те, которые пропитаны человеческими горестями, злостью, мелкими никчемными дрязгами и прочей мерзостью, увы, присущей жизни человека.

— • —

Мне навстречу возникла дама с огромными синими глазами. Она залила меня бесстыжим, насквозь порочным взглядом и ослепительно улыбнулась.

— • —

Мне нравятся ухоженные дети и старики.

— • —

Жители Белоруссии Шашлыкадзе, Шампурия и Мангалов.
Выходец из горной Сванетии Сидоров.
Детский врач Зверовидов.
Дамский сапожник Хрущев.
Министр внутренних дел Милосердеев.
Полярник Огнедышкин.
Гражданин Британии Тонго-Тонго-Ямбо-Конго.
Германец Педро Франциско Магелан.
Винодел из Молдавии Брежнев.
Пивовар из Варшавы Дерсу Узала.
Голландец Такая Яма.
Индеец траппер из Патагонии Абрам Кацнельсон.
Швед Йога-Шрама-Путра.
Филателист с Марса Ленин.
Экс-президент США Насебенасрулла.
Дирижер лютеранской капеллы Джугашвили.
Турмалин Уарович Сойкин.
Бегемот Аллигаторович Красиков.
Женщина Абдулаева Сайра.
Вулканолог Ледышкин.
Астроном Чернодыров.
Чен Хрен Членов.
Борец за права человека Джек Мордобоев.
Соломон Соломонович Складокрадов.
Женотерпиев Груздь Опполонович.
Блудогряшкин Апполинарий Псоич.
Арон Гвоздь.
Женобздёлкин Благр Трапезднович.
Исподниев Курт Гансович.
Скверновойзов Упр Вурдалакович.
Откудаприбытович Анфиса Гардовна.
Вездесмердин Обмерзяй Замерзаев.
Галогрум Бурдей Атрускевич.
Драконова Гнеда Гидровна.
Некудышкина Гертруда Бляндмайровна.
Носогреев Хлад Перегреевич.

— • —

Я гомеопат. Я тебя насквозь вижу.

— • —

— Почему у черепа не хватает трёх зубов? — инспектор ткнул указкой в скелет.

— При жизни выбили, — не растерявшись, доложил заведующий клиническим отделением госпиталя.

— • —

На тёплой от солнечных лучей оцинкованной крыше, покрывающей выступ подвала, обернувшись пушистым хвостом, крепко спал толстый дымчатый кот. Сон его так сладок, что на моё «кис-кис» он лишь раздраженно мотнул головой и глаз не открыл. Он ясно давал понять, чтобы я шел своей дорогой и не мешал его заслуженному отдыху.

— • —

Он выбросил мысли из головы, и ему стало легко, как больному засорением желудка после хорошего рвотного и глубокой клизмы.

— • —

Жизнь свою он прожил животным, но искусно скрывал это от людей, и лишь крайняя нужда заставила его проговориться: когда кольнуло в сердце, он в панике велел вызвать ветеринара.

— • —

Как все ненормальные, он твёрдо полагал, что много знает.

— • —

В троллейбусе. Пожилой мужчина:

— Девушка, ну какая же Вы нервная. Я ведь уже труп, а Вы меня всё тюкаете. Успеете выйти.

На остановке люди выходили и каждый желал посмотреть на девушку и на труп.

— • —

В редакции газеты «Лесная промышленность» служили Членов, Тугов, Задов и рабкор Бздюлёв, которому направили письмо для уточнения фамилии.

— Вы полагаете, что я Вас разыгрываю? Если не возражаете, печатайте меня Ивановым, — ответил Бздюлёв.

Были еще Нога и Как.

К редактору пришла сотрудница:

— Смотрите, какая фамилия.

— Какая?

— Как.

— Ну, что как? Фамилия-то какая?

— Как.

Еле разобрались.

Получив от судьбы подобную фамилию, человек мается с ней всю жизнь, вроде, крест свой несёт.

— • —

Изобретения последних лет поражали своей парадоксальностью.

Превосходный бесцветный краситель.

Нерастворимый кофе в комплекте с сахаром, чайного вкуса.

Прозрачный костюм выходной с идеальной световой проводимостью без пуговиц.

Орехи без зерна.

Омлет по-Арски сам по себе.

Бифштекс яблочный на картошке с синтетической кровью.

Соус аля Мезозойская нефть.

Молоко портошное, настоенное на гиперзвуковых полутонах. Целостность грибков-поганок и вредоносов гарантируется в течение двух столетий хранения без уксуса.

Пирог звероподобный в форме фикуса типа ядовитый. Цвет по желанию заказчика.

— • —

— Ты вор, — сказала она бывшему мужу. — Ты украл у дочери отца на её свадьбе, и пришел тайно, как нашкодивший щенок, ты украл у меня мужа и достоинство в обществе, ты предал семью и отнял у нас ощущение семьи, ты обокрал себя, лишив себя счастья участвовать в жизни семьи, своих близких людей, сочувствовать, радоваться вместе с ними.

— • —

Был у нас завкафедрой полковник Руй, но мы никогда не произносили таким образом его фамилию, но меняли первую букву. Более бла-

гозвучную для нашего слуха. Более точно выражающую его суть. Воин огромного роста, он в праздничные дни взбирался на трибуну и зачитывал приветственную телеграмму вождю. Произносил громовым голосом:

— Телеграмма товарищу Сталину. «Москва, Кремель, товарищу Сталину». И так далее… Мы все, как один…

— • —

Самая верная проверка отношения мужчины и женщины — это с возрастом разобраться, хочешь ли ты лечь с ней навечно. Ведь вечно лежать рядом.

— • —

«Рыцарь».

— Презренный жид, почтенный Исаак.

В этой фразе Пушкина содержится весь смысл многовекового отношения к евреям. Презрение к ним и признание их мудрости, значимости.

— • —

«Неведомый шедевр» Бальзака, «Черный квадрат» Малевича — это высшее состояние художника, вплотную подошедшего к идеалу, теперь ему тесно в искусстве, он вышел из него, вырвался в метафизику, в философию. Художник исчерпал возможности живописи.

— • —

Один из мерзких способов отвлечения людей от ужасов своего произвола — социалистический реализм в искусстве.

— • —

О, с какой женщиной встречался я. Она говорила на испанском и была в меня влюблена.

— • —

Со временем я стал вспоминать не только события — это обычно. Я стал вспоминать запахи. Берег Азовского моря, его запах. Запахло креветками, водорослями, йодом.

— • —

Сегодня я не летал во сне, хотя и делал попытки, однако чего-то опасался и не уходил в полёт.

— • —

Объявление в троллейбусе. «Уважаемые пассажиры, уже давно здесь лежит свёрток с деньгами в большом количестве, весом не менее килограмма. Просьба забрать его, а то нас он очень беспокоит. Нам тяжело смотреть на него».

— • —

Она подошла сзади и ударила его по голове топором. Он обернулся, изумлённо глянул на неё, всмотрелся и участливо спросил:

— Как же теперь жить-то станешь, без меня? — и опрокинулся.

— • —

Начиная со звания майор, живот считать грудью.

— • —

Наша добрая старинная знакомая позвонила как-то и радостно сообщила, что вчера в лесу за дачей её изнасиловали. Дача её в Калужской области, в глубинке, глухомани. Может, в последний раз, сказала она.

— • —

После того, как у него отрезали яйца, он сильно поумнел и ударился в философию.

— • —

Вы обе такие красивые, что сердце моё разрывается на две равные половины. Не знаю, к какой стороне примкнуть.

— • —

Он проникся таким пониманием сути бытия, такой глубиной, что ушел с иронической улыбкой. Это стало величайшим постижением им указанной сути и триумфом философской мысли.

Зарисовки

Если испытываешь желание увидеть мир, какой он есть в натуре, без стереотипов, которые упорно навязывают тебе со всех сторон, необходимо иногда приподнимать свой зад над шелухой условностей и быта. У кого это получается, у кого нет, но надо постараться. Как ни странно, он, этот зад, обычно очень тяжел. Никак его не поднимешь!

— • —

В тесном проходе магазинчика у вокзала «Скуратово» дама сделала покупки, но не может пройти на выход, мешаю я. Она обращается ко мне:

— Дедуля, убери жопу, мне надо пройти.

— Без вопроса, мадам, — учтиво отреагировал я. — Убираю.

— Спасибо, дедуля, — улыбнулась она.

Полная дама, приятная.

— • —

Мой друг Станислав рассказал.

Когда меня познакомили с ней и мы стали встречаться, через которое-то время я сказал её маме:

— Мы поженимся, Вы как на этот счет?

Чувствовал, что её маме я пришелся по душе и ожидал стандартного согласия, однако она мне сказала.

— Зря ты это. Я не то чтобы против, но ты намучаешься с ней. Характер у моей дочери не то что плохой — отвратительный. Не советую, хотя решай сам. Тебе тащить на себе эту родную мою кровинку, любимую мною ведьму.

Мне был по душе такой ответ и одновременно совет, по откровенности аналогичный мазохизму. Но я запал на её дочке, завис, так сказать. Любовь моя к женщине была сильнее любых опасений, связанных с будущими муками. Кровь молодая играла и распирали желания именно к ней.

— • —

Закадычный друг моего шестилетнего Димы, семилетний Миша Быков часами сидел в ванне с маской и нырял, дыша через трубку. Это было его хобби.

— В детстве, — рассказал Виля Быков, отец Миши, кандидат технических наук, — мы играли в футбол; был у нас мальчик. Ему из

рогатки выбили глаз, затем он переболел менингитом, но в футбол играл здорово.

Бывало, играем, вдруг он кричит:

— Пацаны, я глаз потерял.

Игра немедленно прекращалась, и все усердно принимались искать утерянный глаз. Находили и вручали ему. Он наскоро вытирал глаз о трусы, облизывал начисто языком, вставлял на место, и игра возобновлялась.

— • —

В вагоне электрички девушки дремали, положив головы на плечи парней, не столько из-за желания спать, сколько, чтобы продемонстрировать и закрепить свою власть. Я повесил сетку с пивом «Золотой колос» и вялеными бычками на крючок. Уткнулся в газету. Через пять минут подъехали к Красногорску. Мы вышли… а пиво с бычками поехали дальше! Я метнулся взад, как раненый барс… Ближайшая перспектива моя была ужасной. Всё, что говорят жены в подобных ситуациях, моя жена высказала, и, на мой взгляд, даже недостаточно. Я заслуживал более сурового выговора.

— • —

В подъезде дома, возле помещения консьержки живёт Ряба, крупный, с прекрасной шубой благородного расцвета, упитанный кобель. Жильцы любят его, прикармливают и не обижают. Ряба — собака с философским настроем. Он способен часами смотреть на струйку воды, стекающей с подъездного козырька.

На Лукаса — джек-рассел-терьера, прекрасную собаку моего сына — он смотрит ровно столько, чтобы убедиться в его присутствии и тут же отвернуться от этой мелочи, этого ничтожества в сравнении с философскими проблемами мира. То есть, он обдуманно не замечает Лукаса, хотя дамы из нашего подъезда при виде щенка умилённо ласкают его и восклицают на разные голоса:

— Вот наш карапузик вышел погулять. Здравствуй, Лукасик!

Тот радостно крутится, подбегает к каждой, обнюхивает и приветствует.

Ряба сидит до предела, отворотив голову, чтобы не видеть эту постыдную, мерзкую картину, решительно недостойную для порядочной, уважающей себя собаки.

— • —

Один малый чрезвычайно любил волочиться за девицами. На улице не пропускал ни одну смазливую девушку. Увидит хорошенькую, остановится и провожает взглядом. Как и следовало ожидать, кончил он плохо. Однажды переходил улицу, засмотрелся на действительно аппетитный зад и попал под самосвал с вторичным сырьём.

— • —

Закон парности. Если увидел одно, жди, встретишь другое, но в этом же роде. Однажды в автобусе я обнаружил девушку, блондинку иконной простоты: овал лица обрамлён с обеих сторон льняными волосами, огромные продолговатые широко расставленные глаза и простые линии. Всё. Не прошло и трёх минут, как в этом же автобусе я увидел иную женщину с лицом комсомолки двадцатых годов двадцатого века. Волосы острижены под Гоголя, только немного короче, лицо хорошее, скуластое и раскосые глаза. Сарматка.

— • —

В телемагазине. 1970 год.

— Ищу телевизор «Темп-7».

— Темпов нет, будут завтра утром.

— Разве «Рубин» хуже?

Он хлопнул кулаком по крышке.

— Видишь, картинка не дрогнула.

— А «Крым?».

— Кот в мешке.

— А «Славутич»?

— Дерьмо.

— А «Электрон»?

У приказчика глаза заволокло блаженной голубизной.

— Да, это машина, но Вы его не достанете.

— • —

Серёжа, мой племянник, приехал к бабушке в Бобруйск и привёз один рубль на мелкие расходы. Брал по пять копеек, а бабушка понемножку добавляла.

Прошло время, он пересчитал свой капитал и задумался:

— Баб, что-то не пойму. Трачу, а они не убавляются.

— • —

Темные очки носят не только для того, чтобы защитить глаза от яркого света.

Тёмные очки прибавляют внешности благородства, делают вас внушительным, придают заграничный вид, скрывают выражение глаз и их состояние. Последнее особенно важно, если вы совершили бессовестный поступок или крепко выпили на службе. В процессе делового обсуждения хорошо время от времени энергично класть очки, лучше даже швырять на стол. Это очень эффектно, я сам видел. Очень мило выглядит человек, в задумчивости грызущий дужку очков. Молодой человек, носящий очки, зацепив дужкой за отворот рубашки, очарователен и динамичен. Из сказанного понятно, что очки не обязательно носить на носу, всё зависит от ситуации и стиля.

— • —

Когда рухнул большевистский режим, и я потерял единственное, что у меня было — билет на мотоцикл с коляской — возникло рыночное изобилие. Я воспользовался этим обстоятельством, и прежде всего реализовал свою заветную, ранее несбыточную мечту.

Я купил себе за миллион рублей кожаную куртку итальянского производства. Куртка была прекрасна. Кожа мягкая, нежная, черного лоснящегося благородного цвета со множеством карманов и застёжек-молний, где нужно, и где только для красоты. С годами я ощутил, однако, что куртка несколько тяжеловата и ощущалась в тягость, особенно в тёплую погоду, когда солнце изрядно подогревает. В прохладу куртка хороша и согревает тело и душу.

— • —

Каждое утро в окне противоположного дома он видел полностью обнаженную молодую женщину, делающую физические упражнения. Повстречав её однажды на улице, он нагло улыбнулся и сказал:

— Мы с Вами знакомы, — и добавил через паузу, — через окно по утрам.

Густой румянец медленно залил её лицо. Она сумела взять себя в руки, оценила ситуацию, подобралась и ударила его по физиономии.

— • —

Чудо из чудес, как это может быть — из эгоизма поступков исключительно для своей пользы, мельтешащих по жизни — человек из всего этого, и несмотря на всё это, вдруг сотворит шедевр — в живо-

писи, в литературе, в ином искусстве или в науке, взрывом взметнувшись над этим мельтешением и мелочностью, то есть, над собой, эгоистом, что априорно, по определению не может выйти из него.

Не иначе, как из безусловной, глубинной, духовной сути, из глубинной основы человека как продукта Высшего творения.

— • —

Могилы моих родных разбросаны в обширном пространстве российских земель и на чужбине.

Отец, мама и бабушка Саня — в Белорусском Бобруйске, брат Лёша — в Могилёве. Двоюродная сестра Галина покоится за океаном в городе Спрингфилде штата Массачусетс. Двоюродная сестра Наталья и её отец Александр, мой дядюшка, — в Петербурге, а моя тетушка Ольга — в Волгограде. На исконно родовом месте в селе Барановка Камышинского района похоронены дедушка Иван и прадедушка Максим, а остальная родня покоится в городе Камышине на Волге.

Все могилы известны, к ним можно подойти и положить цветы памяти.

И только брат мой Петя лежит где-то в болоте у деревни Загоска Марфинского района под Старой Руссой, среди сотен тысяч россиян, забитых в войне, которых безграмотные командиры забойных дел, не умея воевать, гнали под пули и снаряды безжалостно и безрассудно.

— • —

Странное восприятие. Девяностые годы — ужас. Цены скачут, жрать нечего, очереди за водкой с драками и скандалами. Бардак. А вот через двадцать лет этот бардак воспринимается мыслящими людьми как свобода! Время, когда люди ды-ды-ды. И наоборот. Это через двадцать лет от глотка свободы жизнь материально стала нормальная. Не всем нравится, зависть к богатым и прочее, это, впрочем, как всегда, но нормальная, голодных людей нет, спокойно всё. Вопли — плохо, Путин диктатор. Сытая жизнь — недовольство и восхищение тем временем с голодухой. Жрать было нечего. Бандиты властвовали. Вот интересно.

Река жизни этноса. Новое приходит, течет по реке жизни и уходит в океан. Этнос живёт вот по такой реке жизни. В движении реки и есть суть ощущения пространственной жизни этноса.

Россия тогда лишь ступает на нормальный путь, когда испытает трудности. Ей всегда нужны для этого опасные ситуации, трудности.

На грани. И тогда она как бы приходит в себя и делает. Вот так, нужны трудности. Все эти Крым, санкции просто необходимы ей. Это лекарство и побудительные ситуации.

— • —

Удав обвивает и душит мощного человека. Внизу обвил, у того свободной оставались верхняя часть груди и правая рука, в которой пистолет. Человек умён, он знает повадки этого хищника, тот не утерпит заглянуть ему в глаза. Остались пустяки, убеждён могучий змей. Не дожидаясь, пока захватит всё, он оборачивает свою башку, поднимает её на уровень головы человека, вперяет глаза свои в глаза жертвы, чтобы насладиться отчаяньем её и бессилием перед ним, могучим. Наслаждение, довольство и свирепость излучает его морда. Удав смотрит ледяными глазами на человека, человек — на удава. Хладнокровный убийца. Надо стрелять, кричит разум, а человек не в силах оторвать взгляд. Под гнётом гипноза. Сбросил дурнату. Сила есть, ума не надо. Удав получает пулю в пасть и подыхает. Кольца-оковы ослабли и упали. Всё.

— • —

Люди встают из окопов и с криком «ура!» идут под пули и взрывы снарядов. Идут, чтобы тут же быть убитыми, что это за безумие?!

— • —

Перед Россией стоит выбор, или стоял выбор, как угодно. Или раствориться на какое-то неопределённое время серостью в составе Европы, сдав себя на милость самовлюблённым европейцам, или остаться Россией как таковой, со своими интересами, недостатками, с чем угодно, но Россией.

Такова ситуация сегодня, и завтра, и вчера.

Сколько мы там со своей серостью будем култыхаться — решительно неопределённо. Образно говоря, мы сунемся туда со своим суконным рылом в калашный ряд. Как ей там обернётся? Для Польши, Прибалтики, Болгарии и прочих проще — они небольшие, устроятся. Но Россия, огромная Россия, как она вытерпит свою серость в Западной Европе? Нонсенс. Да ведь её там боятся, кому она там нужна, только детей пугать.

Путин выбрал Россию. Он умный человек, понимает и трезво оценивает суть своей страны.

И тут началось!

— • —

Сегодня утром потрясающе красивая погода. 11 октября 2014 года. Шел до леса — молился до прекрасной аллеи на Инессы Арманд, дошел до леса, двинулся по своей тропе, которой не видно из-за вороха листьев. Рыжие, разной формы, но самые красивые от клёна, даже ступать боишься — он как нарисованный — чтобы не испортить. Иду по этому слегка шуршащему ковру, по этому великолепию. Тропу не видно, иду, потому что ходил не один год. Так бы ушел в сторону, пока не упёрся бы в древесину. Иду по своей тропе, по этому великолепию. Безветрие, плюс десять по Цельсию. Красота. Такую красоту не то что описать — представить невозможно. «Нужны ли краски и слова — пред ним живая голова». Наш лес удивительный — хожу не один год, а всё попадаю в незнакомые места. Будто попадаю впервые. Человек, который в такую красоту леса сидит на скамье с бутылкой, мне не интересен.

— • —

Я шел по тайге с ружьём, заряженным мелкой дробью, и стрелял рябчиков, и всякий раз после выстрела, во время ходьбы, закладывал в ствол патроны с джаканом на случай опасности. Такая опасность однажды предстала. На меня навалился медведь, повстречался. Он открыл пасть и ревел на меня. Я выстрелил. Джакан прикончил медведя. Медведь рявкнул и завалился. А я сел, вернее, рухнул возле него и плакал над ним. Сидел и плакал. Ну как я мог прервать жизнь этого прекрасного животного!

Что с того, что я якобы защищался? Зачем вообще я пошел в тайгу, где медведь у себя дома? Это его дом. Мир медведя. Я, пришелец, вошел без приглашения в этот чужой мир и убил хозяина. Зачем я вторгся в его территорию, мне что, мало своего места? Как это нелепо!

— • —

В Элисте всегда большая очередь в лавке за керосином. Чтобы не стоять и томиться в очереди, люди оставляют вместо себя камень и уходят по своим делам. Камни, естественно, приметные.

— • —

Мои дети очень красивые люди. Оля красива как человек, в котором слиты воедино природная суть и духовность. Хотя сама она не уверена относительно последнего. Она инженер и мыслит больше категориями инженерии. Однако, это не мешает ей быть тем, кем она есть исконно. В

гостях у внука Сани она села прямо напротив меня; я взглянул и остолбенел. Слияние благородства, спокойной мудрости и интеллекта. Она получила от предков своих самое лучшее, что они смогли оставить от себя и отдать ей, своей кровинке. Продолжить себя в ней. Дима красив и очень талантлив. Его интерес к путешествиям и вообще любознательность поражают. Он не просто ездит в разные земли, он основательно изучает их, встречается с интересными людьми. Его интересует всё — нравы аборигенов, история земель, искусство, в особенности живопись (у него учеба в Строгановском), кулинария и многое, многое другое.

— • —

В одно из гуляний в нашем лесу, на моём, так сказать, творческом пути, ко мне как-то привязалась женщина. Я сразу понял — вампирша. Она без промедления принялась опутывать меня паутиной своего женского вампирского свойства, с целью пожрать. Высосать из меня самое мне дорогое, обессилить пустой болтовнёй. Однако, не на того напала — нам не впервой. Я её быстренько превратил в сюжет своего творчества, закутал в паутину нужных слов, а чтобы не слышать вопли, втиснул в бутылку с хорошей надёжной пробкой от шампанского. Уж как хотелось ей вырваться, выла, льстила мне и прочее, но нихрена. Несколько раз еще попыталась, подёргалась и всё, притихла. Ей тоже не привыкать сидеть в бутылке. Напоследок я надёжно впечатал бутылку с этой наглой особой в мелованный лист моей книги. Уж из такого места вырваться еще никому не удавалось.

— • —

В лесу ко мне подбежал пёс, симпатичный терьер, и попросил палку. Я отдал. Он аккуратно взял её зубами, побегал и возвратил.

— Какой умный у Вас пёс, сообразительный и вежливый, — сказал я хозяйке. Она помолчала, поглядела на него и произнесла:

— Дурак дураком. Дебил.

Меня удивила эта характеристика собаки. Обычно все только хвалят своих. Уникально.

— А как он по дамской части?

Она усмехнулась.

— Вот тут он не пропустит ни одной девки, как все мужики.

— • —

Я спросил у друга, который прожил с женой более полсотни лет:

— Какого цвета глаза у твоей супруги?

После слов «полсотни» он вздрогнул, а затем помолчал и произнёс:

— Не знаю.

— • —

Лондон в прекрасном рассказе поведал о человеке, который так голодал в дебрях Канады, брёл по Северу, что, когда его подобрали моряки с проходящего корабля, он прятал сухари под матрац. Набивал сухарями все, что мог. А теперь умножьте несколько недель его голодания на число, чтобы получить четыре года голода военных и послевоенных, и получить представление о жизни русского человека в это время.

Я по прошествии 60 лет не могу выбросить в мусор крошку хлеба. Жена говорит — творог лежит три дня, пора выбросить его Максу, нашей милейшей собаке, а я не могу. Не оттого, что жалко для Макса, а просто решительно не могу выкинуть съестное. Это спустя 60 лет сытой жизни. Чувство из глубины, инстинкт настолько во мне крепок, навсегда, вечно. Это требование жизни, отношение к пище, что вот никак. Даже заплесневелую корочку хлеба. Понимаю, что не стану я её есть — это умом, а выкинуть не могу.

— • —

В нашем доме проживает очень странный человек. Всякий день с утра он выходит в лес. У нас прекрасный лес. Он совсем рядом. И тут начинаются чудеса. Когда он встречает людей с собаками в каком-то привычном для них месте, он остановится невдалеке, постоит молча. К нему сбегаются собаки. Они усаживаются вокруг этого человека, смотрят на него, а он, стоя в центре этого собачьего окружения, начинает разговор с одной из собак. Остальные внимательно слушают. Та коротко провоет. Человек обращается к другой собаке. Первая замолчит, а вот эта другая послушает человека и тоже: «У-у».

И так по всему кругу с каждой собакой.

Собачники в первый момент подошли, мало ли, может быть, человеку неприятно это общение. Но он приложил палец к губам, призывая к спокойствию и не мешать.

Люди стояли и с изумлением смотрели на это решительно невероятное зрелище. Чудо.

— • —

Он создатель — Бог любви и творения. Он запустил свой проект «Человек», который неизбежен на пути от животного. Человека надо

поправлять и за грехи наказывать. Люди от животного идут с трудом, с неохотой. Одни войны чего стоят. Но Он Бог любви и милосердия. По этой причине наказывать человека за грехи поручено Воланду. Но тому не дана свобода в этом деле. Воланд может наказывать скверных, грешных, плохих людей, а хороших не может. Поэтому он даже делает как бы добро Мастеру и его подруге. Он явно симпатизировал им. Хотя он демон зла. Вот ведь какие дела-то. Видимо, нет некоего зла обезличенного вида.

— • —

Это случилось в очень далёкое, доброе, ужасное старое время, когда кошки и коты еще ловили мышей, мурлыкали и ласково выпускали когти, электричество распределяли по проводам, привязанным к высоким столбам, а люди воровали, лгали, делали гадости, убивали, с опасностью для жизни шагали по дорогам вместе с автомобилями и вдыхали их смрад, Это было время, когда еще летали птицы, мухи, в реках было немного рыбы. Люди различали себя по нации, расе. Время, когда зло, накопленное мириадами предков, вырывалось подобно вулканам из недр Земли через щели и творило своё дело. Когда только неудержимое устремление людей, заложенное Им внутри человека, бессознательный поиск правды народной и праведного состояния и тем спасения противостояло злу. Вот какое было то время, и это называли прогрессом, и это была реальность.

«Былины» Дмитрия Подольского

«Былины» Дмитрия Подольского, вошедшие в книгу, — лишь малая часть, лишь начало истории жизни туляков, а точнее, исконно людей Чернских земель в деревнях Малая Подглядовка, Большая Подглядовка и Казарина. Людей совершенно удивительных, настолько, что иначе как былиной их в полный рост не изобразить.

Ввести в настоящую книгу всё это автору очень хотелось, но не представилось возможным из-за незавершенности этого великолепного былинного проекта.

Решительно не сомневаюсь, что в своё время его былины выйдут отдельной книгой, которая украсит книжный мир и доставит истинное удовольствие каждому читателю в отдельности.

А теперь дадим начало этой будущей книге.

Послушник Захарий

Промеж рек Оки и Черни живут тульские люди, весьма способные в кузнечном деле, хваткие и дюже башковитые. То есть, настолько, что иные в разных местах им, как говорится, в подмётки не годятся.

Хороши волжане, но больше по разбойным делам, а по кузнечному делу — нет, и близко не стоят. Жители Орловщины вовсе дикие, а люди Серпухова одним пухом и известны, а что к чему, себя не являют.

Тульский человек не такой.

Вот, скажем, идёт он, туляк, по большаку, увидит какую-никакую железку, не просклизнёт мимо в равнодушии, а нагнётся, ухватит железочку, да с великой уважительностью и бережливостью завернёт в тряпицу. Ежели нет тряпицы, так пошарит взором округ себя, угля-

дит лапушок, уложит в него железочку, обернёт нежно и покладёт в карман армяка, а дома приспособит для дела.

Как не писать про таких людей для памяти. Насупротив, надобно и даже весьма.

Послушник Захарий в келье своей усердствует. Протрёт Захарий тряпицей оконце, чтобы видней стало в келье, умакнёт перо в посудинку с чернилами, да и рисует благолепно нужные слова. Выпишет слово, полюбуется вдосталь, вздохнёт радостно, погладит бороду и опять рисует.

Да всё про Туляков. И особливо людей села Малой Подглядовки, Большой Подглядовки, да еще Казарина.

Борода у Захария велика. У людей таких бород не случается. Не замечено.

Настоятель, как зайдёт в келью к Захарию — проверить, не заленился ли — так непременно изречет:

— Захарий, усеки бороду, нынче же усеки! Куды такая?

А Захарий в плач:

— Помилуй, Владыко, не жисть мне без ея. Как занедужу, оберну округ шеи сколь получится, так легчает.

— Так хучь часть отсеки, видеть не можно.

Захарий в плач.

— Владыка, так в огромности и сила ея.

Владыка требует, а Захарий в плаче и умолянии.

Прослышав про то, послушники со всех работ степенно рядами стекаются к Захарию. Поочередно подходят к Владыке и смиренно просят.

— Владыка, так ведь пользительна она, сия его борода, легчает Захарию в недужении.

А Владыка на своём.

Тогда те в великой жалости к Захарию кидаются на колени и в плач. И образуется плач великий по всему месту.

Мягчает Владыка, машет ручкой своей от безнадёжности повлиять, лишь произносит:

— Захарий, ну хучь часть отсеки.

Те опять в плач.

Владыка удаляется к себе с молитвой о Захарии.

Сидор

«Случилось вот такое… — выводит пером Захарий, — в деревне Малые Подглядовки, княжества Воротынского, Государства Московского, в семье купца Черногривого родилось дитятко.

Возрадовался батюшка Ерофей Сидорович, принял на грудь чарку хлебного вина, да стукнул заместо закуси увесистым кулаком своим о крепкую грудину приказчика Степана, от чего тот и не шелохнулся, крепок был мужик. Раскинул Ерофей умишком и твёрдо порешил гулять три дня. Не менее.

На первый день пили мед и хлебное вино, ели калачи, пироги, пели песни и плясали вприсядку.

На второй день то же, что и в первый.

На третий день подрались, но, скоро уставши, приступили всем обществом нарекать ребятёнка именем.

Матушка, Евпраксеюшка, — обратно, богобоязненная и степенная женщина, терпеливая к буйствам Ерофея.

Порешили назвать Сидором. Если с ласкою, так Сидорушка, а по причине совсем малых лет Сикушенька.

С утра до вечера Евпраксеюшка ласкала и баловала Сикушеньку и думала лишь о том, чтобы его накормить. В этом направлении по первости она Сикушеньку и воспитывала, то есть, в гастрономическом направлении.

Утро Сикушеньки начиналось со студня, солонины и разных колбас. Чуть позже шли каши со щами.

Опосля подавались ботвинья и заливная рыба.

Пироги сладкие, особо Сикушенька любил с вишнею, запивались хлебным квасом, непременно с причмокиванием.

Заедки Сикушенька усваивал уже к обедне.

Способность потреблять всё съестное в безграничных количествах и безропотно изумляли родных и знакомых. Радовалась бездумно только Евпраксеюшка, его мамка. Мальчонка рос стремительно во всех телесных направлениях и к пятнадцати годкам отроду достиг исполинского росту и силы недюжинной.

Пошли трудности. То в проёме амбара застрянет, резвясь с дворовой собачкой, то головкой потолок в светлице подопрёт, потолок поруша, так что батюшке Ерофею с работниками приходилось дубовые брёвнышки перекладывать, то по неразумению и младенческой неловкости яблоньку многолетнюю с корнем выдернет — хотелось малышу яблочко медовое достать.

Но при этом душу Сидорушка имел тонкую и чувствительную. Жалел всякую тварь живущую. Бывало, поймает птичку какую, так жалеет и жалеет, а потом накормит, да и спать уложит. Казалось Сикушеньке, что понимает он всех птиц и зверей, а птицы-звери думали, что он их понимает.

Сомневались только некоторые, особо наглые коты. Так что с них взять?

Сидорушка очень полюбил петь.

Поначалу-то родные сильно пугались его песен, но со временем свыклись, только всякий раз вздрагивали. Замечали, что как затянет мальчонка свою песню, так всё живое убегает, спасается. Всякая птица улетает, пьяница трезвеет, странник содрогнётся и обойдет село стороной.

Добрые соседи советовали батюшке применить сей талант сына к делу — петь в поле после посева.

Все старания Ерофея обучить наследника купеческому ремеслу пошли насмарку.

Очень скорбел Ярофей-батюшка, что торговое дело оставить не на кого.

Со временем Ерофей Сидорович признал только два таланта сына — бархатистый, низкий голос и пронзительный ветер в голове.

А доброта? К чему она?

В торговом деле сие без надобности.

Бывало, ворочается Ярофей, думу думает, и сон не идёт.

Что делать с сыном?

Где применить его таланты?

Вон экой возрос, ну куда яво с такой ядрёной мордой?

Таких, как наш Сидорка, надоти у перёд дружины княжеской ставить. Посмотрит на него супостат, так и биться передумает.

Долго думали, гадали родители и порешили отдать сына в послушники петь.

Матушка Евпраксеюшка уж скоко слёз пролила, отпуская сына на попечение отца Серафима.

В дело пошел Сидор. Выказывал он неустанные старания в изучении грамоты, с сердечной любовью прилеплялся к боговдохновенным книгам, проявлял кротость и степенность, чуждаясь забав.

Старец Серафим искренне полюбил послушника за доброту и сострадание к нуждающимся и прощал ему маленькие шалости.

С годами Сидора умелые наставники обучили пению, голос его приобрёл стройность, душевность и красоту. Бархатистый бас звучал

в унисон с большим монастырским колоколом, и казалось — ангелы спустились послушать. И служители, и прихожане храма внимали его пению, как завороженные. И всякий не смел дышать, пока Сидор пел.

Шли годы, Сидор принял монашеский обет с именем Амвросий, безропотно неся тяжкие труды монаха, то в поле заместо кобылки запряжётся и вспашет поле монастырское, то стенки монастырские поправит по отвесу, то урожай в охапку соберет.

Наконец, по благословению отца Серафима отбыл Сидор Амвросий на службу в хоре в Казарино на Снежеди. И вышла братия прощаться. И были слёзы, и были наставления. И старец Игумен Серафим лишился дара речи от чувств.

Девушка Марусенька

В поле деревни Большие Подглядовки, что на речке Снежеди, работящая девушка Маруся косила траву.

И тут образовалась у ней в нутриях тяжесть.

Охнула, ахнула Марусенька, да и родила на сене медовом мальчонку крохотного. Сам-то меньше ковшика, на головке жилка синяя пробивается.

Укутала ребятёнка в платочку, да и зашагала ратной поступью к палатам бояр Твердоплюевых.

Ать-два, ать-два.

Люди дворовые, слуги боярские, узрев Марусю за околицей, сгрудились супротив девушки Марусеньки в клин ратный-боевой, наподобие, как в пешем войске ливонских рыцарей.

Кто что взял — Иван коромысло, Егор ендову, Емелька-дурак калач с маком.

— Расступись, голь перекатная, ушибу! — деликатно сказала Марусенька.

И вытянула напоказ слугам боярским кулачок свой немаленький, что мог бы применяться в качестве холодного оружия, ближнего боя, ударно-раздробляющего действия.

Люди дворовые и разбежались по тылам. Марусенька девушка крепкая, что не по ней, так зубья враз вышибала. Барин али князь, или так, землепашец какой — всё одно.

Как-то княжич просил у боярина Твердоплюева:

— Отдай мне Марусю в передовой отряд дружины Княжеской.

— Нет, — молвил боярин, — такие и мне завсегда нужны.

Был у боярина Твердоплюева сын, Твердоплюев младший.

Тот завсегда пребывал в апатии.

— Удавиться, что ль?

Да где ж верёвку сыскать негнилую?

— Утопиться, что ль?

Да идеж? В Снежеди и в половодье-то воробью по яйца, как тут утопишься?

— Может, до способа немца сподобиться?

Искателя-ходока по диким местам Карла Ивановича Кунца.

Карл Иванович учил людей такому самому мучительному способу спасения от апатии:

«Поутру. До петухов. Срезать из заболоченных мест пустотелый камыш. Один конец мазать мёдом, другой мазать тоже. В лесу искать муравейник. Встать на карачки и оголить седалищное место. Один конец ввести в муравейник, другой же в седалищное место. И ждать три дня.»

— А ежели эти ползучие твари не пойдуть? — с хитринкой молвил тогда Твердоплюев младший.

— Всякое зверьё на сладкое падко, — изрёк, как отрезал, Карл Иванович.

— Это, конечно, занятно, но если и поползут, так сколько ждать-то, да и верняка нет, что подействует, — раскинул умом молодой боярин.

В это время со двора покликала его Марусенька, и Твердоплюев младший оцепенел.

— Выходи, боярин, а то худо будет.

Боярин из палат вышел робко, и в очи не смотрит, будто ищет что-то в стороне.

— Ты, Марусенька, захворала, аль случилось что?

— На, — девушка протянула ему дитё. — Твоё. Мне надобно в поле идтить.

Боярин ещё больше сконфузился, взял ребятенка в охапку, а Маруся зашагала прочь.

И глядел ей вслед Твердоплюев младший, как завороженный.

Есть женщины в русских селениях!

Боярин Твердоплюев младший, опасаясь гнева батюшки, передал ребятенка на попечение старушки-ключницы, да велел под секретом держать. Потому как сей конфуз произошёл не впервой. Много девок Тведоплюев младший попортил.

Старушка-ключница женщина добрая, но по старости рассеянная. В тот же день забыла ребятенка в кладовой. Нашла только поутру, когда за припасами пошла.

Опосля его конюшему отдали, так тот как-то мальчонку на скаку уронил.

Повариха на печке оставила.

Старик-дворник на дворе забыл.

Кто в сенях положит, кто на покос снесет, кто в бане забудет. И как-то в студеную пору хворь приключилась, так и вовсе речь потерял.

Так и рос мальчонка безнадобный, и никто не сподобился даже имя ему дать. К десяти годам отроду мальчишка имел малый рост, хворую худобу, отмороженные уши, хромоту обеих ног и не имел имени и дара речи.

На двадцатый год собрал пожитки разные и пошел куда глаза глядят. А глаза глядели аккурат в сторону деревни Казарино, что на Снежеди, на пригорочке.

Казарино

В те стародавние времена, когда в речке Снежеди галдел за полночь водяной оглашенный и озорничал в лесах, на пригорках соловей-разбойник свистел, а бесы разные бродили затемно, пугая детушек, пугая всякий люд, в Казарине люди жили, привыкшие ко всяким безобразиям. Жили — не тужили, прибытка не знали. И казалось, что вот-вот, да и придет благоденствие, а оно только покажется краешком, да и поспешит прочь.

Вот как-то в хозяйстве крестьянина Емельки чудо приключилось — репка народилась размеров великих — десять аршинов в обхват было. Так слух достиг ушей государя Московского. Возрадовался государь, что в его державе сие приключилось, и наказал служивым своим сие чудо у Емельки изъять и ему, государю, представить, дабы всяк немец знал, что наша редька шибче будет.

А еще у крестьянина Тимошки рябая курица яичко златое высидела. Так ученого немца позвали, Карла Ивановича Кунца, сию невидаль постичь да и в книжицу записать.

Искатель-ходок Карл Иванович Кунц в Казарино прибыл, у крестьянина Тимошки отведал каш разных с медом и без, попользовал маринады, испил квасу, и оттого у него совершеннейшее удовольствие случилось. Отдохнувши, погодя осмотр Рябы затеял, во все места

заглядывал, кровь пускал, из трубочки в гузок дул. Курица не сдюжила к себе такого отношения, да и исдохла.

А как-то Ванька глухой пошел на речку Снежедь рыбки половить, да и поймал щучку волшебную. Щучка говорливая оказалась, отпустить всё просила, обещание давала, что желание исполнит. Но Ванька по глухоте своей не разобрал толком и употребил её в суп-уху. Суп получился наваристым, с хреном и с хлебушком ржаным. И всей семьёю с превеликим удовольствием сей суп и укушали.

Так что от чудес разных Казаринских никакого благоденствия не возникло. И не было у них другой судьбинушки акромя труда тяжелого, от зари до зари, дабы пропитание иметь.

Одна отрада у мужиков Казаринских была — бой кулачный.

На воскресный день принимались они молотить друг дружку с неистовой страстью, что есть мочи. «Стенка на стенку», «Царь горы», «Сцеплялка-свалка» — мордобитие было многообразное и восторгу предела не имело.

И аккурат в такое воскресенье в Казарино пешим ходом, с котомкою прошёл отец Амвросий.

Завидев такое безобразие, разбросал нечаянно, в неловкости мужичков в стороны разные. Кого в речку Снежедь побросал, кого по дворам раскидал, кого и вовсе за околицу кинул. Подумал малость — нехорошо, собрал снова и в кучу сгреб. Посмотрел на народец Казаринский и призадумался.

— Однако, народец неказистый, у кого рожа крива, у кого волосья подерганные, на кого и вовсе без слёз не глянешь.

И стал допытывать да выспрашивать.

— Зачем, мужички, друг друга дубасите? Зачем морды квасите, зубья выбиваете?

— Для радости, — в унисон ответствовали мужички, и в глазах их отразилось блаженство.

Волчица

По бережку речки Снежеди куда глаза глядят шел человек без имени. Шел неспешно, шел устало. А здесь холодком потянуло, аж судорогой перекосило. Растревожил ветерок травы луговые, покачал кроны деревьев и пошёл резвиться по полям, по лесам, вихрем кружить листву опавшую.

Собрал человек на опушке лесной веток еловых, устелил в яме неглубокой, покрыл армяком да и дремать принялся, укрывшись листвой опавшей. Солнце только к закату изготовилось, как затянуло небосвод черной мантией и пролились воды, словно из ведра.

Долго ли, коротко ли человек почивал, только пробудился он от озноба уже после дождя. Огляделся и оцепенел. Среди хвои и сосен, в солнечном прогале на него смотрела волчица. Солнечный зайчик метался по белому ряду зубов, и бездонные голубые глаза светились азартом охотника.

«Вот и смертушка пришла, — подумал человек без имени. — Жил, будто и не жил. И об чём вспомнить в смертный час? Как искал встречи с отцом? Как не знал ласки матери? Зачем я был?»

И не было страха у человека, и не было желания бороться за жизнь. Закрыл глаза и только молил господа, чтобы скоро, без мучений. Но шло время, шелестел лес дремучий, и не было рыка звериного, и не слышно было поступи волчьей. Наконец человек отважился глаза открыть.

Увиденное изумило. Волчица лежала, и не было в глазах её азарта охотника, а лишь жалость и умиление.

«И даже тебе я не надобен», — подумал человек.

Опасливо и неспешно поднялся, осторожно подошел поближе, достал из котомки каравай, аккурат посередке разорвал и кусок протянул волчице. Та нюхала долго, затем взяла. Уже без опаски присел рядком. Сидели мирно, каравай пережёвывали, да и красотами Снежеди любовались.

— Эх, благодать кругом! Лоси да косули являются стадами, рыбы толпятся в реках, птицы закрывают небо.

Тосты, посвящения, размышления о жизни в стихах Владимира Передереева

Генерала Передереева и полковника Подольского крепко связывает более чем полувековая, очень тёплая дружба. Они однополчане. Оба многие годы трудились над созданием ракетных комплексов противовоздушной обороны страны. Оба в полной мере прочувствовали на себе радости при успехах и горечь при неудачах, которых было никак не меньше. Словом, оба вкусили все «прелести» воинской службы.

Однако, всё это не помешало Владимиру в часы отдыха, на офицерских мальчишниках поднимать за друзей, за родных свои авторские тосты. Желать успехов, здоровья, удачи в своём авторском варианте. Много размышлять о жизни и о близких ему людях.

И всё это в стихах.

Автор никоим образом не мог пройти мимо представившейся возможности впечатать в свою книгу эти душевные стихи своего друга.

Размышление

Уходят годы безвозвратно,
Перемежаясь чередой,
Как жаль, что не вернуть обратно
Тех лет, когда был молодой.

Что впереди? Седая старость.
К былому уж возврата нет.
Что пожелать тебе осталось?
К виску приставить пистолет.

Смерть не страшит меня нисколько,
Не будет боли, лишь толчок.
Хватило б мужества мне только
Нажать на спусковой крючок.

Что ж, умереть совсем не сложно
Без лишних слов, порой пустых,
Надеяться лишь было б можно
На память в сердце у живых.

Не тех, кто выделены будут
Нести венки и ордена,
А завтра обо мне забудут —
Им лишь вакансия нужна.

Не тех, кто на могиле сможет
Сказать впустую много слов,
А тех, кто молча расположит
На холмик парочку цветов.

Тех, в сердце чьём навек остался,
Тех, кем был искренне любим,
Кто позабыть не постарался —
Заранее спасибо им.

А коль случится, что при этом
Никто не вспомнит про меня,
Я не расстанусь с белым светом,
Сам буду помнить про себя.

Тосты

За любовь

Долго мылся Ваня в бане,
Грязи смылил сто пудов,
Чтоб пойти к соседке Мане.
Тост за чистую любовь.

Бабка стонет на кровати,
Нездоровится ей вновь.
Дед забрался на полати.
Тост за старую любовь.

Мужа бить нельзя ухватом,
Так считают и свекровь,
И невестка с младшим братом.
Тост за нежную любовь.

Муж с женой глухонемые,
Объясняются без слов.
Им ведь это не впервые.
Тост за тихую любовь.

В темноте жена споткнулась,
Нос при этом сбила в кровь,
И от мужа отвернулась.
Тост за светлую любовь.

Хоть за столом, в горах иль в поле,
Хоть пьёшь один, хоть на двоих,
А хоть в компании, тем боле, —
За женщин стоя пьём своих.

Я предлагаю этот тост,
Его не подчинить словам,
Он, может быть, немного прост,
Но вечной молодости вам.

Есть чувство — людям не подвластно,
Его не испытаешь вновь.
Оно и строго, и прекрасно.
Давайте выпьем за любовь.

За чувство, всем нам дорогое,
За дивный цвет любимых глаз.
Ну, а за что-нибудь другое
Давайте выпьем в другой раз.

За воинскую дружбу

Позвольте мне поднять бокал
И предложить свой тост за дружбу.
Я б даже больше вам сказал —
За нашу воинскую службу.

Военной дружбе нет конца,
Коль ты душой своею воин.
Она не терпит подлеца
И тех, кто дружбы недостоин.

Пусть ты давно уж не солдат,
Форсишь гражданскою одёжкой,
Век будешь помнить тех ребят,
С кем щи едал одною ложкою.

Тех, с кем делил и хлеб, и кров,
И крохи жалкие махорки,
Кто был всегда во всём готов
Тебе помочь без оговорки.

Четвёртый тост всегда за них,
Как в юности мы клятву дали, —
Кто к индикаторам приник
Или глядит в морские дали.

Кто на жаре плюёт песком
Иль на морозе жутком жмётся,
Кому сегодня нелегко,
Хоть выпить сто всегда найдётся.

Тех, кто от родины вдали,
Удачлив он иль неудачлив,
Тех, кто на краешке Земли,
Но выпить с нами был бы счастлив.

За сердце матери

В преданьях где-то сохранилась
Легенда старая одна,
Сквозь тлен столетий просочилась,
Но мне понравилась она.

Я расскажу вам в двух словах
Всю суть её, легенды старой.
Жила красавица в горах
И песни пела под чинарой.

И был джигит в неё влюблён.
От страсти пылкой пламенея,
Не раз говаривал он ей,
Зульфара, будь женой моею.

Зульфара отвечала: «Нет,
Ты всё не выполнишь послушно».
И от поклонника букет
Швыряла в пропасть равнодушно.

«Готова стать навек твоей,
Пройти коль испытанье сможешь
И сердце матери своей
Мне в знак любви к ногам положишь».

Он вырвал сердце из груди,
Бегом назад, упал невольно…
И слышит голос позади:
«Скажи, сынок, тебе не больно?»

Мы знаем — мать почти у всех
Своих детей простить готова
За преступленье и за грех,
Чтоб одарить любовью снова.

За сердце матери поднять
Я свой бокал вам предлагаю,
Ведь может до конца понять
Нас только мать, я точно знаю.

За мужскую солидарность

Однажды муж пришел домой,
Не то чтоб здорово под мухой —
Под основательной балдой,
Коль можно верить этим слухам.

Жена спросила: Где ты был?
И с кем успел так нализаться?
Свой дом, меня совсем забыл.
Ты должен вспомнить и признаться.

Что вспоминать, у Коли был.
Ответил муж, слегка икая,
С ним вместе за здоровье пил,
Тебя весь вечер вспоминая.

Жена скорей за телефон
И набирает номер Коли,
Где уточняет — там был он
Иль снова у зазнобы Оли.

Но Коля твёрдо подтвердил:
Был у меня, мы пили чачу,
Его в такси я усадил,
Домой поехал иль на дачу.

Таким же образом жена
Звонила Вите, Вале, Лёхе,
И всюду слышала она:
Был, только что уехал.

Серёжка даже подтвердил,
Что у него он спит под ванной,
И никуда не уходил,
И что жену считает странной.

За солидарность за мужскую
Я предлагаю выпить вам,
Ведь сам порою так рискую,
Придав святую ложь словам.

За мечту

Придя с работы, как обычно,
Наш муж улёгся на диван
И в настроении отличном
Свой взгляд уставил на экран.

А фигуристки на экране
Одна еще стройней другой…
Жена бельё стирала в ванной
Уже, пожалуй, час второй.

«Эх, произвольную программу
Я б с этой девой откатал…» —
Сказал он вслух, но, чуя драму,
С дивана даже чуть привстал.

Жена услышала, конечно,
Ему сказала скорбно так:
«Куда тебе, мой друг сердечный,
Ты ж в обязательной слабак».

Мечты полёт всегда приятен,
Когда глядишь не в пустоту,
К тому ж еще не стар, но статен…
Давайте выпьем за мечту!

— • —

За кого нам выпить снова?
Видно несколько причин.
Предлагаю тост в три слова
Непременно за мужчин.

Я предлагаю тост за нас,
За то, чтоб было всё отличным,
Чтоб мы собрались еще раз
И за успехи в плане личном.

За этот дом, в котором мы
Уничтожаем дружно ужин,
Тихонько пьём без кутерьмы,
И гвалт нам нихрена не нужен.

— • —

Где-то что-то прохудилось,
Где-то что-то протекло,
У кого-то получилось,
А кому не повезло.

Тост за вечное везенье,
Чтобы всё во всём сбылось,
Ко всему было стремленье,
Чтоб хотелось и моглось.

Двух пичужек разделяла
Широченная река,
Жить в разлуке заставляла
И любить издалека.

Вот одна из птиц поднялась
И, рискуя головой,
На ту сторону помчалась,
Не надеясь быть живой.

Силы пташки иссякают,
Смёртный час вот-вот пробьёт,
К счастью, ветер увлекает
Пташку через бездну вод.

Пусть к любимой ветер гонит,
Я хочу напомнить вновь:
Тот, кто любит, — не утонет.
Тост за ветрену любовь.

— • —

Коль тебе милы пампасы,
Обожаешь их красу,
Пусть живут там папуасы —
Мне милее снег в лесу.

Тост за русскую природу,
За её леса, снега,
Что в любую непогоду
Душе русской дорога.

Стоишь, кудрявая такая,
Любуясь красотой своей,
Берёзка русская, родная,
Ты символ родины моей.

Тост за родину — Россию,
За берёзки и поля,
Что на свете есть красивей,
Чем родимая земля?

— • —

Как-то в зеркале однажды
Сам себя я не узнал,
Плюнул в эту рожу дважды
И без памяти упал.

А очухался и матом…
Так за что ж себя пенять?
По примете, быть богатым
Суждено, едрёна мать.

Чтобы быть еще богаче,
Пять бутылок я купил,
А закусочки тем паче,
Рядом с зеркалом запил.

Пять бутылок еле выпил,
Вусмерть пьян был уже я,
Глянул в зеркало и вижу —
Та же рожа, но моя.

— • —

Один мудрец промолвил фразу:
Сейчас мне радостно и грустно.
Созрел вдруг тост почти что сразу,
Его я предложу вам устно.

Мне тоже грустно в этот час,
Что по домам мы разойдёмся,
И радостно за всех за нас,
Что вновь когда-то соберёмся.

Так выпьем, черт возьми, за то,
Чтоб было радостно и грустно
Нам всем сейчас в душе, а то
На сердце будет как-то пусто.

— • —

Пусть идут дожди осенние,
Пусть гремит весенний гром,
Лишь бы было настроение,
Живы будем — не помрём.

Будут пусть друзья надёжные,
За добро платя добром.
Нафиг нам друзья картёжные,
Живы будем — не умрём.

Мы подруг своих порадовать
Полевых цветов нарвём,
Радость жизни будем праздновать.
Живы будем — не умрём.

Президента, может, выберем,
В голове чтоб был с царём,
Из поганой ямы выгребем…
Живы будем — не умрём.

Так нальём бокалы пенные,
Выпьем и еще нальём,
Чтобы было настроение.
Живы будем — не умрём.

— • —

Кто придёт к тебе на помощь
Первым в самый трудный час?
Кто одолжит свежий овощ,
Нужный вам как раз сейчас?

Кто поможет словом-делом
И советом одарит?
Скажет, где в часах заело,
Кто с ребёнком посидит?

Нет, не ваши папа с мамой
И не брат, ни даже тесть,
И не близкий самый-самый
Родственник, какой он есть.

Где они? Увы, далёки.
Жди, когда к тебе придут,
А теперь препоздний вечер,
И проблемы те не ждут.

Так зачем нам эти беды —
Ближе всех всегда сосед.
Все согласны, полагаю,
Тост за них я предлагаю.

— • —

Раз учительница наша
Выясняла у ребят,
Кем работает папаша,
И причем у всех ребят.

Витин папа — архитектор,
Олин — милиционер,
У Андрюши — был директор,
Гришин — просто инженер.

Зинин же — мультипликатор
И рисует он детей.
Вовин папа — трансформатор
И гудит, как сто чертей.

Как же так, спросили Вову,
Трансформатор не мужик.
Это даже очень ново,
Объяснись скорей, старик.

Мама так считает вроде,
Молвил Вова всем в ответ,
Но прошу при всём народе
В тайне сохранить секрет.

Лишь отец не замечает,
Одурачил нас совсем:
Двести двадцать получает,
Отдаёт сто двадцать семь.

Где же деньги остальные?
Мама папу теребит.
У него глаза стальные —
На остаток он гудит.

Мы жене целуем ручки,
За разумный пьём процент
Отчисленья от получки:
Кто за доллар, кто за цент.

— • —

Познакомили их в сквере,
В сквере видел её вновь,
И в любви признался в сквере…
Тост за скверную любовь.

1976 год

Пили мы сегодня много,
Пощадить пора и глотку.
Не судите меня строго —
Предлагаю тост за водку.

Кабы водка вдруг пропала,
Что представить нам не просто,
Ели б молча, как попало,
Ни к чему тогда и тосты.

1991 год

Всё меняется с годами,
Перестройке уж шесть лет.
Впрочем, знаете вы сами —
Ни еды, ни водки нет.

Тосты будем без закуски
И без водки предлагать,
Перестройщиков по-русски
Громко матом поминать.

1993 год

Всё опять переменилось —
Водка есть и есть еда,
Да такая, что не снилось…
Денег нету, вот беда.

Так выходит, нету мани —
Тосты все пойдут в загон?
Черта с два, фиг вам в кармане,
Тост — за русский самогон.

— • —

Шел с работы, как обычно,
Мой товарищ после дел
И с девчонкой симпатичной
Познакомиться хотел.

Но какой бы выбрать повод,
Чтоб знакомство завязать?
Попросить для плитки провод
Иль иное что сказать?

Повод сам вонзился в темя.
Еду в отпуск, мол, на Юг.
Не смогли бы Вы на время
Одолжить мне свой утюг?

Этой мыслью окрылённый,
Побежал скорее к ней
И, почти уже влюблённый,
Замер у её дверей.

Худо, коль жена узнает,
Постучав, подумал он.
Мало, что накостыляет,
Выгонит из дома вон.

Сообщит ведь на работу,
Что я хуже всех зверей,
И найдёшь себе заботу
Вплоть до пенсии своей.

Ведь дознается наверно
Профсоюзный комитет,
Тут совсем уж будет скверно
И не мил весь белый свет.

Дверь открылась — он не дышит.
Дева что-то говорит,
Он от ужаса не слышит,
Будто пол под ним горит.

И в лицо ей бросил фразу,
Озираяся кругом:
«Подавись же ты, зараза,
Своим с--ным утюгом».

За того, кто бдит на страже
Чистоты семейных уз
(Пусть его не просят даже) —
Наш здоровый профсоюз.

— • —

То ли в Замбези, то ли в Ниле
Жила лягушка в мутном иле.
Куда б она не поплыла,
Всем недовольная была.

Нащупав как-то лапой кочку,
Решила скоротать там ночку.
Кто знал, что кочка эта Нила
Была башкою крокодила.

Тут крокодил тихонько встал
И не спеша вперёд поплыл,
Он тоже был слегка сердит,
Не видя, кто на нём сидит.

Какое гадкое болото —
Лягушка вновь винит кого-то.
Здесь вонь и сырость, вечный грипп.
Плюс кто-то к заднице прилип.

Нельзя простить, когда хоть кто-то
Век хает всем своё болото.
Зачем тогда ты здесь живёшь?
И вкусно ешь, и сладко пьёшь.

Лягушкой будь, хоть бегемотом —
Гордись всегда своим болотом.
Живи, всегда его любя,
Оно взрастило ведь тебя.

Отбросим все свои заботы
И вспомним про своё болото.
Свой дом, свой край. Их не охаю.
За них я выпить предлагаю.

— • —

«Вася, что такое казус?»
Жена мужу говорит.
«Не слыхала я ни разу.
Подожди, там суп бежит.»

Казус в том, что ты приходишь
Среди дня к себе домой
И в постели вдруг находишь
Там меня с чужой женой.

«Вась, а если всё случится
Точно так, но вдруг со мной —
Тоже казус приключится?
Правильно, мой дорогой?»

Не поймёшь опять ты сразу,
Говорил уже сто крат,
Что не путай слово казус
Ты с понятием разврат.

Тост за казус, вам, конечно,
Я не буду предлагать.
Выпьем, чтоб его, заразу,
Повсеместно избежать.

За гласность

Наш научный институт,
Чтобы деньги не пропали,
Выбил старый парашют,
Их в ДОСААФе предлагали.

Заказали самолёт,
Восемь взлётов и посадок.
Только вот народ орёт:
Сами прыгайте, коль надо.

Обещали три отгула,
К празднику большой заказ,
В ресторане два загула,
Если прыгнет кто хоть раз.

И при этом всё бесплатно.
Всё за счет каких-то ФЭС.
Я тогда подумал: ладно,
Соглашусь, и в люк полез.

Я ведь не был в ресторане
Уж наверно десять лет,
Если денег нет в кармане,
То какой уж тут банкет.

Я подумал, будь что будет.
Струшу — наложу в штаны,
Кольцо дёрнуть не забуду…
Деньги мне вот так нужны.

Прыгнул. За кольцо схватился,
Что есть сил его рванул…
Парашют же не раскрылся,
Вот тогда-то я смекнул,

Что с кольцом всё ж обманули —
Это просто, как пить дать.
С рестораном б не надули,
Как с кольцом, едрёна мать.

Предлагаю тост за гласность,
За единство слов и дел,
Чтоб во всём сквозила ясность.
Парашют — не наш удел.

За покой

Зачем искать нам новых встреч,
Не воскресить того, что было.
Прости, не смог любовь сберечь,
Не знал, что ты еще любила.

На нежные твои слова
Душа уже не отзовётся,
И не кружится голова,
И сердце трепетно не бьётся.

Твои прелестные черты
Глаза и руки не волнуют,
Совсем чужою стала ты,
И страсти больше не бушуют.

Прости, что причиняю боль,
Не сохранить любовь на случай,
Зачем на рану сыпать соль?
Не надо, ты себя не мучай.

Быть может, через много лет
Случайно встретиться придётся.
Друг другу бросим мы: «Привет»,
И слов других уж не найдётся.

Скорей всего, посмотришь вслед,
С улыбкою поджавши губы,
Оценишь, как я был одет,
Процедишь про себя сквозь зубы:

«Как хорошо, что той порой
Свою судьбу с ним не связала.
Сутулый, толстый и седой,
Его с большим трудом узнала».

И потеряем вновь навек
Друг друга в суете мирской…
Увы, таков уж человек —
Ему дороже свой покой.

Прошу, наполните бокал.
Созрел сегодня тост такой:
Угас страстей моих накал —
Давайте выпьем за покой.

— • —

Как в песне казацкой простой,
Что вдруг казаков одолела:
«Важнее душевный покой
А бабы — последнее дело».

За пенсионеров

Кому жить при перестройке
И привольно, и легко?
Спор зашел на нашей стройке,
И довольно далеко.

Кто-то называл артистов,
Я не помню кто — врачей,
Даже уточнял — дантистов,
Ну и всех хапуг-рвачей.

Наш начальник молвил стоя:
Разогнать вас всех пора,
Дураков времён застоя.
Всё привыкли на ура.

Всё витаете вы где-то…
Мне известно, например,
Что живёт на этом свете
Лучше всех пенсионер.

Почему пенсионер-то?
Хватит воду нам мутить.
Он уже на грани где-то,
Мыла не на что купить.

Не является секретом,
Что он должен есть и пить,
И носить носки при этом,
И картошечки купить.

Отвечаю: он проснулся
В удовольствие своё,
Перестройки не коснулся —
Отработал до неё.

Выпил всё, что было можно,
До указа по борьбе —
Что теперь уж невозможно,
Знаю это по себе.

Отлюбил своё до СПИДа,
Что еще от жизни ждать?
Можно почитать для вида,
Можно петь, а лучше спать.

Тост за всех пенсионеров,
Их дальнейший трудный путь.
Много есть еще примеров
Им ни охнуть, ни вздохнуть.

— • —

Что ж, пора кончать, наверно,
И тонуть стихов ладье.
Будет меньше строчек скверных,
По-французски им — адье.

Сашка мне (поэт Твардовский,
Что про Тёркина писал)
Просто нравится чертовски.
У него я стиль слизал.

Надписи к фотографиям

Вспомни детство, и полянку,
И пахучие цветы,
И берёзоньку-белянку
Милой сердцу красоты.

Хотите — смейтесь на здоровье,
Давно себе уже сказал:
Я бы родное Подмосковье
За десять Африк не отдал.

Взгляни сюда — здесь солнца луч
Сквозь все преграды путь пробил,
Сквозь космос и сквозь толщу туч,
Наверно, Землю полюбил.

Ярких красок пёстрым цветом
Сентября горит палитра.
Разве можно в цвете этом
Разобраться без пол-литра?

Как будто миллиард жемчужин
В лесу рассыпала зима.
Дизайнер ей совсем не нужен,
Она справляется сама.

Булавину Л. Ф.

Который день с большой тоской
Входя в знакомый кабинет,
Мы видим стол — такой пустой…
За ним, увы, тебя уж нет.

Пустое кресло сиротливо
Одно в твоём углу стоит,
Протёртой кожею стыдливо
Сверкая, словно антрацит.

А слёзы душат… слов уж нет,
Чтоб передать души волненье.
Упали капли на паркет —
Иди проверь, коль есть сомненье.

Прими от всех твоих друзей,
Твоих товарищей по службе
В твой славный круглый юбилей
Признательность, любовь и дружбу.

Храни их в сердце до тех пор,
Пока склероз не уничтожит,
Пока работает мотор,
Пока могильный червь не сгложет.

Надежду тайную храним,
Что ты с далёкой златой Праги
Пришлёшь товарищам своим
Хороший ластик для бумаги.

Подольскому Л. В.

Уходят годы безвозвратно,
Перемежаясь чередой…
Как жаль, что не вернуть обратно
Тех лет, когда был молодой.

Тех лет, когда был гуще волос,
И стан стройней, и выше рост,
И басовитый громкий голос,
Когда на всё ответ был прост.

Я помню, в пятьдесят девятом
Подольский — юный капитан —
В приёмке бравым был солдатом,
Его поныне помнят там.

Сидел бы долго ты в приёмке,
Но хитрый Лёня Соловьёв,
Не вняв мольбам Акивы громким,
Забрал в отдел без лишних слов.

И вот центральный аппарат
Раскрыл тебе свои объятья,
Совсем, как милый добрый брат.
Верней, как сотня милых братьев.

И полетели дальше годы,
Сменялись званья и чины,
Оклады, стулья и заводы,
Уж больше стало седины.

Мудрей, серьёзней стал с годами,
Мужал, полнел и матерел.
Что говорить, все знают сами:
Во многом, Лев, ты преуспел.

По праву носишь ты папаху,
На двух просветах три звезды,
Не дашь особенного маху
В делах серьёзных без нужды.

Короче, стал ты идеалом
Как рац, как пред, как человек.
Позволь же чокнуться бокалом
В твой юбилейный полувек.

И пожелать тебе удачи
В делах семейных и труде,
Чтобы скопил деньжат на дачу,
Сопутствовал успех везде.

Чтобы начальством непременно
Ты был обласкан и любим,
Чтобы по лестнице служебной
Уверенно шагал за ним.

Чтоб был здоровым, как телёнок,
И стройным, как для мачт сосна.
Неутомимым, как ребёнок.
Чтоб цель всегда была ясна.

Чтоб счастье лезло напролом
К тебе в многоэтажный дом.
А Тоне, Диме, славной Оле —
Им счастья можно и поболе.

— • —

Говорить про песни сложно,
Песни надо, братцы, петь,
Чтобы в жизни было можно
Веселей на мир смотреть.

Соберёмся мы в тесном кругу,
Посидим у большого костра.
Я без песен прожить не смогу —
Будем вместе их петь до утра.

А когда заалеет рассвет
И в поход собираться пора,
Будем помнить наш общий завет,
Чтобы снова пропеть до утра.

А закончится отпуск — пустяк,
Соберёмся мы в доме своём,
Каждый где-то немного чудак,
Снова в кружки нальём и споём.

— • —

Совершенно невозможно
Жить без ценных указаний,
Ошибиться сразу можно,
Не избегнуть наказанья.

То ли дело — взял тетрадку,
Мысль начальства повторил,
Записал всё по порядку,
Что не так — он говорил.

Не забудь поставить дату,
Кто и что тебе сказал,
И считай, что сел на вату,
Коль начальник приказал.

К подаркам

Набор клизм

Чтобы мог руководить
Подчинёнными в отделе,
Мы хотим тебя снабдить
Вещью нужной в этом деле.

Что побольше — отложи
Подчиненным для забою,
А поменьше — предложи
Для работы над собою.

Карандаш «Богатырь»

Жить без ценных указаний
Совершенно невозможно.
Очень сложно без заданий,
Ошибиться сразу можно.

Резолюций очень просим,
Дорогой начальник наш,
И нижайше преподносим
Вам специальный карандаш.

Нафталин

Каждый знает, что меха
Сохраняют от греха.
Ты смотри, не дай тут маху,
Береги свою папаху.

Чтобы моль, жучок коварный,
Не испортила шикарный
Из барашка славный мех —
Нафталин тебе от всех.

Говорят, что он поможет
Сохранить папаху тоже,
Но советуем мы все —
Не носи её совсем.

Ложка и открывалка

Чтоб по новенькой одежде
Вам фигуру подогнать,
Получить извольте ложку
И предмет — им открывать.

Ключ-штопор и стопари

Много есть ключей различных:
Ключ от сердца милых дам,
От дверей от сейфов личных,
К душам наших славных мам.

Этот ключ совсем особый,
Ко всем душам подойдёт.
Убедитесь сразу оба,
Что сейчас произойдёт.

А вытаскивая пробки,
Чтоб друзьям вина налить,
Подготовить нужно стопки.
Не с горла же будут пить.

О разном

Донору

Поклон тебе от исцелённых
ЗА НАШУ ЖИЗНЬ ПОКЛОН ВДВОЙНЕ.
От всех людей, тобой спасённых.
Солдат, оживших на войне.

— • —

В филиал попал я с язвой
И забот себе нашел.
Атропин мне можно разве?
Чуть с инфарктом не ушел.

Ведь врачу — ему что плюнуть,
Что лекарство прописать.
Прежде надо, доктор, думать,
А еще бы лучше знать.

Я мензурку с этим ядом
Сразу вылил в унитаз.
Подтвердит сосед, коль надо,
Что я делал так не раз.

— • —

Не стоит вспоминать о прошлом,
Как любят люди говорить,
И где-то в эпизоде пошлом
Себя вдруг снова повторить.

А я считаю — помнить надо,
Но ни о чём не сожалеть,
Не провожать тоскливым взглядом
След прожитых тобою лет.

Что делать, коли стал стареть,
Былым терзать себя напрасно,
Не надо ни о чем жалеть,
Ведь жить-то всё равно прекрасно.

Пусть в жизни что-то потерял,
Но что-то приобрёл и прочно,
Причем, никто не замерял
Соотношений этих точно.

Уж если есть о чем жалеть —
Я не солгу перед собою —
Так лишь о том, что стал болеть
Всё чаще нынешней порою.

А в остальном я приобрёл
Гораздо больше, чем утратил.
По жизни я не просто брёл,
Её бесцельно не растратил.

Пусть в жизни не оставил след,
Судьба с великим не сойдётся,
Всё ж за меня краснеть вослед
Моим потомкам не придётся.

Я долг свой честно выполнял,
Как добрых сотни миллионов.
Друзей своих не предавал,
Не нарушал ни в чем законов.

Деньжат я много не скопил,
Не полагался на удачу,
Ни честь, ни совесть не пропил,
На шести сотках строю дачу.

В конце тоннеля виден свет,
Всему конец всегда приходит.
На лучшее надежды нет,
Моя звезда, увы, заходит.

Но я в тоске не оглянусь,
От страха корчиться не буду,
Иду на свет и не боюсь,
Что скоро всё навек забуду.

— • —

Осенний хмурый лес грустит,
Ветвями на ветру качая.
Последний желтый лист летит,
Крушась, дождя не замечая.

Грустит осенний хмурый день,
Грустит дождя седая тень,
Умолкли птичьи голоса,
Увяла летняя краса.

Еще чего-то ждёт природа,
Но ничего не повернуть,
Тепла и солнца не вернуть,
Как не вернуть из жизни года.
И вот пришел он, наконец, —
Ушедшей осени конец.

А по ночам морозит землю
И чередует снег с дождём,
Они друг другу не внимают,
Мы снега с нетерпеньем ждём.
Всегда бывает очень странно,
Что он ложится так нежданно.

Поутру землю вдруг покрыв,
Как будто таинство открыв,
И сразу всё преобразилось —
Земля и лес, пруд и река,

Их словно бы издалека
Нам видеть прежде приходилось.
И вот пришла она сама,
Пришла красавица-зима.

Зима уж силу набирает,
Крепчает по ночам мороз,
Пурга снежинки заметает
И крутит их между берёз.

Но вот ветра угомонились,
Деревья будто распрямились.
Шагнул, раздвинув толщу туч,
В лес светлый, тёплый солнца луч.

Мороз трескуч, искрится снег,
Лыжня змеёю в лес уводит,
И радость буйно в теле бродит,
И просто счастлив человек.

Хотите, смейтесь на здоровье,
Давно себе уже сказал:
Я бы родное Подмосковье
За десять Африк не отдал.

В убранстве белом спит природа,
Недолго спать ей до весны,
Когда весенняя погода
Прервёт её сухие сны.

И потекут ручьи куда-то,
Где от восхода до заката
Всем светит солнце, бьёт прибой,
Беседуя с самим собой.
И вот зелёные травинки

Навстречу солнцу поднялись,
Такою силой налились,
Что рвут асфальт собой былинки.
И просыпается природа…
Люблю я это время года!

Люблю я русские берёзы,
Мне жаль, когда они весной
Из ран своих роняют слёзы
И увлажняют мох лесной.

Как часто мы, порой бездумно,
Калечим белую кору,
Чтоб подвязать к ней поутру
Пустую банку хитроумно.

И льёт туда всё вновь и вновь,
Свою живительную кровь
По капле людям отдавая,
Берёзка русская родная.

О вкусе не берусь судить,
Но никогда не стану пить.

Песня

Всё внезапно пожелтело,
Облысел кудрявый клён,
Быстро лето пролетело,
Как большой красивый сон.

Припев:

О тебе, о тебе, о тебе мои мечты.
Я люблю, я люблю — это знаешь только ты.
Не пройдёт, не пройдёт это чувство никогда.
Пусть горит, пусть горит наша яркая звезда.

Но осенний дождь не снится
По ночам чего-то мне.
Надо ж было так влюбиться
И гореть в твоём огне.
(Ведь должно всё проясниться,
Будет солнышко в окне.)

Припев:

Будет солнце, будет лето,
Будет радость и любовь.
Не погибнет чувство это,
Я живу как будто вновь.

Вторая половина двадцатого столетия. Социалистический реализм

Чтобы выжить в этом мраке,
Дураков собрать зараз
И одним пинком по ср-ке
Всех забросить за Кавказ.

В этом мы неколебимы,
Жалко только, что у нас
Дураки неистребимы,
Их не выбить всех за раз.

Всем плевать в стране на всё,
Воровское царство.
Друг у друга тянут все,
Все у государства.

Скоро сгинет вся напасть,
Не беда ведь — горе.
Не успеют разокрасть
Лишь моря и горы.

Те, кто выживет, должны
Через двадцать лет и пять,
Как участники войны,
Снова льготы получать.

Раз в неделю, в выходной
Телевизор ясно —
Счастье, у кого цветной —
Вам покажет мясо.

Кто пойдёт голосовать,
Выбросив сомненья,
Тем зимой грозятся дать
Даже отопленье.

Грустная история со счастливым концом и одновременно строевая солдатская песня

В армии всё мудро. В Уставе прописан всякий шаг воина, в любой ситуации ему указано и предписано его поведение. То есть, казалось бы, всё, но вот однажды в одном из воинских подразделений «Н» ПВО страны произошло такое, что поставило на уши командиров всех рангов.

Как-то раз на полигоне
Тёмною порой,
На посту в дивизионе
Пук--л часовой.

Оказался там, зараза,
Ротный замполит,
Доносить понёсся сразу:
Часовой пер--т.

Посчитал, пер--ть не вправе
Воин часовой.
Так написано в Уставе,
Есть там пункт такой.

Что нарушил он присягу,
Смог ей пренебречь,
Надо пер--на-бродягу
Враз под суд упечь.

Штаб полка уж две недели
Ворошит Устав,
Где статья, чтоб не пер--ли
Люди на постах?

Но в Уставе нет запрета,
Чтобы не пер--ть,
Но и делать дело это
Разрешенья нет.

Запросили эстафетой,
Вдруг-де запретят,
Генеральный штаб ответил —
Пусть себе пер--т.

Не падёт боеспособность
ПВО страны,
Только воин твёрдо должен
Не накласть в штаны.

И с тех пор в часы ночные
Слышно за версту,
Как пер--т все часовые,
Стоя на посту.

Вот такая правда-матка,
Если поглядеть —
Что останется от жизни,
Если не пер--ть.

Благодарности

Я благодарен дочери Ольге, сыну Дмитрию, внуку Андрею, внуку Александру, правнучке Виктории, которые для меня жизнь, за их понимание и благожелательное отношение к моему литературному увлечению. Само это стало огромной помощью и стимулом для меня в создании книг.

Полагаю, иначе и книг бы не было.

Я благодарен прекрасным людям Юрию Дидыку, Александру Острецову и особо Екатерине Базилевской за ментальное понуждение автора к труду. Её замечательные книги сильно ослабили мою лень и вдохновили на доблестный писательский труд.

Я благодарен Лидии Давыдовой и Алексею Горшкову — очень хорошим людям и моим благодетелям в издании моих трудов.

Содержание

ЯША ЦИПЕРОВИЧ *(повесть-размышление)*

К читателю 5

Часть первая
Яша Циперович 10
Морская служба 29
Капитан-лейтенант Обушков 32
Боевое задание. Точка Х 34

Часть вторая
Пробуждение 40
Тётушка Саломея 46
Судьбоносная улыбка 48
Старец Гамалиил 49
Синедрион 55
Побитие камнями 57
Первые сомнения Саула 59
Снова Гамалиил 62
В Дамаск 63
Первый день пути. Иудея 63
Второй день пути. Иудея 74
Третий день пути. Иудея 77
Четвёртый день пути. Самария 83
Пятый день пути. Самария 86
Шестой день пути. Самария 92
Седьмой день пути. Самария 95
Восьмой день пути. Самария. 98
Девятый день пути. Галилея 103
Десятый день пути. Галилея 110
Одиннадцатый день пути. Галилея 120
Двенадцатый день пути. Брод дочерей Иакова 126
Яша просыпается 144

Трагедия и торжество Саула 155
Яша в «Пенелопе» 176

Часть третья
Контора 177
Полиграф 187
Совещание у командира 189
Яша в Израиле 197

Часть четвёртая
Ощущение мира после пробуждения. Жизнь без способности врать. 204
Человек и держава 222
Цена жизни 230
Сокрытие страданий 241
Энергии 247

Заключение 273
Послесловие 276

ИСПОВЕДЬ 279

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

О воспитании 287
Наш быт 288
Сложности воспитания 289
Тайна жидкости для очистки стекол 289
Крепкая натура 290
В бане 290
Вобла 291
Странное воспоминание 292
Воспитательный процесс 293
Портмоне 293
Шампуры 294
Попугай 295
Юлька 296
Дама с собачкой 296

Антонина Никифоровна 297
Дядя Лёша 297
Отдых 298
Молодёжь и позы 299
Китайчонок 301
Диспут 301
Альварес 302
Верблюд 303
Спортсмен 303
Добрые советы 304
Теория Дарвина 305
О пьянстве 305
Стадион 308
Маразмы режима Джугашвили 310
Ребёнок заболел 311
О трудностях 312
Под зад коленом 314
Зоопарк 315
Пьяный мужик 317
Робинзон 318
Генерал-полковник Лосев 319
Колдовство 320
Спирт 321
Рыбак 323
Гости 325
Разговор в очереди за картошкой 326
Домашние джунгли 327
Пивная 328
Столы 330
Бокс 331
Жажда встречи 332
Чайник 333
Футбол и ТВ 334
Бабушка и Саша 337
Балуем мы жен 338
Накипь 340
Яблоки 341
Немного о хрене 342
Операция 342
Размышления с похмелья 343

Невероятные, но свершившиеся случаи 345
Незваный гость 346
Валерина тётя 347
Спутник 349
Ёжик 349
Любовь 350

МЕРЦАЛКИ И ЗАРИСОВКИ *(Избранное)*

Мерцалки 353
Зарисовки 364

«БЫЛИНЫ» ДМИТРИЯ ПОДОЛЬСКОГО

Послушник Захарий 374
Сидор 376
Девушка Марусенька 378
Казарино 380
Волчица 381

ТОСТЫ, ПОСВЯЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ В СТИХАХ ВЛАДИМИРА ПЕРЕДЕРЕЕВА

Размышление 383

Тосты

За любовь 385
За воинскую дружбу 386
За сердце матери 387
За мужскую солидарность 388
За мечту 389
«За кого нам выпить снова?..» 390
«Где-то что-то прохудилось…» 390
«Коль тебе милы пампасы…» 391
«Как-то в зеркале однажды…» 392
«Один мудрец промолвил фразу…» 392
«Пусть идут дожди осенние…» 393

«Кто придёт к тебе на помощь…» 393
«Раз учительница наша…» 394
«Познакомили их в сквере…» 395
1976 год 395
1991 год 396
1993 год 396
«Шел с работы, как обычно…» 396
«То ли в Замбези, то ли в Ниле…» 398
«Вася, что такое казус?..» 399
За гласность 399
За покой 401
За пенсионеров 402

Надписи к фотографиям

«Вспомни детство, и полянку…» 404
Булавину Л. Ф. 404
Подольскому Л. В. 405
«Говорить про песни сложно…» 407
«Совершенно невозможно жить без ценных указаний…» 407

К подаркам

Набор клизм 408
Карандаш «Богатырь» 408
Нафталин 409
Ложка и открывалка 409
Ключ-штопор и стопари 409

О разном

Донору 410
«В филиал попал я с язвой…» 410
«Не стоит вспоминать о прошлом…» 411
«Осенний хмурый лес грустит…» 412
Песня 414
Вторая половина двадцатого столетия. Социалистический реализм 415
Грустная история со счастливым концом и одновременно строевая солдатская песня 416

Благодарности 418

Литературно-художественное издание

Подольский Лев Васильевич

ЯША ЦИПЕРОВИЧ

Повесть, эссе и рассказы

Из цикла «Странное шоссе»

Редактор
Лидия Давыдова

Дизайн и верстка
Алексей Горшков

Фото
Юрий Дидык,
а также фото из архива автора

Издатель: ООО «Персей-Сервис»
117525 Москва, ул. Чертановская, 16, корп.2,
тел. (495) 314-57-61
Подписано в печать 30.07.2017 г.
Объем 26,5 усл.п.л. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Отпечатано в типографии
ООО «ИПЦ „Маска“» (www.maska.su)
Тираж 60 экз. Заказ №

ISBN 978-5-905302-46-6

9 785905 302466

Бесконечная дорога человека к Нему. К бессмертию через Него. Вечное к Нему приближение! Дорога, которая только и спасёт человека.

Ранним, очень ранним утром, когда едва рассвело, но уже пропел первый петух, я подошел к Храму, снял шапку и поднял глаза туда, в высоту, где сверкал золотом Крест распятья Мученика за людей. По небу, сменяясь быстро, неслись облака. Это если видеть только их, но едва я перевёл взгляд на Крест, понял, что ошибался. Нет, не облака движутся стремительно, они неподвижны, но сверкающий золотом Крест плавно и торжественно, заполняя всё небесное пространство, плывёт в небе. Крест, в котором содержится всё будущее — судьба человека.

ISBN 978-5-905302-46-6

9 785905 302466